

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

ISSN 0038-5050

1990

• НАУКА •

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

Май — Июнь

1990

Журнал основан в январе 1926 года • выходит 6 раз в год

СОДЕРЖАНИЕ

Национальные процессы сегодня

- А. Тишков (Москва). Ассамблея наций или союзный парламент? (Этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР) 3
- И. Бруси́на (Москва). Многонациональные села Узбекистана и Казахстана осенью 1989 г. (миграции некоренного населения) 18

Этнография

- И. Родионов, В. В. Мунтян (Москва). Поиск путей решения национальных проблем в первые годы Советской власти (1917—1923 гг.) 31
- В. Пименов (Москва). Этнографический факт 43
- Н. Бойко (Винница). Храм города Гелона 52
- А. Бутинов (Ленинград). К вопросу о концепции родства 65

Вопросы и обсуждения

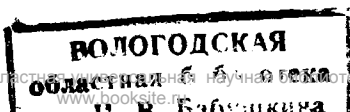
- И. Васильев (Новгород). О причинах неравномерного географического распространения русских былин (по материалам XIX — начала XX в.) 76
- И. Дмитриева (Москва). Еще раз к вопросу о географическом распространении русских былин. (Ответ М. И. Васильеву) 83

Краткие публикации

- Д. Хлопина (Ленинград). Нина Ивановна Гаген-Торн 95
- И. Гаген-Торн. В ссылке на Енисее 97

Обзоры

- И. Прокопенко (Свердловск). Традиционные средства физического воспитания ульчей 114
- В. Сеславинская (Москва). Танец тертали в земледельческих ритуалах Раджастана 121
- Е. Еремеев (Москва). «Тюрк» — этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрков) 129
- Д. Пряхин (Воронеж), Б. Диabi (Бамако, Мали). Изучение историко-культурного наследия в Республике Мали 136

Хроника

- В. А. Тишков (Москва). Доклад на Ученом совете Института этнографии АН СССР об итогах и перспективах работы Института
- М. Ю. Мартынова (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1989 г.

Научная жизнь

- Е. Э. Носенко, М. Б. Фейгина (Москва). Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Перспективы развития национальной политики в СССР»
- Л. И. Миссонова (Москва). Методологический семинар Института этнографии АН СССР «Этнос в системе общественных форм»

Критика и библиография

Общая этнография

- А. Н. Кренке, О. А. Мурашко (Москва). *И. И. Крупник*. Арктическая этноэкология
- В. И. Козлов (Москва). *И. И. Крупник*. Арктическая этноэкология
- С. А. Арутюнов (Москва). Комментарий к рецензии В. И. Козлова

Редакционная коллегия:

- К. В. Чистов — член.-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — акад. АН СССР; С. А. Арутюнов, С. И. Брук,
Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева, Т. А. Жданко,
Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, А. Н. Кожановский (зам. главн. редактора), Г. Е. Марков,
Р. М. Мунчаев, А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: 117006, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19,
телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией *Е. А. Эшлиман*

© 1990 г.

В. А. Тишков

АССАМБЛЕЯ НАЦИЙ ИЛИ СОЮЗНЫЙ ПАРЛАМЕНТ?

(Этнополитический анализ состава Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР)

Долгие десятилетия изучением феноменов государства и власти в нашей стране занимались или философы — на уровне общетеоретических конструкций и рамок сформулированных в свое время достаточно жестких дефиниций, или юристы — главным образом пытавшиеся интерпретировать конкретно-историческое многообразие постаранно-политических образований исключительно в тех же дефинициях, или юристы — для которых государство и власть означали не более чем оформленные фиксированными (прежде всего правовыми) нормами институты и механизмы. Только в последнее десятилетие в советском общественном сознании конституировалась как самостоятельная дисциплина политология, в которой проблемы функционирования политических систем (включая анализ институтов и носителей власти главным образом на социологическом уровне) стали одними из приоритетных. Что касается этнологических исследований, здесь давний интерес и несомненные успехи следует отметить в изучении традиционных форм институтов власти и ранней государственности у различных народов мира (особенно на отечественных и африканских материалах). Почти все эти разработки имели строго исторический контекст и рамки: от первобытности до конца XIX в. (в лучшем случае до начала XX в.). На современность, особенно на советскую действительность, было наложено табу.

Новая общественно-политическая ситуация и, самое главное, качественно новое состояние самого предмета этнологического знания, отмеченное взрывом национальных движений и кризисом сферы межэтнических отношений в стране, определили потребность и создали возможность для выхода советской этнологии на новые горизонты. Одним из таких новых направлений могут стать этнополитические исследования. Их предметной сферой видится изучение на основе единения интересов и методик этнологии и политологии этнического фактора в политических структурах и политической культуре и, наоборот, роли политики в институтах власти в функционировании этнических систем и их взаимодействии. Благо, что у этого направления, наконец, появился столь существенный предметный спектр в виде формирующихся новых органов власти на общесоюзном, республиканском и местном уровнях и новых общественно-политических институтов внутри и вне формальных властных структур. Предлагаемая статья представляет собой попытку продемонстрировать возможности этнополитического анализа. Ее предмет — Съезд народных депутатов СССР и Верховный Совет СССР, который вошел в нашу историю как «первый советский парламент».

Народы СССР и федеральный парламент. Как известно, согласно новому закону о выборах, состав Съезда был избран по территориальным и национально-территориальным избирательным округам; 1/3 депутатов представляла общественные организации, список которых и квоты были также определены законом. Для более полного представительства различных национальностей параллельно со структурой обычных территориальных округов (по численности избирателей) существует система национальных округов, размер которых определяется двумя факторами: квотой для разного уровня национально-государствен-

ных образований (32 — от союзных, 11 — от автономных республик, от автономных областей и 1 — от автономных округов), и численностью избирателей в этих образованиях. Имеется в виду, что именно система национальных округов как бы дополнительно гарантирует должный этнический состав депутатов в случае, если обычное территориальное представительство обеспечить это не сможет.

Такая гарантия действительно необходима в ряде случаев, ибо квоты республик, областей и округов подразумевают реализацию права на представительство в высшем органе власти тех народов, для которых и создана такая иная форма национальной государственности. Но эти «коренные» народы (точнее, народы, давшие название образованиям, по официальным дефинициям «коренные нации и народности») в ряде случаев не составляют большинства населения даже в некоторых союзных и автономных республиках (Казахстан, Якутия, Абхазия и др.), не говоря уже об автономных областях и округах (в некоторых округах Севера от 1,4 до 10% населения). Поэтому существует негласная конвенция, никак не зафиксированная конституционно, что представительство по национальным округам предпочтительно принадлежит кандидатам «коренного» этнического происхождения.

Мы не ставим здесь задачу оценивать избирательную систему и ход избирательной кампании, хотя анализ материалов избирательных комиссий по этническому составу кандидатов в депутаты мог бы дать чрезвычайно интересные результаты. Допустим априори, что действовавшая много десятилетий и не изменившаяся до сих пор двойная система избирательных округов выполняет свое предназначение, о чем формально свидетельствуют национальные составы предыдущих Верховных Советов и что, видимо, должен продемонстрировать национальный состав Съезда и настоящего Верховного Совета СССР. Хотя еще никто не доказал, что не сам принцип образования округов и волеизъявление избирателей, а заранее рассчитанное и спущенное сверху аппаратной системой «представительство» обеспечивало составлявшее многие годы нашу особую гордость этническое разнообразие в органах власти. По крайней мере в системе партийных органов и в местных органах власти, где не существовало и не существовало уставных или конституционных гарантий для особого национального представительства, аппаратные расчеты были мощным механизмом для обеспечения влияния благополучных докладов мандатных комиссий о социально-профессиональном, половозрастном и национальном составе избранных органов.

Все это не означает, что мы в данный момент выступаем против системы национальных округов и соответственно вышеупомянутых квот. Но необходимо предвидеть, что при системе, когда квоты предназначены не для народов, а для национально-государственных и национально-территориальных образований, утверждающийся процесс состязательности кандидатов на выборах, порождающий активность и заинтересованность избирателей и новые возможности подлинного волеизъявления, т. е. развитие общедемократического процесса, разрушит до этого безотказно действовавшую негласную конвенцию: квота для республики, автономной области или округа — это квота для представителя «коренного» народа. Паспортная запись о национальности будет все меньше значить в иерархии достоинства кандидата на выборах, даже если он баллотируется по национальному округу.

Как известно, избирательный закон не предусматривает каких-либо привязанных к этнической принадлежности кандидатов. В этой ситуации вся система национальных округов, державшаяся на отсутствии альтернативного выбора и покорности или пассивности избирателя, неминуемо утратит свой смысл все более сближаясь по своей результативности с системой обычного территориального представительства. Пока же на выборах 1989 г. эта система обеспечила добавочное национальное представительство, ибо именно через национальные округа прошли депутаты от десятков малых народов. Приведем для сравнения

Состав народных депутатов СССР по национальности

национальность	Всего депутатов		В том числе					
			от территориальных избирательных округов		от национально- территориальных избирательных округов		от общественных организаций	
	число	%	число	%	число	%	число	%
то депутатов	2249	100,0	749	100,0	750	100,0	750	100,0
ом числе:								
ские	1026	45,6	425	56,8	196	26,1	405	54,0
аинцы	258	11,5	120	16,0	45	6,0	93	12,4
русы	94	4,2	25	3,3	30	4,0	39	5,2
еки	87	3,9	27	3,6	38	5,1	22	2,9
ахи	53	2,4	21	2,8	11	1,5	21	2,8
зины	71	3,2	12	1,6	42	5,6	17	2,3
обайджанцы	60	2,7	12	1,6	39	5,2	9	1,2
рвцы	52	2,3	9	1,2	27	3,6	16	2,1
ааване	43	1,9	10	1,3	24	3,2	9	1,2
ыши	44	2,0	6	0,8	26	3,5	12	1,6
гизы	35	1,6	5	0,7	19	2,5	11	1,5
жики	44	2,0	8	1,1	23	3,1	13	1,7
яне	61	2,7	10	1,3	36	4,8	15	2,0
амены	40	1,8	5	0,7	25	3,3	10	1,3
аицы	41	1,8	5	0,7	25	3,3	11	1,5
азы	8	0,4	1	0,1	7	0,9	—	—
аарцы	4	0,2	1	0,1	2	0,3	1	0,1
аары	11	0,5	4	0,5	3	0,4	4	0,5
аы	9	0,4	1	0,1	7	0,9	1	0,1
одности Даге-								
а:								
аарцы	5	0,2	1	0,1	3	0,4	1	0,1
ааргинцы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
аумыки	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
аацы	1	—	—	—	—	—	1	0,1
аагины	3	0,1	—	—	3	0,4	—	—
аайцы	2	0,1	1	0,1	1	0,1	—	—
аасараны	1	—	1	0,1	—	—	—	—
ааи	3	0,1	2	0,3	1	0,1	—	—
аадинцы	6	0,3	1	0,1	5	0,7	—	—
ааики	6	0,3	—	—	6	0,8	—	—
аакалпаки	5	0,2	—	—	5	0,7	—	—
ааы	4	0,2	1	0,1	2	0,3	1	0,1
ааи	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
ааицы	9	0,4	1	0,1	4	0,5	4	0,5
ааава	11	0,5	3	0,4	6	0,8	2	0,3
ааины	13	0,6	2	0,3	10	1,3	1	0,1
ааары	23	1,0	8	1,1	5	0,7	10	1,3
ааинцы	6	0,3	1	0,1	4	0,5	1	0,1
ааурты	4	0,2	2	0,3	2	0,3	—	—
ааицы	7	0,3	2	0,3	4	0,5	1	0,1
аааши	15	0,7	2	0,3	11	1,5	2	0,3
ааы	11	0,5	1	0,1	7	0,9	3	0,4
аагейцы	4	0,2	—	—	3	0,4	1	0,1
ааицы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
ааи	15	0,7	2	0,3	7	0,9	6	0,8
ааачаевцы	3	0,1	2	0,3	1	0,1	—	—
ааасы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
ааасы	2	0,1	1	0,1	1	0,1	—	—
ааа-пермяки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
аааки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
аааы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
аааы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—

Национальность	Всего депутатов		В том числе					
			от территориальных избирательных округов		от национально- территориальных избирательных округов		от обществен организаци	
	число	%	число	%	число	%	число	%
чукчи	1	—	—	—	1	0,1	—	—
эвенки	1	—	—	—	1	0,1	—	—
абазины	1	—	—	—	1	0,1	—	—
гагаузы	2	0,1	—	—	2	0,3	—	—
дунгане	1	—	—	—	—	—	1	0,1
нанайцы	1	—	—	—	1	0,1	—	—
татары крымские	1	—	—	—	1	0,1	—	—
таты	1	—	—	—	—	—	1	0,1
уйгуры	1	—	—	—	1	0,1	—	—
венгры	1	—	1	0,1	—	—	—	—
греки	1	—	—	—	—	—	1	0,1
корейцы	4	0,2	1	0,1	3	0,4	—	—
немцы	10	0,4	3	0,4	5	0,7	2	0,3
поляки	7	0,3	3	0,4	2	0,3	2	0,3

этнический состав депутатов, избранных по территориальным и национально-территориальным округам, а также от общественных организаций (табл. 1).

Из этих данных видно, что структура национального состава депутатов, избранных по территориальным округам, отличается от структуры депутатов национально-территориальных округов. В первом случае она более адекватно отражает национальную структуру населения страны за несколькими исключениями: а) доля русских (57%), а также еще трех-четырех народов несколько превышает их долю в составе населения; б) этническое представительство у этой части депутатского корпуса не столь разнообразно (представлена только одна национальность) и отсутствуют представители немногочисленных народов. Здесь, видимо, сказались не только демографические факторы, но и, возможно, более высокий социально-профессиональный статус русских и других крупных народов, их большая политическая активность и подготовленность. Хотя для точной оценки необходимо проанализировать материалы избирательной кампании, по крайней мере по тем округам, где имелись альтернативные выборы. В остальных случаях аппаратные расчеты оказывались определяющим фактором, и говорить о том, что результаты выборов отражают действительную волю избирателей, можно с большой долей условности.

Интересно отметить, что если бы мы имели более простую и с общедемократической точки зрения более естественную систему выборов (без национально-территориальных округов и выборов от общественных организаций), то структура съезда выглядела бы именно так, как она представлена на рис. 1. Но при полностью альтернативных выборах, которые, я надеюсь, ожидают нас в будущем, она может иметь и отличия. По крайней мере «сверхпредставительство русских может быть снижено, так как в республиках ряд русских по национальности партийно-государственных работников могут не одержать победу на выборах в конкуренции с кандидатами, представляющими доминирующую этническую группу. Хотя с ростом гражданственности и политической культуры вполне возможны и обратные варианты.

Среди той части депутатов, которые избраны от национально-территориальных округов, представлено 59 национальностей. Здесь доля русских и украинцев в 2 раза меньше их доли в составе населения, и эти «изъятия» пошли в пол-

* Автор выражает благодарность М. Я. Малаховой за обработку данных на ЭВМ.

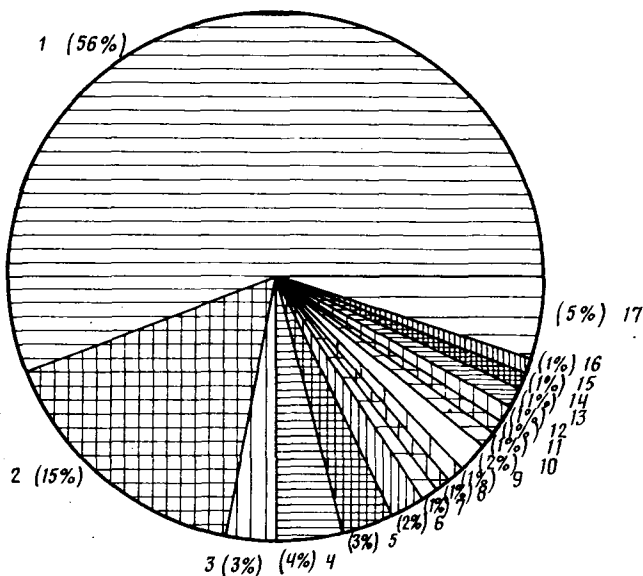

Рис. 1. Национальный состав депутатов, избранных от территориальных округов: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

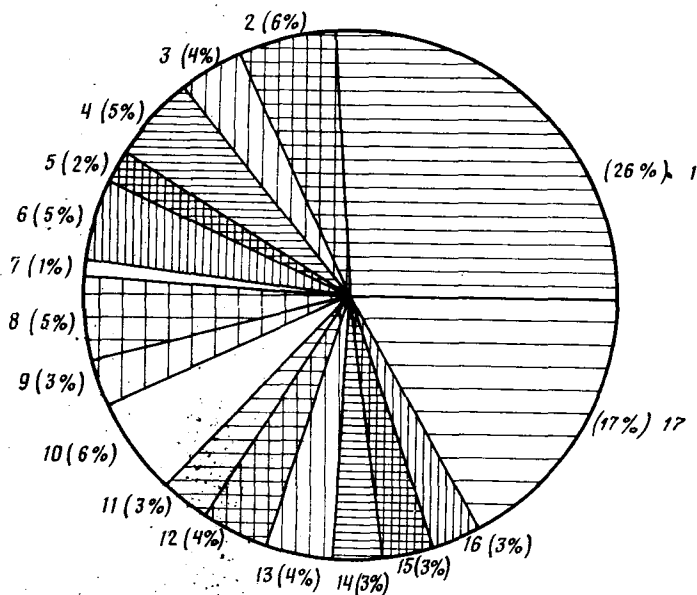

Рис. 2. Национальный состав депутатов, избранных от национально-территориальных округов: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

у как «коренных» народов союзных республик, так и малочисленных (см. рис. 2). Для некоторых народов эти округа оказались единственными, где было обеспечено их представительство: по ним избраны, в частности все 5 депутатов-каракалпаков и 6 калмыков, 7 из 8 абхазов, 7 из 9 бурят из 41 эстонца, 26 из 44 латышей, 42 из 71 грузина.

Сможет ли эта система работать на будущих выборах при условии введе полной альтернативности, вопрос, конечно, очень сложный. Введение же общности определенной национальной принадлежности для кандидатов в депутаты по национально-территориальным округам фактически невозможно, и было бы огромным шагом назад в построении гражданского общества и демократизации, чревато новыми межнациональными осложнениями.

В третьей группе депутатов (от общественных организаций) имеются представители 36 национальностей (рис. 3). Мы не считаем возможным дел какой-либо анализ, ибо, по нашему мнению, это временное порождение на избирательной реформы справедливо было расценено общественностью уступка старой системе и у нее нет будущего.

Хотя этническое разнообразие среди депутатов, избранных от национальных округов, больше, чем среди депутатов от территориальных округов и общественных организаций, общая картина по всему депутатскому корпусу внешне существенно не отличается от кабинетно рассчитанной этнической мозаики Верховных Советов застойного времени.

Специалистов, бесспорно, интересует вопрос, насколько новый парламент страны отразил этническую структуру советских избирателей и обеспечил представительство народов. Полученные нами результаты дают следующую картину (см. табл. 2).

Среди 2249 народных депутатов СССР граждане 65 национальностей. 1 несколько десятков народов СССР не получили представительства на Съезде (в числе айсоры (ассирийцы), алеуты, болгары, вепсы, долгане, иранцы (персиды), караимы, кеты, китайцы, курды, манси, нганасаны, негидальцы, нху, орочи, румыны, саами, селькупы, сербы, словаки, талыши, тофалары, турки, удинцы, ульчи, финны, цакуры, цыгане, чехи, шорцы, юкагиры, эвены, эскимосы).

При выборах в Верховный Совет СССР (см. табл. 2) было «потеряно» представительство еще 7 народов (карачаевцы, греки, таты, абазинцы, лакцы, табасараны, венгры), а в Совете Национальностей в конечном итоге сейчас представлено 55 народов, т. е. менее 50% от общей численности этнических групп в СССР. Уровень представительства народов в депутатском корпусе не адекватен их доле в составе населения страны, а значит, и численности избирателей. Это прежде всего касается трех самых многочисленных народов: русских — 1026 депутатов, украинцев — 258, узбеков — 87 или, соответственно — 45,6, 11,5 и 3,9% от всех депутатов. А их доля в населении страны: русских — 52,4%, украинцев — 16,1%, узбеков — 4,7%. Это же относится к ряду народов, у которых хотя и в автономии, но значительная часть их живет за пределами последних (татары, башкиры). Недостаточно представлены некоторые народы, не имеющие своих национальных государственных образований, например немцы — 10 депутатов (0,4% депутатского корпуса и 0,73% населения всей страны), греки — 1 депутат (0,04 и 0,13%), хотя некоторые из этих народов обеспечили почти пропорциональное представительство: евреи — 15 депутатов (0,66 и 0,69%), поляки — 7 депутатов (0,31 и 0,43%).

«Недобор» некоторыми народами своего представительства безоговорочно ушел в пользу народов, имеющих свою государственность на уровне союзных республик (кроме казахов и белорусов, представительство которых почти адекватно доле населения). Более чем вдвое по сравнению с долей населения имеются депутаты грузины — 71 (3,2 и 1,3%), литовцы — 52 (2,3 и 1,0%), латыши — 44 (1,9 и 0,5%), эстонцы — 41 (1,8 и 0,38%), туркмены — 40 (1,8 и 0,77%), калмыки — 35 (1,6 и 0,72%), а также народы некоторых автономий (осетины, якуты, буряты, кабардинцы, балкарцы и др.) Есть примеры резких контрастов: у 1 млн. эстонцев 41 депутат, а у 6,3 млн. татар — 24, у 1,9 млн. немцев — у 1,1 млн. поляков — 7, у 173 тыс. гагаузов — 2 депутата.

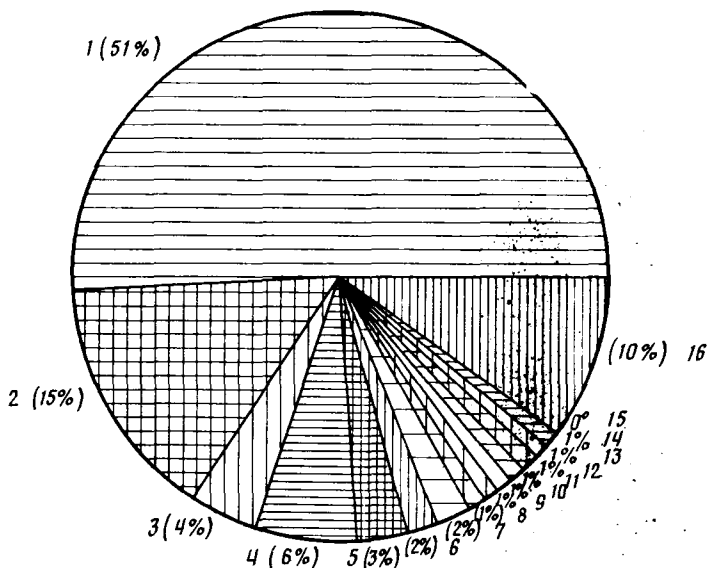

Рис. 3. Национальный состав населения страны: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

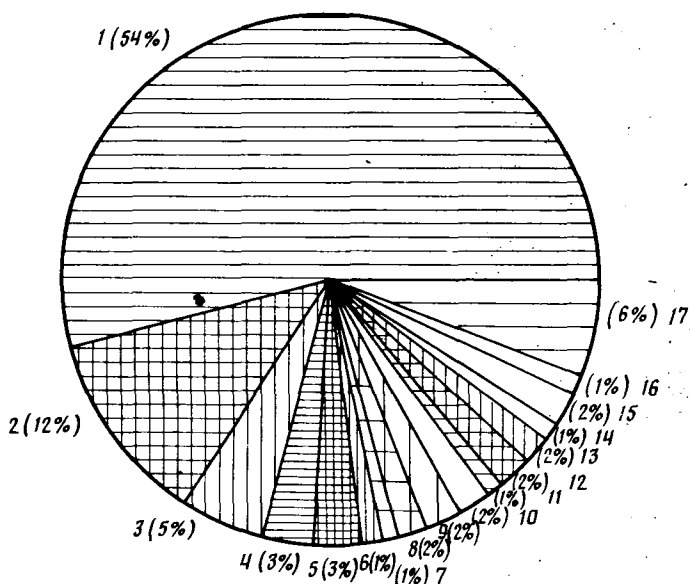

Рис. 4. Национальный состав депутатов, избранных от общественных организаций: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — татары, 8 — армяне, 9 — таджики, 10 — грузины, 11 — молдаване, 12 — литовцы, 13 — латыши, 14 — туркмены, 15 — киргизы, 16 — эстонцы, 17 — другие

Различия в этнических структурах населения страны, депутатского корпуса и состава Верховного Совета наглядно видны на рис. 4—6.

Попробуем проанализировать причины этих несоответствий. Главная из них на наш взгляд, — сохраняющаяся иерархия национальных государственных образований, которыми располагают или же не располагают народы на

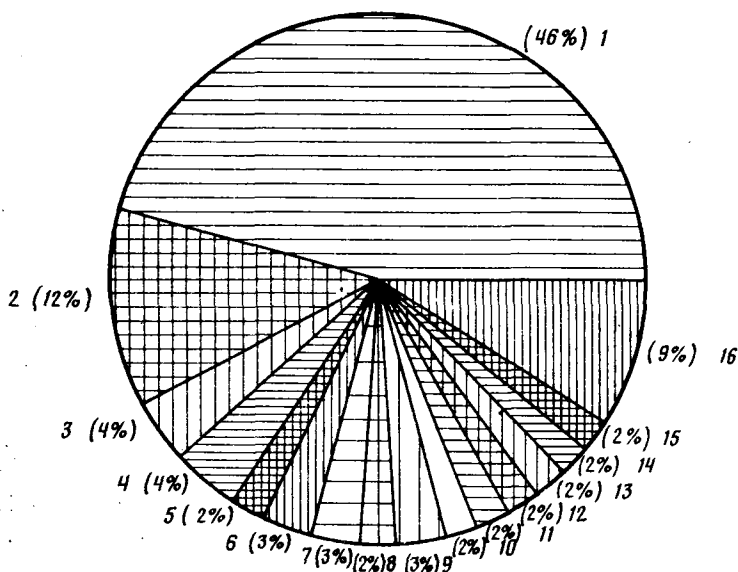

Рис. 5. Национальный состав депутатского корпуса Съезда: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

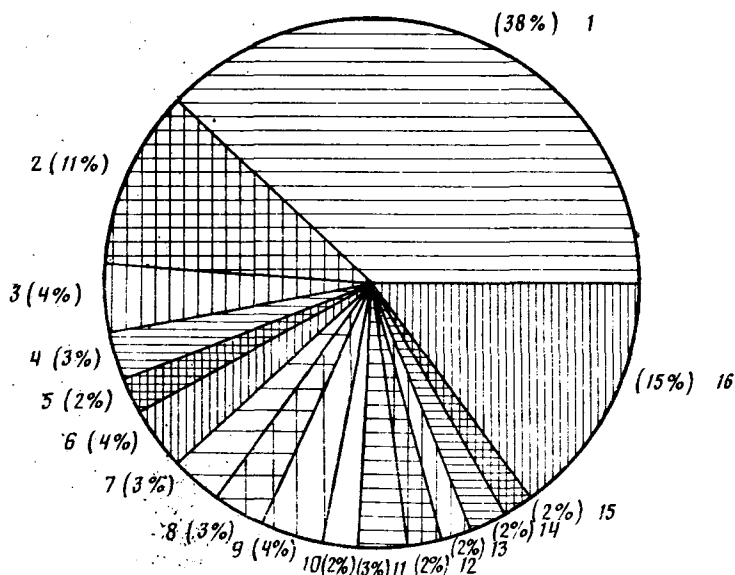

Рис. 6. Национальный состав депутатов Верховного Совета: 1 — русские, 2 — украинцы, 3 — белорусы, 4 — узбеки, 5 — казахи, 6 — азербайджанцы, 7 — армяне, 8 — таджики, 9 — грузины, 10 — молдаване, 11 — литовцы, 12 — туркмены, 13 — киргизы, 14 — латыши, 15 — эстонцы, 16 — другие

маны. Чем выше статус государственного образования, тем больше квота для избрания по национальным округам. Это своеобразная «фора» для некоторых народов, особенно тех, которые имеют более высокий статус при сравнительно большой численности и более моноэтническом характере населения «своих» образований, где им фактически не грозит потеря части мест по национальным округам в пользу представителей «некоренных» народов.

Помимо этой общей причины в отдельных республиках или регионах действовали и другие, не менее важные. Среди них можно назвать недемократическую с явной направленностью обеспечить избрание депутатов определенной национальности установление размеров национальных избирательных округов. В некоторых союзных республиках, например в Латвии, размер избирательного округа в сельской местности, где живут преимущественно латыши, мог включать и 28 тыс. избирателей, в городе, где население более многонационально и значительную часть его составляют русские, округ включали по 150 тыс. избирателей. И хотя мандатная комиссия Съезда признала правомочность выборов по этим округам, такая практика явно противоречит обычным демократическим нормам.

Еще одна причина — это наличие в составе союзной республики, в данном случае, например, в Грузии, автономии для локальной группы грузинского народа, когда 11 дополнительных мандатов по национальным округам в Аджарской АССР пошли в пользу грузин. Этому же способствовало наличие в составе Грузии автономных Абхазии и Южной Осетии, из квоты которых места получили также грузины. Тем самым сформировалась пятая по численности национальная группа среди народных депутатов (71 человек), хотя грузины занимают 9-е место по численности среди народов страны. Такое же дополнение получили и азербайджанцы за счет Нахичеванской АО.

Однако было бы неверно объяснять феномен этнического «сверхпредставительства» только вышеперечисленными причинами. Определенную и пока недостаточно изученную роль сыграл и фактор политического влияния национальных движений в ряде республик. В Прибалтике, Закавказье, Молдавии, где наряду с фронтами и другие национальные движения стали мощной политической силой, влияние последних на ход выборов было очень сильным и безусловно способствовало избранию представителей от «коренных наций».

При выборах в Верховный Совет тенденция к сужению представительств самых крупных народов сохранялась: среди членов Верховного Совета снижалась доля русских (с 45,6 до 38%), украинцев, (с 11,5 до 11,1%), узбеков (с 3,9 до 3,3%), белорусов (с 4,2 до 3,7%). Сохранили примерно те же пропорции казахи, татары, башкиры, чуваша, марийцы. Все остальные, т. е. на сей раз не только «союзно-республиканские нации», свое представительство увеличили за исключением евреев и аварцев. В целом общая доля всех остальных народов кроме 15 «союзно-республиканских наций», увеличилась по сравнению с составом Съезда с 11 до 15%, превысив примерно в 2 раза долю этих народов в общей численности населения страны.

Для некоторых национальностей первые выборы в Верховный Совет были особенно успешными: коми и ханты имеют по два народных депутата, и все они были избраны в Верховный Совет.

Было бы заманчиво попытаться объяснить результаты выборов (если здесь имел место «выбор») активностью, личными качествами, известностью народных депутатов, их позициями. Но, как мы знаем, выборы при голосовании в Верховный Совет фактически не было, за исключением депутатов-москвичей. Был предварительный отбор, предложенный затем Съезду в виде списков по делегациям. Нам неизвестна во всех подробностях сама процедура отбора, хотя в республиканских делегациях проходили обсуждения и даже голосования. Причем вопросы этнического представительства занимали при этом отборе маловажное место и даже в драматической форме выплеснулись на заседании Съезда, как это произошло с представительством от НКАО в составе азербайджанской делегации. Но в этой связи встает один пока еще до конца неосознанный вопрос: как в случае соблюдения обещанного принципа ротации депутатов в Верховном Совете будет сохраняться отвоеванное в политической борьбе влияние в результате аппаратных расчетов завышенное представительство для отдельных национальностей и обеспеченное благодаря этому в пределах допустимого самим составом депутатского корпуса почти максимально возможное национальное представительство в Верховном Совете?

резервуар, из которого можно черпать или поддерживать это этническое разнообразие, ограничен. Коми и ханты, сразу же исчерпав свои возможности, при следующих ротациях должны будут утратить места в Верховном Совете. Те, кто «ребрал» в азарте и под воздействием понятного желания пройти свои парламентские уроки в первую очередь, должны будут недобрать при последующих выборах. Это означает, что представительство русских, украинцев, узбеков на 5-й год работы парламента должно будет превысить их долю примерно столько же, на сколько они ее уступили представителям других народов при первом раунде формирования Верховного Совета. Если в первом его составе русских стало на 8% меньше, то в последующих составах эта утрата должна компенсироваться аналогичным увеличением средней цифры: вместо 38% русских в 1989 г. их должно быть 54% при какой-либо из последующих ротаций. Такова элементарная логика принципа ротации, если будет сохранен ее главный смысл, что все народные депутаты должны за 5 лет получить возможность войти в состав Верховного Совета. В этой связи можно вполне определенно прогнозировать рост моноэтничности (и по численности национальностей, и по их доле) состава Верховного Совета, причем скорее всего не за счет «союзно-республиканских наций», которым их «резервуар» позволяет участие в четырех ротациях, а за счет представителей малых народов. Хотя вполне возможно, что «лишнего «резервуара» депутатских мест от малых народов будет явно недостаточно, чтобы депутаты — русские и украинцы — смогли реализовать свое право на избрание в Верховный Совет. Придется делать это и за счет других союзно-республиканских наций». Как же в этом случае быть с объявленной установкой, что никто не будет вмешиваться в дела республиканских делегаций при определении порядка ротации?

Нужно еще учесть то обстоятельство, что среди избранных на руководящие посты в Совете (председатели комитетов и комиссий и их заместители) большинство русских, а они, как предполагается, ротации не подлежат. Это означает, что они не будут уступать свое место соплеменникам, ожидающим очереди в статусе обычных народных депутатов, и последние смогут войти в Верховный Совет, вероятнее всего, за счет депутатов других национальностей. Все это обещает драматические коллизии и еще большую чувствительность и даже «воспаленность» этнических границ внутри самого депутатского корпуса.

Вполне возможно, что депутаты 55 национальностей в Совете Национальностей 1989 г. — это «звездный час» для палаты, призванной осуществлять представительство советских национальностей в парламенте страны. Дальше может быть только меньше! Ибо наивно ожидать, что при очередных выборах Верховный Совет последует, скажем, со стороны депутатов-русских массовая реакция, подобная поступку депутата Казанника, уступившего свое место Ельцину, отказ от своих мест в пользу депутатов другой национальности. Да и депутат Казанник совершил, как всем показалось, почти что подвиг, только получив гарантию впоследствии быть избранным в Верховный Совет.

Кстати, именно по этой же причине меня не обескуражило неизбрание в Совет ряда известных радикалов и других очень достойных депутатов. С точки зрения политической стратегии было бы гораздо хуже избрать при первых выборах всех «непослушных», тем самым отдав судьбу парламента данного созыва на последующих, в том числе завершающей (и может быть, более важной), ставших в руки «послушных» депутатов. В этом случае политическая логика перестройки вошла бы в фатальный конфликт с эволюцией политического облика ее первого парламента.

Этнический состав делегаций. Дезинтегрирующие тенденции в общественно-политической жизни страны последних лет, наиболее отчетливо выраженные в позициях ряда союзных республик, сразу же и очень резко проявились в работе первого и второго Съездов народных депутатов и Верховного Совета. Обще-союзный характер парламента, его двухпалатная организация уступили место, как оказалось, более мощному фактору и принципу — республиканскому. Про-

странственное размещение депутатов по делегациям, проведенные по тому же принципу выборы в Верховный Совет, формирование Президиума, определенный порядок выступлений все с той же квотой для республик, не говоря уже о держании самих выступлений, выявили в качестве определяющей силы Съезда не какие-либо политические, социально-профессиональные или региональные территориальные группировки, а прежде всего республиканские с их интересами и проблемами. Исходя прежде всего из национальных устремлений, народные депутаты отодвинули на второй план интересы и проблемы общенационального общегосударственного характера.

Безусловно, установка на разрушение вертикальных бюрократических структур и ослабление власти Центра, а также проблемы экономического, экологического и социально-политического характера, имеющие общесоюзный масштаб, почти во всех случаях приобретали национальную форму. Съезд во многих отношениях представлял собой собрание делегаций, а не высший общесоюзный законодательный орган, хотя с трибуны неоднократно делались напоминания его участникам, что они являются народными депутатами Союза Советских Социалистических Республик. Понятие «народный» подавляющим большинством выступавших депутатов понималось как депутат «своего», а не советского в целом народа.

В этом контексте рассмотрение депутатского корпуса по делегациям особенно интересно для этнополитического анализа. Что представляет собой еще неомысленный, но пока приветствуемый Центром и местами такой феномен в нашем союзном парламенте, его, можно сказать, основная структурная единица — как республиканские делегации? Для наших политиков, в том числе и основных «архитекторов» Съезда, а также и для массового общественного сознания образ и миссия делегаций от союзно-республиканских образований (пожалуй, за исключением только РСФСР) мыслятся как некий голос и выразитель соответствующей нации, т. е. понятия республики и ее «коренного» народа фактически идентифицируются.

Поведение делегаций на Съезде и многое в процедурной стороне его работы лишь закрепили эту исходную посылку, хотя в ряде случаев отчетливо проявилось ее несоответствие реалиям нашей жизни. Не случайно самые критически трактуемые как «антинациональные» выступления в адрес, например, азербайджанцев, грузин, эстонцев, латышей прозвучали из их же собственных делегаций, т. е. парламентских «односкамеечников». Объясняется это прежде всего тем, что каждая из делегаций представляет фактически многонациональное образование, как и сами наши союзные республики, до сих пор ошибочно трактуемые нашей политической теорией и конституционной практикой как «национальные государства». Поэтому состав делегаций не оказался моноэтническим: в них попали представители «некоренных» национальностей или же входящих в состав союзных республик автономий, интересы которых далеко не одинаковы. Более того, именно здесь пролегает наиболее болезненная ось открытых межэтнических национальных конфликтов.

Приведем сводные данные по численности республиканских делегаций (табл. 3).

Общая численность делегаций определилась в конечном итоге демографическими факторами — численностью жителей республик избирательных возрастов, и поэтому порядок, в котором расположились делегации, примерно соответствует порядку, в котором располагаются республики по численности населения. Только делегация Грузии обогнала в этом списке делегацию Азербайджана, а Туркмения уступила Латвии. Грузинский феномен мы уже объяснили: что касается Туркмении и Латвии, то здесь, видимо, разница в населении примерно в 700 тыс. человек в пользу первой приходится главным образом на группы доизбирательного возраста из-за гораздо более высокой рождаемости в последние два десятилетия, а более высокая продолжительность жизни в Латвии обеспечивает в структуре населения лучшее представительство старших воз-

Число членов Верховного Совета СССР по союзным республикам

Союзная республика	Всего членов Верховного Совета СССР		В том числе			
			Совет Союза		Совет Национальностей	
	число	%	число	%	число	%
СССР	241	44,5	146	53,9	95	35,1
Литовская ССР	63	11,6	52	19,2	11	4,1
Латвийская ССР	21	3,9	10	3,7	11	4,1
Эстонская ССР	29	5,4	14	5,2	15	5,5
Узбекская ССР	25	4,6	14	5,2	11	4,1
Киргизская ССР	26	4,8	5	1,8	21	7,7
Таджикская ССР	22	4,1	5	1,8	17	6,3
Азербайджанская ССР	15	2,8	4	1,5	11	4,1
Армянская ССР	15	2,8	4	1,5	11	4,1
Грузинская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Осетинская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Чеченская ССР	16	3,0	3	1,1	13	4,8
Ингушская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Дагестанская ССР	14	2,6	3	1,1	11	4,1
Кабардино-Балкарская ССР	13	2,4	2	0,7	11	4,1
Итого по СССР	542	100,0	271	100,0	271	100,0

стных групп. Иными словами, в Туркмении населения больше, а избирателей меньше, чем в Латвии. Кроме того, от общественных организаций латышей было избрано больше, чем туркмен (12 и 9 соответственно).

Говоря о численности республиканских делегаций в контексте демографической ситуации, немаловажно заметить, что последняя будет оказывать существенное влияние на этнический состав, а значит, и политический облик советских парламентов следующих созывов. За последние 30 лет численность населения в РСФСР, Украинской, Белорусской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выросла примерно на 30—40%, в Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР примерно в 2—3 раза. По данным переписи 1989 г., за последние 10 лет население первой группы республик возросло на 7—9%, второй группы — на 28—34%. Это означает, что в республиках с быстрыми темпами роста населения в следующие 5—10 лет резко увеличится число избирателей, вместе с этим и представительство от этих республик (причем, от основных народов, а от которых и приходится более высокий прирост) в высшем законодательном органе страны.

Учитывая социальную структуру населения быстро растущих республик (преобладание сельских жителей) и уровень его политической культуры (вспомним призыв депутата от Средней Азии разойтись побыстрее по домам к детям), можно ожидать снижения качественных характеристик депутатов как парламентариев-законодателей. Если, конечно, быстрый демографический рост не дополнится столь же быстрым ростом гражданской активности и политической культуры избирателей и депутатов этого региона. Но в любом случае пропорциональное снижение представительства народов и республик с низкой рождаемостью уменьшит их возможности в выражении своих интересов и влияния на процесс принятия решений, особенно на стадии голосования. Зато возможности тех, кто увеличит свое представительство, по крайней мере при голосовании, вполне естественно будут большими.

Проанализируем этнический состав делегаций. Попробуем определить некоторые общие закономерности и типологию избирательного поведения (не смею употребить слово «граждан», ибо на этих выборах пока далеко не все из них зависело в республиках).

Первое — это вопрос о представительстве основного народа. В большинстве республик (10 из 15) выборы прошли в пользу этих народов. Особенно большой разрыв между долей в составе населения и долей в составе делегации имеют латышцы (+24%), эстонцы (+16%), киргизы (+12%). В пяти республиках доля депутатов от основного народа меньше его доли в составе населения, особенно у русских (—12%) и белорусов (—9%).

Второе — какие другие группы населения смогли также увеличить пропорциональное представительство. В 9 республиках к ним относятся русские: +14% в Таджикистане, +10% в Армении, +8% в Белоруссии, +6% на Украине и в Молдавии, +4% в Киргизии, +3% в Узбекистане, Туркмении, Азербайджане. Из других основных групп увеличение доли имеют только украинцы в Белоруссии (+6%), РСФСР (+1%), Казахстане (+1%) и в Узбекистане (+3%), гагаузы в Молдавии (+2%), белорусы в Эстонии (+1%) и чуваш в РСФСР (+1%). Группы, не входящие в число четырех самых многочисленных («другие»), смогли увеличить свою долю в РСФСР (+10%), что вполне понятно, учитывая большое число автономий и народов в ее составе, и в Грузии (+8%), прежде всего за счет абхазов; несколько увеличили ее в Казахстане и Литве (+3%), а также в Эстонии (+1%), где избран один депутат-еврей.

Третье — за счет каких групп произошли вышеперечисленные увеличения долей депутатов. В ряде случаев, о которых шла речь выше, частично за счет основных народов, но в большинстве случаев за счет других крупных и малых групп. Из крупных групп самый большой «урон» понесли русские в Латвии (—18%) и Эстонии (—17%), узбеки в Таджикистане (—16%) и в Киргизии (—7%), украинцы в Молдавии (—9%), азербайджанцы в Армении, где они, составляя 5% населения (до массового переселения в ходе карабахского конфликта), не получили ни одного депутатского мандата, а также армяне в Грузии (—6%) и немцы в Казахстане (—5%).

В 9 республиках снизили свою долю и сравнительно малочисленные группы в Молдавии и Киргизии, где они составляют 6% населения, им не досталось ни одного мандата.

В целом же тенденция к доминированию в обновляемых политических структурах страны «коренных наций» республик на материалах Съезда народных депутатов прослеживается вполне отчетливо. Она опирается не только на рост национального самосознания и национальных движений за самоопределение, но и на всю идеологию и уже практику перестройки в сфере межнациональных отношений. Как известно, в основу этой перестройки положено расширение прав республик как суверенных государственных образований. Если даже удастся сохранить целостность СССР, при такой установке это никак не устранист наиболее острых вопросов межнациональных отношений, связанных с неравноправным статусом народов, правами меньшинств и положением малых народов, не имеющих никакой государственности. Нашему парламенту, который во многих отношениях напоминает скорее ассамблею 15 «титовых наций», еще придется столкнуться со всеми этими проблемами.

Откровенно говоря, анализируя депутатский состав по республикам, мы бы предпочли «взвешивать» при оценке итогов выборов не национальность депутата, а его личные качества, гражданскую позицию, политическую платформу, т. е. те факторы, которые в нормальном гражданском обществе при демократическом избирательном процессе должны играть определяющую роль. В конечном итоге мы ведь выбирали не некий этнопарламент или своего рода «ассамблею советских наций», и к тому же конституция и избирательный закон у нас не предусматривают никаких особых этнических прав.

Следует отметить, что состязательность качеств кандидатов в депутаты в ходе выборов действительно имела место, особенно в условиях альтернативности в этнически гомогенных районах и в крупных городах с более сильными интернациональными традициями и этнической терпимостью. Мы не можем привести весь список депутатов, победивших на выборах в интонациональной для них

родной» для их противников в среде избирателей. Анализ материалов избирательной комиссии в этом плане был бы очень интересен. Но можно с уверенностью сказать, что список это невелик. И все же напомним известные нам случаи: в Москве (около 90% избирателей — русские) победили на альтернативной основе армянин Гдлян, украинцы Станкевич и Беляев, еврей Заславский, по восточному национально-территориальному округу (95% избирателей — русские) победила нанайка Гаер, в Ереване (95% армяне) — русская вдовытова.

Однако было бы ошибкой считать, что этнический фактор и в последних приходах полностью уступил свой приоритет другим при волеизъявлении избирателей. Речь идет о явлении, когда те или иные народы, особенно имеющие сильные политические движения и национальную «сверхидею», вполне сознательно игнорировали свой мандат иноэтническому кандидату, как правило, представляемому численно и политически доминирующий народ (в данном случае русские), чтобы получить дополнительные возможности для реализации своей цели и одновременно снизить возможность обвинения в свой адрес в национализме. Яркий тому пример — «феномен Старовойтовой», когда научный сотрудник из Москвы вполне определенно высказалась в поддержку требований армян в передаче Нагорного Карабаха Армянской ССР, была затем решительно избрана депутатом в Армении и выдвинута на общесоюзную политическую арену. Тысячный митинг ереванцев, скандировавших «Га-ли-на!» по поводу проигранной Г. В. Старовойтовой победы, на самом деле скандировал «Ка-ра-ба!»

Представляется, что явление «иноэтнического делегирования», но с четким национальным интересом может стать еще более распространенным в будущем, так как некоторые народы и группы, особенно не имеющие пока достаточно сильных и подготовленной национальной политической элиты, предпосылают в парламент не иметь малоспособного соплеменника, а ангажировать для представительства более опытных и квалифицированных политиков из другой, преимущественно доминирующей этнической среды, но разделяющих их национальные ценности и проблемы и способных их отстаивать и разрешать более эффективно. Пока же в нашем первом парламенте, как и в прошлом, цена депутатства измеряется в большой степени местами, а не головами, что неизбежно абсолютизирует национальное представительство «по крови».

Оценивая все вышеизложенное, можно сделать ряд общих заключений. В-первых, первый советский парламент, представляя собою огромное завоевание перестройки, в то же время отразил всю сложность существующей в стране ситуации в сфере межнациональных отношений и одновременно недостаточную осознанность и половинчатость политической реформы в той ее части, которая касается формирования высшего законодательного органа страны. Во-вторых, именно по себе многонациональный состав советских граждан и характер государственного устройства даже при самых, казалось бы, «идеальных» рецептах должны и будут определять противоречивость и облик федерального парламента: его депутаты всегда будут стоять перед дилеммой отстаивания интересов общесоюзного характера и интересов своих выборщиков. Но это вполне естественный процесс, который в других парламентах мира регулируется демократическими процедурами и в сложной политической борьбе. В-третьих, в ходе дальнейшей демократизации общественной жизни всякая абсолютизация и первичный приоритет этнических принципов (даже если они воплощаются через национально-государственную форму) в общесоюзном парламенте должны будут уступить основополагающим принципам политической организации гражданского общества на основе общедемократических ценностей, норм и предположений. Однако это не означает, что для утверждения облика общесоюзного парламента необходимо покончить с его обликом ассамблеи наций. Это нелегитимное существование в определенной мере императив нашего многонационального государства. И все же перспективной и наиболее гармоничной формулой высшего органа власти в СССР нам представляется формула общесоюзных

начал и общегражданского представительства в сочетании с дополнителем (а не главным!) механизмом, обеспечивающим интересы и представитель всех народов, населяющих нашу страну. У нынешнего, промежуточного варта нет будущего.

© 1990 г.

О. И. Бруси́на

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЕЛА УЗБЕКИСТАНА И КАЗАХСТАНА ОСЕНЬЮ 1989 г. (миграции некоренного населения)

До сих пор доступные обществу сведения об этнической ситуации в ка-либо регионе страны, как правило, поступали от журналистов, в поле зрения которых попадали в основном крупные национальные выступления и конфликты. Освещение их было далеко не всегда свободно от погрешностей. Публикация же материалов профессионального этнографа, касающихся даже частных случаев, позволит дополнить, а в чем-то и уточнить находящуюся в обращении информацию и будет способствовать разумному практическому решению некоторых проблем.

В Узбекистане (полевые исследования в основном велись именно в этой публикации) особенно после ферганской трагедии сложилась тревожная ситуация: накопилось много социальных, экономических и национальных проблем, перелетенных между собой и создающих предпосылки для возникновения конфликтов. События в самой Ферганской долине отражены в прессе (хотя предлагаемые комментарии не встречают всеобщего признания)¹, а вот о том, какой звук вызвали они в других районах республики, на периферии охваченной волнениями территории, известий практически не было. Между тем происходящие в стране и республике процессы, связанные с проявлением в самых различных формах национальных интересов и требований, вызывают обостренную реакцию населения именно полиэтничных районов, спокойствие и безопасность жизни которых могут нарушиться сейчас даже из-за незначительного инцидента. Материалы экспедиций, состоявшихся в июне 1987 г. и в сентябре-октябре 1988 г., показывают, как отразились эти процессы на жизни далекого от политики (крайней мере до последнего времени) населения многонациональных сел, десятилетиями накапливались опыт и навыки межнационального общения, приходило знакомство с иноэтничной культурой, где представители разных национальных групп были связаны соседскими, дружескими и родственными отношениями.

Экспедиции работали в Сырдарьинской и Ташкентской обл. Узбекской ССР и Чимкентской обл. Казахской ССР — в девяти населенных пунктах*, основанных в конце XIX — начале XX в. крестьянами-переселенцами из российских малороссийских губерний. В прошлом все это — территория Голодной степи, входившая в Ходжентский уезд Самаркандской обл.²; население здесь было

* Экспедиция 1989 г. в составе Л. В. Кирпичниковой, А. Ю. Кузина и автора статьи работала в Гулистанском (населенные пункты Крестьянское, Октябрьское, им. Крупской, Красноармейское и Ворошиловское (населенные пункты Верхневольинское, Нижневольинское и Гулистан) районы Сырдарьинской обл., с. Сретенка Бекабадского р-на Ташкентской обл. и п. г. т. Славянка Паралейского р-на Чимкентской обл. В июне 1987 г. автором индивидуально велась работа в Гулистанском и Ворошиловском р-нах. Всего опрошено более 60 информаторов, из которых большинство — русские и украинцы, около пятнадцати — узбеки, несколько крымских и казанских татар, казахи, два турка-месхетинца, одна гречанка, одна корейка.

Национальный состав обследованных сел *, % от общей численности населения

Национальность	Гулистанский р-н				Ворошиловский р-н			Бекабад- ский р-н Сретенка (центр с/с)	Пахтаараль- ский р-н Славянка (райцентр)
	Крестьянское (райцентр)	им. Круп- ской (центр с/с)	Красно- армейское (центр с/с)	Октябрь- ское (центр с/с)	Верхнево- лынский ** (райцентр)	Колхоз «Победа» ** (центр с/с)	Гули- стан (центр с/с)		
Всего	100 (9,3 тыс.)	100 (2,3 тыс.)	100 (4,5 тыс.)	100 (10,3 тыс.)	100 (4,6 тыс.)	100 (8,0 тыс.)	100 (3,0 тыс.)	100 (5,4 тыс.)	100 (9,9 тыс.)
В том числе:									
Узбеки	51,4	75,0	91,2	61,2	51,8	60,6	93,3	78,3	3,7
Таджики	1,6	19,7	0,4	1,3	3,8	18,9	—	13,1	0,4
Казахи	0,4	0,8	—	0,1	3,8	5,8	0,3	0,3	21,0
Русские	11,2	1,9	1,4	2,2	14,0	2,0	3,1	2,7	20,4
Украинцы	0,4	—	0,1	0,1	0,5	—	0,2	0,1	2,8
Белорусы	—	—	—	0,1	—	—	0,1	—	0,4
Татары	6,9	1,6 (крым.)	4,2	6,2 (крым.)	8,0 (крым.)	1,0 (крым.)	2,1	2,8	4,9
				0,0 (казан.)					
Корейцы	4,4	0,9	0,2	0,1	10,8	0,2	0,9	0,5	6,7
Немцы	0,2	—	—	0,1	1,4	—	—	0,0	19,1
Греки	—	—	—	—	—	—	—	—	14,1
Турки и азербай- джанцы ***	1,6	—	0,8	28,4	3,4	11,5	—	0,1	4,3
Киргизы	—	—	1,4	0,1	—	—	—	0,0	—
Туркмены	0,0	—	—	—	—	—	—	0,0	—
Другие	0,3	0,0	0,2	0,1	2,5	—	—	1,2	2,2
Без национальности	21,6	—	0,1	—	—	—	—	0,7	—

* Национальный состав сел Крестьянское, Красноармейское и Сретенка выявлен по похозяйственным книгам на сентябрь 1989 г.; Октябрьского сельсовета (включая 4 участника) — по данным Гулистанского РК КПСС на 1988 г.; остальных сел — по данным статотчетов местных советов: с. Гулистан — на январь 1988 г., им. Крупской, Верхневолынского, колхоза «Победа», Славянки — на январь 1989 г. (данные по русским и украинцам уточнены по похозяйственным книгам).

** В сельсовет колхоза «Победа» входит часть территории с. Верхневолынского и территория с. Нижневолынского.

*** Эти группы населения в таблице объединены, так как большинство местных жителей, записанных азербайджанцами, на самом деле турки-месхетинцы.

статочные редким, большая часть земель использовалась кочевниками-каза- кое-где в небольших кишлаках жило оседлое население (в основном узбе

Нынешний этнический состав этих населенных пунктов объясняется ос- ностями их возникновения и сложной, не до конца изученной историей их фор- рования в советское время. В 20-е и 30-е годы здесь оседали казахи, пос- лись беженцы из охваченных голодом областей европейской части стра- а также раскулаченные. С конца 30-х годов в Голодную степь, в том числе в- следованные районы (в границах УзССР) начались организованные респуб- канским правительством «плановые миграции» — массовое переселение- освоения целинных земель сельских жителей из густонаселенных Ферганск- Бухарской, Самаркандской и других областей Узбекистана. Первые, особе- довоенные, группы узбеков-переселенцев оказывались неустойчивыми: мно- из них стремились вернуться в родные места. Наиболее многочисленными- рации из сельских местностей республики были в 40-е и 50-е годы, в пос- дующие десятилетия этот поток уменьшился³. В предвоенные годы в селах п- вились депортированные корейцы, а в 1941—1944 гг. — немцы, крымские- тары, турки-месхетинцы, греки⁴ и чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкар- большинство из которых после 1957 г. возвратились на Кавказ. В конце 5- и 60-х годов сюда также шло переселение таджиков из горных местностей Та- жикистана для освоения вновь орошенных земель⁵.

Внутри обследованных районов происходила перегруппировка населен- различных национальностей. Для последних двух-трех десятилетий характер- стремление некоторых групп некоренного населения, особенно русскоязычно- переезжать в райцентры и близлежащие города. Кроме того, представите- одной национальности (таджики, казахи, турки-месхетинцы, реже — татар- концентрировались в каком-либо населенном пункте (не обязательно цент- сельсовета). Таблица 1 отчасти иллюстрирует эти процессы.

Думается, корни многих межнациональных проблем в обследованном реги- не следует искать в том, что села формировались не на добровольной для за- чительной части населения основе. Сейчас, в условиях нарастания социальн- напряженности и экономической нестабильности, усугубленных в Узбекиста- острой демографической ситуацией и последствиями разъедающей этот реги- коррупции, эти проблемы сохраняются.

Тенденции социального развития отдельных этнических групп в одних и т- же селах таковы, что отнюдь не приводят к постепенному усреднению обра- жизни представителей разных национальностей. В основе этого явления — отличия в сфере социально-профессиональной ориентированности (что, в сво- очередь, связано с целым рядом культурно-исторических и иных факторов). На одном полюсе находятся группы коренного населения, среди которых вели- доля занятых в сельском хозяйстве, преимущественно — в хлопководческ- колхозах. Это — таджики (среди них доля колхозников максимальна), узбек- а также казахи (см. табл. 2). К ним примыкают и турки-месхетинцы. В эт- группах населения относительно мала прослойка рабочих, а процент служащ- различен: у узбеков он значительно выше, чем в других группах (это — служ- щие в аппарате управления, милиции, работники сферы обслуживания, медиц- ны и просвещения).

Колхозники-хлопкоробы получают за тяжелый ручной труд нерегулярн- (иногда с перерывами в несколько месяцев, особенно зимой) и очень низки- (по оценке, приводившейся в «Правде Востока», 30—60 руб.⁶, по словам инфо- маторов — до 100 рублей) заработок⁷, однако имеют существенные выгоды п- ведении своего подсобного хозяйства, которое дает весомый вклад в бюдж- семьи⁸. Правовая и экономическая незащищенность колхозников «компен- руется» обычаями взаимопомощи, осуществляемой благодаря развитым род- ственным связям и включенностью в традиционные общинные институты (ра- этих институтов в жизни современного кишлака еще нуждается в изучении). Привязанность к земле, экономическая зависимость от своего подсобного х-

Данные о занятости в сельском хозяйстве представителей некоторых национальностей
следованных районах Сырдарьинской области * (% от всех лиц каждой национальности,
занятых на работе в районе)

Район	Количество колхозов и совхозов	Национальность						
		таджики	узбеки	казахи	турки	татары	корейцы	русские
стан- ий	1 совхоз	14,6	4,5	Данных нет		3,4	0	6
	9 колхозов	63,4	46,8			5,4	5	9,4
ишилов- ий	7 совхозов	3,4	33,5	36,3	8,2	44,4	32,7	26,7
	6 колхозов	49,8	24,8	18,3	48,5	6,1	6,1	4,6

* По сведениям, данным колхозами и совхозами в райкомы КПСС в 1987 г.

ства, а также опора на материальную и социальную поддержку родственных общинных институтов — важные факторы, обеспечивающие малую миграционную подвижность коренного населения.

На другом полюсе — более урбанизированные народы — русские, корейцы татары (по другим народам данных нет). Доля колхозников среди них менее 10%. Причем ручному труду колхозника-хлопкороба они предпочитают специальности, связанные с техникой (среди них больше механизаторов, трактористов, строителей, а также работников крупных животноводческих ферм перерабатывающих предприятий). Характерно, что в совхозы нехлопководского направления, где труд технически более оснащен, они идут работать охотнее. У этих народов выше доля промышленных рабочих (часть их ездит на работу в близлежащие города), служащих, немало интеллигенции. Вот, например, структура занятости крымских татар, жителей Верхневолынского у данным поссовета):

Всего работающих 142,
в сельском хозяйстве 10,
в промышленности 6,
в строительстве 7,

в просвещении 31,
в здравоохранении 13,
в других служащих и
занятых в сфере
обслуживания 75.

Лица этих некоренных национальностей в основном имеют какую-либо специальность и фиксированный заработок, что обеспечивает определенную социальную защищенность. В их семейном бюджете подсобное хозяйство играет изрядно меньшую роль, чем у жителей коренных национальностей, из-за малых размеров участка, отсутствия кормовой базы для скота; соответственно ника их зависимость от централизованного обеспечения продуктами. Личная устойчивость, сочетающаяся у них с более слабыми, чем у узбеков, соседскими и родственными связями между членами своей этнической группы (хотя большинство групп некоренного населения сохраняет свое этническое лицо), также меньшая привязанность к данной территории, к своему подсобному хозяйству делает представителей этих групп населения более готовыми к миграции.

Распределение коренного и некоренного населения по различным социальным нишам не приводит, однако, к устранению межэтнических противоречий. И наоборот, в условиях, когда все не удовлетворены качеством своей жизни, известные социальные различия фиксируются с негативной оценкой, вызывая взаимные претензии. Например, информаторы-узбеки говорили: «они по хлопку не хотят работать, там для них работа слишком тяжелая, это они узбекам навязывают, а им — что полегче, почище. Они поэтому и скот не хотят держать — у них слишком много, а мы гнем спину день и ночь». Представители некоренных народов: «Им выгодно числиться в колхозах, колхозники здесь все имеют, приусадебный участок вдвое больше положен, колхоз им с кормами помогает,

разрешает косить по арыкам, им можно насчет транспорта или строитель-
лов договориться, а мы живем только на зарплату, хотя в магазинах ни-
нет, все только у спекулянтов».

Обе группы населения ориентированы в принципе на противоположные м-
ды повышения своего жизненного уровня. Первая — на расширение и бо-
интенсивное использование приусадебного хозяйства, а также на получе-
таких профессий или должностей, которые при всеобщем дефиците давали
какие-либо льготы в приобретении различных товаров (хотя все большая ч-
узбекской молодежи стремится сейчас получить образование и специально
однако миграции из села в город по-прежнему малы)⁹. Вторая ищет вы-
в устройстве на более квалифицированную, высокооплачиваемую раб-
в приближении к очагам лучшего снабжения, то есть стремится в города
в районы с более развитой инфраструктурой и индустрией, а также в те реги-
страны, где можно найти относительно благоприятные условия для веде-
личного хозяйства, где нет острого дефицита земли, пастбищ и кормов,
меньше проблем с орошением, — т. е. за пределы республики.

Лица некоторых национальностей мигрируют, кроме того, из-за сложнос-
в межнациональных отношениях, неудовлетворенности в области националь-
культурных запросов, а также существующих, по их мнению, привилегий у
коренной национальности. Наиболее высока доля мигрантов среди молодежи
отток репродуктивного населения ведет к старению и в конечном счете
к сокращению численности некоторых групп (см. табл. 3).

Вот как обрисовывали круг причин, толкающих к выезду из сел, русские,
раинцы, татары и корейцы. Эти группы жителей прежде всего неудовлетворе-
тем, что здесь очень трудно найти подходящую работу. Отмечалось, что мож-
устроиться только на неквалифицированную работу, а это не устраивает в п-
вую очередь молодежь. Работа на колхозном поле представляется лишени-
всякой привлекательности, вредной для здоровья, бездумной, отупляющ-
«Люди буквально бегут из колхозов, согласны на любую работу, лишь бы их
посылали на хлопок». Сложности с работой объясняются ими тем, что в сел-
и прилегающих районах не развита промышленность, в том числе отсутству-
или малы предприятия легкой промышленности, перерабатывающие сельс-
хозяйственную продукцию, строительные, т. е. такие, которые работали бы
местном сырье, а их продукция находила бы сбыт и среди местных жителей
(Этот вопрос волнует и представителей коренных национальностей, и местн-
органы власти, которые связывают его с проблемой занятости всего населени-
но ситуация меняется медленно.) Другая проблема — крайняя-скудность п-
дуктовых прилавков сельмагзв, особенно недостаток мясо-молочных продук-
Все жители независимо от национальности единодушно утверждают, что при
нешнем снабжении сводить концы с концами можно только при наличии раз-
того подсобного хозяйства, но большинство представителей некоренных наци-
ональностей не имеют возможности держать скот, так как корма достать нель-
лугов и выпасов нет.

Информаторов волнует, что они лишены возможности даже частично удо-
летворять свои культурные потребности. Татары, турки, немцы, корейцы и д-
гие не могут обучать своих детей в школе на родном языке. Поэтому, нап-
мер, некоторые дети из семей крымских татар с первого класса вынуждены
чать сразу три языка: в школе — русский и узбекский, а дома их учат чита-
и писать на родном. Людей беспокоит, что есть опасность утраты своего язы-
и культуры, народного искусства, развитие которых не заботит местные орга-
власти; кроме того, не удовлетворяются запросы молодежи, связанные с про-
дением досуга.

Жители некоренных национальностей убеждены, что коренное населени-
республики пользуются определенными привилегиями, связанными с занят-
престижных или руководящих должностей, поступлением в вузы, в чем усмат-
вают несправедливость и ущемление своих прав. Выражалась тревога по повод-
участвовавших в последние годы случаев неприязненного отношения узбе-

Численность сельского населения Узбекистана в 1959, 1970 и 1979 г.*

Национальность	Год		
	1959	1970	1979
о	5 377 124	7 477 826	9 107 671
жи	4 022 793	5 948 347	7 545 225
ихи	263 873	345 147	403 804
кики	243 623	335 642	374 420
жие	178 034	161 156	110 114
ры	157 377	152 711	116 973
йцы	94 341	62 121	45 735
байджанцы	30 309	21 039	27 606
и	Данных нет	Данных нет	37 825
инцы	21 327	14 932	8 844
русы	2 133	3 316	3 519
гие	363 314	433 415	433 606

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. М., 1962. С. 142; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. М., 1973. С. 208; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. IV. Ч. 1. С. 122.

представителям других народов. Немало наших собеседников слышали высказывания типа «Узбекистан для узбеков», «Долго ли мы их еще будем терпеть», «Уезжайте в свою Россию, там и устанавливайте правила» — большей частью там, где страсти накалены, а ответственность за слова минимальна: в очередях, на транспорте. Их особо тревожит, что чаще стало проявляться неуважение к пожилым. «Ведь, — говорили они, — уважение к старикам в крови узбека, и кто бы из молодежи посмел раньше нарушить обычай». Людей раздражают и случаи ущемления их прав, когда продавцы-узбеки при обслуживании покупателей оказывают предпочтение (порой демонстративное) представителям своей национальности (например, обслуживают вне очереди). От информаторов приходилось слышать: «Уж лучше жить в России, пусть там запустеет, тоже плохо со снабжением, но не чувствуешь себя человеком второго сорта, как здесь; в России уж если что-то есть, то всем достается одинаково». Некоторые представители депортированных в годы войны народов (турок, крымских татар), независимо от тех условий, в которых они живут сейчас, рассматривают свое возвращение обратно как восстановление исторической справедливости и обретение родины («Все равно мы здесь чужие. Если что, нас могут выпросить отсюда»).

Однако, несмотря на неудовлетворенность и обиды, некоренное население проявляло немалую (хотя и неодинаковую) привязанность к своему нынешнему месту жительства, к окружающему населению. Большинство информаторов рассказало, что со своими знакомыми, сослуживцами и соседями других национальностей (в первую очередь с узбеками) они поддерживают нормальные, доброжелательные — дружеские отношения, приняты взаимные угощения на праздники, приглашения в гости. Люди говорили: «Если ты себя будешь нормально вести, и другие (имеются в виду представители других национальностей) будут тобой хорошими». В сложившемся у иноэтничного населения стереотипе узбеков присутствуют и такие положительные черты, в меньшей мере, может быть, характерные для других народов, как взаимопомощь, гостеприимство, близкие родственные связи, уважение к старшим.

Основные причины, удерживающие жителей некоренных национальностей в Узбекистане, формулировались следующим образом: «меня здесь все знают, я всех знаю», «мы тут привыкли», «меня здесь все уважают», «здесь наши корни, и я и мои родители здесь родились, все родственники здесь проживают», «здесь наша родина»; или реже: «куда мы поедем, кто нас примет, нас ждут?». Более молодые говорили, что многие остаются здесь из-за своих родителей, стариков, которые ни сами не хотят переезжать, ни отпускать детей.

Таким образом, несмотря на протяжении последних десятилетия ряд факторов, живал миграции из сел лиц некоренных национальностей, поэтому, хотя и комплекс причин вызывал отток этого населения (причем была заметна тенденция к некоторому нарастанию потока), все же сокращение численности носит относительно равномерный, устоявшийся характер.

В последние два года к имевшемуся комплексу причин прибавились и обрившиеся межнациональные отношения, поэтому сейчас стремление уехав ватывает значительно большие массы некоренного в среднеазиатском регионе населения.

Поднявшаяся волна миграций прямо связана с изменениями в общественной политической обстановке в стране. С одной стороны, с расширением демократии и бурным всплеском национального самосознания произошел рост националистических движений за восстановление прав насильно переселенных народов, увеличилось число представителей этих народов, выезжающих за рубеж, а с другой, активизировались выступления на национальной почве самого коренного населения Узбекистана, подчас принимающие агрессивнорационалистический характер, как это случилось в июне-июле в Фергане и чуть позже в Сырдарьинской обл.

Начиная с 1988 г. в Узбекистане стало нарастать движение крымских татар за возвращение на родину, а в перспективе — за восстановление автономии. В селах, где группа крымско-татарского населения достаточно велика (в Кременном, Красноармейском, Октябрьском и других) в последние полтора года организовывались митинги и демонстрации представителей этой национальности. Как отмечали информаторы (узбеки, татары, русские), эти выступления носили подчеркнуто мирный, доброжелательный по отношению к другому населению характер. Татары благодарили узбеков за оказанные в годы войны помощь и гостеприимство, объясняли другим народам свои национальные чувства и справедливость требований. В заключение давали концерты национальной художественной самодеятельности.

Всплеск политической активности у крымских татар разбудил патристические чувства и привел в ряды демонстрантов даже до сих пор безразличных к общественной жизни пожилых домохозяек, чему немало удивлялись их соседи других национальностей, долгое время жившие с ними бок о бок. В результате бесед с информаторами сложилось мнение, что готовятся или предполагаются в дальнейшем переехать в Крым большинство крымских татар самого различного возраста, лишь немногие не увлечены общим настроением. Значительная часть их уже покинула села. Как говорил один немолодой представитель этого народа, занимающий, кстати говоря, достаточно значительный по поселковым масштабам административный пост, люди готовы вынести многие лишения, связанные с переездом, распродажей дома и имущества и обустройством нового хозяйства, готовы к сложностям с трудоустройством и даже к смене профессии. Имеются связи с соотечественниками, уже живущими в степных районах Крыма, на чью поддержку они могут рассчитывать. Крымские татары, по их словам, стремятся переехать в Крым не столько по причинам социального или экономического характера, сколько для того, чтобы сохранить себя как народ, свой язык и культуру. События в Фергане дали, как говорили они, дополнительный толчок к переезду, так как у жителей некоренных национальностей возникло чувство неуверенности и страха, однако из-за массового выезда турок продажа домов и имущества сейчас затруднена.

Изменения в общественно-политической ситуации и рост нестабильности в Среднеазиатско-Казахстанском регионе, а также медлительность государственных органов в решении проблем депортированных народов вызвали скачкообразный рост миграций немецкого и греческого населения. На основании бесед с жителями Славянки и Верхневолынского и знакомства с документами по учету населения сегодня можно определенно заключить, что поток мигрантов этих национальностей увеличился именно в последние два года (1988—1989), хотя в Славянке (КазССР) межнациональные отношения по нашим наблюдениям

Миграции населения п. г. т. Славянка Пахтааральского района за 9 мес. 1989 г.*
(с января по сентябрь)

националь- ность	Выехали			Прибыли			Примечание
	семей	человек	% выехав- ших от числа жителей этой националь- ности на 1988 г.	семей	человек	% приехав- ших от числа жителей этой националь- ности на 1988 г.	
цы	22	153	8,0	—	—	—	
и	14	104	7,5	—	—	—	
байджанцы	2	6	1,4	7	37	8,6	Из УзССР и
гурки							насел. пунктов
							Пахтааральско-
йцы	1	3	0,5	5	63	9,5	го р-на
							Из насел. пунк-
							тов Пахтаараль-
кие	—	—	—	6	25	1,2	ского р-на
инцы	—	—	—	1	3	1	»
ихи	1	3	0,5	24	158	7,6	»
жи	2	8	2,0	1	11	3	»

* По данным поссовета.

толь напряженные, как в обследованных селах на территории Узбекистана. абл. 4 приведены данные Славянского поссовета о миграциях населения } мес. 1989 г.

Основной поток переселенцев немецкой и греческой национальности идет ответственно в ФРГ и Грецию, лишь небольшая часть немцев переезжает в Саратовскую обл. (см. табл. 6). В отличие от крымских татар, представители этих п населения не устраивают митингов. Основная масса жителей относится выезжающим с пониманием, доброжелательно; высказываются сожаления (м числе и работниками администрации), что с выездом немцев поселок ли- ся основных кадров механиков и авторемонтников, хороших специалистов их технических профессий, а с выездом греков, как считают некоторые ин- матеры, исчезнет возможность приобретать импортные товары у побывав- за границей людей.

Вопрос о перспективах этих миграций остается открытым, сейчас нет осно- вий полагать, что в нынешней ситуации они скоро затихнут; не могу не со- ситься с мнением, что уменьшить поток в ФРГ поможет скорейшее восстано- е автономии советских немцев.

Наиболее болезненная из проблем некоренных народов сейчас, без сомнения, нейшая судьба турок-месхетинцев. События в Ферганской долине круто нили характер взаимоотношений между турками и узбеками и в других истях республики, отчуждений, нисколько не предвещавших, как говорили орматоры, столь остро вспыхнувшего конфликта. Уже в первые дни после та столкновений в Фергане турецкое население обследованных сел почи- нужным принять меры для обеспечения своей безопасности, хотя явных уплений против них со стороны узбеков не было вплоть до двадцатых чисел я. Турки установили круглосуточное дежурство у своих домов и на улицах, аяся поджогов и других возможных враждебных действий. Уже с первых и июля начался массовый выезд, скорее бегство, турок из сел (см. табл. 5). и бросали дома; хозяйство, забирали лишь самое необходимое. Новое место ельства выбиралось почти случайно. (Так, большинство турок, выехавших ле из колхоза «Победа», устремились в Саратовскую обл., как можно пред- жить, по пути, проложенному их соседями — немцами из Верхневолынско- Главная мотивировка беженцев: «Не хотим жить в постоянном страхе».

Миграции населения в колхозе «Победа» в июне — сентябре 1989 г.*

Националь- ность	Куда выехали	Июнь		Июль		Август		Сентябрь		Всего	
		прибыли	выбыли	прибыли	выбыли	прибыли	выбыли	прибыли	выбыли	прибыли	выбыли
Турки		7		4 (вре- менно)	90	3	106		42	14	238
	Саратовская обл.				75		12		2		89
	Краснодарский край				1		5		8		14
	Ростовская обл.						36		16		52
	Чечено-Ингушская АССР						17		1		18
	Северо-Осетинская АССР								4		4
	АзССР				9		4		3		16
	ГССР				1						1
	Калининская обл.						30		3		33
	Курская обл.								2		2
	Кызыл-Ордынская обл.				2						2
	Ташкентская обл.			2	2		1			2	3
	Сырдарьинская обл.						1		2		3
	Камчатская обл.								1		1
Татары		1	1	2			2		1	3	4
	Крымская обл.						1		1		2
	Сырдарьинская обл.		1				1				2
Немцы	Саратовская обл.		2								2
Корейцы	Томск	1					1			1	1
Узбеки **		14	4		6	4	10	6	6	24	26
Русские	УдмАССР		1		1	1				1	2
Таджики **				2	1	1				3	1
Казахи **								1		1	

* Таблица составлена по книге учета прибытия и убытия населения, в которой зафиксированы только лица старше 16 лет.

** Место выезда не указано.

Как это было и в Фергане, по обследованным районам поползли слухи о жёстких деяниях турок, совершаемых, якобы, в отношении узбеков; эти слухи, можно было заключить из разговоров, принимались многими узбеками за правду и сообщались членам экспедиции как факт, в том числе и работниками административных органов. (В одном из вариантов рассказанного нам сюжета в качестве пострадавшего, кроме узбека, фигурировал и русский мальчик.) Нарастание напряженности между двумя группами населения вылилось в конце концов в открытый конфликт. От людей различных национальностей нескольких поселков пришлось услышать примерно одинаковую историю развития событий. Довольно большая группа подгулявших на тое узбеков пошла выяснять отношения с турками — жителями центра Ленинского кишлачного участка Гулистанского р-на¹⁰. (Как уточняли сами узбеки, эта группа хотела договориться с турками-аксакалами, чтобы те наказали своих соотечественников, бы виновных в насилии, и тогда бы отношения нормализовались.) По рассказам, события развивались так. Сопровождаемый толпой узбек, отслуживший в Афганистане, на тракторе въехал в ворота одной турецкой усадьбы, где и был встречен хозяином дома. Сразу же после этого инцидента в некоторых районах Ардынской обл., как сообщалось в республиканской прессе, были «укреплены силы общественного порядка»¹¹, по словам жителей — введены войска. Информаторы рассказывали, что последствий этого столкновения боялись турки и узбеки, так как те и другие живут вперемежку, а поджог одного из домов может привести к пожару во всем квартале. Спустя несколько дней (или недель) внешнее спокойствие было восстановлено, других инцидентов не было, раненные части покинули села¹².

Те из турок, кто не уехал в период самых горячих событий, действуют более уманно, чем первые беженцы. Выбрав новое место жительства, они предпринимательно выезжают туда осматреться, перевозят женщин и детей, оставляя либо из членов семьи на старом месте, чтобы вести дела о продаже имущества; проявляют больше терпения в торговых сделках, не желая уступать за маленок дома, но в то же время сознательно идут на понижение цены, предпочитая иметь дело не с частными лицами (в основном узбеками), а с колхозами и другими организациями. Приходилось слышать следующие высказывания: «Пусть со мной, что хотят, делают, но я, пока дом не продам, отсюда не уеду». Несколько семей стараются, собравшись вместе, ехать в одно место. Вот, например, рассказ одного турка, возвратившегося в Верхневолынское из Калининской обл. для оформления документов и продажи дома. «В Калининской обл. мы устроились в совхозе, всего нас, турок, там 15 семей, 75 человек. Взяли откорм бычков по договору. Жилье нам дали. Пока мы там обосновались вместе, будем жить в сельской местности, а дальнейшие планы: проситься на родину, в Закавказье, надо туркам где-нибудь вместе собираться, а может быть — и просить автономии. Здесь, в Узбекистане, никто из турок не остаётся».

Уныло выглядят опустевшие улицы некоторых сел, где подряд на больших рыночных домах висят таблички «Дом продается»; оставшиеся жители других национальностей кажутся настороженными.

Нам не пришлось услышать от узбекского населения сожалений по поводу выезда турок. Вину за происшедшее в Фергане большинство узбеков делит между представителями своего народа и турками («турки виноваты в том, что они первые начали, а узбеки в том, что сожгли много их домов»). Были и такие высказывания: «Турки вели себя очень нехорошо, жестоко, специально, чтобы раздуть и обидеть узбеков... Пусть турки здесь не остаются после того, как они разошлись с нами помиритесь. И возвращаться им сюда нельзя, так как живём здесь им теперь не будет». Отмечу, что вопросы на эту тему специально не задавались, а беседы возникали стихийно, в основном с работниками местных органов власти, так что приведенные высказывания совсем необязательно разделяются большинством узбеков.

Выступления против турок породили неуверенность и беспокоество других групп некоренного населения (русских, татар, корейцев, украинцев) осложнили их отношения с узбеками. Хотя у представителей этих групп сформировался отнюдь не однозначный стереотип турок, включающий помимо положительных (трудолюбие, хозяйственность, предприимчивость, профессионализм) и ряд негативных черт, в целом они сочувствуют туркам, считая, что такая агрессивная волна в непредсказуемый момент может смести и их. Информаторы подчеркивали, что «турки им (узбекам) слова не сказали», «ничего им не сказали», «вели себя тихо», что они не виноваты в этом конфликте. Оценка событий и их последствий такова: «Они (узбеки) хотели показать, кто здесь хозяин», «эта неразбериха на руку тем, кто занимается спекуляцией», «скоро нам всем придется уезжать отсюда, а то и до нас доберутся». Отмечалось, после столкновений в Фергане и Сырдарьинской обл. стали допускаться значительно более резкие высказывания в адрес некоренных народов, в частности связанные с недостаточно хорошим знанием ими узбекского языка (как осенью этого года в республике шло обсуждение проекта закона о государственном языке).

Причины миграций русскоязычного населения теперь представляются несколько в ином свете, чем два года назад: основной акцент с социальных проблем сместился на сложности в межнациональных отношениях, люди опасаются оказаться без защиты при возможных инцидентах. Многие информаторы говорили, что сейчас появилось чувство страха, хотя вроде бы в отношении их ничего не изменилось. «Кто нас защитит? — спрашивают они, — мы здесь никому нужны». Показательно, как меняется настроение пожилых людей в отношении возможного переезда. Сейчас на вопрос: «Что Вас удерживает здесь?» — гордо чаще отвечают: «Если бы было, куда ехать, то, конечно, уехала бы» или «у меня в России родственников нет, ехать не к кому». Желание остаться на земле, где жили еще их отцы и деды, теперь иногда формулируется так: «пусть меня убьют, все равно никуда отсюда не уеду, здесь хочу умереть... а в общем, наверное, ничего страшного не случится».

Летние события 1989 г. привели к разобщению русскоязычного и узбекского населения сел. Среди жителей некоренных национальностей получили хождение слухи о каких-то распространявшихся узбеками листовках, в которых якобы говорилось о том, что вслед за турками и татарами уедут (или будут вытеснены) русские, «а корейцы станут нашими работниками». События последних месяцев становились причиной охлаждения отношений или ссор между соседями различных национальностей. Растет недоверие между жителями сел. Наши информаторы-русские теперь считают неосторожным ходить по улицам после захода солнца, садиться к незнакомым людям в машины. Ворота тщательно запираются, хотя раньше стояли открытыми. Стали избегать скоплений молодых узбеков, опасаясь проявлений агрессивности с их стороны, поскольку «бывали всякие случаи». Однако более подробные расспросы обычно подводили нас к мысли, что скорее всего опасность преувеличивается, что ни с нашими собеседниками ни с их знакомыми каких-либо «случаев» не происходило, наоборот, многие наши собеседники по-прежнему чувствуют доброжелательное и уважительное отношение к ним знакомых узбеков. Таким образом, у людей чувство неуверенности и страха может быть связано даже не с явной опасностью, а с ощущением незащищенности при возможных проявлениях экстремизма.

Приведенные материалы позволяют говорить о том, что в сельских районах современного Узбекистана различные национальные группы поставлены отнюдь не в равноправные условия для их нормального этносоциального развития. Стремление каждого народа помимо демократических гражданских прав реализовать и право жить в соответствии со своими этническими традициями и нормами встречает определенные трудности у представителей некоренных национальностей. Это право, а также некоторые демократические принципы приходят в столкновение с теми чертами традиционного общественного устройства и путями национального развития, которых придерживается коренное

Миграции некоренного населения обследованных сел по данным похозяйственных книг
(1987—1989 гг.)

пункт	Националь- ность	Выехавшие		Куда выехали
		число лиц об. п.	% от численно- сти лиц этой на- циональности, проживающих здесь	
Тянь- ань- цзинь *	Русские и украинцы	152	14,9	В Сибирь, Центральную Россию, на Урал, в Волгоградскую, Астраханскую обл., Крас- нодарский край, в УССР, КазССР, около трети в города УзССР
райцентр)	Татары	31	5	Большинство — в Крым и Краснодарский край, города УзССР, а также в ТатАССР и европейские области РСФСР
	Корейцы	20	5	Большинство в города УзССР, а также в Си- бирь, УССР (Донецкую обл.)
	Турки	20	20	Из них 18 человек — за последние 4 месяца, большинство в Чечено-Ингушскую АССР
сноар- ийское центр льсо- та)	Русские и украинцы	7	11,4	Большинство — в райцентры и города УзССР
	Татары	16	8,5	Большинство — в Крым
	Турки	15	40	В Ставропольский край, Чечено-Ингушскую АССР, Новосибирск, города Узбекистана
хнево- ийское райцентр)	Русские и украинцы	38	6	В РСФСР: Сибирь, Саратовскую обл., Красно- дарский край, в УССР, треть — в города УзССР
	Татары	61	16,5	Большинство — в Крым, около 15% в ТатССР; а также в города УзССР
	Корейцы	19	4	Большинство в города УзССР, а также в Крым (в том числе в составе русско-корейских семей)
	Турки	51	32	Большинство в Ростовскую обл., а также в Калининскую, Саратовскую обл., УССР, АзССР, КиргССР
	Немцы	28	175	Около половины в ФРГ, из остальных боль- шинство в Саратовскую обл.
истан ** центр льсове- а)	Русские и украинцы	21	21	Большинство в города УзССР, а также в Ставропольский край РСФСР в УССР (Воро- шиловградскую обл.)
хоз «По- еда» **	Русские и украинцы	9	8,5	Данных нет.
центр льсове- а)	Русские и украинцы	81	51	Около 70% в города УзССР, из них половина в г. Бекабад, из остальных большинство в РСФСР
пенка центр льсове- а)	Татары	34	22	Около 90% в Крым, остальные в г. Бекабад
	Корейцы	1	3,8	В г. Ташкент

* Данные по похозяйственным книгам с 1984 по 1989 г. Данные могут быть неполными, так как книги
тут небрежно; так, по сведениям председателя жилищно-эксплуатационного управления, с 1985 г., когда
в селестяном проживало 175 семей крымских татар, из села выехало 70 семей представителей этой
национальности.

** Есть данные только по русским и украинцам.

ение и которые в силу его большого численного преобладания распростра-
ются на многие сферы жизни узбекского села, оказывая давление и на жизнь
и других национальностей. Так, в селах заметно влияние на общественную
и традиционных институтов, вне которых остаются представители иноэт-
ных групп; это ведет, в частности, к тому, что тормозится продвижение их
ставителей по социальной лестнице. Кроме того, органы местного управле-

стране/ на преимущественное развитие коренной национальности, что про-
ется в слабой заинтересованности этих органов в этнокультурном развитии
коренного населения.

Все это вызывает у представителей некоренных народов ощущение с
беззащитности и неравноправия, приводит к миграциям, особенно в те рай-
где они могли бы осуществлять свое стремление к национальному разви-
что в полной мере возможно пока только на территории соответствующих
номных и республиканских образований, которые есть далеко не у всех нар-
страны.

Примечания

¹ Артеменко В., Кашибергенов А. Острые углы «жемчужины» // Правда. 14 октября.
О трагических событиях в Ферганской области и ответственности партийных, советских и право-
нительных органов (Записка комиссии ЦК Компарии Узбекистана) // Правда Востока. 30
1989; Мяло К., Гончаров П. Зарево Ферганы // Новое время. 1989. № 36, 37; На стадии следств
Ферганская правда. 4 июля 1989.

² Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском у,
Душанбе, 1966.

³ Аминов Б. К вопросу формирования населения Голодной степи за годы Советской власт
Этнокультурное изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С. 144—157; Максакова Л.
Миграции населения Узбекистана. Ташкент, 1986. С. 142.

⁴ Группы депортированных немцев Поволжья, из некоторых областей Украины и с Кавк
а также греков с Черноморского побережья Кавказа, из Одесской, Херсонской и других обла
особенно значительны в Славянке.

⁵ Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на в
орошаемые земли. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 1965. С. 4—7.

⁶ Юсупов Э. Корни ферганской трагедии // Правда Востока. 6 авг. 1989.

⁷ Последние один-два года наметились новые тенденции в организации работы в колхо
Часть хлопкового поля предоставляется семьям в аренду, что дает возможность колхозникам п
вить самостоятельность и увеличивает их заработки. Несовершенство новой системы в том, что у
гих колхозников, не арендующих землю, заработки падают, так как объем их работы уменьшае

⁸ Даже по сообщению Госкомстата УзССР (а это — самые скромные подсчеты) доход от
дажи продуктов сельского хозяйства, скота и птицы в среднем по республике составил в 1
и 1988 гг. более 22% от всего бюджета семей колхозников (Правда Востока. 27 ноября 1989).

⁹ В 1989 г., например, из каждой тысячи сельских жителей в города республики пришло
людей, в то время как в целом по стране — 33. (Максакова Л. П. Указ. раб. С. 94—95).

¹⁰ По данным Гулистанского РК КПСС, в 1988 г. в Ленинском сельсовете из 5600 жителей
беки составляли 72,6%, а турки — 15,5%.

¹¹ Восстанавливаются добрососедские отношения // Правда Востока. 29 июля 1989.

¹² Там же.

© 1990 г.

А. И. Родионов, В. В. Мунтян

ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917—1923 гг.)

В данной статье предпринята попытка анализа решения национального вопроса в 1917—1923 гг. Сформулированные в ней выводы и обобщения носят дискуссионный характер. Поэтому авторы приглашают к обсуждению любого из высказанных положений. Очевидно, главное сейчас в том, чтобы на основе реалистического анализа исторического опыта выработать конкретные рекомендации по вариантам решений в национальной политике применительно к современному состоянию развития национальных отношений в Советском Союзе. С другой стороны, очень важно разобраться в ленинской логике, в подходе и принципах решения национального вопроса в первые годы становления социалистического государства с тем, чтобы уметь применить их в новых условиях, преодолеть ту или иную односторонность и неточность в их интерпретации.

Как показывает изучение многочисленных ленинских материалов по национальной проблематике, в разработке им национальной политики можно выделить два периода. Начало первого периода и конец второго очевидны, а рубеж между ними, возможно, продикированные В. И. Лениным заметки «К вопросу о национальностях или об „автономизации“»¹. В нашей литературе нет такого понимания значения данной ленинской работы. Чаще бытует мнение, что в ней В. И. Ленин всего лишь развил мысли, высказанные в предшествующее время. Самым смазывается, затушевывается историческая значимость высказанных в ней положений. Некоторые изменения во взглядах В. И. Ленина на развитие этнонациональной ситуации в стране ощущаются уже с момента написания им работы «О кооперации», в которой он говорил о «коренной перемене всей точки зрения нашей партии на национальный вопрос»². Это же можно увидеть в ряде его последних документов, вплоть до политического завещания. В статье «К вопросу о национальностях или об автономизации» отражена суть «коренной перемены» в представлениях В. И. Ленина о путях развития народов СССР. Он не просто развил, «подновил» и прежние воззрения, уточнив их существенными деталями, но и разъяснил свою точку зрения по конкретному случаю, волновавшему его в тот момент. Он показал пример реалистического подхода к анализу национальных процессов, гибкости и оперативности в принятии решений, своевременного отказа от стереотипов и устаревших догм.

Убедиться в этом не составляет труда, если вспомнить все обстоятельства, связанные с историей создания В. И. Лениным своего политического завещания³. Так, в начале 1923 г. его достаточно серьезно угнетали состояние «грузинского инцидента» и подход к его разрешению. Об этом свидетельствует запись А. Фотиевой от 30 января 1923 г. о разговоре с В. И. Лениным, сказавшим: «Якануне моей болезни Дзержинский говорил мне о работе комиссии и об инциденте», и это на меня очень тяжело повлияло»⁴. Из той же записи следует, что В. И. Ленин хотел вынести этот вопрос на предстоящий партийный съезд. Он настаивал на получении материалов Политбюро по грузинскому вопросу и, когда представилась такая возможность, первым делом потребовал документы комиссии Ф. Э. Дзержинского и стал энергично, насколько позволяло состояние здоровья, над ним работать⁵. В. И. Ленин ежедневно вызывал Л. А. Фотиеву

и справлялся о том, как идет разбор материалов комиссии Ф. Э. Держини. Наконец, 3 марта он получил возможность ознакомиться с докладной запиской и заключением о материалах комиссии⁷. В результате их изучения В. И. Ленин принимает решение попросить Л. Д. Троцкого выступить по грузинскому вопросу на Пленуме ЦК РКП(б). Однако, получив отказ, он сам, несмотря на состояние, решает подготовить записки и речь, чтобы затем выступить⁸. Но намерение не сбылось. Помешал новый серьезный приступ болезни, а 6 марта 1923 г. Владимир Ильич до конца жизни утратил возможность и говорить, и писать.

Такая настойчивость В. И. Ленина может быть объяснена только тем знанием, которое он придавал решению национальной проблемы, стремлению донести до всех членов партии, всех «рабочих России» свой подход, свое видение проблемы, которое явно не разделяли и не принимали всерьез тогдашние руководители ЦК.

И здесь возникает целый ряд вопросов, среди которых главный — действительно ли в последнем ленинском документе содержится принципиально новая постановка вопроса, или же правы те, кто считает, что это всего лишь рядовая работа, развивающая традиционные взгляды, господствовавшие в партии предшествующий период? Именно это мы и пытаемся выяснить в данной статье, а кроме того, ответить и на другой не менее актуальный вопрос: в чем заблуждался и в чем был прав И. В. Сталин — главное лицо, ответственное на государственном уровне за национальную политику?

Для раскрытия сути ленинских подходов к решению национальной проблемы после Октябрьской революции необходимо прежде всего уяснить, какое место во взглядах большевиков занимала концепция мировой революции. Это принципиально важно. Дело в том, что во многих публикациях, касающихся истории этого периода, можно обнаружить молчаливый протест современных авторов против такого ракурса рассмотрения проблем революции. В данном случае не только игнорируются названия ленинских работ, прямо и откровенно указывающих на существование подобной концепции, но и не рассматривается ее содержание. В этой связи напомним следующие ленинские слова: «Мы тогда знали, что наша победа будет прочной победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию»⁹. Ставка на скорые революционные победы в Европе как на необходимый элемент поддержки социалистической революции в России была сделана на историческом VI съезде РСДРП(б) (июль—август 1917 г.). В частности, выступая с докладом о международном положении, Н. И. Бухарин рассуждал о том, что могут быть две перспективы: либо победа в России крестьянско-пролетарской революции произойдет раньше, чем в западной Европе, либо наоборот. В первом случае Россия должна будет объявить революционную войну, т. е. оказать революционную помощь пролетариату Европы. «Таким образом, революционной войной, — говорил он, — мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции»¹⁰. Подобная постановка проблемы была подтверждена на съезде. Более того, доклад Н. И. Бухарина не вызвал такой критики, как, например, доклад И. В. Сталина.

И после Октября 1917 г. концепция мировой революции остается главным стержнем политических воззрений большевиков. «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит, — пишет В. И. Ленин 7 января 1918 г. — Все наши надежды на **окончательную** победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении»¹¹. Однако после Октябрьской революции в ленинском понимании ее развития появилось существенное расхождение с Н. И. Бухариным, что со всей очевидностью вскрылось на VII съезде партии (март 1918 г.). В. И. Ленин считал, что суть расхождения не в том — быть или не быть революционной войне. В этом вопросе большевиков полное единство: «То, что мы вместе, доказывает, что на девятидесятых с Бухариным согласны»¹². Суть спора состояла в следующем — ве-

ну без всякой передышки, или, наоборот, серьезно подготовиться к следующему битву»¹³. В. И. Ленин вовсе не отрекся от концепции мировой революции, но полагали «левые коммунисты», но трансформировал ее применительно к prevailing положению. В этом и состоял ленинский подход к проблеме революционной войны и тогда, в 1918 г., и в последующем.

Идея всемирной революции нашла отражение и при подготовке новой программы партии, принятой на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.). В ее проекте В. И. Ленин, среди основных задач диктатуры пролетариата в России, называл следующую: «Всесторонне и всемерно использовать зажженный в России факел всемирной социалистической революции для того, чтобы ... перенести революцию в более передовые и вообще во все страны»¹⁴. Однако на III конгрессе Интерна (1921 г.) ему пришлось признать, что «в действительности движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых, странах революция еще до сих пор не началась»¹⁵. Вместе с тем В. И. Ленин на этом основании вовсе не сделал вывода о том, что эта концепция отмирает или несостоятельна. Наоборот, он полагал, что международная революция развивается, поскольку жив ее авангард — пролетарская революция в России, которая, используя «краткую передышку», делает новые шаги по пути строительства социализма. О перспективах революции в передовых капиталистических странах В. И. Ленин говорит: «Сейчас необходима основательная подготовка революции и глубокое изучение конкретных ее развития в передовых капиталистических странах»¹⁶. Однако в суждениях В. И. Ленина здесь по существу впервые появляется новый отрезок: особая роль в будущих революционных битвах принадлежит народам Востока, которые могут сыграть «гораздо большую революционную роль, чем мы думаем». Они «сыграют очень большую революционную роль в последующих фазах мировой революции»¹⁷. Так, в концепции мировой революции появляется новый ракурс: национально-освободительное движение на Востоке, которое способно продолжить мировую революцию. Этим вносилась серьезная поправка существовавшие тогда представления о ее ходе и темпе.

Это же звучит более отчетливо в последних работах В. И. Ленина, в его суждениях. Он по-прежнему считает, что «весь мир уже переходит теперь к новому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию»¹⁸. Эта уверенность прочно увязывается с представлением о том, что исход борьбы всецело зависит от революционизирования стран Востока, которое неизбежно приведет в будущем к новому военному столкновению¹⁹. Но не это главное теперь, не в этом состоит теперь смысл мировой революции. По мнению В. И. Ленина, на повестке дня стоит не революционная война, а мирная созидательная работа, сердцевину которой он определил точно и емко: «... нужно вести цивилизоваться»²⁰. В своем завещании В. И. Ленин говорит о том, что необходимо провести многообразную работу в различных сферах общества в период перестройки, перевоплощению прежнего состояния в новое, прежних представлений, взглядов, идеологических систем, экономических отношений, социального бытия и т. д. в новые, путем комбинации положительных сторон социализма и капитализма. Следовательно, необходим отход от стереотипов, представлений, сковывающих теперь, в новых условиях, выработку адекватных политических решений. Время потребовало смелого выхода на необычные решения противоположностей при разрешении противоречий, на нестандартные решения проблем общественной жизни.

Сам факт Октября 1917 г. показал революционную смелость большевиков, способность искать верные решения в необычной, своеобразной ситуации, иной от описанных в канонах ортодоксального марксизма. В итоге были созданы «предпосылки цивилизованности»²¹, был открыт первый этап мировой революции. По мнению В. И. Ленина, второй ее этап потребует не меньшей мобилизации и интеллектуальных, и физических сил общества, что предъявляет новые требования к руководству партии большевиков. Необходимо осознать актуальность разработки и осуществления нового мышления в революцион-

ной практике, чтобы быть готовыми к тем коллизиям, которые несет революционизирование Востока. Эта революционная волна принесет м. новых проблем, которые нельзя отвергнуть с порога. По В. И. Ленину, опас состоит не в том, что в других странах к революционным преобразов придут иными путями, чем в России, а прежде всего в том, что политики м остаться в плену прежних догм. Поэтому их лучше всего «своевременно б бы объявить просто дураками»²². Успех мировой революции на ее новом эт таким образом, всецело зависит от того, насколько политические партии в своих политических деятелей способны принять верное решение при нс поворотах истории.

Представляется, что конспективно обозначенные здесь ленинские мысл всемирной пролетарской революции позволяют по-новому посмотреть на комплекс проблем социалистического преобразования России, вставших п большевиками после Октября 1917 г. Это, очевидно, важно и для исследов национальных процессов.

Суть воззрений большевиков на решение национального вопроса в Роси в тот момент, когда они пришли к власти, на наш взгляд, следует охарактер зовать следующим образом — революционное единство пролетариата в национальностей России. Именно классовый принцип становится критери оценки и решения многих проблем, в том числе и национальной.

Обратимся, например, к вопросу о форме государственного устройст С самого начала своего существования Советское государство заявилс федерации советских национальных республик²³, понимавшейся как переход форма «к полному единству трудящихся разных наций»²⁴, которая в перст тиве воплотится в «единую международную Советскую республику»²⁵. Одн В. И. Ленин предупреждал, и в этом была основная особенность его подхода, такой союз нельзя осуществить сразу, «до него надо добраться с величайш терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело...»²⁶. В. И. Лен предостерегал от торопливости, администрирования и авантюризма в вопро касающемся национального устройства.

Основой предпосылки существования новой федерации В. И. Ленин счита верность классовым интернациональным интересам пролетариата²⁷. Такая п установка вопроса полностью соответствовала концепции мировой революц ее первого этапа, поскольку ожидание скорого выступления западноевроп ского пролетариата требовало сплочения всех отрядов революционного движ ния России для дальнейших совместных действий. Поэтому столь однознач В. И. Ленин определяет суть национальной политики большевиков: «В наци нальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариат в отличие от буржуазно-демократического формального провозглашения равн ства наций, неосуществимого при империализме, состоит в неуклонном факт ческом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян во наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии»²⁸. Главным мет дом подобной политики он считал пропаганду и агитацию, в результате че представители национальностей сами собой, добровольно должны буд подойти к пониманию необходимости такого единства. Требование единств по его мнению, вовсе не означает шаблонного подхода к его осуществлению.

Характер и особенности развития первого этапа мировой революции требов ли от советских республик «тесного военного сплочения». Именно эта фор сотрудничества и была избрана в период гражданской войны. В. И. Лен предельно лаконично сформулировал этот принцип федерации так: «Мы, бор щиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесно военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматривае как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы прот международного империализма. Но, проводя эту политику, мы должны бы еще более осторожными»³⁰.

Сквозь призму данного принципа рассматривалось право на самоопреде ние³¹. Как известно, на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) этот вопрос вызв

мирную политику. Н. И. Бухарин делал упор на единство, объединение пролетариата всех наций. В тех условиях данное требование действительно стало целью и задачей продолжения мировой революции. Поэтому оно не вызвало возражений и у В. И. Ленина. Однако Н. И. Бухарин пошел дальше. Если мы заявляем, рассуждал он, об объединении пролетариата всех наций, логично заявить о «самоопределении трудящихся классов каждой национальности»³². Зачем же говорить о самоопределении наций?

В. И. Ленин считал, что так ставить вопрос неправомерно. И свое отношение к решению национального вопроса в России он формулирует предельно четко, говоря, что строительство социализма в стране, где произошло самоопределение трудящихся, вовсе не уничтожает национальных особенностей. С последнего необходимо считаться, а поэтому партия должна заявить о самоопределении наций, их праве на «государственное отделение». Отсюда, как бы ни было важно единство пролетариата всех национальностей, необходимо стремиться, в возможности, и к единству наций, «иначе социалистического общества мы так не можем построить»³³. Наиболее наглядно применение этого положения программы партии можно проиллюстрировать на примере вопроса о самоопределении Украины. Когда в конце 1919 г. он возник со всей очевидностью, В. И. Ленин предлагал подойти к его решению с учетом всех факторов, конкретизировав, например, в вопросе о государственном устройстве данного региона³⁴. С учетом национальных особенностей Украины был поставлен вопрос о языке, школе. Так, на VIII конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.) специально рассматривается вопрос «О Советской власти на Украине». В ее решениях указывалось на необходимость принятия всех мер к тому, «чтобы во всех советских учреждениях имелось достаточное количество служащих, владеющих украинским языком и чтобы в дальнейшем все служащие умели разговаривать на украинском языке»³⁵. Таким образом, четко фиксировалась необходимость учета национальных особенностей региона, что отвечало программным требованиям, выдвинутым партией.

Вполне естественно, что вопрос о государственном отделении мог быть решен только на Всеукраинском съезде Советов. Как в этом случае должен поступить украинский съезд? По мнению В. И. Ленина, в вопросах политических приоритет оставался за классовым принципом, принципом интернационального единства пролетариата перед лицом развивающейся мировой революции. Поэтому он заявил, что «важны основные интересы пролетарской диктатуры...» и «раздо менее важен вопрос, будет ли Украина отдельным государством или нет»³⁶. По Ленину, главное — классовые интересы пролетариата, цели мировой революции, а они «требуют самого полного доверия, самого тесного союза между трудящимися разных стран, разных наций»³⁷. Поэтому, когда вопрос об отделении встал на повестку дня, решение его было обусловлено классовыми интересами пролетариата, требующими совместной борьбы.

Кроме того, В. И. Ленин подчеркивал немаловажное значение собственного опыта масс, который свидетельствовал о том, что «государственное отделение может быть выгодным в обстановке борьбы против империализма...; такое отделение является преступлением»³⁸. Таким образом, налицо совпадение классового интереса пролетариата с общенародным. В этом случае естественно было подождать с вопросом о границах, переключиться на более важные вопросы борьбы с национализмом³⁹.

Итак, решение вопроса об отделении в обстановке 1918—1920 гг. решалось преимущественно с точки зрения приоритета классовых интересов пролетариата. Именно поэтому тогда возникла и функционировала федерация «военно-коммунистического» типа, полностью соответствовавшая проводимой в то время политике военного коммунизма.

1921 год можно назвать годом «великого перелома» на пути строительства социализма в нашей стране. Мировая революция явно задерживалась. Наступил новый этап в воззрениях на ее ход и темп; становилось все очевидней,

то в ближайшее время необходимо рассчитывать прежде всего на свои силы. Мировая революция вступает в свой следующий более или менее продолжительный этап. Непосредственным развитием этих представлений можно считать разработку нэпа, вводимого «всерьез и надолго»⁴⁰. Соответственно менялись теоретические представления о возможности построения социализма в нашей стране, в том числе и о способах решения национальной проблемы. И здесь вплотную подходим к оценке взглядов И. В. Сталина по вопросам национальной политики, об их соотношении с ленинским подходом.

Известно, что И. В. Сталин с 1917 по 1922 г. являлся наркомом по делам национальностей. Его теоретические представления особенно проявились на X съезде партии (март 1921 г.). И. В. Сталин утверждал, что с вопросом самоопределения большевики «распростились уже два года»⁴¹. Напомним, что действительно во второй Программе РКП(б), принятой VIII съездом, нет так выражения. Означало ли данное обстоятельство, что большевики отказались от права наций на самоопределение? По Сталину, самоопределение и государственное отделение — две разные вещи⁴². Однако, выступая через два года XII съезде РКП(б) (апрель 1923 г.), он заявил совсем противоположное исходным пунктом нашей программы является «самостоятельное государственное существование, или самоопределение»⁴³. Таким образом, И. В. Сталин исправлял свою теоретическую погрешность.

Доклад И. В. Сталина и резолюция, принятая на X съезде по этому вопросу свидетельствуют о том, что он отдал дань концепции мировой революции в том виде, в котором она существовала в годы «военного коммунизма», совершенно не учитывая того изменения, которое появилось у В. И. Ленина по отношению к этому, но еще не воплотилось в законченную концепцию. Как нам представляется, для И. В. Сталина оформление взглядов В. И. Ленина в определенную законченную концепцию является существенным фактором в переосмыслении и его собственных воззрений. Но у В. И. Ленина законченной концепции еще не появилось, а на нюансы И. В. Сталин не обращал внимания. Федерация признавалась исковой формой государственного союза⁴⁴. Однако понимание оставалось прежним: принцип приоритета классовых интересов действовал безотказно. «Советские республики могут отстаивать свое существование и идти соединенные силы империализма, — говорилось в резолюции съезда, — лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не могут»⁴⁵. Поэтому, например, замечания Г. В. Сафарова о языке коренной национальности или об организации «туземной» бедноты, более полно учитывающей национальные особенности окраинных областей страны, не были отражены в резолюции съезда.

В. И. Ленин, как, впрочем, и другие видные деятели партии, не выступил по национальному вопросу. Видимо, это связано с тем, что он не приобрел столь явно очерченных форм как нэп, не вступил в противоречие с реальностью. Однако уже через год стало ясно, что необходимо принимать кардинальные меры для разрешения и снятия возникающей напряженности в сфере национальных отношений.

События 1921—1922 гг. в Грузии привели В. И. Ленина и И. В. Сталина к различным выводам.

Отношение В. И. Ленина к сформированной Закавказской федерации видно из его записки И. В. Сталину, в которой говорится о необходимости признания Закавказскую федерацию абсолютно правильной и о важности пропаганды этой федерации⁴⁶. Эта записка была написана 28 ноября 1921 г. в ответ на предложение И. В. Сталина⁴⁷. В. И. Ленин вовремя удержал И. В. Сталина от неверного шага. В результате было найдено компромиссное решение проблемы, которое на время разрядило напряженную ситуацию.

Однако на этом конфликт не был разрешен до конца и вновь разразился в 1922 г., когда сторонники П. Г. Мдивани, составлявшие большинство в ЦК Грузии, вышли из него и обратились с жалобой в ЦК РКП(б). Фактиче-

был первый в истории партии конфликт такого уровня; до этого ни один ЦК другой парткомитет не подавали в отставку. Данный факт показал, что обвинения, отстаиваемые группой П. Г. Мдивани, выдвинулись на первый план, стали политическими. Отмахнуться от них или по-прежнему говорить только о необходимости классового единства в данной ситуации было невозможно. Это грозило серьезными политическими последствиями, отрывом партии от Грузии. Требовалось мудрое политическое решение, которое на определенный срок гарантировало бы невозможность повторения подобного поворота событий. Свидетельством того, что именно этот вопрос стал главным в 1922—1923 гг., являются приведенные в начале статьи факты, свидетельствующие о привлечении к этому вопросу внимания, которое проявил В. И. Ленин к грузинскому делу. Каким вышло его решение названной проблемы? Были ли ленинские требования выполнены в дальнейшем?

Вначале ответим прежде всего на вопрос: чего же добивались «уклонисты» Грузии? Выступая на XII съезде партии, П. Г. Мдивани так охарактеризовал значение этого спора: «Я имел случай присутствовать на одном из ответственных заседаний, где один из членов ЦК заявил, что вопрос национальный у нас — вопрос тактики. Этот член ЦК забыл, что это не тактический вопрос, а вопрос программный»⁴⁸. П. Г. Мдивани отметил также необходимость конкретного, а не абстрактного подхода к вопросу о складывающейся федерации. Поэтому, формулируя суть своего отношения к этой проблеме, он заявил: «Мы выступаем против Закавказской федерации, а против той самой Закавказской единой республики, которую создали»⁴⁹. В чрезмерной централизации П. Г. Мдивани видел опасность появления и распространения «национальных трений», а ведь, по его мнению, уступка самостоятельности республикам «вовсе не мешает самостоятельности Советской власти»⁵⁰. П. Г. Мдивани считал, что в компетенции союзного государства лучше оставить только дипломатию и оборону. После этого он делал следующий вывод: «Мы создаем и централизм, и децентрализм, дополняющие один другого, и чем сильнее будут развиваться наши отдельные республики, тем сильнее будет наш Союз Республик»⁵¹. Таким образом, суть требований «уклонистов» — предоставление большей самостоятельности республикам как основа создания Союза ССР.

Конечно, тогда, после привычной апелляции к классовому единству, это требование «уклонистов» звучало диссонансом, казалось одиозным, подталкивало к одернутым зарвавшимся. Именно так и поступил, например, Г. К. Орджоникидзе, дошедший до рукоприкладства, да и его реплики на XII съезде, как и реплики некоторых других делегатов, свидетельствуют о резко отрицательном отношении к «уклонистам». В результате последних обвинили в политическом преступлении⁵². Так, впервые в истории партии явно проявились симптомы будущей борьбы с троцкистами, бухаринцами и прочими «уклонистами», впервые именем В. И. Ленина стали прикрывать собственную политическую беспомощность. Препятствием на публикацию записок В. И. Ленина от 30 и 31 декабря 1922 г. преследовалась цель скрыть от партии ленинское решение проблемы.

А ведь в своей работе «К вопросу о национальностях или об „автономизации“» В. И. Ленин указал выход из создавшейся ситуации. Специально обращаясь к грузинскому вопросу, он стремился показать, что меняется в национальной политике партии и чем вызваны эти изменения. Поэтому работа носит методологический характер.

Что же нового содержится во взглядах В. И. Ленина? Он, в частности, однозначно утвердительно отвечает на вопрос: нужно ли укреплять СССР? Однако суть вопроса в том, как это сделать. Конечно, можно пойти по традиционному пути, сохранив федерацию военно-коммунистического типа и придав ей лишь видимость общности хозяйственной жизни. По В. И. Ленину, так поступить можно только в том случае, если бы жизнь стояла на месте. Для политиков, однако, гораздо важнее понимать настоящее, предвидеть перспективы. Внимательный политик должен учитывать все многообразие явлений, постоянно сравнивать, искать решения, отвечающие данной ситуации, видеть приоритеты.

Для национальной политики это означает правильное понимание про-ского интернационализма. Классовый подход является для В. И. Ленина необходимым исследовательским инструментом, с помощью которого он дел следующий вывод: «...Интернационализм со стороны угнетающей или называемой „великой“ нации (хотя великой только своими насилиями, вели только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»⁵³. Следовательно, партия должна в определенных пределах идти на уступки национальным движениям. Но каковы же пределы?

И здесь, по мнению В. И. Ленина, необходимо конкретизировать классовый подход. Ситуация, складывавшаяся в мире тогда, свидетельствовала о том, что мировая революция превращается в более отдаленную перспективу. И она всецело зависит теперь не только от пролетариата Запада, а и от «сотен миллионов народов Азии, которым предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами»⁵⁴. Значит, полагает В. И. Ленин, следующее военное столкновение произойдет не скоро, а поэтому необходимо в тоталитарном единстве, о котором большевики говорили раньше и которое действительно было обусловлено перспективой скорой мировой революции, отпадает, сходит на нет. Следовательно, пролетарский интернационализм теперь, в новых исторических условиях, требует максимального удовлетворения требований бывших угнетенных наций. Идти на уступки, а не требовать безапелляционного единства — таков лейтмотив работы В. И. Ленина. «Одно дело — необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут не может быть сомнений, и мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами подаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистские отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренности, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом»⁵⁵. Можно лишь предполагать, как будет выглядеть эта новая ступень мировой революции — в виде отдельных, повторяющихся, связанных или изолированных революций. Сейчас не это интересует В. И. Ленина. Однако ему было важно подчеркнуть необходимость «коренной перемены» национальной политики партии: укреплять Советскую власть, — считает он, — теперь можно только путем всестороннего учета требований национальностей.

Поэтому с точки зрения В. И. Ленина важно именно сейчас сделать уступки грузинским «уклонистам». Большевики не поступятся классовыми принципами, если предоставят больше самостоятельности независимым Советским республикам в рамках единого федеративного государства. Именно к этому стремились «уклонисты», требуя «союза республик», а не «союзного государства», на чем настаивал И. В. Сталин⁵⁶.

Сталинский же проект «автономизации», вполне устраивавший одного, был неприемлем для других, поскольку последние видели в нем ущемление своего национального суверенитета. Чтобы избежать назревающего конфликта, В. И. Ленин требовал: «Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИ *председательствовали* по очереди

русский,
украинец,
грузин и т. д.
Абсолютно!»⁵⁷.

Логическим продолжением этого могло бы служить предложение учитывать интересы всех национальностей путем представительства их в союзном органе. По этому поводу В. И. Ленин говорил, «в данном случае лучше пересолить сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем не пересолить»⁵⁸. Учет интересов всех национальностей, живущих на определенной

ритории,— одно из основных звеньев складывающегося нового государственного объединения. Отметим, что в дальнейшем В. И. Ленин собирался изменить свою позицию⁵⁹.

И. В. Сталин был категорически против ленинского подхода, что особенно явилось тогда, когда В. И. Ленин дал принципиальную оценку его проекту. В январе 1922 г. И. В. Сталин продолжал настаивать на том, что представительство национальностей «несомненно, не получит сочувствия в национальных публиках»⁶⁰. Таков был основной лейтмотив его рассуждений накануне образования СССР. Именно так 30 декабря 1922 г. без учета этих ленинских воззрений был образован СССР. Однако уже на XII съезде партии, через несколько месяцев после I съезда Советов СССР, пришлось ставить вопрос о необходимости создания палаты национальностей⁶¹.

Накануне образования СССР В. И. Ленин высказался и по вопросу устройства органов управления будущей федерации. Он полагал, что в союзном ведении при необходимости могут оставаться лишь вопросы обороны и дипломатии, во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов»⁶². В. И. Ленин указал, что подлинное решение национальной проблемы может потребовать в дальнейшем принятия более радикальных мер, если не одобрявшихся и не принимаемых во внимание. В этом должны себе ставить отчет те политики, которые возьмут на себя ответственность руководить столь сложным процессом. Таково было ленинское напутствие.

На XII съезде РКП(б) фактически в поддержку группы П. Г. Мдивани выступили Н. И. Бухарин, Г. Х. Раковский, Г. Ф. Гринько, Н. А. Скрыпник, Саид-Галиев. Н. И. Бухарин в одной из своих реплик прямо напомнил, что В. И. Ленин поддержал «уклонистов»⁶³, и справедливо отмечал, «что мы в действительности бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле больших уступок национальным течениям»⁶⁴. По его мнению, необходимо было осудить только великодержавный шовинизм. Именно так и ставил вопрос В. И. Ленин в своем политическом завещании. По Ленину, важен не столько уклон, сколько существо: укреплять федерацию путем всестороннего учета интересов союзных республик.

Точка зрения Н. И. Бухарина и тех, кто отстаивал ленинское видение проблемы, по тем или иным причинам не была поддержана и критиковалась⁶⁵. Восторговала точка зрения И. В. Сталина и его сторонников, согласно которой главный момент необходима борьба и против великодержавного шовинизма, и против местного национализма. Оба этих уклона осуждались в резолюции съезда⁶⁶. Следовательно, осуждалась и деятельность группы П. Г. Мдивани⁶⁷. Почему же И. В. Сталин так настойчиво стремился узаконить проект «автономизации»? Обратим внимание на то, что В. И. Ленин не ставил на этой идее стержня, он лишь подчеркнул, что она «в корне была неверна и несвоевременна»⁶⁸. Даже если она будет «своевременной»? Видимо, тогда, когда появятся соответствующие условия. И. В. Сталин не понял суть изменений ситуации в мире, не осознал нового этапа всемирной революции, по-прежнему оставаясь на позициях существовавшей федерации «военно-коммунистического» типа. Вот почему в основе проекта «автономизации» лежит идея учета классовых интересов в ущерб интересам национальным, а по Ленину — существующая политическая оболочка пролетарского государства является необходимым и достаточным условием того, чтобы в период медленного развития мировой революции были приняты самые парадоксальные решения, сознавая при этом, что никакая внешняя сила не сможет в настоящее время разрушить советский строй.

И. В. Сталин же, выступая на съезде, прямо заявил, что право на самоопределение подчинено праву рабочего класса на укрепление своей власти⁶⁹. В итоге ленинские требования по формированию национальной политики И. В. Сталин свел к «обороту речи»⁷⁰ и не более. Позднее Н. К. Крупская, явно имея в виду В. Сталина, писала: «Ленинскую точку зрения в вопросе о праве наций на

самоопределение некоторые товарищи определяли так же, как отступление классовой точки зрения»⁷¹. И только В. И. Ленин продемонстрировал диалектическое отношение к принципам классовой борьбы пролетариата. Этого не с и не захотел сделать И. В. Сталин. Вот почему было справедливым замечание Г. Х. Раковского о том, что «т. Сталин остановился как раз на пороге выяснения подоплеки национального вопроса у нас»⁷². Мы стремились показать, почему И. В. Сталин не смог осуществить пересмотр своих устаревших представлений. Вопрос же о том, почему он не захотел этого сделать, на наш взгляд, достаточно глубоко освещен в новейшей литературе.

Таким образом, не грузинские «уклонисты» совершили политическое отступление. В. И. Ленин полностью поддержал их. Виноваты, по его мнению, только те политические деятели партии, которые, оставаясь в плену прежних представлений, не сумели сориентироваться и превратили решение грузинской проблемы в политический фарс, в отстаивание не классовых, а групповых интересов. И. В. Сталин не смог воспринять ленинский подход и на долгие годы навязал партии представления, которые уже тогда, в 1923 г., утратили свою актуальность.

В чем же состоит ленинский подход к решению национальных проблем?

В. И. Ленину довелось немногим более пяти лет быть у руля Советского государства. Однако ни одно обращение к национальной проблеме у него не несет печать застоя, догматизма. Он был постоянно в поиске решения проблемы, он не допускал поспешности, торопливости, прямого администрирования. В подходе явно выражено стремление соотнести принимаемое решение с конкретной ситуацией, складывающейся в стране и в мире в данный момент. Ему была чужда потребность в рассмотрении и анализе различных схем или вариантов разрешения тех или иных проблем. Целью же такой многогранной творческой работы было стремление выбрать наиболее правильное, адекватное обстановке решение.

Первым неперменным условием ленинского подхода можно считать научную объективность. Рассматривая два периода в разработке В. И. Лениным национальной политики после Октября, мы отмечаем постоянную ориентацию потребности классовой борьбы пролетариата. Однако, если у других деятелей партии в различные исторические периоды акцент делался только на одном определенном понимании классового подхода, то у В. И. Ленина, как великого диалектика, присутствует явно выраженная тенденция к выявлению различных форм его проявления. По В. И. Ленину, классовый принцип не есть нечто застывшее, однозначное. Применительно к нашей теме, например, так понимание классового подхода четко выражено в определении интернационализма. Так, в начале революции явно присутствует, а возможно, и преобладает понимание интернационализма как классового единства ради достижения победы мировой социалистической революции, когда те или иные требования национальных окраин приносились в жертву этому единству. Однако уже к 1922 г. акцент смещается в иную сторону. В частности, В. И. Ленин подчеркивает, что классовое единство может быть достигнуто только путем учета требований национальных регионов страны. И в первом, и во втором случаях единство, но понимается оно по-разному.

Классовый подход у В. И. Ленина носит конкретно-исторический характер. А это значит, что в настоящее время, как нам представляется, данный принцип в оценке процессов в сфере национальных отношений и при разработке национальной политики предполагает дифференциацию сложившейся социальной структуры современного общества, выявление многообразия социально-классовых групп и слоев, их доминирующих интересов. И только после этого, очевидно, можно дать социально-классовую оценку общественным движениям, течениям и их лидерам, формам, программам и требованиям, а просто говорить, что это — коррумпированные или националистические элементы, представители теневой экономики или организованной преступности.

и т. п. На основе глубокого изучения социально-классовой структуры общества, преобладающих потребностей и интересов всех слоев населения предлагается возможным выявить те из них, которые являются сходными, переживаемыми. Эти наиболее общие, совпадающие интересы и могут бытьжены, на наш взгляд, в определении природы интернационализма в со-енных условиях. Отсюда появится возможность раскрыть диалектическую связь между интернациональным, национальным и националистическимработать критерии их дифференциации, что очень важно для принятия в сфере национальной политики, для выработки элементов механиз-ального управления обществом, особенно при наличии конфликтной иисной ситуации.

Другим важнейшим принципом ленинской концепции решения националь-вопроса является федерализм. К сожалению, трактовка в литературе, одного из основополагающих принципов ленинской национальной поли- в настоящее время или не совсем точна, или даже ошибочна. И это в то-ия, когда мы, формируя новую национальную политику, стремимся исполь-ть в качестве теоретико-методологического фундамента ленинские принци-ешения национальных проблем. Очень существенно, на наш взгляд, ленин-понимание федерализма, его соотнесение с правом на самоопределение, ренитетом, самостоятельностью национально-государственных образо-ий. В частности, В. И. Ленин считал, что в рамках федерации могут быть-шения, построенные на делегировании центральному правительству мно-ционального государства лишь небольшой части полномочий, например, оборона и безопасность страны; межгосударственные связи; крупны-но-технические разработки; финансово-валютная система и т. п. Остальные-юсы жизнедеятельности республик должны являться прерогативой местны-инов власти.

В самом Союзе Советских Социалистических государств В. И. Ленин виде-иципально новую форму национально-государственного устройства, ий тип взаимоотношений между национальными регионами.

Внимательное прочтение ленинской концепции разрешения национальной-лемы позволяет сделать вывод и о том, что «право нации на самоопределе-» провозглашалось В. И. Лениным не условно или абстрактно, а реально. ленинской логике предполагалось не только практическое обеспечение-реализации (например, решение вопроса о Финляндии), но и введение-тических и правовых гарантий в этих целях. Возможно, В. И. Ленин в-ущем и поставил бы вопрос о разработке юридического механизма реали-ии данного права.

И наконец, решение вопроса о реальном обеспечении равноправия все-ий и народностей и недопущении каких бы то ни было привилегий по отно-ию к той или иной этнической группе В. И. Ленин видел на путях создания-сферы подлинного демократического сотрудничества всех народов, а не-практично провозглашаемого единства.

В целом принятие решения у В. И. Ленина сочеталось с анализом внутренне-и-международной обстановки. При этом он всегда подчеркивал необходимость-ого внимательного отношения к национальной проблеме. Однако считал, в определенные моменты в большей степени действуют те или иные факторы-шнего или внутреннего, объективного или субъективного характера, застав-щие и побуждающие отдавать приоритет тому или иному аспекту в решении-блемы.

Примечания

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356—362.

² Там же. С. 376.

³ Рубцов А., Разумов А. Политическое завещание В. И. Ленина. М., 1989; Плимак Е. Г. Полит-ское завещание В. И. Ленина: истоки, сущность, выполнение. М., 1989; Дробкина Е. Зимний-ал. М., 1988.

- ⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 476.
- ⁵ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1982. Т. 12. С. 574, 583.
- ⁶ Там же. С. 578, 585.
- ⁷ Там же. С. 589.
- ⁸ Справедливо в этом плане суждение Г. Х. Раковского о том, что В. И. Ленин хотел на стоящем XII съезде партии сделать главным вопросом именно этот. См.: Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 577.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 1.
- ¹⁰ Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 105.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 245.
- ¹² Седьмой (экстренный) съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 109.
- ¹³ Там же. С. 126, 167.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 89.
- ¹⁵ Там же. Т. 44. С. 36.
- ¹⁶ Там же. С. 37.
- ¹⁷ Там же. С. 38.
- ¹⁸ Там же. Т. 45. С. 403.
- ¹⁹ Там же. С. 404.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 381.
- ²² Там же. С. 382.
- ²³ Там же. Т. 35. с. 221.
- ²⁴ Там же. Т. 41. С. 164.
- ²⁵ Там же. Т. 40. С. 44.
- ²⁶ Там же. Т. 41. С. 164.
- ²⁷ Там же. Т. 40. С. 43.
- ²⁸ Там же. Т. 35. С. 288.
- ²⁹ Там же. Т. 38. С. 111.
- ³⁰ Там же. С. 183—184.
- ³¹ Там же. Т. 40. С. 98—99.
- ³² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 79.
- ³³ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы, М., 1959. С. 46—48.
- ³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 184.
- ³⁵ Там же. Т. 40. С. 42.
- ³⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 199. На этой речи часто ссылались выступавшие на X и XII съездах РКП(б).
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 20. См. также: С. 43.
- ³⁸ Там же. С. 42.
- ³⁹ Там же. С. 99—100.
- ⁴⁰ Там же. С. 43—44.
- ⁴¹ Там же. Т. 43. С. 329.
- ⁴² Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 42.
- ⁴³ Там же. С. 43.
- ⁴⁴ Там же. С. 242. Заметим, что текст по «стенограмме» и текст по «сочинениям» существенно отличаются друг от друга.
- ⁴⁵ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 39.
- ⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. С. 364.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 255.
- ⁴⁸ Там же. С. 565—566.
- ⁴⁹ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 496.
- ⁵⁰ Там же. С. 500.
- ⁵¹ Там же. С. 502.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 358.
- ⁵⁴ Там же. С. 359.
- ⁵⁵ Там же. С. 362.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 338. Отметим, что В. И. Ленин в своем завещании имеет в виду только «союз республик».
- ⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 214.
- ⁵⁹ Там же. С. 360.
- ⁶⁰ Там же. С. 213.
- ⁶¹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 143.
- ⁶² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 607.
- ⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 362.
- ⁶⁴ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 589.
- ⁶⁵ Там же. С. 613.
- ⁶⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 3. С. 87. Гим, что краткий курс «Истории ВКП(б)» трактовал сущность требований группы П. Г. Мди- как великодержавный шовинизм, что являлось чудовищным искажением взглядов В. И. Ле- При этом утверждалось, что XII съезд учел все его указания. См.: История ВКП(б). Краткий М., 1938. С. 250—251.

⁷ Именно такая оценка решениям XII съезда РКП(б) дается в многотомной истории КПСС История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 280—281). , в частности, говорится об ошибочной позиции Н. И. Бухарина и Г. Х. Раковского, утвержда- что отстаивание минимума компетенции общесоюзных высших органов вело к ослаблению та союзного государства (С. 284). Последнее противоречит ленинскому подходу. В дальней- изданиях многотомной истории КПСС необходимо, очевидно, учесть данное обстоятельство и принципиальную оценку взглядам как Н. И. Бухарина, так и И. В. Сталина.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

⁹ Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 264—265.

⁰ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 650.

¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 208.

² Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. С. 579.

© 1990 г.

В. В. Пименов

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТ

*Нагромождение фактов — вернейший
признак умственного бесплодия.*

О. де Бальзак

Вопрос о факте, о фактической обоснованности научного утверждения, ории, концепции принадлежит к числу существенных сторон всякой науки. фактическое знание, знание, основанное на фактах,— это синоним точного учного знания, нередко — синоним науки. В последние десятилетия вопрос научном факте стал предметом обсуждения среди специалистов многих раслей знания. Едва ли это случайно. Фактическая обоснованность научных ждений, которая, кстати сказать, имеет прямое отношение к проблеме источ- коведения, создает уверенность в истинности наших утверждений, обуслов- вает устойчивость аргументов и выводов. Повышенное внимание к проблеме фкта вызвано к жизни не только и не столько импульсами чистой любознатель- сти, сколько прогрессом науки, усложнением структуры научного знания, ширением круга и характера источников информации, накоплением об- рного и разнообразного исследовательского опыта, возрастанием ответствен- сти ученого за результаты своих разработок, в особенности в связи с рас- рением практического использования научных данных. Короче говоря, про- лема факта выдвинулась на авансцену в силу усложнения исследовательских оцедур, а также вследствие осознания учеными необходимости уточнения их гносеологических позиций.

В ряде публикаций нередко можно встретить признания, что вопрос о факте едостаточно разработан в нашей философско-методологической литерату- ¹. Не будем закрывать глаза также и на то, что среди нас имеется немало едователей, гипертрофирующих значение фактического знания в ущерб нанию теоретическому. Представление о том, будто «факты говорят сами за оя», «факты покажут», имплицитно присутствует во многих исторических, ографических, филологических и иных трудах (как отечественных, так и за- режных ²).

Учение о факте в каждой конкретной науке есть раздел, в существенной епени трактующий свойственные этой науке проблемы теории познания. То, а трактуется факт, зависит, разумеется, не только от специфики данной науки,

но и от того, каковы классовые, философские, общеметодологические позиции занимаемые тем или иным ученым. Несмотря на то что в отдельных исследованиях время от времени появляются призывы, предостерегающие против «искусственного усложнения»³ проблемы факта, тем не менее становится все более ясно, что мера усложнения или упрощения этой проблемы должна быть адекватна ее содержанию и не может быть сведена к ее оценке тем или иным ученым. Нельзя не принять во внимание то обстоятельство, что во многих науках явно прослеживается стремление отчетливо выявить своеобразие, качественную определенность тех фактов, с которыми «работает» каждая дисциплина. Недаром в языке науки появились такие понятия, как *физический факт*, *медицинский факт*, *юридический факт*, *исторический факт*, *археологический факт*, *психологический факт* и т. п.⁴ Сомнительно, чтобы это стремление было просто выражением «искусственного усложнения» проблемы; скорее всего здесь мы имеем дело с ее действительной сложностью. Даже если отбросить в сторону задачу отделения подлинных фактов от ложных (т. е., например, продуктов деятельности пропаганды, созданных с целью манипулирования общественным мнением⁵), то и в этом случае проблема обнаруживает весьма высокую меру сложности.

Тщательный историографический анализ позволил, например, А. Я. Гуревичу убедительно показать, сколь радикальную эволюцию претерпело понятие *исторический факт* за последние 100 лет с небольшим. Наивная вера в реальность и, так сказать, вещественность факта, в его атомарную простоту и однозначную объективность интерпретации, что якобы ведет прямо к прочному знанию и научному закону, сменилась со временем осознанием сложности строения исторического факта, пониманием его многозначности и возможности различных толкований. Дальнейший анализ проблемы нередко приводит ученых к трактовке исторического факта как лишь исследовательской конструкции и, более того, к полному субъективизму и к мысли о невозможности адекватного понимания прошлого, к мифотворчеству в истории. Таким образом, представление о факте менялось: преобладавшая ранее натуралистическая фетишизация факта обернулась безудержным релятивизмом и даже мистификацией⁶. Не потому ли исторические (а в сущности, и историографические) факты в той форме, как они трактуются в зарубежной науке, вызвали чувство недоверия у такого исследователя, как К. Леви-Строс, который обратил внимание на то, что они суть результаты абстракции, кодирования выбора, установления хронологических последовательностей и т. п.; что эти факты выступают не как изначальные моменты и свойства самих исторических событий, но как продукты осуществляемой человеком концептуализации.

Если попытаться реализовать тот опыт, который накоплен в науке по пониманию факта с точки зрения его сложности или простоты, то можно отметить по крайней мере три обстоятельства, на которые следует обратить внимание. Во-первых, это многосторонность, многослойность, многоплановость любого факта, т. е., в сущности, его неисчерпаемость. Во-вторых, следует отметить, что всякий факт, как правило, отличается структурной сложностью, а не простотой. И, в-третьих, необходимо учитывать связанность, сочлененность факта с бесчисленными другими фактами, вместе с которыми только и может проявляться его смысл и значение⁸.

Обращаясь теперь к вопросу о том, что именно следует называть фактом, необходимо отметить, что в современной советской науке нет единства мнений: одни исследователи полагают, что факты суть фрагменты действительной реальности, находящиеся вне сознания познающего субъекта¹⁰; другие думают, что фактами следует называть лишь отражения действительности тем или иным способом зафиксированные познающим субъектом (так называемые факты науки¹¹); третьи (к ним принадлежит автор настоящей статьи) убеждены в том, что в процессе познания мы неизбежно имеем дело с двумя рядами фактов: фактами действительности и фактами науки. Интересно отметить, что исследователи, работающие в области конкретных наук и затрагивающие проблемы

та, опираясь на опыт исследовательской работы, в большей степени, чем Иосифы, склонны вычленять два ряда фактов, т. е., с одной стороны, факты бытности и, с другой — факты науки¹².

Один из сторонников трактовки факта в качестве лишь субъективного отражения действительности следующим образом определяет понятие факта: факты — совокупность высказываний, фиксирующих результаты экспериментов и наблюдений, полученных по определенным правилам и с помощью специальной аппаратуры в соответствии с критериями точности и адекватности, продиктованными данной теорией. Такие высказывания рассматриваются как достоверные или статистически вероятные»¹³. Автор против, как он говорит, «удвоения терминологии» и ставит вопрос: «Не проще ли говорить не о фактах, а об *особо значимых* (курсив мой. — В. П.) событиях, процессах, ситуациях, имевших место в прошлом?»¹⁴

С такого рода утверждениями трудно согласиться. Анализ высказываний классиков марксизма-ленинизма показывает, что они называли фактами как объекты реальности, так и их отражения в человеческом сознании, зафиксированные научными средствами¹⁵. Г. М. Андреева, специально рассмотревшая этот вопрос, пришла к заключению, что В. И. Ленин употребляет понятие факта в двух значениях — онтологическом и гносеологическом¹⁶.

Однако дело не только в соответствии нашей терминологии сложившейся марксистской традиции. Отказывая «фрагментам объективной действительности» в признании и названии их фактами, мы рискуем утратить ясность научной, теоретико-методологической позиции, рискуем вместо изучения всей реальности отправиться на поиски лишь «особо значимых событий, процессов, ситуаций»¹⁷, утратить необходимую меру связи между изучаемой реальностью и фиксированным знанием.

Анализируя процесс познания, В. И. Ленин говорит о превращении «вещи в себе» в явление, в «вещь для нас». «Это превращение и есть познание»¹⁸. Во всей видимости, и в рассматриваемом случае следует констатировать уже самую связь между фактом реальности и фактом науки: превращение факта в себе в факт для нас. Этот процесс постоянно совершается, с одной стороны, в ходе, в развитии, в итоге чувственного наблюдения, живого созерцания (при использовании тех или иных инструментов наблюдения). Примерами тому в этнографии могут служить бесчисленные случаи разнообразных наблюдений, констатаций, открытий и т. п. (обнаружение неизвестного науке племени индейцев в Амазонской сельве, открытие дотопе неизвестного типа жилища и т. п.). С другой стороны, лишь на этой основе могут производиться различные логические операции, сопоставления, анализы, в ходе, в развитии и в итоге которых, оперируя уже известными (зафиксированными) фактами, удается устанавливать новые факты путем вывода, путем выявления связей, например, выяснять наличие этнокультурной близости двух или более этносов, археологических культур, форм жилища и т. д.). Самое интересное и важное в данном случае это то, каким образом совершается переход от незнания к знанию, как трансформируется факт реальности в факт науки, каковы механизмы, способы и пути такого превращения.

Соотношение фактов и теории — принципиальный вопрос для каждой науки. Любая наука начинается с собирания фактов...»¹⁹ — такое утверждение, при всей его кажущейся справедливости, нельзя признать верным. В самом деле, для того чтобы начать собирание фактов, в сознании «собирателя» уже должны присутствовать некоторые соображения по поводу того, какие именно факты нужно фиксировать, а какими можно пренебречь, наличествовать концепция или, те или иные (пусть не явно выраженные) гипотезы и т. п. Каждый исследователь (и тем более целая наука) реализует свою познавательную деятельность не в состоянии «нуля гипотезы (теории, концепции, идеи, метода и т. п.)», как безуспешно пытались доказать сторонники неопозитивизма²⁰. Более того, «факт», «событие», «ситуация» — все то, с чем сталкивается исследователь..., в известном смысле есть уже «итог» развития социальной действ-

вительности, а отнюдь не „исходный пункт“...»²¹. Кроме того, объем предметности (факту-реальности) путем ее фиксации должен быть придан факту научного факта при помощи введения его в концептуально определенную логико-семантическую схему²². Заметим, кстати, что эта последняя мысль была ясна многим авторитетным исследователям прошлого. Так, В. О. Кичевский утверждал: «Факт, не приведенный в схему, есть смутное представление из которого нельзя сделать научного употребления»²³.

Резюмируя сказанное, следует, по всей видимости, заключить, что вопрос о соотношении факта и теории, факта и концепции и т. п. не может быть решен однажды и навсегда, одним единственным способом. Эти компоненты постоянно меняются местами и их последовательная взаимосвязь и соотношение напоминают соотношение между курицей и яйцом.

Между фактом-реальностью и фактом-знанием находится посредствующее звено, обладающее достаточно сложным строением: это процедуры выявления фактов, их поиска и фиксации. Л. П. Лашук, заслуга которого состоит в том, что он одним из первых поставил вопрос об этнографическом факте, тем менее совершает погрешность, утверждая, будто эмпирические факты — это что непосредственно наблюдается или изучается²⁴. На самом деле факт-реальность «дан не непосредственно, а через призму определенного истолкования...»²⁵. Наблюдение, изучение, как правило, опосредовано также инструментарием и техникой наблюдения, что не всегда очевидно при использовании классических для этнографии приемов полевой экспедиционной работы, что отчетливо заметно при переходе к массовым обследованиям, осуществление которых сопряжено с выполнением ряда исследовательских процедур, подготовкой специального инструментария, с расчленением процесса сбора информации на ряд последовательных этапов, с привлечением к работе многочисленных сотрудников-регистраторов. Факт науки (факт-знание) есть, следовательно, приблизительно верный познавательный образ, отражение фактов реальности. Но не только. Факт-знание несет на себе те или иные следы концептуальной позиции познающего субъекта, особенностей инструментария, условий реализации процесса познания. Так, в процессе изучения свадебного обряда этнограф использует разные теоретические и «технические» подходы, может изучать собственно «ткань» обряда, и меру его знания респондентами, и характер соблюдения обряда, и, наконец, отношение к нему респондентов. Все это будут разные аспекты одного и того же объекта, и в ходе его фиксации будут «схвачены» разные факты.

Фактофиксирующие суждения — это показатели (индикаторы), образы отражения, а не реальные свойства изучаемого объекта²⁶. Данное обстоятельство создает существенные трудности, связанные с переводом, превращением объективно наблюдаемого в систему суждений о нем. Трудности еще более возрастают, если речь идет об исследовании социальных объектов, если сбор информации принципиально включает в себя создание ситуации «наблюдатель — респондент (информатор, испытуемый)», т. е. ситуации, которая сплошь и рядом возникает при сборе этнографических фактов: присутствие наблюдателя в той или иной степени оказывает воздействие на обследуемых, результатом чего может быть некоторый искажающий эффект. Установлено, например, что проведение интервью в ходе массового этнографического обследования дает заметно различающиеся материалы в зависимости от того, на каком языке — русском или языке респондента — совершался опрос информаторов²⁷.

Констатацию эффекта искажения, обнаружение помех и «шумов» в процессе превращения фактов-реальностей в факты науки не следует, разумеется, рассматривать как аргументы, будто бы сводящие на нет усилия исследователей, направленные на получение достоверных данных. Однако ясное понимание возникающих трудностей есть неременное условие, обязывающее исследователя принять все возможные и необходимые меры для снижения искажающего эффекта. Именно поэтому одной из самых существенных процедур в ходе познания остается процедура проверки (верификации) получаемых данных.

Сказанного достаточно для того, чтобы подчеркнуть не только сложности трудности познавательного процесса, но и обратить внимание на его активный характер. Превращение факта-реальности в факт науки есть, как правило, активная, сложная, напряженная работа, а не пассивное созерцание. В этой связи встает вопрос о том, чем является факт по отношению к активной познавательной научной деятельности. Ю. И. Семенов высказал на этот счет следующее суждение: «Факт не может быть создан ученым. Он может лишь быть найден, открыт или установлен»²⁸. Это утверждение совершенно верно и справедливо в том смысле, что факт-реальности действительно не создается исследователем. Даже в том случае, когда имеет место натурный (в том числе социальный) эксперимент, «создание» факта есть иллюзия, нечто лишь кажущееся: воздействие экспериментатора на объект лишь высвечивает объективные, фактические свойства последнего. Факт не создается, а лишь «поворачивается» к исследователю нужной «стороной». Однако положение радикально меняется, если речь идет о фактах науки, об описаниях, фактофиксирующих суждениях. Именно в этой сфере проявляется деятельность, работа, трудовые усилия, направленные на создание такого рода документов, т. е. на создание фактов науки. Исследуя, например, в полевых условиях народные жилища, этнограф имеет дело с фактами реальности, он создает их описания, планы и тому подобные фактофиксирующие документы. Но впоследствии, в ходе камеральной работы он оперирует, естественно, уже не самими объектами их реальности, а созданными их описаниями, т. е. фактами науки.

В своей работе исследователь встречается, как известно, с самыми разнообразными фактами, имеющими различные характер и природу. Это обстоятельство обязывает и понуждает его сознательно и отчетливо определять, какого рода фактами предстоит работать и, следовательно, осуществлять необходимую группировку и классификацию. Речь идет в данном случае о группировке фактов именно по характеру их существенных свойств. Автор имеет намерения исчерпать в данной статье все возможности группировки классификации фактов, а хочет лишь предложить некоторые, кажущиеся ему полезными для ориентации исследователя в безбрежном море эмпирических данных.

Практика работы этнографа показывает, что в ходе исследований нередко встает задача, связанная с реконструкцией фактов. Такого рода задачи, типичные в исторических и историко-этнографических исследованиях, реализуются с помощью процедур, связанных с изучением документов, применением палеонтологического метода, изучением музейных коллекций и других источников, позволяющих в конечном счете доказать наличие в прошлом того или иного факта, т. е. реконструировать его. Наряду с этим в особую группу могут быть выделены такие факты, которые на каждом этапе исследовательской работы допустимо трактовать в качестве отражения современного состояния изучаемого объекта. Такие факты удобно назвать презентивными. Наука получает их путем организации обследований современных реальных объектов. Наконец, следует принять во внимание, что человеческое сознание стремится постигнуть не только прошлое и современность, но и заглянуть вперед, предвидеть будущее. Такое — опережающее — познание должно базироваться не только и не столько на интуитивной догадке, сколько на фактах, отражающих тенденции перспективного развития изучаемых объектов. Наука имеет в своем распоряжении способы получения таких фактов (методы экстраполяции, экспертных оценок, моделирования и др.).

При группировке фактов в высшей степени важно учитывать их качественную природу. Пожалуй, легче всего выделяется и фиксируется факт-предмет (английский вид жилища, костюмный комплекс, орудия труда и т. п.). Сложнее вопрос о факте-событии, который характеризуется обычно относительной кратковременностью, одноразовостью, завершенностью. К числу такого рода фактов могут быть отнесены, например, миграции украинской семьи в Канаду в начале XIX в., введение в 1930-х годах преподавания начальной грамоты на вепском

языке, первое исполнение умуртской национальной оперы и т. п. Вместе в нашей литературе, трактующей проблему факта, наметилась тенденция считать фактом-событием по преимуществу относительно крупные исторические явления²⁹. Такая тенденция не кажется мне оправданной. Опыт этнографического свидетельствует о том, что исторический масштаб события не есть генеральный признак события вообще. Любой трудовой, культуросозидающий, обрядовый или акт есть в такой же мере событие, как и Великое переселение народов или открытие Нового Света. Суть дела лишь в том, что в данном случае мы сталкиваемся с событиями таксономически низшего порядка, с тем, что Л. Н. Толстой называл «дифференциалом истории»³⁰. Само собой понятно, что всякое крупное событие складывается из огромного множества подобных дифференциалов, микрособытий, составляющих его «ткань».

Изложенные соображения вплотную подводят нас к выяснению еще одной разновидности факта — факта-процесса. Он характеризуется относительно длительностью реализации, так сказать, текучестью, протяженностью во времени³¹ (миграция ирландцев на Британские острова и в США, заселение Сибири русскими, рост образования того или иного народа на своем национальном языке, эволюция репертуара национального театра и т. п.). Далее, может быть, выделен факт, имеющий характер поведенческого акта (трудового, обрядового и др.). С такого рода фактами этнограф постоянно имеет дело в ходе полевых эмпирических наблюдений и фиксирует их тем или иным способом (в том числе и с помощью таких средств, которые могут сохранять их поведенческую природу, например, путем киносъемки или видеозаписи).

Наконец, необходимо принять в расчет то обстоятельство, что среди фактов, которые наблюдает, фиксирует и анализирует этнограф, существенное место принадлежит фактам сознания (фактам-мнениям, фактам-идеям). Их природа специфична, их специфика может состоять в том, что здесь мы имеем дело с двойным (или даже многократным) отражением: познающий субъект «схватывает», «отражает» факты сознания, выработанные информатором и свойственные ему (информатор и его субъективная сфера противостоят познающему субъекту в качестве объекта изучения); вместе с тем факты сознания, сформировавшиеся у информатора, также отражают какую-то реальность, лежащую вне его сознания. Весьма типичен случай, когда исследователь просит информатора рассказать о каком-то объекте (например, об обряде, характере жилища, припомнить некоторые события из своей жизни и т. д.), высказать свои суждения или мнения по тому или иному поводу. В данном случае имеет место фиксация фактов сознания. Вместе с тем, нельзя сказать, будто в результате этой процедуры мы ничего не узнаем о том первичном факте, который отражен сознанием информатора. Путем использования различных процедур верификации обычно удается вычленить достоверные сведения даже в том случае, если они являются результатом двойного или многократного отражения. Однако это обстоятельство во всяком случае следует принимать во внимание. Факты сознания могут быть фиксированы и введены в систему научного знания, разумеется, лишь в том случае, если они тем или иным способом объективированы. Этнография, психология, лингвистика, фольклористика и другие науки, изучающие духовную культуру человека и человечества, заняты исследованием фактов сознания и ним не сомневаются в том, что они суть фрагменты действительности, объективно существующие исследователю в той мере, в какой они, эти факты, реализуются в своих материальных носителях³².

Группировка научных фактов неизбежно учитывает различия в уровнях обобщения тех данных, с которыми она имеет дело. В этом смысле могут быть рассмотрены прежде всего единичные факты, т. е. такие, которые еще не введены в систему, не поставлены в ряд, не соотнесены с другими однородными фактами. Так, утверждения, что в данном пункте у данного информатора зафиксированы такие-то элементы одежды или такой-то набор кушаний, есть констатация единичных фактов. Однако исследователь, как правило, не ограничивается собиранием единичных фактов: его сознание сводит эти факты в типизированные

группы и стремится оперировать подобными группами, выступающими уже типизированные факты, т. е. как факты, обобщенные на уровне типа. Кроме того, утверждения, что для северных карелов в XIX в. было типично знание «Калевалы» или же что у южных вепсов преобладает геометрический элемент в резном деревянном декоре жилища, представляют собой типизированные факты. Обобщение фактов в форме их типизации (типологизации) — один из самых распространенных способов исследования в этнографической науке. Другие науки также охотно им пользуются (например, И. П. Суслов говорит об отборе исследователем типичных фактов, т. е. об их типизации, экономической науке³³).

Этнография, как и всякая другая наука, редко интересуется отдельным фактом. Это случается лишь тогда, когда в исследовательской ситуации обнаруживается дефицит фактических данных, но и при этом обстоятельстве исследователь исходит из того допущения, что отдельный (единичный) факт — факт типизированный. В классическом же случае такой факт считается доказательным³⁴. Лишь в ряду, в системе однородных фактов, лишь как представитель этого ряда или этой системы факт становится существенным. Он может быть включен в набор аргументов, достаточный для доказательства выдвинутой гипотезы.

Этнография — одна из социальных наук. Отсюда следует, что она оперирует фактами общественной жизни — социальными фактами. Обсуждая вопрос о социальном факте, полезно вспомнить, что В. И. Ленин так называл «общественные действия личности»³⁵. То, что общественные действия суть социальные факты, — это, конечно, совершенно верно. Вместе с тем В. И. Ленин нигде не говорит, будто социальные факты — только общественные действия³⁶. К ряду социальных фактов несомненно относятся и многие материальные объекты (города и сельские поселения, инфраструктура, одежда и т. п.), и поведенческие акты (обряды, обычаи, ритуалы и т. п.), и продукты духовного производства, и социальные институты, и различного рода процессы, происходящие в обществе. Тем не менее не всякий социальный факт можно назвать фактом этнографическим. Специфика этнографического факта определяется особенностями объекта или объектов, изучаемых этой наукой, она связана же и с ее методами, с особенностями фактофиксирующих процедур.

Этнография — это наука об этносах, их возникновении, исторических изменениях в прошлом, современном функционировании и перспективах будущего развития. Поэтому, как было уже сказано, для этнографии важны и исторические факты, и такие факты, по которым можно судить о перспективных тенденциях.

Короче говоря, этнографический факт есть разновидность социального факта. В этом смысле между ними нет принципиальных различий. Вместе с тем этнографическим называется любой социальный факт, который характеризует социальный объект в определенном аспекте, а именно: содержит информацию о нем или иных сторонах этноса. Важно отметить, что между социальным этнографическим фактом нет непреодолимых границ. Часто случается, в силу исчерпаемости факта, что факт, который на каком-то этапе развития науки считался не этнографическим, на следующем этапе, будучи иначе освещен, более разносторонне исследован, оказывается содержащим этнографическую информацию. Примеров тому очень много. Одним из них могут служить традиционно изучаемые историками феодального хозяйства и социальных отношений разнообразные писцовые и переписные книги, к изучению которых этнографы обычно не обращались. Тем не менее этнографический анализ писцовых книг Обонежской и Вотской пятин показал, что в них, а также в других писцовых и переписных книгах содержатся данные о динамике населения, составе и структуре семей, этнически окрашенный ономастический материал и другие сведения, имеющие несомненное значение для решения вопросов этнической истории³⁷. Другой ряд примеров может быть почерпнут из области изучения развития рабочего класса в советскую эпоху. Тема рабочего

класса весьма типична в качестве исследовательского сюжета при изучении социального развития социалистического общества. Однако в 1950-е и последующие годы этнографы также поняли значение этой темы для своей науки с одной стороны, их внимание привлекли вопросы изучения быта и культуры рабочего класса как ведущей социальной силы социалистического общества, а с другой — исследование этого объекта оказалось существенным при определении того, к какому типу этнической общности — нации или народности следует относить тот или иной этнос (наличие развитого промышленного рабочего класса принято считать важным критерием сложения, например социалистической нации) ³⁹.

При определении познавательной ценности того или иного факта на руководстве поставленными исследовательскими целями и изучает все факты независимо от того, к каким сферам социальной жизни они относятся. Здесь принципиально недопустимы какие бы то ни было ограничения. Поэтому нельзя согласиться с попытками их введения, которые иной раз встречаю в работах, трактующих проблему факта. Так, А. И. Ракитов по сходному поводу высказал следующее суждение: «Описания стационарных материальных элементов, — например, географической среды, зданий и сооружений, костюмов, бытовых деталей, — имеют познавательную ценность в общем историческом контексте лишь постольку, поскольку эти явления существенны для мотивации установления целей и выполнения соответствующей деятельности» ⁴⁰. Это утверждение неверно. Изучение названных и подобных им объектов имеет существенное значение и само по себе. Историческая география, история архитектуры, история костюма, вообще история культуры не только доказывают самость этих объектов, но и подчеркивают их фундаментальное значение в жизни человечества и составляющих его отдельных этносов. Познавательная ценность фактов, характеризующих «стационарные объекты», состоит, между прочим, в том, что посредством их изучения удается выяснять уровень развития культуры, характер социальных отношений, овеществленных в культурных памятниках, меру этнической специфичности и межэтнических взаимодействий и многое другое.

Социальная жизнь (в том числе и жизнь этноса) представляет собой сложную совокупность массовых процессов. Поэтому ее законы выступают как правило, в форме тенденций. К. Маркс писал: «Если рассматривать каждый отдельный случай, господствует случайность, в которой, следовательно, внутренний закон, прокладывающий себе дорогу через эти случайные и регулирующий их, становится видимым лишь тогда, когда они охватывают в больших массах» ⁴¹. Из сказанного видно, что постижение, познание закономерных тенденций становится более успешным и эффективным в том случае, если соответствующие этнографические факты рассматриваются и исследуются в массовом масштабе и в качестве случайных выражений внутренних закономерностей. «Нет фактов абсолютно случайных (т. е. чудес), нет фактов фатально неотвратимых. Каждый факт и необходим — он есть исполнение закона, и случаен — в нем проявляются отклонения от закона» ⁴².

В этой связи полезно вспомнить о том, что В. И. Ленин широко пользовался понятием «статистический факт» ⁴³. В советской науке выдвинута плодотворная идея о научном факте как о статистическом резюме наблюдения, эксперимента и т. д. ⁴⁴. Эта идея с успехом реализуется в массовых этнографических и этносоциологических исследованиях ⁴⁵. Действительно, этнографические факты с разной степенью полноты и определенности могут выражать ту или иную тенденцию, свойственную изучаемому объекту. Так, запись рассказа информатора об удмуртском свадебном обряде может быть истолкована лишь в том смысле, что данный обряд вообще встречается среди удмуртов. Утверждение этнографа, выступающего в качестве эксперта, о том, что современные удмурты слабо (или хорошо, полно) знают традиционные свадебные обряды, есть обобщенная оценка некоторой тенденции. Наконец, полученная на основе массового репрезентативного обследования статистическая таблица, имеющая наз-

«Знание свадебного обряда удмуртским населением УдмАССР, процентов ислу опрошенных, село и город», есть достаточно точное и вместе с тем бшенное выражение статистического факта. Анализ фактов, выраженных в ме статистических таблиц, позволяет изучать закономерные тенденции, вливать их особенности и применять по отношению к ним весь аппарат ременной статистики. Использование этого аппарата как на стадии сбора юрмации, так и на этапе ее переработки создает возможность осуществлять аших исследованиях завещанное В. И. Лениным требование полноты охвата тических данных⁴⁶. Эти методы и приемы работы помогают обеспечить ноту фактических данных с точки зрения охвата необходимых сторон изучае явления, предусмотреть представительство в анализе его территориально-транственных аспектов, а также до известной степени получить возмож-ть анализа его временных измерений.

* * *

Подводя итог сказанному, осталось добавить следующее. Изучение фак-— условие развития науки. Вместе с тем во всякой исследовательской юте (и в этнографической в том числе) необходимо ясно и отчетливо дставлять себе место и значение фактов, фактического знания. Говорят, факты — хлеб науки. В качестве метафоры такое утверждение вполне ктно. Но, продолжая эту метафору, полезно помнить о том, что как человек состоит из съеденного им хлеба, так и наука не состоит из найденных спользованных ею фактов. Наука состоит из теорий, концепций, гипотез, ованных на фактах, проверяемых с помощью фактов и объясняющих факты. и данные опыта — факты — суть альфа и омега нашего знания, то все-и на долю науки приходится весь остальной алфавит.

Примечания

- ¹ Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. 2-е изд., доп. М., 1985. С. 25.
- ² Ирибаджиков Н. Кляно перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 188 и сл.
- ³ Жуков Е. М. Очерки методологии истории. М., 1980. С. 208.
- ⁴ Помимо общеизвестных энциклопедий и словарей см. также: Юридический словарь. М., Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М., 1987. С. 159; орова В. Д. Археологический факт // Вопр. археологии Урала. Вып. 13. Свердловск, 1975, и др.
- ⁵ См., например: Мейнер Н. Мерилин // Лит. газ. 1973. 24 окт.
- ⁶ Гуревич А. Я. Что такое исторический факт // Источниковедение. Теоретические и методиче-ские проблемы. М., 1969. С. 77, и др.
- ⁷ Ср.: Автономова Н. С. Структуралистская антропология // Буржуазная философская антро-логия XX века. М., 1986. С. 128.
- ⁸ Историческая наука. Вопросы методологии. М., 1986. С. 133.
- ⁹ Сеуопов Уи. I. Facts and Theory in Ethnography // Problems of the European Ethnography Folklore // Summaries by the Congress Participants. М., 1982. P. 202.
- ¹⁰ Ср., например, высказывание Е. М. Жукова: «Всякая объективная реальность есть истори-ческий факт» (Жуков Е. М. Указ. раб. С. 210).
- ¹¹ См., например: Рубинов И. Г. К вопросу о понятии научного факта // Проблемы методологии науки / Уч. зап. Том. гос. ун-та. № 80. Томск, 1968.
- ¹² См., например: Андреева Г. М. Проблемы соотношения социологической теории и эмпириче-ского исследования в трудах В. И. Ленина // Ленин и социология (Информац. бюллетень № 42. социал. ассоциации). М., 1970. С. 46—47; Викторова В. Д. Указ. раб.; Лашук Л. П. Введение историческую социологию. Вып. 1. М., 1977. С. 152; Суслов И. П. Методология экономических исследований. М., 1974. С. 145.
- ¹³ Ракигов А. И. Историческое познание. М., 1982. С. 116.
- ¹⁴ Там же. С. 187.
- ¹⁵ См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 36, 555; Т. 22. С. 304 и др.
- ¹⁶ Андреева Г. М. Указ. раб. С. 46—47.
- ¹⁷ Ракигов А. И. Указ. раб. С. 187.
- ¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 120.
- ¹⁹ Викторова В. Д. Указ. раб. С. 17.
- ²⁰ Ср.: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., С. 172 и сл.; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979. С. 9 и сл.
- ²¹ Андреева Г. М. Указ. раб. С. 41.
- ²² Ср.: Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 93.

- ²³ *Ключевский В. О.* Соч. Т. 6. М., 1959. С. 157.
- ²⁴ *Лашук Л. П.* Указ. раб. С. 152.
- ²⁵ *Материалистическая диалектика.* С. 64.
- ²⁶ Ср.: *Батыгин Г. С.* Указ. раб. С. 65.
- ²⁷ *Кондратьев В. С.* Эксперимент «Ex post facto» в этносоциологическом исследовании // *Сов. этнография.* 1970. № 2; ср.: *Батыгин Г. С.* Указ. раб. С. 8.
- ²⁸ *Сетунов Ю. I.* Op. cit.
- ²⁹ Ср. *Жуков Е. М.* Указ. раб. С. 214; *Ракитов А. И.* Историческое познание. С. 185.
- ³⁰ *Толстой Л. Н.* Война и мир. Т. 3, 4. Харьков. 1978. С. 273.
- ³¹ Большой интерес к такого рода фактам, отражающим «несобытийную историю», проявляют исследователи французской школы «Анналов» (См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986).
- ³² Ср.: *Платонов К. К.* Указ. раб. С. 159.
- ³³ *Суслов И. П.* Указ. раб. С. 146.
- ³⁴ Ср.: *Лашук Л. П.* Указ. раб. С. 152.
- ³⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423—424.
- ³⁶ Ср., например: Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 467—468.
- ³⁷ См., например: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962; *Пименов В. В.* Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1979. С. 179 и сл.
- ³⁸ См., например: Этнографическое изучение быта рабочих. По материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968. и многие другие.
- ³⁹ См.: *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 79—80.
- ⁴⁰ *Ракитов А. И.* Указ. раб. С. 182.
- ⁴¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 395—396.
- ⁴² *Богуславский В. М.* Принцип развития. Закон отрицания отрицания // *Философия.* Очерки и идеи и принципы. Популярный очерк. М., 1985. С. 155.
- ⁴³ О. О. Яхот утверждает, будто В. И. Лениным введено в научный оборот понятие «статистический факт» (*Яхот О. О. В. И. Ленин о познании сущности в процессе статистического анализа* // Развитие статистической науки в трудах В. И. Ленина. М., 1969. С. 131). В действительности это понятие широко использовалось отечественными статистиками во второй половине XIX в. См., например: *Вреден Э. Р.* Учебные записки о статистике. СПб., 1867. С. 4, и др.
- ⁴⁴ *Ракитов А. И.* Статистическая интерпретация факта и роль статистических методов в построении эмпирического знания // *Проблемы научного познания.* М., 1964; *его же.* Историческое познание. С. 172.
- ⁴⁵ См., например: *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. И.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984; *Социально-культурный облик советских наций (По результатам этносоциологического исследования).* М., 1986.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42. С. 290.

© 1990 г.

Ю. Н. Бойко

ХРАМ ГОРОДА ГЕЛОНА

Город Гелон (городище у с. Бельск на Полтавщине) — уникальный памятник VII—III вв. до н. э., центр Ворсклинского региона днепровского Левобережья. Здесь обитали оседлые земледельцы, достигшие уровня государственности и раннеклассовых отношений¹.

Гелон — единственный город эпохи раннего железа в украинской лесостепи, описанный Геродотом: «Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева; дома у них (жителей Гелона. — Ю. Б.) деревянные и хлипкие. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосами. И каждые три года они устраивают празднество в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны в древности — это эллины, которые покинули гавани и поселились у будинов. И говорили на языке отчасти скифском, отчасти эллинском»².

Многолетние исследования Бельского городища, проводимые Б. А. Шрамком, подтвердили правильность сообщения Геродота относительно размеров городища, устройства оборонительных сооружений, характера домостроительства и т. д. С помощью археологии хорошо фиксируется гетерогенный этнический состав населения города и региона, что отражает этническую неоднородность обитателей Левобережья Днепра скифского времени. В формировании этого насе-

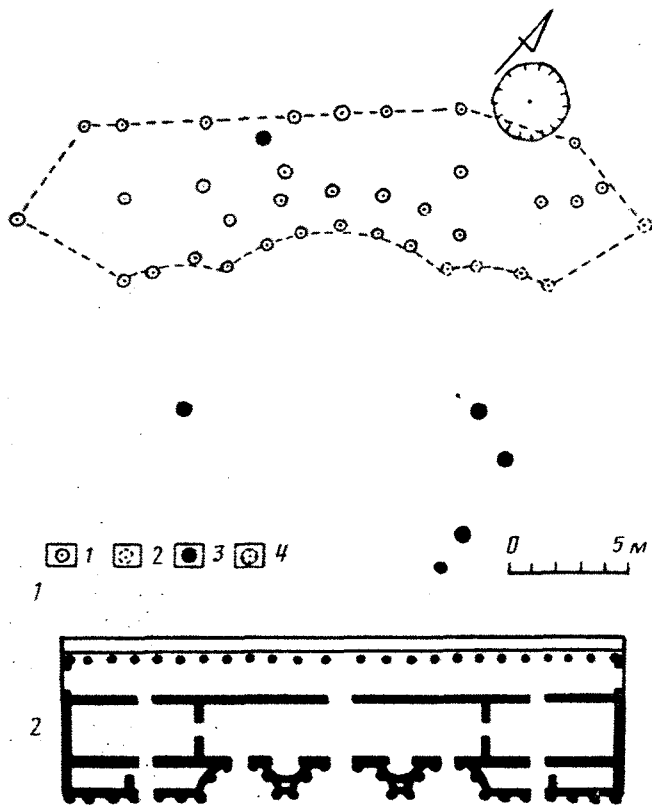

Рис. 1. 1 — План святилища V—IV вв. до н. э. на восточном укреплении Бельского городища. Условные обозначения: 1 — столбовые ямы; 2 — несохранившиеся столбовые ямы; 3 — жертвенники; 4 — культовая яма. 2 — Сцена итальянского театра близ Виченце (по Д. Барбаро)

приняли участие носители позднеархаичной (киммерийской) и бондарихинской культур рубежа эпох бронзы — раннего железа, а также группы фракийского происхождения. Прослеживаются контакты с белогрудовской, чернолесовой, лужицкой, высоцкой, юхновской, савроматской культурами и Кавказом. VI в. до н. э. становится заметным культурное влияние степных скифов, несколько ранее, в конце VII в. до н. э., установились тесные контакты с греческими колониями Северного Причерноморья⁴. Судя по данным гидронимии, ведущая роль в этнокультурной консолидации местного населения принадлежала индоиранцам — коренным обитателям рассматриваемой территории эпохи энеолита. В отличие от днепровского Правобережья, древнеиранские названия рек доминируют в Левобережной лесостепи вплоть до бассейнов Десны, Сейма и границы лесов; далее, на север, восток и восток-восток преобладают гидронимы балтского и финно-угорского происхождения⁵. Сложным остается вопрос о наличии в Гелоне храмов «эллинских богов», о развитии дионисийского культа, а в более широком плане — об «элленизме» самих гелонов. Открытия последних лет позволяют перевести проблему плоскость практических исследований⁶. В 1984—1985 гг. к северо-востоку от центральной площади восточного укрепления Бельского городища были обнаружены остатки комплекса конца IV в. до н. э., включавшего деревянное здание столбовой конструкции, пять жертвенников и яму с обломками культовых предметов (рис. 1, 1).

От деревянной постройки сохранилась 31 столбовая яма; не менее пяти уничтожены современными перекопом, но места их расположения можно реституировать (см. ниже). Это сооружение отличается техникой строительства пропорциями, конфигурацией от всех исследованных здесь ранее⁷.

Один глинобитный жертвенник был устроен внутри здания, ближе к заднему северо-западному фасаду. Четыре других находились на площадке перед юго-восточным фасадом с тремя округлыми нишами. Жертвенники типичны для данного поселения: это невысокие земляные столбы усеченно-конической формы, увенчанные круглой вымосткой из обожженной глины. Как правило их высота и верхний диаметр не превышали 0,3—0,5 м⁸.

К северной стороне постройки примыкала обширная, но неглубокая яма, в которой найдены различные культовые изделия из обожженной глины: антропоморфные статуэтки, фаллические изображения, модели хлебцев, скульники ладьевидной формы, миниатюрные сосудики, черпачок. Подобные комплексы, связанные с культом плодородия, встречаются и в других лесостепных поселениях⁹. Жертвенные ямы — фависсы отмечены возле святилищ Греции и Северного Причерноморья, посвященных хтоническим богам и героям.

Приведенные данные указывают на сакральный характер комплекса и позволяют поставить вопрос о принципах его пространственной организации, семантике и функциях. При этом можно опираться на широкий круг сопоставлений с религиозными воззрениями, мифами и обрядами народов индоевропейской общности, оказавшей существенное влияние на формирование идеологии местного населения эпохи раннего железа¹¹.

Сразу же заметим, что поиск возможных аналогий среди культовых сооружений Старого Света не увенчался успехом. Имеется лишь некоторое сходство между центральной частью бельской постройки столбовой конструкции и фракийским святилищем городища Бутучены в Молдавии¹².

Типологическое сходство отмечено между основными признаками рассматриваемого здания и сцены италийского театра. Прежде всего это касается переднего фасада с тремя округлыми нишами¹³ (рис. 1, 2). В классическом театре из камня (деревянные, как известно, пока не обнаружены) сцена была оформлена несколько иначе, в общих традициях греческой архитектуры предпочитавшей прямоугольные формы зданий округлым. Но и здесь выделяется главный отличительный признак сцены, продиктованный ее функциональным назначением, — расположение обращенного к зрителям фасада с продольной, а не поперечной стороны постройки¹⁴.

Конечно, внешнее сходство могло быть случайным. Поэтому в качестве первого шага на пути к доказательству или опровержению выдвигаемого тезиса следует рассматривать сравнительный системный анализ пространственных структур, обладавших сходными элементами, т. е. святилища города Гелы и античного театра.

В сочинении Витрувия приведены два варианта планировки театральных комплексов: римский (латинский) и греческий. Различия между ними сводятся к тому, что в первом для разметки площадки использовалась система из четырех прямоугольников, вписанных в круг, а во втором — три квадрата и три окружности с разными центрами. В результате оркестра греческого театра получалась более обширной, просцениум уже, а глубина сцены большей, чем у латинского, что было вызвано некоторыми особенностями организации зрелища¹⁵. «Кто пожелает воспользоваться этими наставлениями, сможет строить совершенные и безупречные театры», — подчеркивал автор трактата по античной архитектуре¹⁶.

Справедливость этого утверждения ставится под сомнение некоторыми исследователями. Например, Д. П. Каллистов, отрицая наличие идеальной общегреческой схемы планировки театра, ссылается на разнообразие архитектурно-композиционных решений для разных памятников данного вида¹⁷. С этим трудно не согласиться хотя бы потому, что ни один собственно греческий театр не сохранился в первозданном виде, все доступные нашему наблюдению нос

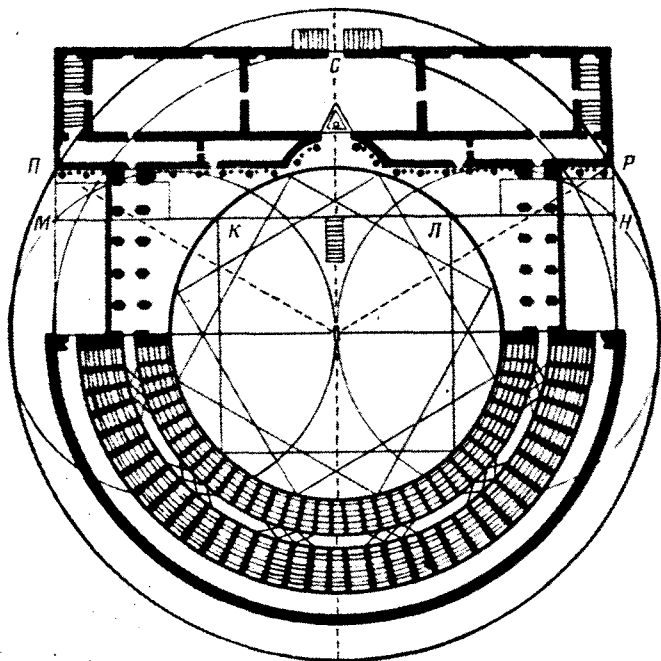

Рис. 2. Схема планировки греческого варианта итальянского театра (по Витрувию — Д. Барбаро)

реды многочисленных позднейших переделок. Однако нельзя не учитывать и то, что театры, детально соответствовавшие обеим схемам Витрувия, все же существовали. В Италии, например, они изучены и описаны Даниеле Барбаро¹⁸.

Видимо, говоря о «совершенно безупречных» театрах, Витрувий подразумевал нечто большее, чем видится его критикам. Известно, что стремление к геометризации пространства было связано, в частности, с пифагорейским учением о «космической гармонии», приверженцем которого являлся и сам Витрувий. Взгляды пифагорейцев тесно смыкались с представлениями орфиков о «мировой душе» — Дионисе, причем театр сохранял некоторые черты храма этого божества на протяжении всей античности¹⁹.

Масштабное графическое сопоставление планов Витрувия с планом бельеского святилища показало, что в основе последнего лежала схема, если не идентичная, то весьма сходная с вариантом разметки греческого театра. Читатель может в этом удостовериться, сравнив рис. 2 и 3. Мы же остановимся на тех признаках, которые существенны для оценки степени тождества (различия) обеих систем и постараемся в основном придерживаться логической последовательности операций, рекомендуемых Витрувием для правильной организации архитектурного пространства²⁰.

1. Прежде всего следовало выбрать и наметить главный центр будущего сооружения, где мог быть установлен жертвенник Диониса. Из этой точки (0) проводилась основная окружность, отмечавшая границу оркестры (рис. 2). В нашем случае она фиксируется дугой, вдоль которой были расставлены столбы средней ниши здания (рис. 3).

2. В центральный круг вписывали три квадрата таким образом, чтобы углы, касаясь окружности, делили ее на 12 равных частей (рис. 2). В нашем случае квадраты маркированы жертвенниками Г и В (точки пересечения сторон), Д, а также столбовыми ямами 135, 138 (вершины углов) (рис. 3).

Сторона одного из квадратов (КЛ), продолженная вправо и влево, опреде-

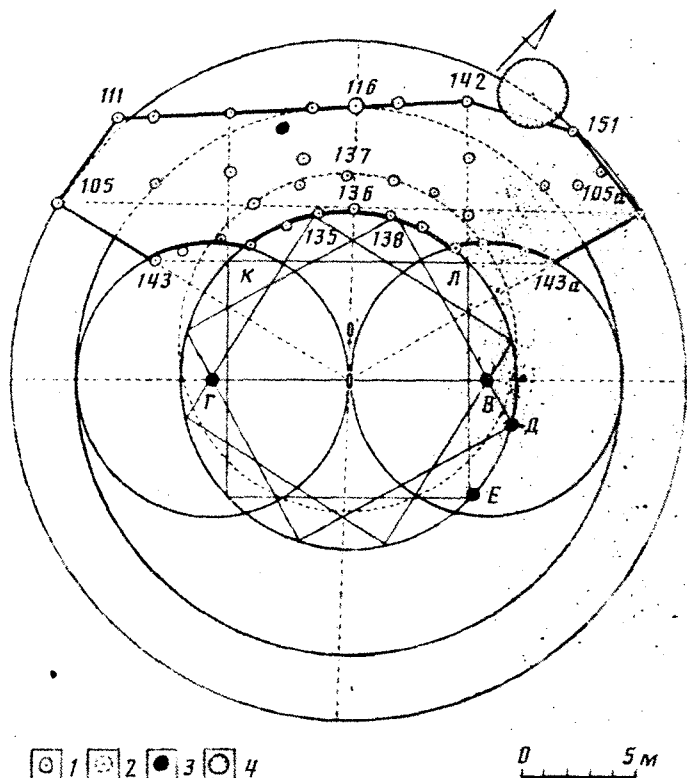

Рис. 3. Схема планировки святилища на восточном укреплении Бельского городища. Условные обозначения: 1 — столбовые ямы; 2 — несохранившиеся столбовые ямы; 3 — жертвенники; 4 — культовая яма

ляла линию просцениума (МН) в греческом театре (рис. 2), а в нашем случае — переднюю линию фасада (143—143а), если не считать «просцениумом» пространства округлых ниш (рис. 3).

3. Через центр 0 следовало провести линию, параллельную КЛ, до пересечения с центральной окружностью. Точки пересечения служили центрами двух других окружностей, правой и левой, с радиусами, равными половине диаметра центрального круга. Касательная к ним линия (ПР) обозначала передний фасад сцены (рис. 2). В нашем случае центрами боковых окружностей служили точки, маркированные жертвенниками Г и В, а радиусы кругов равнялись половине расстояния между ними. Срединная линия ГВ проходила через центр параллельно стороне квадрата КЛ, а также продольной оси здания (рис. 3). Дуга окружности с центром Г маркирована столбами сохранившейся боковой ниши; расположение разрушенных столбовых ям дугой можно восстановить на плане, учитывая соразмерность частей деревянной постройки относительно поперечной оси и зная центр второй боковой окружности (В) и ее радиус (ВО).

Отметим, что оси симметрии комплекса (линии ГВ и 0—136—116) не были взаимно перпендикулярны, как можно наблюдать на плане греческого театра (рис. 2, 3). Некоторое отступление от принципа прямоугольной системы координат не было ошибкой зодчих города Гелона, а сделано ими сознательно. За счет выноса к северо-северо-западу точки установки столба 142, также осознанно была нарушена параллельность линии северо-западного фасада (111—151) продольной оси сооружения и стороне квадрата (КЛ). Ниже мы остановимся на причинах, побудивших строителей храма поступить подобным образом.

4. В греческом театре окружность радиуса ОО определяла границы театрал

Размеры главных элементов планировочной структуры святилища на восточном укреплении Бельского городища *

Объект измерения	Расстояние в «лок- тях» (41,65 см)	Расстояние в «пя- дях» (20,8 см)
дольная ось здания (105—105а)	59,5	119
диус 0—105	35,0	70
диус 0—116	28,0	56
стояние между жертвенниками Г и В	28,0	56
сторона квадрата (КЛ)	24,5	49
диус 0—136	17,5	35
диус 0'—137	17,5	35
диус 0Г (ОВ)	14,0	28
перпендикулярная ось здания (116—136)	10,5	21
стояние между центрами 0—0' (=136—137)	3,5	7

*См. рис. 3.

глубину скены, а окружность радиуса ОП (ОР), равного диаметру центрального круга — оркестры, — крайние точки переднего фасада скены (рис. 2). В нашем случае сходные геометрические построения позволяли решать аналогичные задачи, а расположение целого ряда столбовых ям указывает на то, что и их разметке действительно была использована система концентрических окружностей разного диаметра (рис. 3).

Некоторые признаки характерны только для планировки святилища Гелона: продолжение боковых сторон центрального квадрата определяло линии установок столбов, разграничивавших центральную и боковые части здания; внешняя линия столбов центральной ниши дублировалась внутренней, опирающейся на ту же окружность с центром 0' (рис. 3).

Таким образом, отмеченное выше формально-типологическое сходство деревянного здания и скены итальянского театра не было случайным. В основу планировки храмового комплекса Бельского городища и греческого театра в Фивах были положены однотипные планиметрические системы, основанные на строгом сочетании квадратов и окружностей. Различия между ними носят пространственный характер. Применительно к нашему случаю система выглядит более функциональной, поскольку все ее элементы непосредственно участвовали в организации ритуального пространства.

В дополнение к сказанному приведем еще один, по-своему уникальный, аргумент в пользу объективной достоверности реконструируемой схемы. Как известно, размерно-пространственная структура — это модульная структура, подразумевающая некий эталон измерения, а также характеристика размерности на уровне сознания, которое соотносит любые размеры с размерами человеческого тела ²¹.

На восточном укреплении Бельского городища, где расположен храм, относящийся к V—IV вв. до н. э., найдена бронзовая мерная линейка («локоть») длиной 145,6 см ²², что позволяет исследовать характеристики параметров системы, лежа в ее основе оригинальный эталон измерения древних зодчих Гелона (табл. 1).

Анализируя полученные данные, трудно предположить, что строители оперировали дробными величинами. Более вероятно использование на практике не «локтя», а его половинны — «пяди» (20,8 см). Десять основных промеров, выраженных в «пядях», дают целые величины, обладающие одним общим свойством — они все кратны семи. Семь гелонских пядей (145,6 см) соответствуют той же мерной единице — распространенной мере длины античности средневековья. Естественным эквивалентом ему служит тело человека (без головы и шеи) — классический модуль античной архитектуры ²³.

В целом размерно-пространственная структура исследуемого культового объекта демонстрирует не только внешнюю целесообразность, но и внутреннюю

единство, основанное на соразмерности с телом человека и числом 7. Склонность к геометрии, позволяющая перейти к вопросам семантики, опираясь на анализ геометрических и числового кода²⁴, заложенного в схеме организации ритуального пространства. Такими знаками-символами являются круг и квадрат.

Как правило, круг выражает идею единства, бесконечности и одновременно законченности, высшего совершенства, ограничивает внутреннее пространство, ассоциируется с движением, числом 3, жертвенником земного огня, женским началом. Во многих традициях круг также символизирует космос и циклическую концепцию времени²⁵.

Рассматриваемая система содержит в себе не просто круги, а две подсистемы, состоящие из трех кругов с разными центрами и трех концентрических. Связующим элементом выступает круг, соответствующий оркестру античного театра.

В ведийской мифологии концентрические круги с общим центром — алтарь — отражали представление о структуре времени и пространства, которая была ориентирована на различие центра и периферии, на отображение повторяющихся временных циклов при трехчленном делении вселенной по вертикали²⁶. Сходная идея можно обнаружить и у пифагорейцев, учение которых демонстрирует близкое знакомство с древнеиндийской космологией²⁷.

У древних иранцев использование трех концентрических кругов для организации сакрального пространства воплотилось в мифологеме об одном из подвигов солнечного героя Йимы, трижды расширявшего землю²⁸. Сходная, италийская по своему происхождению традиция связана с этрусским темплом — идеальным храмом, состоявшим из трех круглых ярусов — неба, земли и подземного мира, соединенных вертикальной осью вселенной. Любая часть сакрального пространства воспринималась как проекция темпла на горизонтальную плоскость²⁹.

Семантику трех кругов с разными центрами можно реконструировать, исходя из их прагматической функции в разметке переднего фасада сцены и деревянного храма. Каждому из них соответствовала или определенная дверь, через которую появлялись актеры, или ниша, или же дверь, заключенная в нишу, как в итальянских театрах.

В греческом театре центральный проход сцены назывался «царским», первый был предназначен для выхода «местных жителей», а левый — для появления «иноземцев» (чужаков)³⁰. Левое и правое — одна из главнейших оппозиций в различных мифологиях. С правой стороны ассоциировались положительные значения, с левой — отрицательные. В символике шаманских изображений справа помещался верхний мир, слева — нижний, потусторонний. Согласно учению пифагорейцев, «наш» мир располагается сверху и справа, а мир «антиподов» — внизу и слева³¹. Центр, наделенный высшей сакральностью, часто был представлен царем-жрецом — посредником между богами, людьми и умершими. Сочетание высшей власти с отправлением жреческих функций было широко распространено в различных обществах древности, в том числе и у населения Ворсклинского региона³². Отсюда следует, что семантика трех кругов с разными центрами, трех дверей сцены, трех ниш фасада восходит к фундаментальному общечеловеческому представлению о делении мира на «свое» и «чужой», противопоставлению сакрального и мирского, воспроизводя в то же время тройственную структуру организации космоса. Это было закреплено в ритуале, частично сохранившемся в правилах и общепринятых условностях организации театрального действия.

Построение центрального квадрата имело глубокое идеологическое и ритуально-магическое значение. Согласно представлениям многих народов, квадрат символизировал порядок и статическую устойчивость мироздания, был космограммой, объединявшей все его части, ассоциировался с числом 4. В. В. Вертоградова, раскрывая семантику этого образа у древних индийцев, отмечает, что «кардинальные точки, где поднимается и садится солнце, где осуществляется контакт неба и земли, фиксируют землю. Земля, находящаяся

вспомогательная неба, удерживается в определенном положении, становится опорной. Такая земля представляется четырехугольной»³⁴. Квадратную форму давали и жертвеннику небесного огня, который ассоциировался с мужским началом³⁵. О наличии сходных представлений у степных скифов свидетельствует упомянутый Геродотом квадратный алтарь бога войны, а также сохраненная для нас Отцом истории местная традиция, представлявшая Скифию в форме квадрата³⁶.

Поскольку в нашем случае речь идет о создании храма, уместно обратиться к образу квадратной Вары (ограждения, внутри которого упорядочен мир, обитатели блаженных, средоточию бессмертия в загробном мире) индоиранской традиции. Ее создатель Йима (индийский Яма), дабы сохранить от гибели живые существа, воздвиг ограду по всем четырем сторонам — «людям жилье, стадам пастбище». Там он провел воды в русло реки, устроил дома и улицы, перенес туда племени мужчин и женщин, а также всякого скота, деревьев, плодов — по одному каждого вида, чтобы сохранить неисчислимыми, пока в Вару будут жить люди. Так возникла жизнь человеческих общин³⁷. Как видно, кроме перечисленных выше функций космологического квадрата в индоиранской мифологии на первый план выдвигается идея противопоставления сил жизни и смерти, защиты всего живого, плодоносящего. Здесь Йима выступает не только устройщиком космологического порядка, но и охранителем живой природы, включая ее социальный аспект³⁸.

В этиологических мифах скифов сходными качествами наделен культурный герой и первопредок Таргитай: с его образом связывалось превращение прежде безлюдной пустыни в обитаемую страну (э т а Скифия мыслилась уже квадратной) и начало процесса социо- и региогенеза (становления царской власти)³⁹. Особая роль отводилась квадрату в ритуале. Например, в античном театре выступавший выстраивался четырехугольником в кругу оркестры, имея в центре жертвенник Диониса, и совершал круговые движения то в одну, то в другую сторону, отсюда можно заключать, что схема трех квадратов, повернутых под равными углами друг к другу, вытекала из самого характера театрального действия. В учении пифагорейцев, образованный такими квадратами двенадцатиугольник символизировал «космическую гармонию», что вытекает из общеиндоевропейской традиции⁴⁰.

Квадрат, заключенный в круг, — ядро всей композиционно-семантической структуры сравниваемых комплексов, что позволяет обратиться к образу *мандалы* — космограммы, известной разным народам мира. Во внешнем кольце, разделенном на двенадцать равных частей, нередко помещаются 12 *нидан* — снов в цепи взаимных превращений и взаимного происхождения вещей, — относимых также к календарными и хронологическими схемами. В ритуале божество как бы спускается в центр мандалы, моделируя тем самым вертикальную ось мироздания⁴¹. В самом общем виде мандала — один из графических вариантов плоскостного образа мирового дерева⁴².

В процессе сооружения храма переход к вертикальной плоскости связывался с установкой столбов (колонн) и жертвенников. Деревянные колонны могли ассоциироваться как с образом мирового дерева, так и с изображением самого креста, которому посвящался храмовый комплекс. В Древней Греции, например, в VIII—VI вв. до н. э., а в ряде случаев и позднее, были распространены *илы* и *ксеноны* — вертикальные поставленные камни и бревна, похожие на статуи человека. Им поклонялись как статуям божеств даже в пещерах и в храме о. Делоса⁴³. В Беотии и в ряде городов Малой Азии широкой популярностью пользовался культ Древесного Диониса, считавшегося покровителем земледельцев и садоводов. Его изображали в виде столба с бородатой головой вместо лица и головы⁴⁴. Деревянная скульптура недолговечна, зато глиняные по форме изображения из обожженной глины найдены на Бельском кладбище, в том числе и в жертвенной яме храмового комплекса⁴⁵.

В качестве универсального образа мира мандала обладала и важным практическим свойством: ее использовали для разметки древнейших мегалитиче-

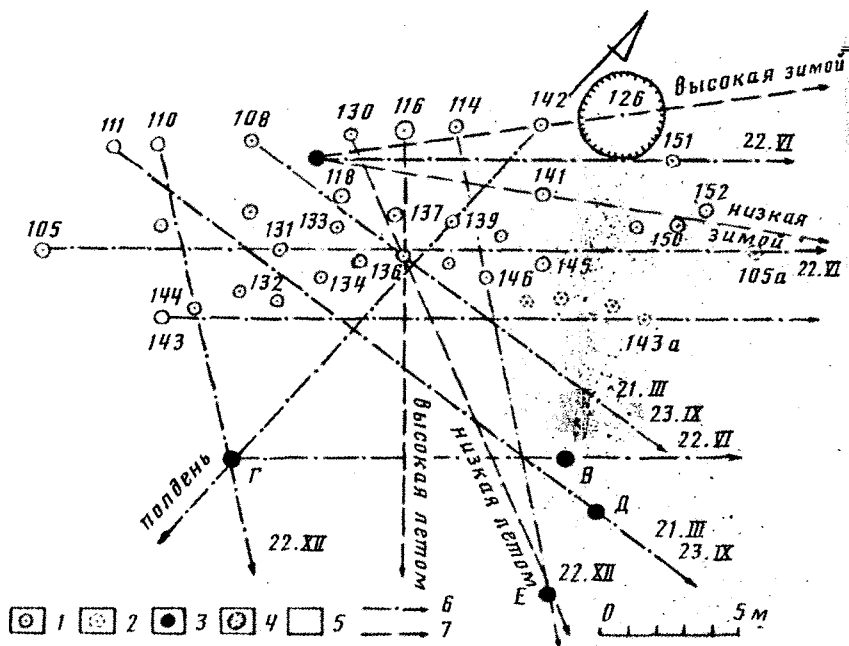

Рис. 4. Святилище Бельского городища — астрономическая обсерватория. Условные обозначения: 1 — столбовые ямы; 2 — несохранившиеся столбовые ямы; 3 — жертвенники; 4 — культовая яма; 5 — время наблюдений; 6 — направления на восход солнца; 7 — направления на восход луны.

ских обсерваторий от Стоунхенджа на западе, до Тибета на востоке⁴⁶. Сходство по устройству святилища-обсерватории были известны фракийцам и древним славянам⁴⁷.

Античный театр классического времени утратил эту важную функцию древнего храма. Напоминает о ней лишь замечание Витрувия об астрологическом

Таблица

Храм города Гелона — астрономическая обсерватория *

Объекты и время наблюдений	Точки	
	расположения наблюдателя	визирования
I. Восход солнца:		
а) летнее солнцестояние	Г 143 105 Ж	В 143а 131—136-105 151
б) зимнее солнцестояние	114 110	146-Е 144-Г
в) весеннее и осеннее равноденствия	108 111	118/133-136 132/134-Д
II. Восход луны:		
а) высокая летом	116	136
б) низкая летом	130	136-Е
в) высокая зимой	Ж	142
г) низкая зимой	Ж	141—150/152
III. Полуденная линия: полдень (полночь), небесный меридиан	142	139-Г

* См. рис. 4.

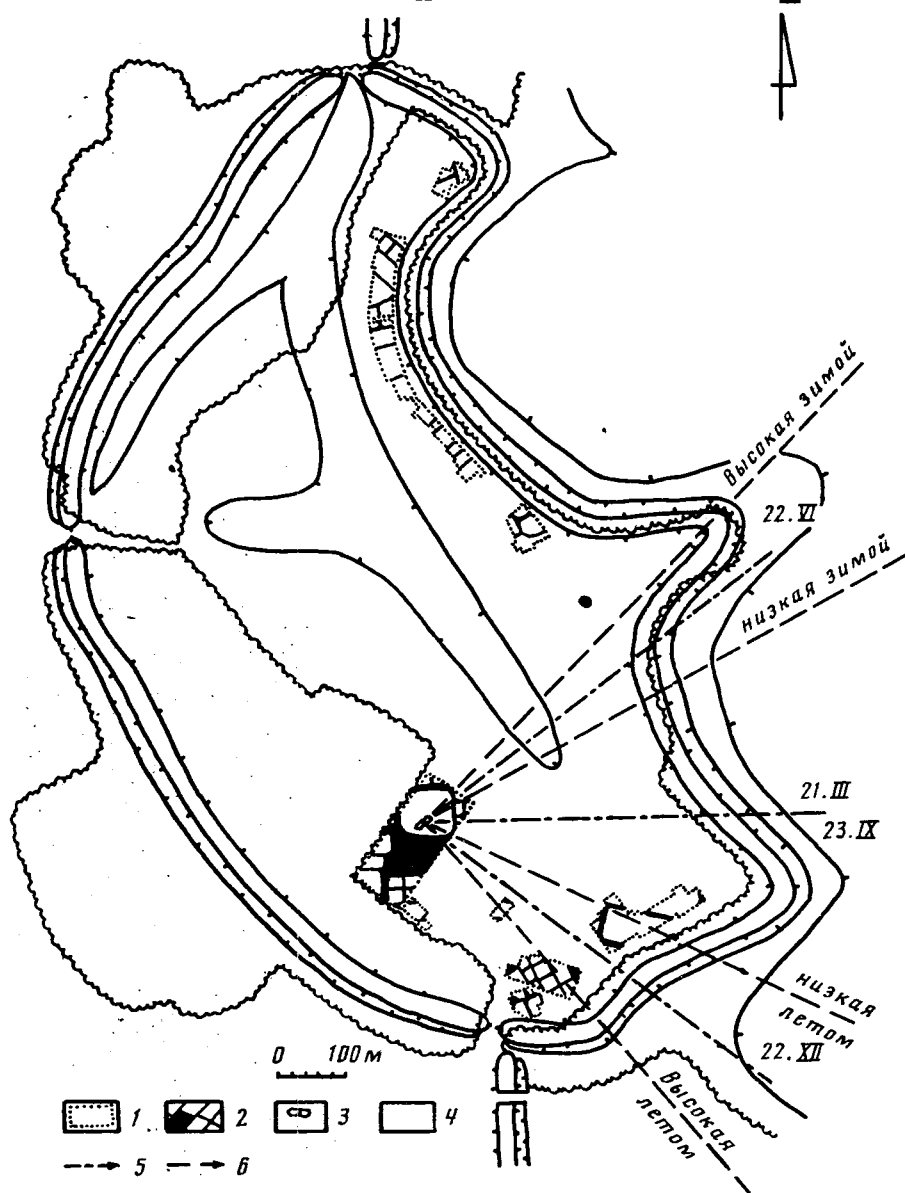

Рис. 5. Восточное укрепление Бельского городища. Условные обозначения: 1 — границы распланированных участков; 2 — древние усадьбы (черной заливкой показаны площадь и улицы); 3 — храм; 4 — время наблюдений; 5 — направления на восход солнца; 6 — направления на восход луны

актере деления центральной окружности на двенадцать частей-направле-
¹⁸. Напротив, храм Гелона сохранил признаки святилища-обсерватории: жертвенники и столбы располагались таким образом, чтобы маркировать ос-
новные направления восхода солнца и луны (рис. 4, табл. 2). Естественными центрами служили восточный и юго-восточный мысы городища (рис. 5), что
вызывает на органическую включенность храма в сакрально-планировочную
структуру всего поселения. Длинная ось здания (105—105а), как и линия, про-
ходящая через жертвенники Г и В, была ориентирована на точку восхода солн-
ца в период летнего солнцестояния, а короткая (116—136) — на восход высокой

лунны летом. Этим объясняется отмеченное выше отступление от прямого описания системы координат, допущенное создателями комплекса при его размещении. Вынос столба 142 к северо-северо-западу был обусловлен его назначением в системе маркеров точек стояния наблюдателей и направлений визирования.

В целом, возможности храма-обсерватории Гелона не уступали, например, знаменитому Стоунхенджу: фиксация узловых моментов солнечного и лунного циклов позволяла предсказывать лунно-солнечные затмения, вносить периодические поправки в лунный календарь, приводя его в соответствие с солнечным для чего раз в несколько лет вставлялся дополнительный месяц. Уже в древности народы, населявшие различные части ойкумены, независимо друг от друга крыли девятнадцатилетний цикл, в течение которого вставка тринадцатого месяца должна осуществляться семь раз — через каждые два-три года⁴⁹. По свидетельству Геродота, древние греки, ведшие счет времени по олимпиадам, вставляли дополнительный месяц в каждый второй или третий год после предыдущего эмболисмического (первый и третий годы нечетной олимпиады и второй и четной)⁵⁰, что совпадает с указанной им же периодичностью больших мисриадальных празднеств в городе Гелоне⁵¹. Введение октаэтриды (восьмилетнего цикла) традиция связывала с реформами Солона. До этого использовался простейший способ согласования лунного и солнечного календарей с помощью триэтриды (трехлетнего периода), когда эмболисмическими считали первый и третий годы цикла, а простым — второй⁵².

Особое внимание уделялось фиксации летнего солнцеворота. Вполне вероятно, что с ним связывали начало нового года — события, обладавшего высшей сакральностью и воспроизводившего в своей структуре «ту порубежную кризисную ситуацию, когда из хаоса возникает космос»⁵³. В аттическом календаре за начало года принимали первое новолуние после летнего солнцестояния. У древних иранцев кроме весеннего Ноуруза был еще один новогодний праздник — Михраган, приходившийся на середину лета; в середине лета, после того как жизненная сила перешла в колосья, древние славяне «хоронили» своего Диониса-Ярилу (Херовита), сходного с фракийским Геросом⁵⁴. Возможно, в это же время скифы справляли праздник в честь солнечного героя Колакса, воплотившего черты умирающего и воскресшего бога, первого царя и жреца.

Таким образом, можно предположить, что семантика храма города Гелона восходила к обозначению точки пространства, где осуществлялся важнейший временной акт — соприкосновение старого и нового года. В этом случае ритуал должен был воспроизводить победу космоса над хаосом, гибель и возрождение мира⁵⁶. Выше мы попытались показать, что в пережиточной форме указанные признаки сохранились и в планировочной структуре античного театра, а также в некоторых условностях организации театрального действия, развившегося из мистерий в честь умирающего и воскресающего Диониса.

Идея умирающего и воскресающего божества, тесно связанного с сезонно-вегетативной цикличностью и календарной обрядностью древних земледельцев, уходит своими корнями в глубину тысячелетий и органически сопряжена с определенной стадией развития производящего хозяйства. Древнейшее упоминание имени Диониса отмечено на глиняных табличках из Пилоса XV—XIII вв. до н. э.⁵⁷ После гибели крито-микенской цивилизации вторичное распространение культа Диониса из Фракии и северо-западных районов Малой Азии принято относить к VIII—VII вв. до н. э. Строго говоря, под общим именем Диониса континентировали воскресающие и умирающие божества различного происхождения, собственные названия которых превращались в эпиклезы: эгейский аттический Иакх, центром почитания которого стал Элевсин, фракийские Сабазий, Герос, Залмоксис, крито-малоазийский Загрей и др. Среди них выраженными солярными чертами был наделен Сабазий, а в учениях орфиков и пифагорейцев особой популярностью пользовался Загрей — «мировая душа», царь последней космической эпохи, *соте́р* (спаситель). Согласно мифологической традиции, он был растерзан титанами на семь частей, из соединения которых возник организованный космос⁵⁸. В связи с этим напомним, что в организации египетского

а элементов храмового участка (модели вселенной) Гелона отчетливо проявляется соматический принцип, выраженный числом 7, а мотив человеческого жертвоприношения во имя космогенеза отражен во многих традициях европейского и индоиранского круга, в том числе и скифской⁵⁹. В Северном Причерноморье античного времени наиболее ранние следы почитания Диониса отмечены в Ольвии. Здесь культ божества появился в жившемся виде, сохраняя черты глубокой архаики. Уже во второй половине в. до н. э. в городе существовал аристократический *фиас* (союз), подверженный влиянию учения орфиков. В римский период доминирующим стал культ Сабазия⁶⁰.

Б. А. Шрамко привел ряд убедительных свидетельств наличия культа умирающего и воскресающего божества у создателей Бельского городища. Фрагментарность и специфика источников не позволяют проследить процесс становления культа во всех деталях. В целом можно заключить, что наиболее важным было почитание божества, близкого фракийскому Сабазию, слившегося с культом местного божества плодородия⁶¹, преимущественно в тех социальных «упаках» воинского сословия, которые генетически восходили к переселенцам днепровского Правобережья. В V—IV вв. до н. э. в среде воинской знати аристократии здесь, видимо, возник *фиас*, подобный ольвийскому. Доказательством этому может служить находка бронзового перстня с изображением грека⁶², который, не имея прямых аналогий, по ряду признаков может бытьнесен к произведениям мастеров Великой Греции. На нем сохранилась надпись, выполненная греческими буквами ΑΛΥ, трудная для однозначной интерпретации. На наш взгляд, менее всего противоречит экстатическому характеру культа Загрея прочтение 'αλῦ [ω] — «быть в иступлении», «неистовствовать». Привлекает внимание также и серия граффити в виде греческой *М* на античных судах с Восточного и лепном глиняном пряслице с Западного укреплений Бельского городища. В них можно видеть начальную букву слова *μῦθος*, по аналогии с надписью на донышке чернолакового сосуда с городища Чайка в Крыму⁶³.

Таким образом, развитие культа Диониса в городе Гелоне при некотором сходстве тенденций с античными полисами Северного Причерноморья имело ряд специфических особенностей. Разные этнические группы хранили свои традиции почитания умирающего и воскресающего божества, тесно связанного с культом плодородия. Почитание Диониса было распространено преимущественно в сословии воинов. Причем если в низших социальных группах неиранского (фракийского) происхождения устойчиво доминировал Сабазий, то частичная эллинизация аристократии сопровождалась распространением учения орфиков о культе Загрея. Все эти традиции тесно переплетались в культовой практике, первоначальные этнические особенности постепенно приобрели социальную окраску.

Синкретический характер культа умирающего и воскресающего бога отражается в семантике и конкретном воплощении храмового комплекса. Если информатор Геродота видел нечто подобное, то его описание храма, как построенного «по греческому образцу» и «украшенного по-эллински деревянными статуями, алтарями и наосом»; т. е. деревянного здания столбовой конструкции, было вполне достоверным с точки зрения древнего грека.

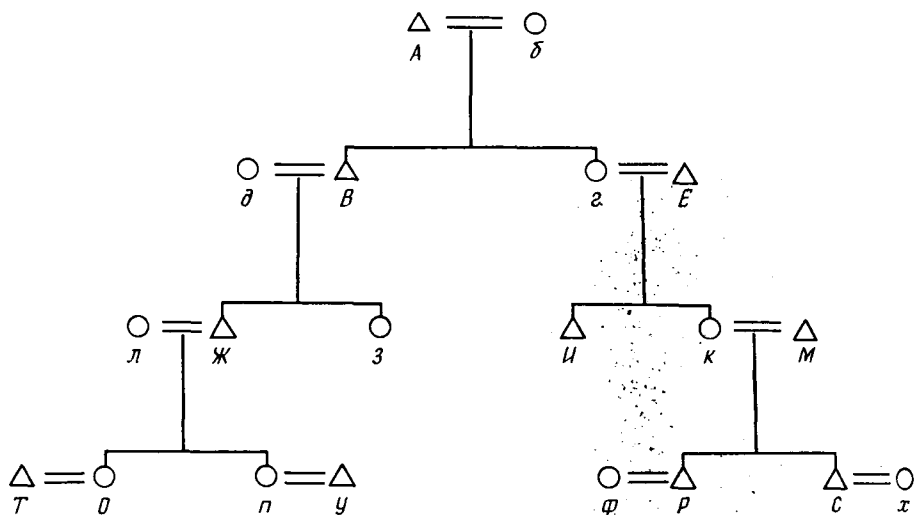
Однако при всем отмечаемом сходстве античного театра и бельского храма последний не был попыткой «варварского» подражания. Принципиальное различие заключается в том, что храм Гелона в стадийном отношении не наделен, а предшествует классическому театру Диониса; он «безупречен», даже в сравнении с греческим вариантом итальянского театра Витрувия, поскольку является именно храмом, а не театром.

В целом, значение храма города Гелона выходит за рамки лесостепного днепровья скифского времени, поскольку сегодня это, пожалуй, единственный комплекс, фиксирующий тот период развития античного театра, когда он был деревянным храмом, воздвигнутым в честь умирающего и воскресающего

бога. Когда и где впервые сложился подобный тип храма, откуда ст. примечательное сходство архитектурных традиций античной Италии и гор. Гелона, почему Геродот писал о гелонах как об эллинах, покинувших свои э. рии и поселившихся среди народов лесостепной Скифии — эти и другие вопро. нуждаются в специальном рассмотрении.

Примечания

- ¹ Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город-Гелон). Киев, 1987. С. 19—25, 1.
Бойко Ю. Н. Системный подход к изучению общественного развития населения днепровск. лесостепного Левобережья в VII—III вв. до н. э. // Вестн. Харьковск. ун-та. № 268. Харьков, 19. С. 85—87; *его же*. Социальный состав населения бассейна р. Ворскла скифского времени (VII III вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.
² *Hdt.* IV, 108 (русский перевод цит. по: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Нар. нашей страны в «Истории» Геродота/Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 143). В некото. списках труда Геродота указана иная периодичность дионисий в Гелоне — раз в два года. В свя. с этим Б. А. Рыбаков предложил следующий вариант перевода: «Каждые два (три?) года т. справляют празднество в честь Диониса...» (см.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 19. С. 153).
³ Шрамко Б. А. Указ. раб. С. 10—11 (здесь же приведена литература по истории вопро.
⁴ Там же. С. 12—19, 121—126; *его же*. Основные черты и особенности лесостепной культ. скифской эпохи (VII—III вв. до н. э.) // Всесоюзный семинар, посвященный 90-летию со дня рожд. ния М. И. Артамонова. Тез. докл. Л., 1988.
⁵ Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепров. М., 1962. С. 222—249; Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины (словообразование, этимология, этническая интерпретация). М., 1968. С. 216—218, 284; Стрижак О. С. Назви річк. Полтавщини. Київ, 1963.
⁶ Шрамко Б. А. Бельское городище... С. 11—12, 126, 128, 131, 161—162. Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Б. А. Шрамко за любезное разрешение использовать не. опубликованные материалы его раскопок.
⁷ Там же. С. 37—75.
⁸ Там же. С. 127—128.
⁹ Там же. С. 128.
¹⁰ Козуб Ю. И. Древнейший культовый комплекс Ольвии // Художественная культура и архе. логия античного мира. М., 1976. С. 129.
¹¹ Шрамко Б. А. Бельское городище... С. 140.
¹² Никулицэ И. Т. Северные фракийцы в VI—I вв. до н. э. Кишинев, 1987. С. 74.
¹³ Vitruv. V. 6, 8.
¹⁴ См., например, Колпинский Ю. Д. Великое наследие античное Эллады. М., 1988. С. 134, 13.
¹⁵ Vitruv. V. 6—8.
¹⁶ Там же. V. 8, 2.
¹⁷ Каллистов Д. П. Античный театр. Л., 1970. С. 84—85.
¹⁸ Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. М., 1938. С. 188.
215.
¹⁹ Михайлов Д. П. Витрувий и Эллада (основы античной теории архитектуры). М., 196. С. 72—77; Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 156—16.
Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976. С. 28—30, 131—133; Каллистов Д. П. Указ. ра. С. 25—29, 58; Русева А. С. Земледельческие культы Ольвии догетского времени. Киев, 1979. С. 8.
²⁰ Vitruv. V. 7, 1—2.
²¹ Шевелев И. Ш. Принцип пропорции. М., 1986. С. 23.
²² Шрамко Б. А. Бельское городище... С. 126. Рис. 4, 44.
²³ Шевелев И. Ш. Указ. раб. С. 80—84, 125—126.
²⁴ Топоров В. Н. Геометрические символы // Мифы народов мира (далее — МНМ). Т. 1. М. 1980. С. 272; *его же*. Числа // МНМ. Т. 2. М., 1982. С. 629, 631.
²⁵ Топоров В. Н., Мейлах М. Б. Круг // МНМ. Т. 2. С. 18—19; Аристотель. О небе. I.2, 268. 10—20; 269a, 20 (здесь и далее цит. по: Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1981); Вертоградова В. Указ. раб. С. 294; Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // МНМ. Т. 1. С. 53.
²⁶ Топоров В. Н. Ведийская мифология // Там же. Т. 1. С. 224.
²⁷ Шейнман-Топишвили С. Я. Платон и ведийская философия. М., 1978. С. 31; Аристотель. О небе. II.3, 286a, 20—24; 286v, 6—9; 4, 286v, 18—19, 22—25; 5, 287a, 35—37; 13, 293a, 20—24; 293. 1—4.
²⁸ Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). М., 1984. С. 7—8; Рагоз. на З. А. История Востока. История Мидии. СПб., 1903. С. 107.
²⁹ Немировский А. И. Этруски (от мифа к истории). М., 1983. С. 171—174.
³⁰ Каллистов Д. П. Указ. раб. С. 38.
³¹ Иванов В. В. Левый и правый // МНМ. Т. 2. С. 43—44; Петрухин В. Я. Загробный мир. Там же. Т. 1. С. 453; Аристотель. О небе. II.2, 285v 26—29.

Родство по крови п р я м о е: А и В — отец и сын; б и г — мать и дочь; А и Ж — дед и внук;
б и к — мать и внучка

Родство по крови б о к о в о е: В и г — брат и сестра; Ж и И — двоюродные братья; Р и л —
троюродные брат и сестра; В и Р — двоюродный дед и внучатый племянник

Родство по браку (с в о й с т в о): А и д — свекор и сноха; А и Е — тесть и зять; б и д — све-
кровь и сноха; б и Е — теща и зять; л и з — невестка и золовка; И и М — шурин и зять; Т
и У — свояжки; Т и л — зять и свояченица; Ф и х — невестки; Р и х — деверь и невестка

Родство само по себе — результат рождения ребенка, процесс биологического, и на первый взгляд факт биологический. Права и обязанности связанные с родством, — факт социальный.

Рассмотрим родство само по себе. От одного человека происходит друг (от родителя — сын, дочь; от деда — внук, внучка) — такое кровное родство называем прямым. Два человека происходят от одного (от родителя — брат, сестра; от деда — двоюродный брат и сестра) — такое кровное родство (между братьями и сестрами, родными, двоюродными и т. д.) мы обозначим как боковое. Таким образом, у кровного родства есть две разновидности — прямое и боковое родство, или (как иногда их называют) вертикальное и горизонтальное. Кровное родство по крови существует еще родство по браку — свойство (тесть и зять, свекор и сноха, и т. д.). Кровное родство возникает раз и навсегда (родители братьев, сестер не выбирают); свойство более «пластично» (мужей и жен иногда и самих свойственников выбирают). В совокупности кровное родство и свойство образуют сложную сеть родственных связей.

В приведенной выше довольно сложной схеме не все родственные связи термины учтены. Так, детей мужчины от разных жен мы называем «единокровными»; этот термин введен для того, чтобы отделить их от детей женщины (разных мужей) — «единоутробных». Термин «единокровные» в его противопоставлении «единокровным» (если понимать буквально) отрицает боковое родство по крови (единоутробные братья и сестры, следовательно, не должны считать себя кровными родственниками) и даже прямое родство по крови (мать в таком случае тоже не связана со своими детьми, как от одного мужа, так и от разных, родством по крови). Не будем, однако, придираться к терминам, было время, когда они точно выражали представления о родстве (в том числе термин «родство по крови»). В подобных ситуациях полезно обратиться к истории и выяснить, когда и в силу каких причин родство по отцу стало признаваться кровным, а по матери — утробным. Произошло это вместе с возникновением частной собственности и моногамной семьи, когда у глав семей появилась потребность в передаче имущества своим детям.

Тогда и была создана концепция, согласно которой мужчине была отведена главная роль в процессе формирования эмбриона, а женщине — вспомогательная.

и, второстепенная. Мужское семя, писал Аристотель, это то, что порождает мужское семя в утробе женщины формируется сердце, потом появляются ова, головной мозг, после чего — мясо, кости, кожа и т. д. Из женщины в половом акте тоже исходит влага, но она, по Аристотелю, не семенная. Он считал мужчину (в процессе формирования зародыша) с плотником или гонимником, а женщину — с деревом или глиной¹. Так сложилось представление о двух видах родства — кровном, между отцом и его детьми (семя и влага, писал Аристотель, это кровь), и утробном, между матерью и детьми, и соответственно разграничение единокровных и единоутробных синов.

Таким образом, со времен античности мы находимся под влиянием этого понимания родства, хотя и полагаем, что кровь передается не только по мужской и по женской линии (что тоже не ново, как будет показано ниже); но на это развитие наших представлений о родстве остановилось. Как и в античности, мы уверены в том, что родство формируется раз и навсегда в момент зачатия (родство по крови) или в момент рождения (родство по рождению). В терминах «родство», «родители» уже содержится ссылка на рождение. Мы говорим о «кровосмесительных браках» и т. п. В науке широко бытуют термины «материнский род», «отцовский род», причем под «матерью» и «отцом» понимаются родители, а родовая принадлежность определяется происхождением от одного из них по рождению. Таким образом, представление о родстве, возникшее в классовом обществе, мы приписываем также и людям общинно-родового строя.

Перенося в доклассовое общество наше понимание родства, мы одновременно правы и неправы. Правы потому, что у людей общинно-родового строя действительно, есть представление о родстве по крови. И неправы потому, что в отличие от нас они полагают, во-первых, что кровь передается только по женской линии и, во-вторых, придают родству по рождению второстепенное значение. Первое (и главное) место у них занимает другое, нам несвойственное родство, которое формируется не до, а после рождения, совершенно независимо от него, к тому же, как и свойство, часто в зрелом возрасте.

У многих племен, живших в условиях общинно-родового строя, зафиксированы весьма сходные представления о том, как эмбрион формируется, развиваясь в утробе матери и как человек появляется на свет. Суть этой концепции заключается в следующем: менструальная кровь женщины — это потенциальный зародыш. Идя из женщины во время менструаций, он превращается в злого духа; мужчина во время полового акта своей спермой преграждает путь для выхода менструальной крови; менструации прекращаются, начинается беременность; зародыш развивается, питаясь грудным молоком матери (оно в этот период течет в утробу) и спермой отца («молоком пениса»); на языке племени тангу слово «рождение» означает одновременно мужское семя и грудное молоко матери². Считается, что роды происходят через 10 месяцев после последней менструации; появляется на свет новый человек, в котором, как полагают, возвращается из мира мертвых в мир живых один из недавно умерших предков.

Для формирования эмбриона, согласно этой теории, необходим не один половой акт; муж и жена делают ребенка по частям: туловище, руки, ноги, голову, внутренние органы. Папуасы племени арапеш полагают, например, что один половой акт — это «игра»; муж и жена делают ребенка долго, заранее поставив перед собой такую цель; первые несколько недель после прекращения менструаций от мужа требуется повышенная половая активность; когда соски женщины свидетельствуют о начале беременности (меняется их цвет), считается, что ребенок сделан, и половые акты прекращаются³. Таких же взглядов на необходимость множества половых актов придерживаются многие другие папуасские племена, а также меланезийцы о-вов Вогео, Манам, Гуденоф и многих других⁴. При этом якобы существует «разделение труда»: мужчина делает одни органы, женщина — другие (см. таблицу).

Представления различных племен о создании эмбриона

Племя	Создает мать	Создает отец	Источник
Папуасы дариби (Новая Гвинея)	Кости, кровь, печень, легкие, сердце, желудок, и другие внутренние органы	Кожа, мускулы, зубы, глаза, волосы, ногти на пальцах рук и ног и т. д.	<i>R. Wagner. The Curse of the New Guinea. Chicago, 1967. P. 64.</i>
Папуасы бинандере (Новая Гвинея)	Кости	Плоть	<i>Д. Войко. Я и балу. Новые рассказы Южморей. М., 1980. С. М. J. Meggitt. The Line System of the Mae-Eng New Guinea. L., 1963. J. Hogbin. A Guadalc Society. N. Y., 1964. P.</i>
Папуасы мае (Новая Гвинея)	Кости, плоть	Дух	
Меланезийцы каока (о-в Гуадалканал)	Плоть	Кости	

Относительно того, какие части тела ребенок получает от отца и какие матери, мнения бывают разными. Папуасы бинандере и мелпа, например, полагают, что плоть — от отца, а меланезийцы каока думают, что от матери. Но не зависимо от того, каковы эти части тела, их источник у отца — семя, у матери кровь. Родство по отцу, как говорят меланезийцы о-ва Вогео, — «родство по мени» (dan), а родство по матери — «родство по крови» (daga) ⁵. Точно так представляют себе родство по семени и по крови папуасы племени снан. Иногда океанийцы различают родство по крови и по кости (кровное и костное). Любопытную параллель океанийской классификации родства мы находим у моголов: *ясун-торол*, родство по кости (по отцу), и *чисун-торол*, родство по крови (по матери) ⁷.

Если женщина имела связи с многими мужчинами, то ребенок, как полагают, может получить одну черту от одного из них, другую — от другого, третью от третьего и т. д. Представление о наследовании человеком физических черт многих отцов получило в науке название телегонии. Меланезийцы о-ва Вогео ворили, например, что у ребенка, рожденного одной из женщин, рот от Куму, лоб от Вакалу, уши от Какамари, глаза от Кабуба ⁸. Лишь в середине прошлого века было точно установлено, что отец ребенка (генитор) — только один. Этнографы того времени приписали знание индивидуального отцовства первобытным людям: они якобы тоже знали, что генитор один, только не знали, кто именно.

Так, по мнению океанийцев, начинается (а не заканчивается, как мы сейчас представляем) формирование семейного родства. Кроме семейного, океанийцы знают родство, не связанное с рождением. У папуасов бонгу такое родство называется *нгама* (братство по еде) ⁹, у папуасов форе — *кагиса*. Термин «кагиса», пишет Р. Глесси, указывает на источник родства, «на общий обед, на котором это родство основано» ¹⁰. Кагиса — буквально «полдень», время, когда в форе готовят общую трапезу. «Мы родственники по пище», — говорят папуасы племени мелпа, а Э. Стразерн, проводивший среди них полевую работу, пишет: люди делятся пищей, и это создает родство. Пища — мера всех вещей, пишет М. Юнг о меланезийцах о-ва Гуденоф; община, престиж, родство — это осмысливается и выражается через пищу ¹¹.

Известны обычаи, когда люди, нанеся себе легкие порезы, пьют кровь друг друга с целью создать между собой родство по крови. Папуасы бонгу и мелпа создают между собой родство по пище: двое, стоя рядом, едят одну и ту же пищу, скажем, плод с дерева *огаль* (бонгу) или банан (*мелпа*); после чего каждый зовут другого «огаль» или «банан» ¹².

Таким образом, общинное родство можно назвать родством по пище, еде, в всяком случае, люди общинно-родового строя именно так его называют. Э. Стразерн с таким названием вполне согласен: пища, по его мнению, «отличный символ» для обозначения подобного родства. «Пища, — пишет он, — состоит из их тела и дает им субстанцию» ¹³.

Термин «родство по еде, по пище» не следует понимать буквально. Подобно у как мы наше «родство по крови» не понимаем буквально и часто предполагаем более точный термин — «родство по рождению», так и вместо «родства еде, по пище» можно говорить о «родстве по взрослению». Ведь пища фигурирует здесь как символ взросления человека — из младенцев благодаря пище становятся взрослые мужчины и женщины. Одна и та же пища дает людям одиозную «субстанцию» — мелпа называют ее *копонг*. Плоды, из которых готовят пищу, растут на общинной земле, в которой, говорят мелпа, находится коп. Люди, живущие на этой земле, буквально впитывают (вместе с пищей) его, что по мере их роста и создает между ними общинное родство, родство взрослению («по еде, по пище»).

Недаром Э. Стразерн уточняет: родство создает не сама пища, а ее субстанция (и добавляет: надо учитывать пищу и взросление). Эта субстанция включает в себя общинную землю. «Люди живут там не обязательно потому, что они ее собственники; скорее они стали родственниками потому, что они там живут», — пишет Л. Лангнес о папуасах племени бенабена¹⁴. Папуасы племени бусам, ласно Я. Хогбину, если они регулярно совместно трудятся и едят, — братья и сестры. Правда, Я. Хогбин пишет: «...смотрят на себя в результате этого как на братьев и сестер»¹⁵, но, как видно из приводимых им самим фактов, они являлись в результате этого братьями и сестрами. Копонг включает совместный труд, взаимную помощь, совместное прохождение обрядов инициации, партнерство по обмену и т. д. — в общем все, что связывает, сближает людей.

В Меланезии, пишет Р. Глесси, «родство в конечном итоге покоится на принципе взаимности», добавляя: точно так же обстоит дело во многих других частях мира.¹⁶ У папуасов племени бусам люди, сотрудничающие друг с другом, — родственники (*нгаленг*); переставшие сотрудничать — чужаки (*лаудунг*)¹⁷. Приведем примеры из другой части света. «Те, кто помогает друг другу определенным образом, — родственники, — пишет об африканцах ватонга Э. Коллинз, — кто не помогает друг другу — не родственники»¹⁸. У африканцев тивин — люди, которые «едят вместе»; это — «один человек», потому что они совместно трудятся. В противном случае (даже, добавляет Л. Боханнан, если связаны друг с другом кровным родством) они не рассматриваются как один человек»¹⁹. Почти буквально слова тивин повторяют папуасы племени даримы (т. е. родственники) — это те, «кто вместе ест мясо»; жен мы берем себе тех, «с кем мы не едим вместе мясо»²⁰.

Э. Стразерн был тоже включен в цепь местных родственных связей. Он был рожден — он же родился в Англии (родство по рождению!). Вождь объяснил: «Да, ты родился в Англии, и там твои родители, но теперь ты живешь на нашей земле, вырос на нашей пище, и поэтому ты принадлежишь к нам»²¹. Общинное и семейное родство соотносятся примерно так же, как соотносятся община и семья. Мужчина является одновременно членом общины и главой семьи. Каждый день он вынужден решать вопрос, на кого он сегодня будет работать — на общину или на семью. Противоречие между общинным коллективизмом и семейным сепаратизмом выступает на поверхности как противоречие между полями. Мужчина — носитель общинного начала, живет в общинном (мужском) доме. Его жена — носитель семейного начала, живет в семейной хижине. Там, где нет раздельного проживания, противоречие иногда решается в пользу семьи. В папуасском племени орокаива, где нет мужских домов, мужчина в тех случаях, когда интересы семьи и общины не совпадают, встает на сторону общины, выступая против родового ядра общины²². Однако в пользу общины действует ряд факторов, воздвигающих социальный барьер между общинником и семьей (экзогамия, раздельное проживание, раздельные трапезы, половые акты перед охотой). Тем не менее общинники нередко жалуются на то, что контакты с женщинами вредно сказываются на их здоровье, подрывают принцип мужского коллективизма. Женщины в свою очередь недовольны тем, что их семьям уделяют мало внимания семейным делам и заботам. Многие исследователи говорят о «половом антагонизме» в папуасских и меланезийских общинах.

Термин «антганонизм» в данном случае вряд ли оправдан — община и равной мере необходимы; здесь правильное говорить о противоречии между женщиной и семьей, причем первая, как правило, берет верх над последней. И так же и общинное родство берет верх над семейным. Во-первых, оно считается важнейшим родства по рождению. Во-вторых, оно преобразует родство по рождению по своему образу и подобию, т. е. в родство по еде, по пище, по взрослению.

Половой акт, согласно представлениям океанийцев, заключается в приёме пищи. В их фольклоре существует параллелизм эротического и пищевого кода для них — метафора полового акта. Понятия «есть» и «совокупляться» часто обозначаются одним и тем же словом. Половой акт с неродственником — это поедание хорошей пищи, с родственником — самой плохой пищи²³. И на о-вах Яп, Токелау и многих других приравнивается к людоедству, т. е. он же связан с едой. Д. Шнейдер жалуется, что это «не имеет никакого смысла».

Стоит, однако, признать наличие родства по еде, по пище, по взрослению, все получает смысл. Родство по еде оттесняет роль родителей в создании эмбриона на второй план. На первом оказывается кормление эмбриона. Женщина кормит эмбрион грудным молоком, которое в период беременности течет в утробу мужчины кормит эмбрион «копонгом» пениса²⁵. После рождения ребенка женщина кормит его грудным молоком, которое течет наружу; мужчины папуасы племен эторо и калули продолжают кормить «молоком пениса», вводя его в рот²⁶. Чаще, однако, отец кормит ребенка «через мать»; он добывает матери пищу, пища в ее теле превращается в грудное молоко.

В результате отец воспринимается не как родитель, внесший вклад в создание эмбриона (об этом знают, но не придают значения), а как кормилец. Папуасы племени арадеш, желая подчеркнуть свое отцовство, не скажет сыну: «Я тебя породил»; он говорит: «Я тебя вырастил... Я добывал пищу, которая создала тебя»²⁷.

Что происходит, когда сын вырастает и начинает кормить престарелого отца? Иногда меняется и терминология родства: отец называет сына «отцом», а сын отца — «сыном»²⁸. Если отец и сын вместе трудятся, то отец называет сына «младшим братом», а сын отца — «старшим братом»²⁹. Третье лицо может сказать о них — «два отца»³⁰.

Мать-кормилица важнее, чем мать-родительница. На о-ве Манус две женщины спорили о том, кто из них мать девочки. Одна говорила: «Я — ее мать, я ее родила». Другая возражала: «Я — ее мать, я ее удочерила и с тех пор кормлю и воспитываю». Присутствующие при споре вынесли решение в пользу второй женщины: мать — та женщина, которая кормит и воспитывает³¹.

Кстати, хотя туземец и называет термином «мать» многих женщин, но мать-кормилица у него одна. На о-ве Вогео мать-родительница отдала своего ребенка в другую семью. Мальчик часто приходил к своей бывшей матери, и она, будучи не в состоянии сама прогнать его, просила своего старшего сына сделать это, говоря: «Он не должен иметь двух матерей»³².

Отец-кормилец тоже важнее, чем отец-родитель. Н. Н. Миклухо-Маклай, путешествуя по берегу Папуа-Новой Гвинеи, видел у мужа-папуаса и жены-папуасы детей с ярко выраженными малайскими чертами (этот берег часто посещали малайские торговцы). «Бывает так, — отметил Н. Н. Миклухо-Маклай, — что одного отца, настоящего папуаса, одни дети с мелкими курчавыми волосами, другие с крупными кудрями, и всех их добродушный папаша считает своими». И в другом месте, в аналогичной ситуации: «Меня уверяла мать ребенка, что отец его — ее муж... не следует особенно доверять этим рассказам»³³. Это действительно так, и вовсе не потому, что муж добродушен, а жена хочет скрыть свои внебрачные связи. Они — отец и мать ребенка, потому что они его выкормили и вырастили. Если бы малаец, родитель ребенка, приехал сюда вновь, предъявив свои родительские (не говоря уж об отцовских) права, он бы ни в коем случае не встретил понимания и поддержки. Даже если папуас женился на беременной, не от него женщине, все равно он считается отцом ребенка.

Принцип «отец тот, кто кормит», «сын — тот, кого кормят» своеобразно применяется в отношениях между общинами. На о-ве Гуденоф одна деревня приглашает к себе другую — хозяева фигурируют как «отцы» и «матери», а жители той деревни — их «дети». Потом вторая деревня приглашает первую, все повторяется в обратном порядке³⁴.

Коснемся вкратце проблемы родовой идеологии. Род — это группа лиц, ведущих свое происхождение по мужской или женской линии от общего предка. Не следует подходить к родовой генеалогии как к биологическому факту. Родовая генеалогия — это, как справедливо подчеркивает В. Шефлер, не биологический, а социальный документ³⁵. Члены рода не помнят, как правило, своих предков, не говоря уже о прапрадедах, и не могут поэтому установить генеалогически свое происхождение от общего предка. Не надо также подходить к родовой генеалогии с позиций нашего родства по крови. Среди членов рода много (50%) мужчин, недавно влившихся в него извне, «инородцев». Этнограф может доказать, что у членов рода — разные предки (разные — с позиций нашего родства по крови). М. Рэй, обнаружив этот факт в племени кума, несмотря на заверения, что у всех членов рода один предок, возмутилась: папуасы, пишет она, обманывают, скрывая наличие инородцев³⁶. Л. Лангнес, услышав историю об общем предке, тоже обвинил папуасов в обмане и добавил: «Если на них поднажать, они согласятся, что это не так»³⁷. Я. Поувер не может понять, откуда взялась идея об общем предке, если в реальной жизни у членов рода они разные³⁸. М. Стразерн полагает, что папуасы представляют себе идеальный род, хотя реальная жизнь этот идеал все время разрушает³⁹.

Для какой цели членам рода нужен «идеальный» род, этот социальный документ, удостоверяющий их мнимое (с точки зрения нашего родства по крови) происхождение от общего предка? Члены рода связаны общинным родством по еде, по пище, по взрослению. Для доказательства такого родства, принадлежности к одному роду, генеалогия не нужна: мы живем на общей земле, совместно трудимся, вместе едим, значит, мы — родичи. Исходным и главным является не вертикальное родство, восходящее к общему предку, а горизонтальное, соединяющее сиблингов. Главный структурообразующий фактор в общине — группа сиблингов. С этим положением согласен даже такой толкователь рода по еде в качестве кровного (в нашем понимании), как М. Фортез⁴⁰. Это положение подтверждается многими фактами. Главный структурообразующий принцип, пишет Я. Поувер о папуасах Звездных Гор, — группа сиблингов⁴¹. Не будем приводить других фактов, напомним лишь о том, что у южнорусов род назывался «братством»⁴². Кстати, точка отсчета (сиблинги) определяет и тот факт, что в качестве общего предка часто выступает «группа братьев». Конечно, речь идет о братьях по еде, по пище, по взрослению, хотя этнографы нередко стремятся выдать их за братьев по рождению, опять-таки хорю «в идеале». Вот что пишут, например, Э. Чоунинг, и У. Гуденоф о группе сиблингов в племени лакалаи (Новая Британия): «В идеале группа сиблингов состоит из единоутробных сиблингов, но практические потребности часто ведут к тому, что в группу сиблингов входят и более отдаленные кровные родственники, которых обозначают теми же терминами родства, что и единоутробных сиблингов; создается тем самым широкая группа сиблингов, в которой более отдаленные кровные родственники ведут себя так, как если бы они были единоутробными сиблингами»⁴³. Между тем это действительно сиблинги, только не по рождению (у лакалаи род матрилинейный, поэтому речь идет о сиблингах единоутробных), а по еде, по пище, по взрослению, что для лакалаи гораздо важнее. Общий предок (или группа братьев) нужен членам рода для того, чтобы доказать свое право на владение общинной землей и ее ресурсами. Ныне живущие члены рода унаследовали эту землю от своих предыдущих поколений и передают ее последующим. Главное — связь родичей не с предком, а с землей, с табу, с растениями, которые растут на земле и создают их тела. Люди племени ндуиндуи (Аоба, архипелаг Новые Гебриды), желая подчеркнуть свое родовое единство, говорят: «Мы — клубни от одного ямса». Давным-давно, рассказыва-

они (по мнению М. Аллена, записавшего их слова, четыре — шесть поколений назад), на нашей земле был посажен (кем — не уточняется) ямс. От него клубни ямса, растущего ныне на наших огородах, — ведь каждый новый урожай ямса происходит от клубней предыдущего урожая. Ямс имеет кроме клубней белую бобовую бель с семенами. Клубни — это мужчины, семена — это женщины. Семена разносятся ветром, и женщины тоже «разносятся ветром»: после замужества они покидают нашу землю и уходят к мужьям, на другие земли. К нам приходят женщины извне, они рожают сыновей и дочерей; «сыновья остаются в группе, а дочери опять разносятся ветром»⁴⁴.

Для папуаса племени мелпа принадлежность к роду — это связь с клановой землей. «Люди мелпа связаны с землей, — пишет Э. Стразерн, — потому что часть их посажена там». После рождения ребенка плаценту закапывают в землю, и тут же сажают растение, скажем, кордилину или банан. Земля кормит дерево, а дерево — ребенка «копонгом». Дерево растет, растет и ребенок. Члены одного рода — «мбо тенда», т. е. происходят от одного ростка (мбо), посаженного теми, кто первыми пришли на эту землю⁴⁵. Папуасы племени мбовамб делают то же самое: отец ребенка копает яму, окружает ее забором, закапывает плаценту и на ней же сажает кордилину. Новый член рода — росток, посаженный на клановой земле. Члены рода — *тепа ронди вамб* — посаженные и выросшие на одной земле люди, они верят в связь между их жизнями и посаженными растениями⁴⁶.

В заключение несколько фактов, свидетельствующих о том, что и в нашей жизни бывают отступления от концепции родства по рождению и переходы из одной позиции родства по еде, по пище, по взрослению. Можно родить ребенка и не стать матерью — для этого, как известно, достаточно оставить ребенка в родильном доме. Родство по рождению при этом ликвидируется. Можно не родить ребенка и стать матерью. Арина Родионовна, няня А. С. Пушкина, стала для поэта матерью — он называл ее «мамой» и пояснял: «Мать — не та, что родила, а та, что молоком вскормила». Нгаронго-ки-туа стала матерью Те Ранги Хироа (Питера Бака), хотя родила его другая женщина, по имени Рина. «Моя мать, — пишет Те Ранги Хироа, — была чистокровной маорийкой из племени нгати-мутунга в Северном Таранаки на Новой Зеландии. У нее было необычайное имя — Нгаронго-ки-туа (т. е. «Вести, которые уходят в далекие края»). От нее я научился гордиться своей расой... Отец мой принадлежал к семье, происходившей из Северной Ирландии и жившей в Армаге. Я двуязычен, ношу два имени, в моих жилах текут две крови... Кровь моей матери помогает мне понять культуру моих предков, а язык отца дает мне возможность передать ее словами, доступными для людей другой расы»⁴⁷. Те Ранги Хироа, хотя и воспринял наше понимание родства по крови, считает Нгаронго матерью — она его выкармила, вырастила и научила гордиться культурой предков.

Можно стать матерью и отцом ребенка, не будучи его родителями. Группа французских ученых, прибыв в Южную Америку, приблизилась к стойбищу бродячих индейцев. Индейцы, имевшие печальный опыт встреч с европейцами, бежали, забыв в панике и спешке спавшую девочку-младенца. Член группы, этнограф, взял девочку с собой во Францию. Она выросла, окончила школу, институт, стала ученым. Ее родной язык — французский, ее отец — француз, мать — его жена, француженка⁴⁸.

Ребенок может иметь двух матерей. В 1943 г. в белорусское село Лешин нагрянул отряд немецких карателей. Жителей села, оставшихся в живых, в том числе бабушку с внуком, затолкали в эшелон и повезли в Германию. На литовской станции Алитус к вагону подошли Иозас Бурявичус и его жена Изабелла. Бабушка попросила их: «Спасите хоть мальчишку». Иозас и Изабелла взяли мальчика, а спросить имя не успели. Назвали его Валентинас Ивановас. Мальчик окончил литовскую школу. Его родной язык — литовский, отец — Иозас, мать — Изабелла. Мальчик вырос, стал лучшим механизатором в колхозе. В 1983 г. белорусское телевидение вело передачу о соревновании хлеборобов Литвы и Белоруссии. В передаче участвовал Валентинас Ивановас, а смотрел:

родившая его женщина, Валентина Игнатьевна. Она узнала своего сына и поехала в литовскую деревню. Корреспондент, пишущий об этом событии, защищает свою заметку словами: «Низко поклонилась белорусская мать матери товской»⁴⁹. Мы полностью согласны с корреспондентом — у Николая-Валентина не одна, а две матери.

У человека может быть не один, а два отца. Правда, у заведующего службой знакомств в Новосибирске сложилось (вероятно, на основании опыта) иное мнение. Молодая женщина с ребенком хочет вступить в повторный брак, уверяя, «если новый муж будет любить ее, то он полюбит и ее ребенка. Заведущий службой знакомств с ней не согласен. В статье «Чужой ребенок» он пишет: «ребенка-то с какой стати? Они ведь чужие люди». Мало того, добавляет он, «ребенок постоянно напоминает о мужчине, которого женщина любила прежде. «И за это напоминание — любить?» Далее он продолжает: «Кстати, в газетах часто встречаются статьи об отчимах — этакие доброжелательные советы, как стать хорошим папой для детишек, у которых где-то есть родной отец. Советы дельные, умные, но опять же задаю вопрос: с какой стати чужой дядя должен кормить, обувать, одевать чужое чадо? И вообще, думаю, вряд ли найдется мужчина, который будет искренне любить чужих детей. Ведь они, эти дети, любой момент могут сказать: „Ты мне чужой дядя!..“ Да же самый хороший чужим не заменит, по-моему, родного отца»⁵⁰.

Заведущий службой знакомств, вероятно, в известной мере прав — в новой жизни возможны сложные отношения. Однако, если новый муж, приглушив в себе «голос крови», начнет кормить, одевать и обувать «чужое чадо», то он постепенно перестанет быть для него чужим, а он сам перестанет быть для него чужим дядей». Современная наука приходит к выводу, что родство — это результат не рождения, а поведения. Полуторамесячный ребенок улыбается маме (на островах Самоа — даже человеку в маске), но потому, что он пока не видит. Его улыбка — генетически запрограммированный механизм, нейробиологический базис которого заложен уже в 14-недельном эмбрионе. Но в возрасте 9—10 месяцев ребенок улыбается главным образом своей матери — она всегда с ним, между ними создается чувство привязанности. Ребенок крикнет — мать узнает этот крик в любой обстановке. Мать подойдет к ребенку — ребенок улыбнется, он видит, что мать рядом и ему не грозит опасность. Так после рождения возникает родство между матерью и ее ребенком⁵¹. Еще позднее возникает привязанность между отцом и ребенком. У папуасов племени бонгу слово *мемтар* означает быть матерью, не будучи родительницей; *мемтар* — быть отцом, не будучи родителем⁵². Меланезиец о-ва Нукуоро скажет: «Она — моя мать, а не она меня родила»⁵³. Отец в племени ифугао (Филиппины) скажет: «Я и не я посадил это дерево, но оно выросло в моем саду»⁵⁴.

Мы можем мысленно представить беседу упомянутого заведующего службой знакомств с группой океанийских мужчин и женщин. Женщины напомнили бы ему, что ребенка родил не родитель. Участие родителя в этом событии не было ему большого труда и поэтому невысоко ценится. «Мужчины играют на играх, — сказали бы они, — а женщины рожают детей» — и в шутку добавили бы, что если бы детей рожали мужчины, то мир давно бы обезлюдел»⁵⁵. Мужчины сказали бы, что отец ребенка не тот, кто находится «где-то», а тот, кто кормит ребенка, одевает, обувает, растит и воспитывает.

Из года в год растет число детей, именуемых в официальных документах оставшимися родительского обеспечения. В наших условиях такой ребенок на тот же день попадает в детский дом или в школу-интернат. В Польше для них находят «заместительную» семью. Это самая обыкновенная семья; просто они готовы принять ребенка, оказавшегося по тем или иным причинам без родителей (умерли, лишены родительских прав). Государство оплачивает расходы на содержание ребенка из расчета его средних потребностей. Часто после нескольких лет общей жизни «заместительные» отец и мать усыновляют или удочеряют ребенка, хорошо зная, кого они решились назвать сыном или дочерью.

В Польше 169 семейных домов. Чтобы получить подобный статус, надо в семью не менее пяти детей. Такой семье государство дает квартиру, мебель, телевизор, холодильник, стиральную машину. Семья получает на каждого ребенка ту же сумму, какую расходовало бы государственное учреждение, а за няню — заработную плату. Мама-воспитательница зарабатывает стаж и, значит, будущую пенсию. В данном случае мама — это профессор. В одном из таких семейных домов трое своих детей и еще шестеро, которых тоже свои. У детей есть отец, мать, бабушка (мать отца). На стене гравюра на которой изображена вся семья: папа, мама, девять братьев и сестер, да еще собака Миша. «Согласитесь, — замечает корреспондент „Известий“, — есть разница между этой гравюрой и групповой фотографией, которую хранит воспитатель детского дома, пусть даже с любимой и любящей воспитательницей в центре»⁵⁶.

Примечания

- ¹ Аристотель. О возникновении животных. М.; Л., 1940. С. 16—17, 77—79, 83, 117, 119.
- ² Burridge K. Tangu Traditions. Oxford, 1969. P. 84.
- ³ Mead M. Sex and Temperament in Three Primitive Societies. N. Y., 1935. P. 31.
- ⁴ Hogbin J. A New Guinea Infancy: from Conception to Weaning in Wogeo // Oceania. 1938. V. 13. № 4. P. 286; Wedgwood C. H. The Life of Children in Manam // Ibid. 1938. V. 9. № 1. P. 40.
- ⁵ Young M. W. Fighting with Food. Cambridge, 1971. P. 40.
- ⁶ Hogbin J. A New Guinea Infancy. P. 286—287.
- ⁷ Salisbury R. F. The Siane of the Eastern Highlands // Gods, Ghosts and Men in Melanesia. Eds. Lawrence P. and Meggitt J. M. Melbourne, 1965. P. 59—60.
- ⁸ Викторова Л. Л. Система социализации детей и подростков у монголов // Этнография и этнография. М., 1983. С. 60.
- ⁹ Hogbin J. A New Guinea Childhood: from Conception to Weaning in Wogeo // Oceania. 1946. V. 16. № 3. P. 208.
- ¹⁰ Hanke A. Grammatik und Vocabularum der Bongu-Sprache. B., 1909. P. 195.
- ¹¹ Glasse R. Marriage in South Fore // Pigs, Pearlschells and Women / Eds. Glasse R. M. and Meggitt M. J. New Jersey, 1969. P. 31.
- ¹² Strathern A. Melpa Food-Names as an Expression of Ideas on Identity and Substance // J. Polynesian Society. 1977. V. 86. № 4. P. 508; Young M. W. Op. cit. P. 146.
- ¹³ Hanke A. Op. cit. P. 195; Strathern A. Op. cit. P. 508.
- ¹⁴ Strathern A. Kinship, Descent and Locality // The Character of Kinship / Ed. Goody J. Cambridge, 1975. P. 29.
- ¹⁵ Langness L. L. Some Problems in the Conceptualization of Highlands Social Structure // American Anthropologist. 1964. V. 66. № 4. Pt. 2. P. 172.
- ¹⁶ Hogbin J. Kinship and Marriage in a New Guinea Village. L., 1963. P. 14.
- ¹⁷ Glasse R. Op. cit. P. 37.
- ¹⁸ Hogbin J. Kinship and Marriage in a New Guinea Village. P. 14.
- ¹⁹ Colson E. Marriage and Family among the Plateau Tonga. Manchester, 1958. P. 20.
- ²⁰ Bohannan L. Political Aspects of Tiv Social Organization // Tribes Without Rulers / Ed. Middleton J., Tait D. L., 1958. P. 42.
- ²¹ Wagner R. The Curse of Souw. Chicago, 1967. P. 145, 168.
- ²² Strathern A. Kinship, Descent and Locality. P. 53.
- ²³ Williams F. E. Orokaiva Society. L., 1930. P. 106.
- ²⁴ См. Бутинов Н. А. Пища, родство, инцест // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. 39. 1984. С. 99—112.
- ²⁵ Schneider D. The Meaning of Incest // J. Polynesian Society. 1976. V. 85. № 2. P. 146.
- ²⁶ Strathern A. Melpa Food-names as an Expression of Ideas on Identity and Substance. P. 53.
- ²⁷ Schneider D. M. Op. cit. P. 151.
- ²⁸ Mead M. Op. cit. P. 77.
- ²⁹ Ravuvu A. Dependency as a Determinant of Kinship Terminology // J. Polynesian Society. 1971. V. 80. № 4. P. 480.
- ³⁰ Писарчик А. К. О некоторых терминах родства таджиков // Сборник статей по истории филологии народов Средней Азии. Сталинабад, 1953. С. 184.
- ³¹ Geerts P. Are-Are Dictionary. Canberra, 1976. P. 60.
- ³² Mead M. Growing up in New Guinea. P. 61.
- ³³ Hogbin J. Adoption in Wogeo // J. Polynesian Society. 1936. V. 45. № 1. P. 31.
- ³⁴ Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 53, 86.
- ³⁵ Young M. W. Op. cit. P. 191.
- ³⁶ Sheffler W. Choiseul Island Social Structure. Los Angeles, 1965. P. 135.
- ³⁷ Reay M. The Kuma. Melbourne. 1959. P. 36.
- ³⁸ Langness L. L. Op. cit. P. 172.
- ³⁹ Pouwer J. A Social System in the Star Mountains // American Anthropologist. 1964. V. 66. № 4. P. 138.

- ³⁹ *Strathern M.* The Achievement of Sex: Paradoxes in Hagen Gender-Thinking // The Yearbook of Symbolic Anthropology. London, Montreal, 1978. P. 172.
- ⁴⁰ *Fortes M.* Kinship and the Social Order. L., 1971. P. 76; *idem*: Time and Social Structure. L., P. 51, 84, 91.
- ⁴¹ *Pouwer J.* Op. cit. P. 135.
- ⁴² *Ковалевский М. М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. С. 21.
- ⁴³ *Chowning A. and Goodenough W. H.* Lakalai Political Organization // Politics in New Guinea / *Berndt R. M., Lawrence P.* Nedland, 1971. P. 118.
- ⁴⁴ *Allen M.* Male Cults and Secret Initiations in Melanesia. Melbourne, 1967. P. 110—111.
- ⁴⁵ *Strathern A.* Melpa Food-Names as an Expression of Ideas on Identity and Substance. 195—506.
- ⁴⁶ *Strauss H.* Die Mi-Kultur der Hagenberge Stämme. Hamburg, 1962. S. 291.
- ⁴⁷ *Те Ранги Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950. С. 218.
- ⁴⁸ *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1972. С. 407.
- ⁴⁹ Правда, 3 июня 1983 г.
- ⁵⁰ *Терентьев О.* Чужой ребенок // Неделя. 1987. № 1. С. 17.
- ⁵¹ *Freeman D.* Kinship, Attachment and the Primary Bond // The Character of Kinship. P. 110—
- ⁵² *Hanke A.* Op. cit. S. 125, 185.
- ⁵³ *Carroll V.* (ed.) Adoption in the Eastern Oceania. Honolulu, 1970. P. 147.
- ⁵⁴ *Станюкович М. В.* Социализация детей и подростков у ифугао (Филиппины) // Этнография тва. С. 219.
- ⁵⁵ *Hogbin J.* The Island of Menstruating Men. Stranton, 1970. P. 29, 101.
- ⁵⁶ *Овчинникова И.* Просто дом. О помощи семьям, где растут дети, лишившиеся родителей // естия. 28 января 1988.

© 1990 г.

М. И. Васильев

О ПРИЧИНАХ НЕРАВНОМЕРНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКИХ БЫЛИН

(по материалам XIX — начала XX в.)

Поистине неисчерпаемый клад для исследований в самых различных научных дисциплинах представляют собой русские былины. На их основе были успешно решены многие поставленные жизнью вопросы в области изучения дожественного творчества, фольклора и истории¹. Более ста пятидесяти лет длится изучение этого огромного пласта в истории культуры русского народа. С каждым годом возникают все новые и новые вопросы. Наряду с ними продолжают существовать и старые, не решенные окончательно, проблемы. К числу относится и вопрос о причинах неравномерного распространения былин в разных районах расселения русских в XIX — начале XX в.

В результате изучения фольклора русскими и советскими исследователями стало ясно, что былины в это время были распространены крайне неравномерно. Существовали своеобразные былинные «очаги» или «гнезда». Наибольшее распространение они получили в Архангельской и Олонецкой губерниях в южной части Заонежья, в Пудожском крае, на Кенозере, на побережье Белого моря, на Северной Двине и ее притоках (Пинеге, Мезени). На большую часть уездов этих губерний приходится по несколько десятков записей былин, а в Мезенском уезде их число достигает 170. За северными районами по богатству эпосом идут Западная и Южная Сибирь, где по числу записей выделяются Томская, Енисейская и Якутская губернии, давшие соответственно 29 и 15 былин. В центральных и южных областях европейской части России, а также в средней и восточной частях Сибири былинная традиция оказалась значительно слабее. Несколько большей она оказалась в Поволжье (Нижегородская, Самарская, Саратовская и Саратовская губернии), а также среди донских, терских и уральских казаков. Всего по одной былине было записано в Вологодской, Владимирской, Калужской, Орловской, Воронежской и Рязанской губерниях. Единичны записи в Московской, Новгородской, Петербургской, Пермской и Уфимской губерниях. В Астраханской, Казанской, Костромской, Курской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Тамбовской, Тверской и Ярославской губерниях былин вообще обнаружено².

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд маловажность рассматриваемого вопроса (В. Ф. Миллер называет его «домашним»³), значение его трудно переоценить. Ответив на него, мы получаем ключ к разгадке не только существенных региональных вопросов фольклористики и истории (хотя уже оди это говорит о его важности), но и, на наш взгляд, некоторых теоретических построений в фольклористике (причины присутствия или отсутствия тех или иных форм устного народного творчества у конкретных народов).

Этот вопрос ставился многими видными собирателями и исследователями длинного эпоса, отвечавшими на него различно. Главными причинами, обусловившими распространение былин на Русском Севере, А. Ф. Гильфердинг считал «свободу и глушь», а также верность «старине и вере в чудесное»⁴. Его современник, П. Н. Рыбников, ставил их в зависимость от отсутствия просвещения и обособленности северного края⁵. В. Ф. Миллер придавал очень большое значение поэтической восприимчивости северных крестьян, а также скороходам, нашедшим там свое последнее убежище⁶.

Данные объяснения вызвали критику уже в конце прошлого столетия: М. Лобода указывал, например, что нельзя придавать большого значения отсутствию крепостного гнета на Севере и наделять северноруссов особой поэтической восприимчивостью⁷. Окончательно эти гипотезы, за исключением идеи о крепостном праве и обособленности северного края, потеряли значение уже в советское время⁸.

Советские исследователи продолжили поиски путей решения этой проблемы, анализируя причины сохранности былин на Севере, В. Я. Пропп придавал большое значение «специфическим северным условиям труда крестьянства в связи с природными особенностями русского Севера», однако ставил во главу угла причины «общей исторического характера»: наличие или отсутствие крепостного гнета⁹. А. М. Астахова видела основную причину отсутствия былин в средней и южной России в тяжелых условиях труда и жизни крепостных крестьян. Кабальный труд, по ее мнению, не давал крестьянину нужного досуга, возможности культивировать столь трудный и сложный вид народного творчества¹⁰.

Многие ученые неравномерное распространение былин считали отчасти результатом случайности. «Не объясняется ли,— задавался вопросом А. М. Лобода,— преобладание былин в Симбирской и Нижегородской губерниях деятельностью Языковых, Шейна, священника Фаворского, которые поспешили в свое время спасти угасающие остатки былин?»¹¹. Совершенно утвердительно отвечала его А. М. Астахова, написавшая, что если бы в Сибири была произведена «столь же тщательная собирательская работа, какую провели Рыбников, Гильфердинг, Марков, Григорьев и Ончуков на Севере», она дала бы чрезвычайно богатые материалы¹². Имеются ли основания для подобной постановки вопроса? Безусловно. Но при этом не следует преувеличивать его значение, так как это касается только отдельных районов: в первом случае — Поволжья, во втором — Русского Севера и Сибири. На общую же картину бытования былин элемент случайности оказал лишь незначительное воздействие. Тому есть многочисленные свидетельства. Во-первых, многие исследователи, прежде чем обратиться к Русскому Северу, пытались собирать былины и в более обширных областях; во-вторых, на долю белорусских, украинских и русских северных районов приходилось не меньше собирателей, чем на районы европейского Севера¹³.

Обобщающей, но в то же время стоящей несколько особняком работой по этой проблеме является монография С. И. Дмитриевой, в которой она называет гипотезу В. Ф. Миллера, высказанную им в одной из ранних работ о былинах. Распространение былин данные авторы связывают «только с продолжением новгородцев на Север» (с. 4—6, 41, 93).

В работе С. И. Дмитриевой впервые в русской историографии к изучению длинного эпоса применен историко-географический метод, способствующий более объективному рассмотрению материала.

Однако несмотря на обилие предложенных гипотез, вопрос еще далек от окончательного решения. Не разрешает его, на наш взгляд, и предположение В. Ф. Миллера, поддерживаемое С. И. Дмитриевой.

Последняя из указанных гипотез не может дать ответа на вопрос: почему былины почти не сохранились в самой Новгородской губернии, в колыбели новгородских славян (см. табл. 1)? Кроме того, С. И. Дмитриева привлекает

Число героических былин, приходящихся на уезд
(по Дмитриевой С. И.)

Губерния, область	Уезд, округ	Число былин
Петербургская	Новоладожский	1
	Лодейнопольский	2
Олонецкая	Петрозаводский	76
	Повенецкий	24
	Пудожский	90
	Вытегорский	9
	Каргопольский	25
Архангельская	Шенкурский	5
	Архангельский	80
	Онежский	8
	Кемский	22
	Александровский	36
	Пинежский	71
	Мезенский	170
	Печорский	61
Вологодская	Тотемской	1
Новгородская	Кирилловский	2
	Белозерский	1
	Валдайский	1
	Новгородский	1

для выявления районов новгородской колонизации письменные, лингвистические, антропологические и этнографические данные, что, разумеется, примерно. Однако их региональное несовпадение с былинным ареалом относит нас к числу тех, кто, не считаясь с разнородности их происхождения и разновременности фиксации, чем сильнее ослабляет свою аргументацию. Такой подход С. И. Дмитриевой, ставит под сомнение обоснованность использования приводимых ею примеров.

Так, ареалы жилищ «западного» и «восточного» типов, выделенные М. В. Витовым, и связываемые им соответственно с новгородской и низовской колонизацией, проходят по водоразделу бассейнов Онежского озера и р. Онеги, делая былинный ареал на две равные части (с. 39). Следовательно, приведенный пример не подтверждает гипотезы С. И. Дмитриевой. Или другой пример такого же рода: данные диалектологического обследования русского Севера свидетельствуют о том, что только часть территории с олонеким говором, связанная с новгородской колонизацией, входит в былинный ареал и, наоборот, некоторые территории восточной группы севернорусских говоров, связанные с московским и «ростово-суздальским» заселением края, входят в этот ареал (с. 39, 40). Наконец, ареал термина «шелоник», связываемый многими исследователями с новгородской колонизацией, по словам С. И. Дмитриевой, «почти полностью накладывается на ареал ильменско-беломорского (антропологического — М. В.) типа и ряда этнографических признаков западной зоны» (с. 38—40). Но тогда возникают новые вопросы: как быть с другой частью онежского антропологического типа, связываемого с новгородской колонизацией, и почему не все этнографические признаки «западной» зоны, также соединяемой М. В. Витовым с новгородскими, совпадают с былинным ареалом?

Очень слабое место гипотезы Миллера — Дмитриевой — данные о районе нижней Двины — Онеги, который издавна был заселен, как показывают многочисленные исторические, этнографические, антропологические и лингвистические материалы, новгородцами. С. И. Дмитриева связывает малочисленность бытовавших здесь былин, главным образом, с большой ролью промышленности и торговли, что противоречит предыдущему ее высказыванию о слабости влияния на сохранность эпической традиции даже процессов капитализации (с. 47, 53, 54). Не служит доводом в пользу новгородского происхождения и распространения былин в тех местах Сибири, которые связаны с севернорусской

кой колонизацией, так как территория расселения севернорусов не ограничивается местами новгородского расселения. В такой же степени это относится к сохранению былин в Приуралье, Поволжье и на Дону (с. 85—87).

Что же могло послужить причиной сохранения былин только на части русского Севера? С. И. Дмитриева пишет: «Можно с уверенностью сказать, что условия, способствующие, по мнению большинства исследователей, сохранению былин, действовали в Вологодской и Пермской губерниях, где не обнаружено былинной традиции, в той же мере и в том же комплексе, что и в районах Архангельской и Олонецкой губерний, богатых эпосом». Но вслед за тем говорится, что сравниваемые области различаются некоторым образом по степени развития промыслов (с. 36, 37). На этот факт обращали внимание и другие исследователи, начиная с А. Ф. Гильфердинга, называвшие артельные промыслы с их днями «вынужденного досуга» в числе причин, способствующих сохранению эпоса (с. 24, 32, 36, 37). Но все исследователи отводят подчиненное положение этому признаку. А именно он, на наш взгляд, и является первопричиной. Указанное различие в расстановке акцентов в отношении артельных промыслов и отличает позицию автора данной работы от старого, «классического» подхода.

Однако С. И. Дмитриева приходит к выводу, что «хозяйственные различия не всегда соответствуют различиям культурным» (с. 37). Это положение подкрепляется фактом хорошей сохранности былинной традиции в Онежском крае, где земледелие, по крайней мере с XV в., занимало основное место в хозяйстве крестьян и, наоборот, плохой сохранностью былин на Карельском берегу, где ведущее место в хозяйстве занимали промыслы (с. 32, 37).

Рассматривая ее возражения, следует сказать, что С. И. Дмитриева уменьшает сохранение былинной традиции на Карельском берегу, так как здесь количество былин находится в соответствии с их числом на других берегах Белого моря (см. табл. 1). Большая же разница в количестве былин по сравнению с Прионежским краем (Петрозаводский, Пудожский уезды) вытекает из очень слабой заселенности морских побережий. А первая часть ее довода, со ссылкой на М. В. Витова, — результат неточной передачи его мысли, так как высказывание лишено здесь контекста.

Говоря о наличии пахотной земли как о решающем условии при устройстве поселений, М. В. Витов указывает и на другие, не менее важные причины. Ими являются пути сообщения и богатые рыболовецкие угодья; так как роль земледелия уменьшается при движении на Север. Земледелие названо решающим в том смысле, что пахотная земля встречалась на севере реже, а значит, и считалась ценнее, чем вышеуказанные признаки. Но земля равноценна им, так как и будь там путей сообщения и рыболовецких угодий, первое условие теряло всякий смысл. Именно данный комплекс причин привел к тому, что в Занежье преобладающим типом поселений был речной и озерный в отличие от водораздельного¹⁴. Этими же самыми причинами (также с «решающей» ролью земледелия) руководствовались при устройстве поселений и в других районах. Так, этот тип поселений преобладал и в районах Кенозера, среднемеченении Онеги и Моши; на южном берегу Белого моря, в районах Ваги и ее приустьев, Пинеги и Мезени¹⁵, т. е. в районах бытования былин (табл. 1). Иначе не могло быть в условиях патриархального уклада при слабом развитии экономических связей¹⁶. Так, например, в Подвинье в XVII в. крестьянское хозяйство имело еще положительный хлебный баланс¹⁷. Этим мы снимаем единственное возражение С. И. Дмитриевой, отбросившее в свое время гипотезу о решающей роли промыслов в сохранении былин на севере.

Наиболее близки к решению исследуемого вопроса, на наш взгляд, были В. Я. Пропп и особенно А. М. Астахова. Но и она не сумела освободиться от традиционной идеи о крепостном праве, приводимой многими поколениями фольклористов, указав, что «самые условия труда и жизни крепостного крестьянина были неблагоприятны для сохранения эпической традиции»¹⁸. Здесь присутствует в зародыше главная мысль: о необ-

хотимости свободного времени для сохранения эпоса. И уже совсем нетрудно, причем здесь «кабальный», «крепостной» труд, тем более что вслед за этим она приводит высказывания самих северных крестьян, записанные А. Ф. Гинсбергом, о том, что «крестьянство», т. е. земледелие, не только не оставляет времени к «сказительству» былин, но и заглушает в памяти то, что прежде помнилось и певалось¹⁹. Ведь именно различие в характере труда любого земледельца (а не только крепостного) и промысловика и послужило главной причиной сохранения былин на русском Севере. Однако это не снимает полностью вопроса о связи: крепостное право — распространение былинного эпоса. Думаем, что необходимость дополнительной работы на помещика все же стала крепостного крестьянина в более неблагоприятные условия, чем свободного землевладельца. Но главная взаимосвязь крепостного права и степени распространения былин заключалась, по-видимому, в том, что крепостной труд в отличие от свободного был почти всегда трудом земледельческим.

Для доказательства нашей гипотезы рассмотрим материалы по экономическому районированию севера Европейской части СССР. Оказывается, что в конце XVIII — первой половине XIX в. Олонецкая губерния вместе с Архангельской и Вологодской входила в Северное Поморье, а потом — в Озерный край²⁰. В XVI—XVIII вв. русский Север делился на пять природно-экономических зон: 1) Центральное Поморье (земли вдоль Сухоно-Двинского речного пути из Вологды до Архангельска); 2) Северо-Западное Поморье (Заонежские погосты, Кольский и Каргопольский уезды без Турчасовского стана и территории вокруг оз. Воже); 3) Северо-Восток (Мезенский, Кеврольский, Пустозерский и Яренский уезды, причем последний в 1780 г. разделился на Яренский и Устьсыольский уезды); 4) Вятская земля и 5) Восточно-Прикамские районы (Соликамск, Чердынь, возникший в XVII в. Кунгурский уезд и владения Строгановых в бассейне средней Камы и Печоры)²¹.

Земледелие играло преобладающую роль в Вологодском, Тотемском, Устюжском, Сольвычегодском, Важском уездах и Устьянских волостях, а также в Вятской земле, снабжавших хлебом Поморье. Так, в 1725 г. из Вологодской губернии было доставлено в Архангельск около 75 тыс. пудов зерна и муки²². А именно эти регионы и не дают нам былин! В низовьях Северной Двины и Онеги, кроме прочего, специализировались на производстве скота и хлеба, здесь также былины распространены мало.

В остальных районах роль промыслов была неизмеримо выше, а в северной части Поморья они просто главенствовали над земледелием²³. Это положение хорошо иллюстрируется количеством распаханной земель, приходящихся на мужскую душу в последней четверти XVIII в. в Архангельской и Олонецкой губерниях²⁴ (табл. 2).

Таблица убедительно подтверждает нашу гипотезу: уезды с наименьшим количеством распаханной земель дают наибольшее количество былин. Случаи количественного несовпадения былин в районах с приблизительно равными площадями земельных угодий или, наоборот, количественного несовпадения пахотных площадей в районах с приблизительно равным числом былин объясняются разным соотношением других факторов, тоже влияющих на конечный результат. Это говорит о том, что зависимость степени распространения былин от степени развития земледелия проявляется только в виде общей тенденции. Многие из этих дополняющих действительную картину былинных ареалов признаков уже анализировались исследователями²⁵. Ими являются численность русского населения в каждом конкретном районе, характер других занятий, промыслов, история заселения края (раннее или позднее) и т. п., подробный анализ которых не входит в задачи данной работы. Так, Кольский уезд не дает максимального числа былин из-за его малозаселенности и позднего заселения, а на меньшее распространение былинной традиции в Лодейнопольском уезде повлияли, видимо, заселенность его вепсами и специфика хозяйственной направленности края, включая и большую роль отхожих промыслов.

Количество распаханых земель, приходящихся на мужскую душу в последней четверти XVIII в. (по Колесникову П. А.)

Губерния	Уезд	Количество земли (в десятинах)
Архангельская	Кольский	0,01
	Мезенский	0,5
	Архангельский	0,5
	Холмогорский	0,6
	Онежский	0,7
	Шенкурский	1,2
Олонецкая	Пинежский	1,0
	Каргопольский	2,3
	Пудожский	0,9
	Вытегорский	0,8
	Петрозаводский	0,7
	Повенецкий	0,7
	Олонецкий	0,6
	Лодейнопольский	0,4

Как видно уже из одного приведенного здесь примера, не все промыслы вызывают такое воздействие на распространение былин. При необходимости тогда можно привести примеры, когда количества распаханых земель в некоторых местах русского Севера, например в Каргопольском уезде, и в средней и южной России будут равными, но там мы вообще не встретим былинной традиции. Это также подтверждает гипотезу о том, что степень распространения рассматриваемого вида устного народного творчества в первую очередь определяется именно специфика промысловой деятельности населения русского Севера. Суммируя все вышесказанное, мы можем говорить, что главной причиной ранения былин на Севере послужило распространение там некоторых артелей промыслов, главным образом рыболовного и зверобойного, а отчасти и лесного. Показательно в данном случае и более длительное сохранение здесь большевских общин. При этом региональные различия в северном эпосе можно считать, как это и сделала С. И. Дмитриева, с историей заселения края (с. 47). К числу причин, способствующих сохранению эпоса, на наш взгляд, необходимо отнести: наличие большого производственного коллектива, включающего разные возрастные группы и имеющего большую древность (непрерывность традиции), а также наличие свободного времени или работы, не требующей больших физических усилий (вязка и чинка сетей и т. п.), обеспечивающих передачу традиции. Это подтверждается широким распространением, например, у казаков²⁶ былин и песен на былинные сюжеты (с. 100, табл. 1). Отсутствие какого-либо вышеназванного условия приводит к потере эпоса. Например, на охотничьих промыслах имелось немало свободного времени, но не было большого коллектива, могущего поддержать традиции. Другой пример — поморы. В этом случае большой производственный коллектив налицо, но отступают представители старших возрастных групп, аккумулирующих знание. Результат в обоих случаях одинаков — отсутствие былин. Причиной почти полного отсутствия эпоса в Приильменье (см. табл. 1) является, надо полагать, незначительность масштабов рыбного промысла на Ильмень. Косвенно это подтверждается наблюдением М. В. Витова о том, что открытые берега больших озер были менее удобны для рыбного промысла²⁷. Потому они были менее заселены, что, конечно же, отрицательно повлияло на степень сохранности здесь былин. Очень слабая былинная традиция фиксируется на открытых берегах (не изрезанных заливами и устьями рек) Ладожского и Онежского озер и, наоборот, наличием богатых былинных очагов на закрытых берегах²⁸. И что интересно, две былины, записанные еще в 60-х гг. в. (позднее и они исчезли) обнаружены П. В. Киреевским после

долгих поисков на территории современной Новгородской обл., одна из них — в Новгороде (расположенном, как известно, около оз. Ильмень), а другая — в Осташкове²⁹.

Что касается вклада новгородцев в сохранение эпоса, то можно с уверенностью говорить, что он огромен. Однако наряду с ними былины несли и ростово-суздальские, и московские колонисты. Большой вклад новгородцев в распространение былинного эпоса на севере нужно связывать только с тем, что колонизация во многих местах была более ранней, чем ростово-суздальская, и особенно московская, и что самое главное — она в большей степени, последние, была направлена и на промысловое освоение края.

Таким образом, предположение В. Ф. Миллера, доказываемое С. И. Дмитриевой, о том, что «... известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса» (с. 93), кажется нам излишне категоричным. Мнения других советских исследователей по этому вопросу, В. Я. Проппа и А. М. Астаховой, считавших крепостное право основной причиной, губительным воздействием на сохранение былинного эпоса, являются по нашему мнению, преувеличенными. Чисто историографический интерес представляют тогда объяснения дореволюционными авторами бытования былин; главным образом на русском Севере, отсутствием просвещения, верностью старине, верой в чудное и поэтической восприимчивостью северных крестьян. Второстепенным фактором распространения былин оказалось и влияние обособленности Севера с начала XVIII в. Влияние же некоторых артельных промыслов на живучесть эпической традиции, отмечаемое исследователями еще в XIX в., наоборот, было, несомненно, куда более значимым, чем предполагали они. По наш взгляд, сохранение былинной традиции способствовал целый комплекс факторов, главным из которых является специфика хозяйственной деятельности населения русского Севера.

Примечания

¹ См., например: Астахова А. М. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. Ахачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XV — начало XVI в.). М., 1946; его же. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Преподобного. М.; Л., 1962; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963; его Первые века русской истории. М., 1964; Липец Р. С. Эпос и древняя Русь. М., 1969.

² Астахова А. М. Указ. раб. С. 215—217; Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX — начала XX в.). М., 1975. С. 20, 21. Табл. 1.

³ Миллер В. С. Очерки русской народной словесности. Т. 1. М., 1897. С. 66.

⁴ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 34.

⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Т. 1. М., 1909. С. XI—CII.

⁶ Миллер В. С. Указ. раб. С. 22—64, 72, 73.

⁷ Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1896. С. 102.

⁸ См., например: Астахова А. М. Указ. раб. С. 215—232; Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 20.

⁹ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 510, 513.

¹⁰ Астахова А. М. Указ. раб. С. 230.

¹¹ Лобода А. М. Указ. раб. С. 90.

¹² Астахова А. М. Указ. раб. С. 217.

¹³ Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 22. (Далее ссылки на эту работу будут даны в тексте).

¹⁴ Витов М. В. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. Из истории селений. М., 1962. С. 94—95.

¹⁵ Там же. С. 93—94.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 1.

¹⁸ Астахова А. М. Указ. раб. С. 230.

¹⁹ Там же.

²⁰ Колесников П. А. Указ. раб. С. 49.

²¹ Там же. С. 51—61.

²² Там же. С. 51—53, 55—57, 60—61.

²³ Там же. С. 57, 59.

²⁴ Там же. С. 276.

²⁵ Астахова А. М. Указ. раб. С. 226—231.

²⁶ А в более раннее время — и в княжеских дружинах.

²⁷ Витов М. В. Указ. раб. С. 94.

²⁸ Дмитриева С. И. Указ. раб. табл. «Места записей былин».

²⁹ Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 41, (Лит. наследство. Т. 79)

© 1990 г.

С. И. Дмитриева

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ГЕОГРАФИЧЕСКОМ РАСПРОСТРАНЕНИИ РУССКИХ БЫЛИН

(Ответ М. И. Васильеву)

В нескольких словах об основных положениях моей работы «Географическое распространение русских былин». Несмотря на обилие литературы по былинам, калуж, ни в одном виде русского поэтического творчества не существует только спорных проблем, как в вопросе о географическом распространении какого эпоса. Специально этому вопросу была посвящена статья В. Ф. Миллера¹. Отдавая должное этой работе, все же нужно рассматривать ее основную мысль лишь как превосходную гипотезу: и материал, и метод, которыми мог пользоваться этот исследователь, определили недостаточную доказательность указанных им положений. Ко времени написания В. Ф. Миллером его статьи, новейшие сборники былин (А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова) еще не были опубликованы. Гипотеза же В. Ф. Миллера не была поддержана и изложена в соответствии с новыми данными. Большинство фольклористов, и в той или иной степени касавшихся интересующего нас предмета, ограничивались самыми общими указаниями на места записей былин и на причины концентрации там эпической традиции. Между тем причины и ход распространения былин и позднейшая консервация традиции в определенных местностях — процессы, хоть и связанные между собой, но все же разные. Общим местом для многих работ, посвященных русскому эпосу, стало утверждение, что былины занесены в районы Русского Севера новгородской и московской колонизациями. Однако это мало что объясняет, так как никакой иной русской колонизации на Севере не было, а возникнуть в среде дославянского населения былины с их подробными описаниями киевской и новгородской жизни, само собой разумеется, не могли.

Что касается причин, способствовавших консервации былин на Севере, то обычно принималось объяснение А. Ф. Гильфердинга, писавшего: «Этих причин много и необходимо их совместное действие. Эти причины — свобода и глушь». Действующими собирателями (А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. К. Ончуков) назывались соображения о роли транзитной дороги на Архангельск, по которой в допетровское время шла торговля с иностранцами, о роли промыслового хозяйства, для которого характерны длительные периоды вынужденного бездействия и т. д. Все эти обстоятельства, безусловно, способствовали сохранению эпической традиции в известных районах, но они, как будет показано ниже, не могут объяснить распространения там былин.

Единственно надежным методом при изучении географического распространения былин, как и любого явления народной культуры, может быть картографирование. Этот метод и был положен в основу книги «Географическое распространение русских былин». Хронологически работа ограничена второй половиной XIX — началом XX в., т. е. берется период, известный как «классический» в истории собирания былин. Использовались все сборники былин, относящиеся к этому периоду, что дает возможность говорить об одновременности

эпических традиций сравниваемых районов. Ограничилось этим не позволяет и то обстоятельство, что собирательская работа последующего времени предпринималась в основном по маршрутам прежних собирателей и выявила таких очагов былинной традиции, которые бы существенно меняли картину распространения эпоса².

На основе определенным образом отобранного и систематизированного материала были составлены таблицы и карты, показывающие распространение отдельных сюжетов и видов былин. Картографирование показало, что в рассматриваемый период на огромном пространстве европейской России эпос хранился главным образом в Архангельской и Олонецкой губерниях, во всех остальных он найден в сравнительно скудных остатках. Если в Архангельской и Олонецкой губерниях число записей былин достигает 676, то во всех остальных не превышает 105 номеров, включая 43 казацкие песни на былинные сюжеты, которые лишь условно можно назвать былинами. Напомню, что плотность населения в Архангельской и Олонецкой губерниях намного ниже, чем во многих других.

Показательны различия и в качестве былинных текстов. Если в большинстве губерний былины найдены в сокращенном виде, зачастую в отрывках, то в северных областях — это превосходные художественные тексты, многие из которых содержат до 1 тыс. стихов. Именно в северных губерниях собиратели в конце XIX в. обнаружили живую, творческую традицию и услышали первоклассных мастеров былинного сказительства. В ряде мест этих губерний (южная часть Заонежья, Пудожский край, Кенозеро, Мезень, Зимний берег Печора) былины широко бытовали. Сказители здесь настолько владели традиционной сказительством, что могли переложить в былинную форму любую песню и даже сказку. А. Ф. Гильфердинг, характеризующий эпическую традицию Выгозера, Кенозера и Водлозера, отмечал, что «эпическая традиция и теперь там бьет ключом. О Кенозере он писал, что «воздух, так сказать, пропитан духом эпической поэзии»³.

Ничего подобного мы не видим в других губерниях. Скудные, случайные записи былин, произведенные там, говорят об отсутствии былинной традиции, во всяком случае в рассматриваемый период. И как бы исследователи ни описывали находки остатков былин в этих областях России — как результат прежнего повсеместного распространения их в пределах расселения русского народа или как результат позднего и случайного проникновения, ясно, что подавляющее большинство записей и наилучшая сохранность текстов зафиксированы на европейском Севере.

Это дает основание изучить более детально распространение былин в этих областях. При рассмотрении карт прежде всего обращает на себя внимание обстоятельство, что область распространения былин образует четкий ареал. Она вытянута с юго-запада на северо-восток, от Свири до Печоры. Однако это не весь Русский Север, как неоднократно утверждалось, а лишь северо-западная его часть (если не считать северного побережья и центральных районов Кольского полуострова). Вне этого ареала остается около половины северной России — земли по течению Северной Двины, за исключением низовья, почти все течение Ваги и ее притоков, течение Сухоны, Юга, Вычегды, Вятки и Камы, Верхняя и Средняя Печора. Отчетливый ареал уже сам по себе свидетельствует против мнения о случайности былинных находок. Известно, что поиски былин после открытий Рыбникова и Гильфердинга велись почти повсеместно, но найдены они были только в пределах описанного выше ареала, хотя другие жанры устного народного творчества — песни, сказки, местные предания и пр. — многократно записывались и вне этой территории.

Установленный былинный ареал позволяет критически рассмотреть объяснения, которые выдвигались разными исследователями в качестве причин сохранения эпоса на Севере России. Обычно принимались объяснения А. Ф. Гильфердинга, придававшего большое значение удаленности Севера от культурных центров, способствовавшей консервации древних элементов культуры, незатронутое положение северного крестьянства, не знавшего крепостного права. И собиратели, начиная с П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, говорили об

ий роли промыслового хозяйства, для которого характерны периоды вынужденного бездействия. Однако у ряда исследователей эти объяснения или часть вызывали возражение. А. М. Лобода считал, что нельзя придавать особого значения отсутствию крепостного права, отмечая, что на Дону была еще большая свобода, чем на Севере, однако эпос в такой степени там не сохранился. Возражая В. Ф. Миллеру, выделявшему особо поэтическую одаренность юнчан, Лобода указал, что она не является специфической чертой только северян⁴. В. Ф. Миллер, считая, что нельзя придавать большого значения прославам, заметил, что крестьяне других русских областей часто сопровождают разнообразную и скучную работу заунывными протяжными песнями и эти песни могли быть и эпическими⁵. Позднейшие исследования А. Н. Нечаева⁶ и М. Астаховой⁷ показали, что нельзя поддерживать мнение Гильфердинга о том, что безграмотность северных крестьян способствовала сохранению интереса к былинам. Северные губернии в отношении грамотности стояли выше ряда других русских губерний. Нельзя считать правильным и мнение об отграниченности северных областей от культурных центров. Север вплоть до XVIII в. не был захолустным краем, через него проходили торговые и другие пути, связывавшие Россию со странами Западной Европы⁸. К тому же на Севере, особенно в Заонежье, известно немало выдающихся сказителей, связанных с такими крупными культурными центрами, как Петербург и Петрозаводск. Кроме того, собранный материал по фольклору, народному искусству и материальной культуре показал, что вряд ли можно считать правильным само представление о том, что глушь и оторванность от культурных центров способствуют сохранению традиционной культуры. Вся история народного искусства, в том числе фольклора, убеждает, что постоянное включение и освоение традиционными народами искусства новых сюжетов и образов является необходимым условием развития и, следовательно, сохранения этого искусства.

Исходя из очерченного с помощью картографирования былинного ареала, правильнее искать различия в распространении былинной традиции не только не столько между северными и остальными районами России, сколько между южными Русского Севера. Можно с уверенностью сказать, что условия, способствовавшие, по мнению большинства исследователей, сохранению былин, существовали в Вологодской и Пермской губерниях, в которых не было обнаружено былинной традиции в той же мере и в том же комплексе, что и в районах хангельской и Олонецкой губерний, богатых эпосом. И даже крепостного права, убившего, по мнению ряда исследователей, былинную традицию в центральных и южнорусских областях, не было здесь, как и в областях, богатых эпосом.

Неравномерность распространения былин на Русском Севере связана, по нашим данным, с историей заселения края. Как установлено историческими, географическими и лингвистическими исследованиями, значительно продвинувшимися со времен написания статьи В. Ф. Миллера, эта область была заселена русскими довольно поздно (главным образом в XII—XVII вв.), причем северо-западная часть ее подверглась новгородской, а юго-восточная — московской (так называли Ростово-суздальскую, позже московскую колонизации) колонизациям. Сопоставление былинного ареала с показаниями древних письменных источников, данными лингвистического анализа, антропологических и этнографических исследований позволяет связывать распространение былин только с продвижением на Север новгородцев. Там, где преобладали переселенцы из Ростово-Суздальской и Московской земель, былин нет. Это позволяет сделать важный вывод, что к XIV—XV вв. (время усиленной восточной колонизации) в Ростово-Суздальской земле былинная традиция еще не существовала.

Данный вывод, а также тот факт, что былины в XIX в. не были обнаружены в большей части территории, заселенной русскими, в Белоруссии и на Украине, позволяет предположить, что к XIV—XV вв. былины сохранились на Руси только в Новгородской земле. В пользу такого предположения говорит анализ традиционного фольклора, и в первую очередь в исторических песнях и дум. Все это,

в сочетании с тем фактом, что состав былинного эпоса находится в целом к общему источнику, позволяет предположить, что известная нам былинная традиция является новгородской интерпретацией русского эпоса. Другими словами, дошедшие до нас былины являлись в прошлом достоянием Новгородской земли, откуда они позднее распространились с переселенческим потоком.

Конечно, трудно представить, что песни о богатырях не звучали некогда в Киеве и в других политических центрах Киевского государства. Слишком много (и с этим согласны большинство исследователей) в былинах исторических реалий, относящихся к эпохе Киевской Руси. Причины того, что эпос дольше сохранялся в Новгородской земле, по-видимому, следует искать в специфических условиях общественной жизни Новгорода Великого, способствовавших проникновению эпоса в крестьянскую среду. Именно крестьянство, как свидетельствует этнографический материал, было тем социальным слоем, который сохранял древнейшие культурные традиции, зачастую первоначально восходящие к культуре городских слоев населения. В этой связи можно указать на особый класс крестьян-собственников, известных в Новгороде под названием земцев или своеземцев (горожане, приобретшие земли в уезде), который встречался в других землях княжеской Руси. Ряд источников свидетельствует, что своеземцы принимали участие в освоении северных владений Новгорода. Можно предположить определенную роль своеземцев, занимавших промежуточное положение между городским и сельским населением Новгородской земли в перенесении былинного эпоса в крестьянскую среду. Этому мог способствовать свойственный Новгороду демократический характер жизни, вечевой строй, открывавший широкий доступ к политической и общественной жизни республики трудовому населению, благодаря чему новгородская культура проникала чертами подлинной народности в большей мере, чем другие области Руси.

Изучение географического распространения эпоса помогает разрешению спорных вопросов, связанных с изучением истории заселения Русского Севера. Этнографические и антропологические исследования, о которых говорилось выше, показали существование на Севере двух культурных зон: западной (Заонежье и Поморье) и восточной (бассейн верховий Северной Двины с притоками), связанных с разными потоками русских переселенцев XII—XVII вв. — новгородским и ростовским¹⁰. Наличие былинной традиции только в одной этнокультурной зоне (западной) подтверждает эти выводы.

Перейду к замечаниям М. И. Васильева. Первое его возражение связано с вопросом: «Почему былины не сохранились в самой Новгородской губернии, колыбели новгородских славян?» (с. 5). Во-первых, не совсем верно говорить, что былины в Новгородской губернии не сохранились; речь может идти о том, что там их сравнительно мало. Б. М. и Ю. М. Соколовы, предпринимая поездку в Белозерский край, входивший в Новгородскую губернию, предполагали найти там былинную традицию на том основании, что край этот был первоначально колонизован новгородцами. И надежда их, как известно, оправдалась; они обнаружили там остатки хотя и слабой, но былинной традиции. Во-вторых, уже давно исследователями подмечено, что эпос (и это касается не только русского эпоса) сохранялся колонистами на новых местах обитания, исчезая в метрополиях. И потому Олонецкую губернию, где впервые были обнаружены русские былины, с легкой руки первых собирателей и исследователей былины, часто называли «Исландией русского эпоса»¹¹. Подобная закономерность не случайна, и мы попытаемся дать ей некоторое объяснение в конце статьи. Тот факт, что былинная традиция в Новгородской области сохранилась лишь в слабой степени, привлекал внимание и исследователей прошлого века. Объясняя это обстоятельство, В. Ф. Миллер обратил внимание на тот исторический факт, что после покорения Новгорода Иваном III этнический состав Новгорода сильно изменился. Царь, чтобы предупредить возможность восстания, «выводил (переселял) новгородцев тысячами по низовым городам, а на их место присылал жителей из городов Московского княжества. Подобные «выводы» повторялись неоднократно. Об этом писал Д. И. Иловайский: «От таких перемещений изменился самый состав новгородского землевладельческого и торгового классов. Многочисленные московские колонисты в Новгороде и его областях принесли

да свои понятия и обычаи; они способствовали здесь забвению старых вгородских порядков, служили важной опорой для водворения московского модержавия и помогли постепенному внутреннему объединению Новгород-ой земли с Московскою»¹².

Массовым было и бегство новгородцев от репрессий Ивана Грозного. Они одили на северо-восток Европы и в Сибирь. Это событие сохранялось в памяти потомков до XX в. О том, что в районе Новгорода потомки древних новгородцев давно уже отсутствуют, писал один из краеведов XIX в.: «В г. Новгороде, кроме фамилий Дербушевых, никого не осталось из коренных жителей, о бы мог вести свой род последовательно хотя бы от времени падения Новгорода. Наплыв суздальцев, рязанцев, муромы, шведов, литвы и даже ливонцев Новгородскую область был очень велик...»¹³. Это свидетельство использовал Д. К. Зеленин в своих разысканиях, касавшихся происхождения северно-ликоруссов Великого Новгорода¹⁴. Подобные доводы получили подтверждение в недавно вышедшем диалектологическом исследовании, результаты которого позволили автору прийти к заключению, что древнее новгородское население покинуло свои места в XV в., передвинувшись на северо-восток, а на вгородскую территорию пришло население из Ростово-Суздальской

или¹⁵. Второе замечание связано с тем, что В. И. Васильеву представляется необъяснимым неполное совпадение былинного ареала с ареалами, выявленными в результате картографирования лингвистических, антропологических и этнографических данных. Могу повторить вслед за М. В. Витовым то, что уже говорил ранее: «... полное совпадение былинного ареала с ареалами антропологических и жилищных типов, а также с показаниями письменных источников, возможно. Помимо того, что эти явления разнородны по своему происхождению и развиваются по своим внутренним законам, их фиксация происходила в разное время. Устав Святослава отражает обстановку начала IX в., былинная традиция на Севере была обнаружена в конце XIX — начале XX в., а антропологические обследования проводились в 50-е годы нашего столетия»¹⁶. представляется очевидным, что влияние внешних факторов, и в первую очередь природных, на рассматриваемые явления было различным. Общность ландшафта, например, сильнее сказывалась в интеграции элементов севернорусского мифа и вообще в сфере материальной культуры по сравнению со сферой духовной культуры.

Другое замечание В. И. Васильева касается судеб эпической традиции в низьях Северной Двины, подвергшейся новгородской колонизации, как об этом говорилось в моей книге со ссылкой на соответствующие исследования. В. И. Васильеву кажется необъяснимым объяснение слабости былинной традиции в период ее фиксации в конце XIX в. процессами капитализации, в сильной степени затронувшей население этого региона. Однако в книге указывается комплекс причин, обусловивших интересующую нас ситуацию на Нижней Двине, где располагалась в древности известная по историческим документам «винская земля». Не меньшую роль могло сыграть и то обстоятельство, что «винская земля» издавна находилась на оживленном торговом пути, связывавшем ее не столько с новгородским рынком, сколько с рынками Ростово-Суздальской земли, а затем и Московской Руси. Со времени опричнины она вошла в состав опричных земель и была оплотом московского государя в Полярье¹⁷. Немалую роль должно было сыграть и отмечаемое писцовыми книгами другими историческими источниками запустение сельских поселений в винском уезде со второй половины XVI в. Население уходило оттуда на побережье Белого моря, Пинегу, Кулой, Мезень, Печору, а также в сибирские города¹⁸. Районы, в которые уходило население с Нижней Двины, относятся к числу наиболее богатых эпосом, в чем можно видеть косвенное доказательство существования сильной былинной традиции в нижнедвинских районах до ухода туда населения. О том, что на Нижней Двине располагались древнейшие селения новгородцев, свидетельствуют письменные документы, в числе которых Устав Святослава и Двинские грамоты¹⁹.

Не совсем четко выражена мысль, вернее, возражение В. И. Васильева относительно сибирских былин. По всей вероятности, он хочет сказать, что сибирскую былинную традицию нельзя возводить к новгородской, так как Сибирь осваивалась не только потомками новгородцев. Однако я этого прямо не утверждала. Карта, показывающая распространение былин в Сибири, рассматривается мною в разделе, посвященном хронологии былинного эпоса, для иллюстрации мысли о раннем исчезновении былинной традиции в северных русских областях, а также на Украине и в Белоруссии. Составленная мной карта былинных очагов в Сибири в конце XIX — начале XX в. показывает, что они расположены на путях первых переселенцев в Сибирь²⁰. А первые поленицы, из которых сформировалось так называемое старожильческое население Сибири, были выходцами из областей Русского Севера, а значит, в какой-то мере и Новгородского Севера. Предположить, что в конечном счете сибирская былинная традиция восходит к новгородской, позволяет и тот факт, что на европейском Севере былинные очаги обнаружены главным образом в районах Новгородского влияния. Об этом же говорит сравнительное изучение сюжетного состава былинных традиций Русского Севера и Сибири. В. Ф. Миллер, сравнивая западносибирский былинный репертуар с олонеким, пришел к выводу о совпадении подавляющего большинства сюжетов²¹. О родстве сибирской эпической традиции с севернорусской писали и последующие исследователи. С сибирской былинной традицией связывают былины из сборника Кириши Данилова²². Что касается былин, записанных в Приуралье, отчасти в Поволжье и на Дону, то, как заметили многие исследователи, это остатки слабых эпических традиций, занесенных в эти районы переселенцами из северных губерний. Б. М. Соколов, исследовавший былины в Саратовской губернии, сделал вывод, что они проникли в этот край по Волге через северных русских²⁴. Сравнительное изучение сюжетного состава и жанровых особенностей эпических произведений из разных районов показало, что все известные нам былины восходят к одному источнику²⁵ и, следовательно, как и северные былины, могут быть связаны с новгородскими переселенцами.

Перехожу к главному возражению М. И. Васильева, считающего, что в формировании былинного ареала решающую роль сыграло промысловое направление хозяйства в тех районах, где были зафиксированы очаги былинной традиции; земледелие, в отличие от промыслов, по его мнению, не способствовало сохранению эпической поэзии.

Многие собиратели, говоря об условиях, способствовавших сохранению эпоса, не раз указывали на большую роль в этом отношении промыслов (рыболовных, зверобойных, лесных и т. п.). При работе на промыслах часто выдавались дни вынужденного досуга, а артельные формы труда обеспечивали необходимую для сказителя аудиторию и возможность обмена творческим опытом. А. В. Марков, А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков не раз отмечали, что крестьяне охотнее поют былины в осенние вечера на промыслах рыбы или морского зверя, когда из-за наступления темноты им приходится прекратить работу и долгий досуг нечем заполнить. Однако, как уже говорилось, крестьяне других русских областей часто сопровождают однообразную и скучную работу заунывными, протяжными песнями, и эти песни могли быть и эпическими²⁶. Кроме того, чем объяснить живучесть былинной традиции в Онежском крае? Известно, что в Заонежье земледелие по крайней мере уже с XV в. занимало основное место в хозяйстве крестьян, а промыслы были развиты намного слабее²⁷. М. И. Васильева не устраивает моя ссылка на работу М. В. Витова «Историко-этнографические очерки Заонежья» относительно земледелия в Заонежье. Однако, ссылаясь на работу М. В. Витова, я имела в виду то место (с. 95), где он говорит о густой населенности некоторых заонежских погостов из-за развития там земледелия, чему способствовали особенности почвы этого района. Да и показатели таблицы, приводимой М. И. Васильевым, не противоречат этой мысли, напротив, подтверждают ее. Из таблицы видно, что Заонежье занимает одно из первых мест по количеству распаханной земли на душу населения (с. 18). Что касается былинной традиции Карельского берега, то, говоря о ее слабости сравнительно с заонежской, я имела в виду, что по числу героических был

Занятия и ремесла сказителей былин Заонежья

Занятие и ремесло	Число сказителей (всего 72 чел.)
Портняжное	7
Рыболовное	5
Изготовление и починка сетей	4
Отхожие заработки	6
Каменотесное	3
Коновальное	2
Изготовление гребней	1
Столярное	1
Целовальное	1
Торговля	1
Знахарство	2
Перевоз	1
Нищенство	1
Земледелие	13
Совмещенные профессии:	
земледелие и рыболовство	3
то же и портняжное ремесло	2
» и сапожное	2
» и столярное	2
Без указания занятий	15

именно они определяют «лицо» эпической традиции того или иного района) адиция Карельского берега значительно уступает традиции Заонежья.

Возвращаясь к существу проблемы о роли промыслов в судьбах былинной адиции, скажу, что мысль М. И. Васильева об их преимущественном влиянии ла бы более доказанной, если бы он привел таблицу, свидетельствующую тепени развитости промыслового хозяйства, так как известно, что земледель-кая направленность хозяйства не только не исключала, а и способствовала звитию промыслов и ремесел в силу сезонного характера земледельческих бот, почти полностью освобождавшего крестьянина в зимнее время. Известно, занятии земледелием успешно сочеталось с промысловой деятельностью многих русских районов, как, например, в большинстве поволжских и сред-русских областей. Особенно показательна в этом отношении Владимиро-вдальская земля, где издавна были сильны как земледельческое (в районах лья), так и промысловое направления хозяйства. Достаточно вспомнить аменитые на всю Россию иконописные центры Палех, Мстеру и Холуй озникший в связи с ними промысел офеней. Промыслы играли немалую роль Олонечкой губернии: некоторые из них (иконописные, деревообрабаты-ющие) оказывали заметное влияние на соседние, да и не только на соседние юны²⁸.

Не знаю, насколько правомерно сопоставлять количество распаханных ель, приходящихся на душу населения, с числом былин, приходящихся на езд, как это делает М. И. Васильев, хотя, конечно, исчислять число былин на ду населения нелепо. Надежнее, на наш взгляд, обратиться к биографиям их сказителей. Для этой цели мы выбрали собрание А. Ф. Гильфердинга чежские былины»²⁹. Во-первых, потому, что оно самое полное из всех обных собраний — в трех его томах содержится 1950 страниц текстов былин. вторых, А. Ф. Гильфердинг принадлежал к числу собирателей, стремив-ся дать как можно более полные сведения о сказителях, от которых он исывал былины, в том числе и об их профессиональной занятости. В-третьих, юны Заонежья, где работал собиратель, интересны в том отношении, что для , как уже говорилось, характерен смешанный характер ведения хозяйства — едельческий и промысловый.

Из табл. 1 видно, что среди сказителей число лиц, занимавшихся неземле-рьческой деятельностью, довольно велико. Однако это не зверобойные или ие-либо другие морские промыслы, о которых пишет М. И. Васильев, а обыч-

Данные о выдающихся сказителях

Фамилия, имя, отчество	Род занятий	Число записан от сказителей был
Калинин Петр Кузмич	Портной	18
Прохоров Никифор	Земледелие; в молодости работал пастухом, тогда и выучил былины от старика	10
Фепонов Иван	Плетение сетей, кошелей, подаяние	8
Рябинин Трофим Григорьевич	С детства был починкой сетей, ловушек, ходил по деревням	18
Иевлев Терентий	Выучил былины в детстве, когда с дедом ходил по деревням; занимался починкой сетей	6
Сарафанов Андрей Васильевич	Профессия не уточнена	8
Щеголенок Василий Петрович	Земледелец и сапожный мастер, выучил былины у дяди-сапожника	13
Чуков Абрам Евтихий	В молодости выучился портняжному мастерству и до сих пор шьет осенью и зимой, странствуя по деревням; за работой поет свои старины	8
Касьянов Иван Аникиевич	Выучил былины в молодости от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю	7
Никитин Федор	В молодости занимался портняжным мастерством и в это время выучил много былин	8
Захаров Федор	Земледелец, выучил былины от заезжих людей	17
Захаров Иван Григорьевич	Человек «волоkitный», т. е. разъезжающий много для покупок в деревнях и продажи рогов, дичи и скота. Во время поездок выучился множеству былин	11
Сивцев Иван Павлович	Былины выучил в молодости, когда вместе с отцом занимался портняжным делом; узнал былины от слепых петарей	7
Воинов Петр Андреевич	Земледелец; в молодости жил в рабочих, в том числе у П. С. Сивцева, от которого и перенял былины. Другие выучил у старика Захара Андреева, занимавшегося плетением сетей. Долго служил в ополчении в Петербурге	6
Тряпицын Михайло Иванович	Крестьянин; былины выучил у отца	6
Лядков Иван	Былины выучил у отца-крестьянина, торговца. Работал целовальником в Каргополе	11
Швецов Николай Михайлович	Выучил былины у деда, помогая ему в рыбной ловле. Дед всегда пел во время рыбной ловли. Швецов совмещает земледелие с торговлей рыбой зимой. Рыбу доставлял с Белого моря в Вельск, Верховажье и Вологду	9

ные, домашние. В биографиях былинщиков наиболее часто упоминаются портняжное, сапожное дело, а также изготовление и починка сетей. Показательны в этом отношении сведения, относящиеся к выдающимся сказителям среди которых велико число занятых упомянутыми ремеслами (табл. 2). Сведения о таких сказителях особенно важны для нас, так как творчество большинства сказителей («старинщиков») определяло судьбу и особенности эпической традиции того или иного района. Биографии подобных сказителей убеждают лишь один раз, что сохранению былин способствовали не столько специфические поморские промыслы, сколько обычные домашние ремесла, свойственные многим, а не только северным русским районам. Уместно в этой связи вспомнить высказывания самого А. Ф. Гильфердинга: «Расспрашивая этих крестьян об обстоятельствах их жизни, я мог вывести заключение, что сохранению былин особенно благоприятствовали некоторые мастерства. Так, когда читатель будет просматривать сведения о сказителях, со слов которых мною записаны былины, он заметит, что многие из них, и именно те, которые больше других упоминали либо сами занимаются портняжным, или сапожным ремеслом, или изготовлением рыболовных снастей, либо заимствовали былины от лиц, занимавшихся этими мастерствами. Сами крестьяне не раз объясняли мне, что, сидя долгие часы на месте за однообразною работою шитья или плетения сетей, приходи-

Данные о сказителях и условиях исполнения былин

Фамилия, имя, отчество	Условие исполнения былин
Былин Петр Монова Домна Пискарев Федор Попова Настасья Прокин Андрей	Пел во время портняжных работ Пела, баюкая внучат Пел во время портняжных работ, странствуя по деревням Пела с Абрамом Евтихиевым Выучил былины, когда в молодости подолгу бывал на мельнице, где собиралось много крестьян из окрестных деревень
Былин Трофим	Пел, когда ходил по окрестным деревням чинить сети, ловушки и другие рыболовные снасти; ему случалось работать подолгу вместе с Ильей Елустафьевым, который знал много былин и певал их за работой, и Рябининым много от него «понял»
Манов Кузьма Мелев Терентий	Слепец, считает пение былин чем-то вроде профессии Выучил былины у деда, Ильи Елустафьева, который сопровождал пением былин работу по изготовлению рыболовных снастей
Молоденок Василий	Пением былин, подобно отцу и дяде, от которых выучил былины, сопровождал свою работу сапожного мастера
Пов Абрам	Ежегодно проводил осень и зиму, странствуя по деревням, чтобы шить крестьянам платье. За работою он обыкновенно распевал былины
Сыанов Иван	Научился петь былины в молодости от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю
Парова Прасковья и Пасту- лова Прасковья Китин Федор	Поют былины на посиделках, как и духовные стихи В молодости занимаясь портняжным мастерством, преимущественно в поморье, в Кемском уезде, выучился петь былины
Паров Иван	Был человек «волокистый», т. е. разъезжавший много для покупки в деревнях и перепродажи рыбы и скота. Во время этих поездок он выучил многие былины
Пов Савелий Ханов Василий Помской Иван	Выучил петь былины на лесных гонках, где бывал в работниках Былины распевал за столярной работой Мальчиком сопровождал своего отца, помогая ему в портняжных работах. Былины «понял» от отца, а также от двух слепых «пестарей», которых он слышал на Плесском погосте
Оргиевская Авдотья	Выучила былины от крестьянина-швеца, который по зимам жилал на портняжных работах в доме ее отца
Вещов Николай	Былины выучил у деда, славившегося как знаток былин; занимаясь преимущественно рыболовством на р. Моше, он брал с собой внука, который тут и наслышался от него былин, потому что дед во время рыбной ловли почти всегда напевал былины

ота петь „старины“, и они тогда легко усваиваются; напротив того, „крестьянство“ (т. е. земледелие) и другие тяжелые работы не только не оставляют ому времени, но заглушают в памяти даже то, что прежде помнилось и певаль. Впрочем, читатель должен иметь в виду, что мастерства, о которых говорю, отнюдь не составляют исключительного занятия кого-либо из певцов былин; каждый из них в то же время земледелец и летом работает по своему крестьянскому хозяйству. Разница только та, что иные в свободное зимнее время занимаются мастерством, благоприятствующим сохранению эпических песен, а как занятия других, например звериный промысел, лесные работы, извозничество и т. п., не оставляют досуга для рапсодий»³⁰. Важно подчеркнуть, что, по мнению А. Ф. Гильфердинга, зверобойный (звериный) промысел, которому он придает особое значение М. И. Васильев, не только не способствует усвоению былин, а; напротив, не благоприятствует этому.

Биографии сказителей свидетельствуют, что М. И. Васильев не совсем прав, когда говорит, будто для поддержания эпической традиции необходимым условием является наличие крупного коллектива слушателей (с. 14). Сведения о сказителях убеждают (см. табл. 3), что исполнение былин нередко не требовало никакой аудитории.

Задаваясь вопросом, почему занятие определенными промыслами побуждает крестьян петь эпические песни, я обратила внимание, что это, как правило, промысла, вынуждающие крестьян покинуть родные края. Биографии сказителей

ными свидетельств о том, что былины они переняли в молодости от отца, деда в странствиях по деревням, которые они совершали, занимаясь упомянутыми выше ремеслами. Помогая в работе, будущий сказитель учился не только ремеслу, но и былинам, которые напевал, работая, его старший родич. Рассматривая табл. 3, посвященную этому вопросу, видим также и частые свидетельства, что былины тот или иной сказитель «перенял» от сторонних, «страннющих», людей, т. е. чужих, странствующих людей. Отсюда можно заключить, что к исполнению былин, по всей вероятности, побуждала разлука с родным домом.

Разлука, по народным представлениям, особенно если судить по фольклору, имела особое значение и нередко уподоблялась смерти («разлука та же смерть»). Поэтому, как над покойником, причитали над невестой, когда она прощалась с родным домом, и над рекрутом, отправлявшимся на военную службу. Можно предположить, что эпические, как и другие, традиционные, песни имели магическое значение; их исполнение связывало крестьян с отчим домом, с родной землей. Ту же роль, как известно, играла и горстка земли, зашиваемая в ладанку рекрутом или другим человеком, вынужденным покинуть родное место.

По свидетельству карело-финского эпоса, первыми исполнителями эпических песен были певцы-шаманы, подобные Вайнемейнену. Имеются предположения, что шаманские черты присущи и легендарному Бояну «Слова о полку Игореве»³¹. Те же черты прослеживаются и в других видах русского традиционного фольклора, например в календарном фольклоре³². Вероятно, исполнители былин сохраняли память о магической функции старинного пения, связывающего их, подобно пению шаманов, с духами-покровителями и тем самым защищающего от духов враждебных. Последние становились особенно опасными на чужбине, вдали от родного селения. Показательны в этом отношении воспоминания Н. И. Гаген-Торн о разговоре с одним из местных жителей в время ее поездки по Русскому Северу:

— А песни у вас старинные есть?

— Песням как не быть, где люди, там и песни живут.

— Я приеду обязательно! Как вас зовут, дедушка?

— Морей Иванович, а прозвище Шангин. Песни лучше всех моя старуха знает. Она как заведет были-небывальщины — не переслушать! С Зимнего берега она, с Золотницы; там место певчее, поют постаянно и старину хранят. Я как на Новую Землю ходил, все с золотничанами, с женой родней зимовал. У них старик был — ну, старик! Его с собой для утех зимовать брали. Зверовали стар, не неволят, а долю дают: старины сказывай, песни выпевай. Без этого зимовке нельзя. Заскучает какой парень — тут цинга и привалится. Как он заманивает, знаете. Девушкой прикинется, в губы целовать начнет — лежи и вставай! А рот в крови. Сон нападает. Поддался парень — и сгинул. Тут надо распотешил бы кто! Про то и держат сказителей!

— Вот так способ лечения цинги, — усмехнулась я.

— Ты, дочка, не зимовала, так не перечь! Человек без песни — что птица без крыльев... или уха без соли, — усмехнулся старик. — Где люди, там и песни...»³³

Свидетельство Н. И. Гаген-Торн о том, что былинам придавалось не только апотропеическое, но и лечебное значение, лишний раз подтверждает мысль о магическом значении пения былин.

На особое отношение крестьян к сказителям, связанное с их верой в то, что сказывание былин способствует успеху промысла, обращали внимание первые собиратели былин, отмечавшие, что старинщики пользовались преимуществами в равноправной артели. «Старинщику, например, не поручают особенно трудную часть работы, и они делают в артели то, что, обыкновенно исполняли малолетние и подростки... пользующиеся, однако, совершенно одинаковым паем с остальными членами артели; при разделе добычи старинщику, особенно угодившему своими стараниями артели, возможно, что дается и до некоторой степени лучшая часть добычи»³⁴.

Кстати, свидетельства ставя собирателей позволяют выделить два вида исполнения былин. При занятиях тяжелыми промыслами, зверобойным в частности, стьяне нанимали певцов былин. Тогда как легкие ремесла, как уже говорилось, позволяли крестьянам самим петь былины. Подобные свидетельства, на наш взгляд, позволяют заключить, что воздействие промыслов на сохранность былинной поэзии было не прямым, а опосредованным, через мировоззрение крестьян. В свете всего сказанного становится понятным и тот факт, о котором говорю в начале статьи, что фольклор лучше сохранялся колонистами, вынуженными по тем или иным причинам покинуть Родину. Подводя итоги, можно с большой долей уверенности говорить, что промыслы али определенную роль в сохранении эпической поэзии (что, в свою очередь, уделяло картину географического распространения былин). Однако роль была второстепенной. Первостепенное значение в формировании былинного ала на Севере связано, как об этом говорилось выше, с особенностями ической истории края. Заселение Севера разными потоками славянской коизации — новгородской и московской — сказалось не только на судьбах илинной поэзии, но и на многих областях материальной и духовной жизни ского Севера. Об этом свидетельствуют материалы и исследования по ар-логии, этнографии и фольклору, появившиеся уже после выхода в свет сматриваемой здесь книги³⁵. Однако это тема специального исследования.

Примечания

- ¹ Миллер В. Ф. Наблюдения над географическим распространением былин // Очерки русской весности. Т. 1. М., 1897.
- ² Онежские былины // Летописи Государственного литературного музея. Т. XIII. М., 1948; ахова А. М. Былины Севера. Т. I. М.; Л., 1938. Т. II. М.; Л., 1951 и др.
- ³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I. М., 1949. С. 34 (далее — Гильфердинг А. Ф. Указ. раб.).
- ⁴ Лобода А. М. Русский богатырский эпос. Киев, 1894. С. 102—103.
- ⁵ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 72.
- ⁶ Нечаев А. Н. Сказки М. М. Коргуева. Кн. 1. Петрозаводск, 1939. С XXX—XXXIX.
- ⁷ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. С. 31.
- ⁸ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин (по материалам конца — начала XX в.). М., 1975.
- ⁹ Подробнее об этом см. Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 91—92.
- ¹⁰ Витов М. В. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII веков). М., 1964.
- ¹¹ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 83.
- ¹² Иловайский Д. И. История России. Т. II. С. 465 (цит. по Миллеру В. Ф. Указ. раб. С. 73—74).
- ¹³ Богословский Н. Общий очерк жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сборник. Вып. I. Новгород, 1865. С. 1.
- ¹⁴ Зеленин Д. К. О происхождении северновеликоруссов Великого Новгорода // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1954. № 6. С. 56.
- ¹⁵ Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
- ¹⁶ Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера // История СССР. 1964. № 6. С. 101; Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 39.
- ¹⁷ Садиков А. А. Очерки истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 191—192.
- ¹⁸ Очерки по истории колонизации Севера. Вып. I. ПТГ., 1922. С. 45, 46.
- ¹⁹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. 1951. С. 103.
- ²⁰ Дмитриева С. И. Указ. раб. С. 45, 82—87.
- ²¹ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 81 и сл.
- ²² Соколов Б. М. О былинах, записанных в Саратовской губернии // Культура. Саратов, 1922. С. 15; Кошелев Я. Р. Вопросы русского фольклора Сибири. Томск, 1963. С. 67, 138.
- ²³ Кошелев Я. Р. Указ. раб. С. 19—43.
- ²⁴ Соколов Б. М. Указ. раб. С. 15.
- ²⁵ Миллер В. Ф. Указ. раб. 78—96; Соколов Б. М. Указ. раб. и др.
- ²⁶ Миллер В. Ф. Указ. раб. С. 72.
- ²⁷ Витов М. В. Историко-культурные очерки Заонежья XVI—XVII веков. 1962. С. 95—96.
- ²⁸ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белоруссов // Восточнославянский этнографический сборник. Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 31. М., 1956. 102.
- ²⁹ Гильфердинг А. Ф. Указ. раб.

- ³⁰ Гильфердинг А. Ф. Указ. раб. С. 44.
- ³¹ Мороз Е. Л. Следы шаманских представлений в эпической традиции Древней Руси. Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 100.
- ³² Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки по истории народных верований) // ТИЭ. Т. XL. М., 1957. С. 195 и др.
- ³³ Гаген-Торн Н. И. Путь к Северу // Полярный круг. М., 1986. С. 112.
- ³⁴ Ончуков Н. Е. Печорские былины. СПб., 1904. С. XXIII—XXIV.
- ³⁵ Подробнее об этом см. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских европейского Севера. М., 1988. С. 188 сл.

Н. И. Гаген-Торн (1900—1986) — видный советский этнограф, достойный представитель ленинградской школы этнографов 20-х гг., возглавлявшейся Л. Я. Штернбергом и В. Г. Тан-Богоразом. В 1924 г. закончила этнологическое отделение факультета общественных наук Ленинградского университета, в 1927—1936 гг. она — аспирантка крупнейшего русского этнографа Д. К. Зеленина, преподаватель Института народов Севера и затем — сотрудница Института этнографии АН СССР. В эти годы Н. И. Гаген-Торн публикует свои первые исследования, обратившие на себя внимание научной общественности (например, «Магическое значение волос и головных уборов в свадебных обрядах народов Восточной Европы», «К методике изучения одежды» и др.).

С 1936 по 1956 годы жизнь Н. И. Гаген-Торн складывалась трагически. Она была репрессирована, прошла колымские лагеря, повторный арест, ссылку на Енисей. Необыкновенная энергия, жизнелюбие и жизненная активность помогли ей остаться не сломленной, сохранить себя. Между первым и вторым арестом Н. И. Гаген-Торн защитила кандидатскую диссертацию, а после полной реабилитации в 1956 г. уже в довольно пожилом возрасте написала и опубликовала две книги («Женская одежда народов Поволжья» и «Л. Я. Штернберг»), несколько десятков статей на этнографические и литературные темы (об А. Белом, О. Форш, В. Бианки). Ниже мы публикуем дневник Нины Ивановны, который она вела, находясь в ссылке на Енисее. Даже в этих тяжелейших условиях она, как это видно из текста, продолжала оставаться увлеченным этнографом.

Осмысление научного наследия Н. И. Гаген-Торн впереди. Настоящая публикация хотя бы отчасти заполнит одно из многочисленных «белых пятен» в истории нашей науки.

Перед воспоминаниями Нины Ивановны о Енисейской ссылке, мы помещаем заметку И. Д. Хлопиной, которая в 20-е годы работала с Ниной Ивановной в Институте этнографии и всю жизнь с ней дружила.

Редакция

© 1990 г.

НИНА ИВАНОВНА ГАГЕН-ТОРН

В «Литературной газете» от 28 декабря 1988 г. на 5-й странице фотография девушки с длинными волосами и сбоку надпись: «Жизнь только начинается ... а впереди годы и годы тюрем и лагерей. Этнограф и литератор, ученица В. Тана-Богоразы и Андрея Белого — Нина Гаген-Торн». И ничего больше¹. Я хочу рассказать о ней, так как в те двадцатые годы я тоже была этнографом. Нина закончила университет года на два раньше меня. Она работала в Русском музее и в Музее этнографии Академии наук СССР у проф. В. Г. Богоразы, изучала фольклор русского Севера, старинную одежду, обряды и обычаи. Я была практиканткой в Музее этнографии, потом в аспирантуре ЛГУ у проф. Л. Я. Штернберга занималась обычаями и верованиями тюркских народов (крымских татар, чигизов, шорцев). Интересы наши были разными, но мы встречались на лекциях, семинарах, конференциях.

Среди моих друзей были Гут Пресняков и Саша Лисовский — геологи. Они познакомились с Юрой Шейнманом. Он был женат на Нине Гаген-Торн и через него я узнала ее ближе. У нас нашлось много общих интересов помимо этнографии. Мы обе посещали Вольфилу (Вольно-философское общество), где выступал Андрей Белый с идеей построения Храма Человека (Нина считала себя его ученицей), бывали в Доме литераторов (на Бассейной ул.), где слушали «Серапионовы Братьев», в Капелле на выступлениях Маяковского, в Эрмитажном Театре на лекциях А. В. Луначарского, в Актовом зале университета на вечерах поэзии Анны Ахматовой, увлекались «Двенадцатью» Блока, были на исполнении их хором под руководством Всеволодского в Анничковом Дворе и принимали горячее участие в спорах об интерпретации образа Иисуса Христа.

Между нами возникла крепкая дружба. Нина рассказывала мне, как в первые годы революции, еще гимназисткой, была председателем Управы ОСУЗа (организация средне-учебных заведений), о чем впоследствии написал в «Записках старого петербуржца» Лев Успенский (1970).

Я стала бывать у нее дома, на Бассейной ул., д. 58. Она жила с матерью (отец ее, известный хирург Иван Эдуардович Гаген-Торн, уже умер), мужем — Юрой Шейнманом и двумя малолетними дочками — Галей и Ладой. У них была дача на ст. Большая Ижора — двухэтажный дом сиреневым садом. Я не раз бывала там у нее. Она любила людей, была общительна и добра.

Примерно раз в два-три месяца у нее собирались друзья — ее и Юры: геологи, писатели, среди них — Вениамин Каверин и Юрий Тынянов с женами. Из этнографов бывала я одна. Сначала кто-нибудь делал доклад — о новостях в науке, путешествиях или творческих планах. Я рассказывала о шаманстве, которое изучала в Горной Шории. Потом было чаепитие, скромное по тем временам, и снова разговоры на разные темы. Но иногда собирались только этнографы и обсуждали вопросы организации и тематику предстоящих конференций. Бывало очень оживленно, Нина была природным организатором и душой общества. Ее любили.

В конце 20-х годов началось, как известно, массовое гонение на интеллигенцию. В разных учреждениях появлялись «тройки», занимавшиеся «чисткой». В университете во главе тако «тройки» был некий Фигатнер. Одно его имя наводило ужас, сотрудники «вылетали» один за другим. В газетах появлялись клеветнические статьи, но, как обычно, «народ безмолвствовал».

В газете «Правда» от 6 апреля 1929 г. появилась статья «Аспиранты Академии наук» с клеветой на научную молодежь, где упоминалась и моя фамилия (дочь таких-то родителей). Подписана она была «Орлинский». Здесь интересно упомянуть, что за той же подписью и в то же время шла травля писателя М. Булгакова (см. Миндлин. Необыкновенные собеседники. М., 1979. С. 167—168). Вскоре после этого я была «вычищена» из музея и из аспирантуры ЛГУ как «чуждый элемент». Этнография для меня кончилась. Пришлось менять специальность. Связь с этнографами почти прекратилась, встречи с Ниной стали редкими. Мне было известно, что в 1936 г. предполагалось провести Всесоюзный съезд этнографов и что Нина принимает деятельное участие в его организации. И вдруг ошеломляющая весть — она арестована! За что?!

Она вернулась в Ленинград через 18 лет, в 1954 г., и сразу стала часто бывать у меня, иногда ночи напролет рассказывая о себе. За эти годы муж развелся с ней, женился, дочери выросли, переехали в Москву. Квартиры не было, дом в Ижоре заселили жильцами.

До самого конца она не знала, за что ее взяли. В тюрьме она подвергалась многочисленным и мучительным допросам, но так и не выяснила, в чем ее обвиняли. Приговор был — 5 лет. Отпустили ее через 3 года, она восстановилась на работе в Академии наук, но в декабре 1947 г. ее арестовали вновь и отправили на 5 лет в концлагерь Темники в Мордовии. Обвинение было совершенно нелепое. Вы считаете, что в первый раз сидели зря — значит Вы обижены и стали врагом Советской власти. О пребывании в тюрьмах и лагерях она написала в своих воспоминаниях об этом времени². Мне она оставила свои стихи «Колымская биография».

В день приезда в Ленинград она пошла в прокуратуру. Там дали ей прочесть ее «дело». Оно начиналось с доноса, подписанного одной из сотрудниц Музея этнографии, нашей общей знакомой даже приятельницей когда-то. Она обвиняла Нину в том, что при организации Всесоюзного съезда она предлагала на руководящие роли беспартийных товарищей, как-бы отстраняя коммунистов. Это было чистейшим вздором.

«Если автор доноса письменно подтвердит, что все написанное им клевета, то вам будет возвращено все, что еще возможно вернуть», — сказала Нине Ивановне прокурор. Она пошла в музей, встретила эту сотрудницу и не подала ей руки. Присутствовавшие возмутились. «У меня есть к этому основания», — сказала Нина, — я приду к вам сегодня вечером». На следующий день они вместе были у прокурора, и та сотрудница подала ему покаянное заявление. С этого момента

мо разочариваться в обратную сторону: она была принята на работу в Институт этнографии СССР на должность научного сотрудника, ей дали комнату в коммунальной квартире. Через несколько лет (и после трех судов) была возвращена дача в Ижорах, жильцов выселили. Нина на интенсивно работать. На основании архивов, писем, мемуаров и контактов с бывшими учениками Л. Я. Штернберга она написала о нем монографию, вышедшую в издательстве «Наука»; 1975 г., написала воспоминания об Андрее Белом³, в специальных журналах опубликовала статьи русской этнографии, увлеклась переводом и пересмотром неясных мест «Слова о полку Игореве» тала трактовать его по-своему, говорила, что ставит его «с головы на ноги». Она написала книгу, доказывала, что автор «Слова» никак не мог «воспевать» поражение и плен Игоря Святославича, он только сравнивал его с другим Игорем, Рюриковичем, воспетым Бояном, которому и «пели две девы Дуная». Это противоречило принятым установкам, акад. Д. С. Лихачев дал отрицательный отзыв, и книга не была напечатана. Тогда Нина выступила с докладом в Доме ученых и тоже не получила одобрения. Но ей удалось напечатать статью о «Слове» в журнале «Сканда славика», издающемся в Копенгагене. Она подарила мне оттиск с надписью: «В память многих десятилетийшей дружбы». Но книга осталась в рукописи. Где она? — не знаю.

Шли годы: Пришла старость. Нина стала глохнуть и слепнуть и не смогла больше жить одна. Она поселилась в пансионате Дома ученых в Павловске и умерла 4 июня 1986 г. Я не сразу узнала об этом и потому не смогла проводить ее в последний путь. У меня нет даже ее фотографии. Только оттиск статьи и стихи колымских лет.

И. Д. Хлопина

Примечания

¹ За последнее время материалы о н. И. Гаген-Торн опубликованы в «Огоньке» (1989, № 28) и «Семье» (1989, № 28). Один ее рассказ и восемь стихотворений вошли в сб. «Город у моря». (Издан, 1989). Готовятся к печати стихи в сб. «Лагерная поэзия» в Изд-ве «Московский рабочий». то и следующие примечания — дочери Нины Ивановны — Г. Ю. Гаген-Торн).

² Все рукописи о тюрьме и ссылке, ранние повести и стихи лагерной поры, а также часть писем известных людей находятся в Институте русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), в архиве Нины Ивановны.

³ Опубликованы в сб. «Андрей Белый. Проблемы творчества». М., 1988.

© 1990 г.

Н. И. Гаген-Торн

В ССЫЛКЕ НА ЕНИСЕЕ

1. Из тюрьмы на поселение.

Наш этап держали в Красноярской тюрьме неделю: ожидали хозяев, которым нужна рабочая сила. Наконец шелкул замок, открылась дверь. «Построить!» — сказал надзиратель. — «Смирно!»

Он прошел по рядам женщин вместе с грузным мужчиной в меховой шапке и перчатках. Мужчина останавливался, осматривался, тыкал пальцем: «Эту, эту тут!»

«Шаг вперед!» — командовал надзиратель. Девушка выступала.

«Фамилия? Имя, отчество?» — Отвечала. Надзиратель отыскивал в папке фото, сличал фотографию с девушкой и передавал потребителю. Потребителю интересно получить молодую и здоровую рабочую силу. Таких и отбирали. «С вещами!» — Девушка, готовая вырваться из тюремной камеры куда угодно, кидалась к своему чемодану.

Камера постепенно пустела — каждый день наезжали потребители.

Через неделю остался только бросовый товар: немолодые или слишком ин-

телогентного вида женщины. Запоздавший потребитель, махнув рукой, вынужден был взять всех.

Был январь, когда нас погрузили на машину, вывезли из города. Посреди многих месяцев увидела я у края дороги огромные рыжие сосны под шапками снега. Сине-лиловые тени бежали по снегу за нашим грузовиком. Сосны кланялись, когда он подскакивал на ухабах, поднимая морозную пыль.

Ехали целый день. В деревне остановились в темноте. Нас провели в жарко натопленную избу. Не рассматривая и не расспрашивая, продрогшие и уставшие едва проглотив хлеб с кипятком, мы повалились на широкие доски пола и заснули.

Я поднялась, когда рассвело. Кругом спали. Натянув бушлат и шапку, вышла на улицу. Первый раз одна, после тюрьмы. Широко шла накатанная дорога. Прямыми столбами поднимался дым из домов. За рядами усадеб гул синел лес. Это было самое радостное.

Я не знала, куда нас привезли, как сложится будущее, радостью были и тронутый снег, солнце, синие сосны и скрип снега под валенками. Возможно, идти по лесной дороге вправо, влево, куда вздумается. От воздуха кружила голова. Мороз щипал, пытаюсь окрасить вялую, как проросшая картошка, кожу. «Ладно, ладно, — думала я, — щипли, слабость пройдет, только бы ходить по снегу, дышать, смотреть на небо».

Вон заячий след... Ворона с шумом перепорхнула, осыпая снег. Закачали ветки... Хорошо!

На дороге показалась запряженная в дровни корова. Подле шел человек в стеганых брюках и бушлате, до глаз закутанный платком. Они везли дрова. — «Здравствуйте! — сказала я. — Как называется эта деревня?» — «Бобровка», — женским голосом отвечал человек. — «Почта здесь есть?» — «Нет, почта в Пятковом. Вас вчера с Красноярска пригнали?» — Она размотала лицо, чтобы лучше беседовать. — «Из Красноярска. Сколько досюда километров?» — «Поди двести будет». — «А до Енисея отсюда?» — «До Залива — это деревня на берегу Енисея — верст 7. Там нашего колхозу бригада». Женщина критически осмотрела меня: «Председатель вчера бранился, — никуда вы не поедете, привез. И вправду... Какая с тебя колхозу польза?»

— «Никакой, — отвечала я — Я в Бобровке оставаться не хочу, поеду в Залив на Енисей», — «Нук чо? Зайди в правление, поговори. Во-он правление-то!» — «Пойду.»

В правлении было жарко и накурено. Взволнованно толпился народ, прибывший с нашим этапом. Председатель спрашивал, у кого какая специальность. Что может делать? Дошел до меня: «Что можешь работать? Коров доить можешь?» — «Нет. Я инвалид, физически работать не могу.» — «А чем жить будешь?» — «Там посмотрим. У меня взрослые дети, помогут.» — «Пятая баба работать отказывается! Чего же я вас возил?» — «А ты нас спрашивал? На даже не сказали, куда едем.» — «Это верно, не сказали, — он махнул рукой.

Через народ ко мне протиснулся здоровенный сивый мужик, протянул руку — «Я столяр, — сообщил он, — станюись моей бабой, прокормить смогу. Он удивился, что я отказалась от брачного предложения. — «Чем же жить будешь? А у меня специальность хорошая!» — «Поеду в Залив, там посмотрю».

Столяр прошел дальше, перебирая приехавших женщин, подыскивая жену. Я вышла из правления, пошла продавать рубашку, чтобы дать телеграмму — денег у нас ни у кого не было, не выдали из тюрьмы.

На улице остановила женщина: «Мне старушка нужна, смотреть за ребенком, я ветфельдшер, в разъездах все — не пойдете ли ко мне? Все лучше, чем колхоз!» Но я отвергла и это предложение: «Поеду на комиссовку в райцентр. А пока — хочу жить в Заливе».

Дня через два колхоз дал подводу под вещи и мы — пять человек — переехали в Залив.

Князь сибирских рек, Енисей, сочетает прозрачность и быстроту горной реки с необъятным простором. Проходя через жаркие хакасские степи, он так нагр

яется, что у Крассоярская становится мощной артерией, обогревающей сотни километров вниз по течению: вдоль его берегов не бывает заморозков до половины октября.

Русские старожилы чтут живительную силу Енисея: в деревне Залив в те годы XX в. еще выходили к нему с поклонами, когда он весной ломал лед, вносили и пускали по воде хлеб-соль.

Я увидела первый раз Енисей не весной, когда он гремит ледоходом, не летом, когда он, блистая, несет свои теплые воды, а зимой. Огромную снежную пустыню, отороченную синеватой зеленой сосновых боров, да серой твердью скал на правом берегу. От солнца лежали на нем ярко-синие тени. Было тихо, но резкий мороз захватывал легкие, ослабевшие в каменных мешках тюрьмы. Вдоль берега тянулись прясла огородов, упираясь в береговой обрыв. Коричневые скаты домов выделялись на белых снегах.

Поклонилась я Енисею и заплакала, от радости перед его красотой.

Жить в деревне стала в избе у мохнатого старика-бакенщика в боковушке, перегородкой. Веселой алой краской, что красят бакены, были окрашены в избе лавки, очелье печи, кадка с водой и кровать. Вечерами хозяин сидел за умоваром и щеки его становились такого же алого цвета. Но старичок он был трогий — даром жечь керосин не велел: в восьмом часу вечера запирали калитку на улицу и тушил лампы. Он забирался на печь, а я устраивалась за перегородкой.

Жизнь входила в тихое русло: память стирает такие дни, чтобы восстановить их, надо было отыскать обрывки записей, перечитать уцелевшие письма, зон и друзей: Григория Абрамовича Шайна и Веры Федоровны Газе. У них, Симеизской обсерватории прожила я счастливые месяцы летом 1948 года, между первым и вторым турами. Эта дружба была отрадой в лагерях, поддержкой в ссылке: в те времена лишь немногие не боялись помогать заключенным. Сохранились и отрывочные дневниковые записи. Привожу отрывки из них.

15.I.53 г. Занесенная снегом деревня. Полное одиночество. Оно особенно трудно, когда человек слаб и болен. Письма отправила. Пока дойдут до Москвы — 10 дней. Обратно — сколько же, ведь почта из Пяткова ходит не каждый день. В колхозе выдали всем бывшим лагерникам «аванс на будущие трудонд» — 15 кг картошки. Но нужны деньги хотя бы на муку (хлеба здесь не продают — надо купить муку и печь оладьи). Когда-то придут деньги?

17.I. Никогда в жизни не было так тяжело. Все, о чем ни подумаю, — несется. Одиночество полное: ни друзей, ни детей, некого ожидать. Да никому, кроме Тани, и я не нужна. А Таня — беспомощно лежит на нарах в лагере. Вспоминаю о «Ломоносове» — мучительно ожиданье, как за любимого сына в бою: побьется ли эта поэма в печать? Вспоминаю «Котомку» — беспомощность, близкая к отчаянию: получу ли написанное — вышлет ли Ликин? Когда уезжал из лагеря, он вызвал меня к себе и сказал: — «Если хотите — получите рукопись, как я обещал. Но предупреждаю, ее могут отнять на первом этапном поиске. Если доверяете мне — советую оставить, я вышлю вам на место». Согласилась, конечно. Как приехала — написала ему свой адрес. Ответа пока нет. Так мало надежды увидеть и это дитя!..

А живые, реальные дети? Они живут собственной жизнью, и я им не нужна. Написала, чтобы выслали деньги. Горько в 50 лет брать деньги от детей. Что может быть горше сознания, что есть силы, есть мысли и знания, но они никому не нужны? Ты выкинута из жизни. Тебе предлагают на выбор: почистить свинарники или плести маты в колхозе. В лагерях было легче: там видимые глазу заборы и стены, а тут самое сильное глумление, которое может быть совершенно над человеком: говорят: «Вы свободный гражданин, вы даже не лишены права голоса, будете участвовать в выборах», а без разрешения коменданта не можете выдвинуться дальше, чем на 10 км.

19.I. «Робин, Робин, бедный Робин!» — кричал попугай Робинзона... А у меня нет даже попугая, который пожалел бы меня.

25.I. Наконец получила деньги и могу расплатиться с долгами за жилье и

за молоко. Договорилась с комендантом, что еду в Казачинск к врачу. Е надо из Пяткова, там проходит автобус Красноярск—Казачинск. Это новость для меня — такие длительные, на сотни километров, рейсы автобусов. Очень интересно. И поеду, «как все люди», ни сопровождающего, ни конвоя.

26.I. Отдала деньги за молоко. Они порадовались не деньгам, а тому, что я их получила. Хорошие старики! Ведь он сам пришел ко мне две недели назад поздоровался с Сергеем (моим хозяином — бакенщиком) и говорит: «На одной картохе-то — ноги протянешь. Приходи к нам за молоком. Будут деньги — отдашь, а не будут — не пообедем от литров молока, а тебе поддержка. Пойдем со мной, старуха тебе нальет. И ходи к нам всякий день». Пошли. Хороший, крепкий дом. Домотканые половики, на окнах «сады», на лавках — домотканые дорожки. «Привел, — коротко сказал старик, — налей в свой бидончик, у ей посуды нет». — «Пожди, — отвечала старуха, — пообедаю, тоды и налью». Садись с нами обедать, гостюшка.» — «Нет, спасибо.» — «Спасибом сыт не будешь, — сказал старик, усмехаясь, — я сам такой же, как и ты, ссыльный быт знаю, каково на новом месте обживать.»

Разговорились... Оказывается, он был раскулачен. Их забрали из Залива «поддервни», названных кулаками. В конце сентября 1930 года посадили на баржу и спустили вниз по Енисею. Выгрузили, когда встала река и дальше везти нельзя было. Ни жилья, ни продуктов. Стали рыть они в мерзлой земле норы, собирали плавник на подпорки и на топливо. Дети и старики у всех за зиму перемерли, взрослые — кое-как уцелели: «Сибиряки привычны», — сказал он, усмехаясь. Питались дичиной, что попадала в петли, ели песцов да рыбу, что ловили подо льдом. Словом, около половины людей в первую зимовку вымерло. Те кто выжил, кое-как приспособились. А потом рассосались из этого гиблого места кто куда. Во время войны не очень-то смотрели, кто куда делся. Жена у него умерла. Он вернулся в свою деревню, да и «прибился» к дому А. И. Она — вдова его двоюродного брата. Тот, «слава Богу, умер до раскулачивания». Жила она с сыном. В войну сына забрали на фронт, и он сгинул без вести. Вот и стали старики жить вдвоем — «ни мне без мужика, ни ему без бабы не прожить», — сказала она, — а мы, все-таки свои, вот и сошлись. Огород есть, старик рыбачит, за орехами ездит по осени, у меня — корова, живем по-маленьку». «Не хуже людей живем. Кто работать умеет, его как ни дави — вымырнет» — подтвердил старик. Стала я у них брать молоко. И стали это первые мои друзья в крошечном одиночестве.

2.II. Была на комиссовке. Казачинск набит ссыльными, их, как тараканов на печи, и мечутся в поисках жилья и работы. Хватают любую. Нет, не хочу жить в Казачинске. Врачи тоже ссыльные. Они, конечно, прекрасно понимали, что мне нужна справка, чтобы освободиться от принудительной работы в колхозе, и сделали все возможное. Написали: дистрофия, ослабление сердечной деятельности, эмфизема легких. Толстый старый хирург Юрий Соломонович, не участвовавший в комиссовке, позвал меня к себе в гости. Он сам из Киева, отбыл срок в лагерях и попал, как и все мы, «навечно» в Казачинский район. Но здесь сравнительно неплохо устроился — работает по специальности, нашел новую жену, получили они двухкомнатную квартиру, колодец близко, есть электричество, почти по-городскому живут. Очень гостеприимны. Меня усиленно потчевали. Провожая, он сказал: «Комиссовка комиссовкой, но о здоровье-то вам надлежит серьезно подумать: состояние очень неважное». Я, правда, иногда чувствую такую слабость, что с трудом могу поднять ведро воды.

* * *

В начале февраля была назначена регистрация ссыльных у коменданта. Нам дали расписаться в том, что мы оставлены здесь «на вечное поселение». Мы обязаны ежемесячно являться на регистрацию. На некоторых эта бумага произвела подавляющее впечатление, но большинство приняло равнодушно — 13/

выкли не верить в «вечность» постановлений и не думать о будущем, абы жить жизнь в настоящем.

Комендант принимал по очереди. В канцелярии сидели ожидающие. Группа очин на лавках рассматривала желтолицего человека. Японец? Самый на- ший интеллигентный японец? Откуда он тут взялся? Он заговорил со мной английски. Английского я не знаю. Ответила по-французски. Французского я не знает. Сошлись на немецком. Он знал его плохо, но немножко знал. И гово- ря не могли — кругом толпа и галдеж. Большие смотрели. Внимательные, ременные глаза японца. Создалось понимание без слов.

10.11. Ни писем, ни книг, ни ответа от Ликина, выслал ли «Котомку». Галья чь — Галина Юрьевна Гаген-Торн] прислала письмо: «Отдыхай, поправляй- денюшки смогу высылать без затруднений.» Она добрая девочка, но от этого легче.

Мыслей много, а делать ничего не могу. Как писать, если все написанное ишло? Да и на чем писать? Бумаги здесь не достать. Вышлют ли в посылке? Или написанное будет нужно кому-либо, дойдет до кого-нибудь. Но упрямый владеющий мною, требует: пиши!

В лагерях я прочла прекрасную книгу Г. Уэлса «Мир Вильяма Клиссольда». Исповедь английского интеллигента 30-х годов. Прочла, как пьют светлую из ручья; как в ранней юности внезапно находят друга.

Быть может, кому-нибудь, когда-нибудь, после моей смерти, эти записки станут разговором с другом. Бывает: рукопись случайно сохраняется и за- чинается в веках голосом человеческой души. Сохранился, например, отрывок петской рукописи (Тураев приводит его в «Истории Древнего Востока»): о сcribe, написанное в период кризиса Египетской культуры. В ужасе и аянии сcribe пишет, что рушится государство и гибнет мир. Исполненный ечи и гнева, пишет о злодеяниях, творимых «рабами и низкими людьми», частях «благородных». Пишет с точки зрения своего класса, своего времени.

— в силу искренности и страстности переживания — это звучит общече- лое, криком через тысячелетия. Напряженность боли и страсти делает напи- сное бессмертным. Как переписка Абеяра и Элоизы или письма испанской тахины о любви. Напряжение боли создает душевную расплавленность, кри- ллизующуюся в живые слова. Постараюсь и я дать неведомому человеческо- братству пережитое со всей напряженностью. Не знаю, сумею ли: робинзоны нязычны. Мне не с кем заострять и оттачивать мысль. В торичелиевой тоте от нервности, отсутствия тренировки она стала суетливой и беспоря- ной. Как в одиночестве из хаоса сформулировать виденье мира?

12.11. Собираясь писать в будущее, неведомым друзьям, может быть, внукам, оминаю Герцена. Он писал в будущее «Былое и думы». Но писал в Лондоне, полагая всеми библиотеками, временем, средствами, подводя итог плодо- рным и получившим признание трудам. Ах, Александр Иванович, начинаю едовать с Вами и Вашими воспоминаниями, по памяти, идя в прошлое, а с едомыми друзьями — в будущее, не располагая ничем, даже бумагой.

Я сижу в маленькой сибирской деревне, на берегу Енисея. Может быть, го лет буду здесь сидеть. Снег. Горы, покрытые черным еловым и синим новым лесом, высятся перед моим окном. 80-летний старик, неграмотный, стой, как приченный камень, лежит на крашеной красной кровати, курит бку, смотрит на меня одним голубеньким глазком, другой он давно выбил кой на охоте. Ему не нравится, его тревожит — зачем я пишу?

Снег на коричневых срубах покосившихся домов. Одна, сама из себя, должна умать мысли: о мире, о Боге, о человечестве и его путях. Должна потому, что не без этого не могу, не умею жить.

14.11. У меня нет ни книг, ни друзей, ни вещей. Нет среды, в которой при- но складывалась умственная работа.

Одна. Солнце над головой; зеленый шар под ногами. Оторванность от сегод- нешного дня и его дел дает чувство отрешенности и великой свободы. Но она — дна. Отняли обыкновенную жизнь. У меня нет близких, с которыми я бы

могла беседовать за чашкой чая (нетни чашки, ни чая тоже). Реально моей жизни стали те, кто умер, оставив след в книгах, и те, кто родился, кто я должна оставить свой след. Прикрепленность к месту дает свободу во времени. Приходится или вовсе перестать думать или думать об общем и вечном. Ощущать жизнь как беседу с миром, Богом и человечеством.

А с кровати на меня смотрит голубенький глазок Сергееча, не понимаю почему я пишу? Не любит, когда пишу.

15.II. Сергееч ушел. Я одна в избе. Могу спокойно расположиться за столом писать. Только уселась — постучали в дверь.

— «Войдите! — Вошел — японец! — А, Хасэгава-сан! Здравствуйте!»

Сделав несколько шагов, он стал отступать назад, улыбаясь, приседая и кланяясь — вежливая форма приветствия у них. Я поднялась, тоже кланяясь, и протянула руку: «Садитесь, пожалуйста!» Пододвинула табуретку.

— «Пришел просить учить по-русски», — сказал он. — «Охотно, конечно». — «Деньги нет, могу работать: мусская работа — дрова!» — «Ну как может быть плата, Хасэгава-сан! Очень рада, если смогу помочь. Книг вот нет. Придется без книг. Но прежде давайте пить чай, я только что получила посылку!»

Достала из русской печки кипяток, бросила ему в чашку хорошую заварку чая. Как он обрадовался! Оказывается, не пил настоящий чай все годы, что прожил в лагере. А японцу без чая, как курильщику без табака.

Объясняемся смесью слов: он русско-английских, я — русско-немецких (и немного понимает немецкий). Выручают иногда и формулы, например вместо «вода» — H_2O , и международная «латинская кухня». Ничего, соображаешь.

28.02. Получила я от Ликина телеграмму: «Рукопись выслана адрес комеданта. Справьтесь и получите». Бывают же такие порядочные люди! Пошла Пятково, к коменданту. Прошу выдать рукопись.

— «Нет у меня никакой рукописи!» — Показываю телеграмму.

— «Что же, мне телеграфировать оперуполномоченному в Темники, что рукопись потерялась?»

Посмотрел волком. Помолчал. Буркнул: «Зайдете через неделю.» Значит рукопись давно у него, не хотел отдавать... А теперь — боится и не знает как поступить? Ну — добыть, выдаст...

Дальше — перерыв в записях. Не помню, почему. Может быть, потому, что подошли дни болезни и смерти Сталина, а про это нельзя было писать, слишком довлело «табу» даже мыслей о Сталине. Слышали ежедневно по радио краткие сообщения «болен..., опасно болен». Что? Что дальше? «Положение серьезное. Угрожающее... умер?» Ну? Что будет дальше? Надо делать невозмутимо грустно-безразличное лицо...

Приезжавшие из Казачинска рассказывали: «В Казачинске многие плакали, когда читали о его смерти. Ссылным говорили: „Радуетесь? Напрасно радуетесь, лучше вам не будет“». — «В Красноярске тоже плакали». Ну-у?

Вы готовитесь, читатель, к отзвуку исторического события — смерти владыки? Каков он был в деревенской глуши? — А никак: отзвук всегда отстает от событий, как звук от реактивного самолета. Как при попадании снаряда в воду — чем дальше расходятся круги, тем больше они замедляются. На преворонение в деревенском быту и в сознании революции потребовались годы. Осознание сталинской смерти — месяцы: Вначале жизнь двигалась по инерции без перемен. Подходила весна, она была нашеее сталинской смерти, ощутив ее: необходимо подготовиться к весенним работам.

Население Залива смешанное: 1 — старожилы, 2 — поволжские немцы, высланные в начале войны, 3 — люди нашего этапа.

Старики жили воспоминаниями доколхозного времени, когда вольготнее жилось, да гаданием, как устроит жизнь молодежь, убежавшая в город. Немцы, пересаженные на чужую почву, заботились покрепче врасти корни. Люди нашего этапа суетились, как грачи, которые, прилетев, начинают таскать прутики для гнезда.

Рис. 1. Нина Ивановна Гаген-Торн в своем доме
в деревне Залив

И всем было не до Сталина.

А мне старик Сергенч сказал: «Мне тебя в доме боле не надобно — дочь езжает. Ищи себе фатеру».

«Ладно, через неделю уйду.»

Но «фатеру» искать не стала: надоело по чужой половине ходить. Бродя по деревне, давно уж заметила крепкий пятистенник с забитыми окнами. Пустой дом раскулаченных хозяев стоял. Захватив с собой топор, взшла по шаткому крыльцу, без большого труда отогнула гвоздь, закрывавший дверь. Вошла. Половина здорово разрушена. Рассыпается и оседает в подполье большая необитная печь. Над ней в крыше дыра, снег и дождь годы падают на печь, в дыру. В забитых окнах нет рам. Ходунком ходит пол. Но целая дверь в другую, меньшую, половину. А там почти нет разрушений: печь и стена требуют большого ремонта. Крыша цела, это видно по потолку без потеков. Окна? В одном даже стекла целы. В другом — надо сделать раму и остеклить. Заглянув в подполье: целы балки пола, доски только разошлись. Приспособить дом к жизни — в моих силах. Сговорилась с властями — отдали мне дом для хозяйства. Надо отремонтировать. Нанес косок жил немец Майер — плотничал. Тоже воссоздал свой дом из кулацкого, когда немцев Поволжья сюда пригнали. За три дня он мне сделал, остеклил и поставил раму. Рычковы, старики, которых брала молоко, дали мне старый «подтопок» с трубой (так здесь называют железную печку) и глину для ремонта. Дров — сушняка, у самой деревни, в лесу — сколько хочешь. Навозила салазками. Вставила в отверстие русской печи железную трубу, затопила подтопок. Горит хорошо. Стало в избе тепло. Растопила замерзшую глину, подправила под и чело печи, подштукатурила стены. Тут пришел Хасэгава. Осклабясь, поклонялся, как всегда, пятясь, покачал головой. Потом взял топор, стал сколачивать пол, дров наколот. Словом, за неделю было готово жилье, и солнце засветило в окна.

* * *

Появился свой дом и оседлость. Пришла из Крыма, от друзей, посылка с книжками и продуктами, от детей из Москвы — фотоаппарат, который я просила, — снимать, а за снимки получать натурой: картошку, яйца. Фанерная крышка посылки стала книжной полкой, полученный в ларьке ящик из-под пряников — фотолaborаторией.

В морозы дом выставлял, конечно: вода в ведре замерзала; но на печи спать тепло. Утром я растапливала подтопок, и струи горячего воздуха от железной трубы бодро расходились по комнате. Можно сесть и читать и писать. Спокойно... Тишина... Только белые гуси под окном гогочут и купаются в первых весенних проталинах.

Я ли восстановила этот старый разрушенный дом, превратив его в человеческое? И для чего он был нужен мне? Нет, соорудили друзья. Далеко те, что были в Крыму и в Москве, и в Ленинграде, и в лагерях. Не тем, что прислали посылки и деньги, а тем, что уже на третий месяц ссылки кончились, меня чувство заброшенности и одиночества, подавлявшие вначале: я почувствовала руки друзей.

Тут надо сказать о милости, которую подарила судьба: во время своего заключения я чувствовала всегда — есть близкие люди. И в лагерях, и на воле. На Колыме, оставив маленьких детей, я в отличие от большинства женщин знала, не одиноки мои дети. Есть руки, которые их поддержат, люди, которые бросят ни мать, ни детей моих. Так и было. Надо назвать имена друзей моих, хотя бы умерших, потому что о живых приучены мы не говорить. Елена Михайловна Тагер и Софья Гитмановна Спасская поддерживали мою мать, пока она не была арестована. Герман Михайлович Крепс заботился о детях моих, пока он не умер. Заботились и другие, живые еще, родные и друзья. А во второй раз подросли дочери мои почти до самостоятельности. Основная тревога была о старшей матери. Но я знала — поддерживают ее и Вера Федоровна Газе и Григорий Абрамович Шайн*.

Я чувствовала теплую опору там, на воле: чем могут, помогут. Не испытывая бреда сталинской эпохи, пожалуй, непонятна огромная сила этой веры в дружбу. Дружба для человека почти такое же естественное чувство, как солнечный свет или отдых при усталости. Основой сталинского режима было разрушение естественных чувств. Был проделан социальный опыт: как создать полную автоматическую покорность? Для этого представлялось наиболее пригодным нарушить естественные реакции человека — заботу о близких, веру в друзей, умение отличать правду от лжи. Это было основным для брежневского состояния, в которое была поставлена страна: перестать понимать, где правда, где мистификация, кто враг, кто друг. Возводились обвинения в чудовищных поступках. Заставляли людей признавать их. Ложь скапливалась до осязаемой плотности, начинала, как твердое тело, давить на сознание. Под этим давлением запутывались не только обвиняемые, но и обвинители: стирались грани — что правдоподобно, а что неправдоподобно. В отчаянии, в ужасе от пребывания в бреду, люди впадали в беспредельное одиночество: они не знали, кто предатель, что бросило их в гигантскую ямороубку? Над ней стоял серый туман страха. Он охватывал тех, кто еще не попал под нож ямороубки, и заставлял метать отречение от самых незыблемых, самых близких связей: дети отрекались от родителей, жены от мужей, друзья отказывались от друзей и братья от братьев. Пожалуй, только матери не отказывались от своих детей — я не помню, что слышала слова, — «мать отказалась от меня».

Особенно трагичным было положение партийцев: они привыкли думать, что партия — их добрая мать, заботящаяся о них, поддерживающая и направляющая их шаги. И вдруг, неожиданно, эта мать с легкостью отказалась от них, швырнула своими руками в ямороубку. А вместе с ней от них отказались все, каждый друг поднимал свой партийный билет и прятался за него. Человек оставался оголенным, лишенным покровов и связей. Был совершенно один в бездонном мире теней и со страхом смотрел: кто окружает его? Какую гримасу делают тени? Чем они обернутся?

Положение беспартийных было лучше: почти всегда у них оставалась связь с семьей. Она приносила боль, страх за семью, ее беспомощность и обреченность, но она же служила отрадой, укрепляла незыблемость сознания.

Лишь немногим была милость судьбы: сохраненная вера в друзей, гордость дружбами. Это давало огромную силу. Это был тот спасательный круг, который в царское время держал горсточку революционеров в водоворотах борьбы с императорской властью. Проводившие дьявольский социальный эксперимент

* Бабушка и сестра были на моем иждивении с 1948 г. Я работала, и друзья были. Они писали маме, бывали у бабушки (Примечание Г. Ю. Гаген-Торн).

ведение человека к полной покорности — по царскому времени знали спасительную силу этого круга. Поэтому в первую очередь старались его разрушить. И не удавалось — человек оставался духовно неуязвим, выплывал из водоторта.

Мои дорогие друзья, умершие и живые еще, это Ваши руки держали меня и мне силу. Как можно отчаяться, опуститься на дно, перестать быть самой рой, когда знаешь, в тебя верят. Значит — выплыву, значит — останусь сама ой, не согнусь.

Это сохранило мне ясность глаза этнографа в экспедиции, а не раба. Для то слепила я дерево и глину в жилой дом, вместилище мыслей и ритмов.

* * *

Текущие дни не остаются в памяти. Я восстанавливаю те дни по отрывкам писем и письмам, которые сохранились.

Начинаю восстанавливать с окружения, с соседей. В забор рядом со мной яли в одном дворе две избы. В большой жила Онисья Ивановна, в маленькой — Липа. Они — вдовы двух братьев. У обеих есть дети, но дети где-то далеко в городах, и живут они одиночками.

Через улицу от меня — старики Пантелеевна и Егор Романович. У них сыновья тоже в городах, «в большие люди вышли». Старики блюдут крепкий быт юнно зажиточного сибирского крестьянства.

Большой пятистенки. Сени рубленые, стены, пол и крыльцо масляной краской крашены. В избе припечек и стены тоже крашеные. На белых окнах «сады» — орешки и занавески. По лавкам — тканые дорожки, а у стола — деревянные стулья. В горнице — тоже стулья, комод, домотканые половики и крахмальные занавески. Все крепко, устойчиво, как было 30—40 лет назад, когда, по мнению, сладили они жизнь.

Основная прелесть для них, как для всех стариков — воспоминания. Егор Романович рассказывает: «Вольно здесь жили-те — выйди на гору, посмотри, полюбится — вырубай тайгу и начинай, паши, сколь тебе полюбится, запрет... Вольная была тайга. Начальство — раз в год видели: приедет осенью казак, соберет подати, рубля по три или по пять со двора и уедет. Поп тоже едет раза два в год, окрестит, кто родился, повенчает, кто оженился, пять уедет. Церковь-то только в Казачинске была, туда мало кто ездили.» — «А управлял кто в деревне?» — «Како тебе управление? Ну, старосту выби-ли, конечно. Когда надо — соберет мужиков: „Мужики, у нас мост через ручей заваливается, когда строить будем?“. Договорятся, кто бревна подвезет, кто бить станет — и ладно. Зимой опять соберет: „Мужики, кого выбирать станем. Проруби рубить?“. Погалдят и договорятся, за сколько и кого наймовать. На зиму в зиму три проруби делали: сверху для питья, пониже — скотину поить, еще пониже — белье да порты полоскать. Проруби вениками обсаживать и в порядке держать. Особого для того человека наймывали, он же и воду на ручье прочищал, коней поить. Столовался он по очереди, порядочный. А больше — како управление? Как хочет, так и живет хозяин. Спокойно было. Беспечность еще, когда присылали к нам ссыльных.

Присматриваемся: что за человек есть? Разные, быват, люди. Политический, те — ничего: станет к кому на квартиру, деньги платит, сидит, читает. Учителя для ребят мы их наймывали.»

— А школа у вас была?

— Нет, школы не было, так, обществом наймывали учителя, в череду, по из-браку собирали их.

— А государство как?

— А кому како дело до наших ребят? Хошь — учи, не хошь — пусть бол-таются. Ну, понимали мы, что без грамоты нельзя, находили учителя.

— А лечил кто? Доктор или фельдшер был?

— «В Казачинском была больница, а по деревням старухи травами лечи-

ли», — подхватывала Пантелеевна и начинала рассказывать о травах. «По-ческие тоже, быват, лечили, — добавлял Егор Романович, — но они птицы релетные, поживет, поживет, да и уедет. На вечное поселение не политическим тюремников посылали. Тут остро смотрим: какой человек? Ежели живет сми работает, не болтается без дела, года три как поживет — ему и говорят стари вот что, паря, — входи в общество. Избу рубить тебе — поможем. Выбери девку, женись, в приданое за ней скотину дадут, хозяином ты и станешь. и наши деды садились. Будешь работать — жить у нас можно. Чего не жить-Хошь — рыбачь, хошь — в тайге промышляй, хошь — в извоз ходи. — Вот жили.»

Иван Иванович Рычков подтвердил: «Жили, не ведая ни власти, ни политик государства, словно бы, не входя в него. Сами по себе жили. В обозы ходили Иван Иванович «со товарищи» возил зимой обозы до Якутска и вниз по Енисею. Был он, да и остался, неграмотным. Расписок и счетов в получении товаров не знали, «на слово верили.» Чудилось от его рассказов: как букашки по картам ползли по Сибири, скрипели полозьями, конные обозы. Пересекали ее старожальные тропы. Словно в разных пластах времени шли струны телеграфных колец железной дороги и санные пути. Еще не врубалась городская стальная жизнь в тайгу, жили там по своим обычаям. Рассказывал Иван Иванович: «Обещался кто, к примеру, мне вернуть товар или деньги там к Покрову. Приходит Покров — не возвращает, просит отложить до Николина дня. Ну, берут бирку, ставят зарубку. Придет Николин день, отдаст он — ломают бирку, и слава Богу. Не принесет к сроку — опять зарубка. Не принесет вовремя — пусть бирку по рукам, извещаю тем: ненадежный человек. И нет ему боле ни у кого кредиту. Опасались этого.»

Как назвать, уважаемые товарищи, такие взаимоотношения? Зарей капитализма? И величать ли этих, развозивших по Сибири товары, людей предпринимателями или кулаками? Не знаю. Как-то не укладывается в кулачество старенький Иван Иванович, рассказывавший про эту жизнь. Оборвалась она и на барже, спущенной вниз по Енисею до голого места, где зимовали сосланные кулаки, питаясь добытой в петлю дичью. Кулаки ли они?

Выжил Иван Иванович и, вернувшись в Залив начал все сначала. Ездил лишь за кедровыми орехами верст за 80 вниз по Енисею и сдавал их государству. По установленным ценам давало ему государство дозированные продукты, хлеб, керосин, соль. Было ли это социалистическими начинаниями? Не знаю. Но должна сказать, что в деревне старики как-то предпочли бы жить без опеки отеческой заботы государства.

* * *

С соседкой Онисьей Ивановной были у нас о другом беседе. Учила она меня как сохранять всю зиму свежими испеченные калачи: «Прямо из печи, горячими, нанизывай их на палку и сразу в казенку, на мороз (казенками зовут в Сибири кладовые), хошь — месяц будут лежать! Как понадобятся, внести в избу оттают и — как сейчас из печи. Только сразу, говорю, надо выносить, горячими.»

Сидя за тканьем пестрых половиков, постукивая бердами, рассказывала она сказки. Одну из них я много позднее записала на Ангаре.

Липа много моложе своей невестки, прошлое не интересовало ее. Она ожидала будущего, загадывала, что будет, как сын ее кончит ученье в штурманской школе, станет штурманом плавать по Енисею. «Загудит пароход на реке, стану я сигнальных бакенов и — опять загудит, — мечтала она. — Я и догадаюсь: Колька мне знак подает, что пароход вниз ведет. Выду на берег, помашу ему: приезжай, мол, домой!». Муж у Липы пропал в войну, одна она вырастила своего Кольку и жила, ожидая, «как Колька в люди выходить станет». Колька у нее один, а у другой соседки, Марии, ребят пятеро. Муж у нее тракторист, в своей деревне почти не живет, все на МТС. Дом и ребята целиком на Марии. «Мам

ики ништо, — говорила она, — мала забота: уйдут в армию, там и выучатся, юбретут специальность. Назад в колхоз ни один не придет. А вот девчонок — їть надо. У нас только в Пяткове семилетка, надо куда-то дальше отправлять. рого на квартиру ставить, продукты возить, а надо девкам специальность юбретать. Учиться колхоз не имеет права не отпустить, а выучится — поез- й куда хошь. Не выучишь — оставайся в своем колхозе куковать. Ни тебе яботков, ни женихов. Ребята с армии ни один не ворочается, куда девкам ваться? Обязательно их учить надо». Так делали многие, и не только в Заливе: Казачинске мне рассказывали учителя, что в старшие классы из деревень ысылают почти исключительно девочек. Мальчишек оставляют дома до армии. ыдет в армию и — отрезанный ломоть, домой не вернется.

Когда я уехала от Сергеича, ко мне чаще стали приходить люди — сама ыйка, никто не станет мешать. По утрам, истопив печку, я садилась писать. вечеру — появлялись посетители.

* * *

Ужас заключается в том, что не можешь ни одной своей мысли формули- ять, не сверяясь внутренне: а законно ли это? А дозволено ли это будет? ждое, сколько-нибудь оригинальное суждение уже одиозно. И никто не гово- то, что думает, но лишь то, что дозволено думать на сегодняшний день. няется день — меняется установка, и каждый спешит подтвердить новую тановку и заплевать старую. И делая так, не стыдятся смотреть друг другу в за, утверждать диаметрально противоположное тому, что говорили лет 10 ад? В 30-е годы моден был Марр, и целые библиотеки написаны в защиту и славление марровской теории, и никто не смел высказываться иначе. Сейчас ррр признан вредителем, от него отрекаются, его отрицают и пинают по-вся- ки. И все это знают и не стыдятся. Впрочем, нет — верно, все-таки стыдятся: ы недаром же Сергея Толстова в возрасте до 50 лет хватил удар? Это резуль- ы внутренних потрясений. Он, несомненно, человек талантливый, а трудно чевеку с талантом и темпераментом идти против собственных мыслей — это ырывает сосуды в голове.

Я начинаю писать и останавливаюсь.

Что могу я написать серьезное, не имея в руках никаких источников? 2. Как гу я написать, когда не смеешь думать так, как думается, а как велят указа- я? 3. Ведь то, что думаю я, многие верно понимают, но не говорят.

И вот все-таки именно потому, что никто не говорит, хочется засвидетель- ювать нелцеприятно, как я понимала и думала в эти годы. Оставить как муарный документ человека определенного класса и поколения. Человека, торый всем сердцем хранит веру в лучшее будущее человечества, но не хочет ятать, какими путями и муками шла наша эпоха. Хочет правдиво показать удущее микроразрез эпохи, отложившийся в одной жизни и ее наблюдениях. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах» свидетельствует: «Главный герой его этого — правда. Правда, как я ее увидел». Толстой, гений, видел огромный ем жизни и об этой, широко зачерпнутой жизни писал. Пусть бы каждый л хоть на ту ширину, что по силам его, но писал до конца правду, не сглажи- и не пряча ее противоречий. Так хочу делать я, потому что пишу не для се- я и не на завтра, но для Великого дня — Будущего.

27.III. Читала книгу Олеса Гончара, получившего две сталинских премии: ан и дальше в том же тоне — повесть «Микита Братусь» и рассказы. Первое ыство — негодование: ну можно ли так бессовестно лгать! Ложь, все ложь, ая неприкрытая и беззастенчивая. Он не может не знать, что лжет. Может, ает — так нужно? Это странная психология: новое поколение выросло, во- танное на том, что велят видеть, нужно видеть именно то, что велят, и уметь ырывать глаза на остальное. Он не может не знать о тысячах заключенных, миллионах страданий и делает вид, что все счастливо. И невольно встает прос: а может, и не делает вид? В самом деле не знает? Ведь не может же чело- так лгать?!

Жизнь многогранна и многообразна: там, где один человек увидит другой — только тень его; и тень будет ломаться по песку кривой линии. Библиотекаря, которая мне давала книгу, сказала: «Очень, очень интересна. Видно ей-то и вправду кажется, что все это «отображает действительность» — ведь такова задача реалистического искусства.

Иногда мне кажется, что я — последний из могикиан, не умеющий понять этого нового мира и не умеющий его увидеть! Не может быть что все — ложь. В этом какие-то новые, мне недоступные формы жизни. Настоящая высота заключается в том, чтобы уметь проникнуть в любую чуждую форму, уметь посмотреть непредвзятыми глазами. И вот я честно стараюсь увидеть, как прорастает новое? Куда направляется этот рост? Новое, несомненно, сменяет старое, сменяло уже во многом.

И не скажешь, что это старое было лучше. Вот я расспрашиваю о том, как жили раньше. И все, даже эти старейшие старики, которые по старости, конечно, являются сторонниками прежнего, в рассказах о прежнем признают — «тогда, более работали-те». Из рассказов Рычкова и хозяина моего, Сергеевича, встают прежняя жизнь: добротная, крепкая, грузная. Валили лес, били зверя, чтобы убить соболя, срубали дерево, чтобы добыть орехи — тоже. Жгли лес, потому что сила его была несметна, и не могли додуматься даже сделать печи с дымоходами: у них до сих пор пол-избы занимают тяжелые, глинобитные русские печи, где нет ни одного колена — летит прямо в трубу огонь, прогревая тяжелый глиняный свод только частью тепла сожженных дров. Выстывает печь. Тогда затапливают «подтопок» — чугунную печурку, раскаливаемую докрасна. Эти печурки и обогреваются. По «горницам» здесь только печурки и стояли, а в городских печах отопления не было даже. — «А дров кругом хватало, коней, возы, тоже хватало». И феноменально глупое отопление «чугунками», даже без дымохода, существовало до последнего времени. Дома были большие, крашеные и снаружи и внутри, бревна мыли и терли, крашеными были и полы, и наличники, и лавки, и столы — здесь почитали первым признаком благоустройства «крашеный дом». Полы застилали ткаными, полосатой шерсти половиками, полати и кровати занавешивали ситцевыми занавесками, «чистоту» культивировали как признак зажиточности. Сюда входили и «сады», т. е. фикусы и алоэ крашенинских туесах. Но стирали — в поганой шайке, из которой и пол мыли, бабы по-черному существуют до сих пор. Быт хранит остатки примитивности и какой-то, я бы сказала, переселенческий элемент. Именно потому от него оторвались переходя к новым формам, почти незаметно. Например, семья: здесь и раньше сколько помнит это старейшее поколение, сходились и жили, не венчаясь, но венчаясь потом. На это очень просто привились городские, современные взгляды о легкости расхождений и вольности отношений. И теперь какой-то совсем страшный быт воцарился: старожилов почти не осталось, больше половины населения — пришлое, ссыльное. Но они женятся на местных, входят в местную жизнь под присказку: «наши деды-те тоже ить ссыльные же были». Дома продают и покупают с легкостью велосипедов. Они перестали быть «недвижимой собственностью» — их передвигают. Чуть ли не каждый дом переезжал на своем веку. И чуть ли не каждый хозяин менял два-три дома. Быт тоже перестал быть неподвижным, потому что почти все где-то побывали. Мужского населения (молодого, здорового во всяком случае) в деревне почти нет — только ссыльные. Уходя в армию, парень ни один не возвращается в свой колхоз, девушки сходят учиться и тоже поступить на какую-нибудь работу. Не знаю, как живут в других местах, здесь продолжается то же, что наблюдала в Чаше: отлив из колхоза всего наиболее здорового, энергичного, инициативного. Но есть все-таки случаи, когда молодежь не хочет никуда уходить и хочет работать в колхозе. Встречаю и таких. Каждая семья теперь расслоена: почти в каждой есть те, кто «выбили в люди», стали учителями, зоотехниками, мастерами на производстве. Они и несут быт и все больше вносят в него городские навыки. Они презрительно относятся ко всему старому — «темнота». И они — правы: они знают больше, у них шире кругозор, они слушают радио, ходят в кино, читают газеты. И так и

жизни, они есть в каждой семье, это становится массовым, общим. Как общей стала привычка лечиться, принимать лекарство и рассуждать о своих болезнях, оперируя медицинскими терминами. Но, боже мой, как ограничен и у них кругозор! Основной идеал: чистая кровать, вязаная салфетка на столе, занавески на окнах, радиоприемник. Высшее удовольствие — хорошо одеться. Лучшее отдохновение — пьянка. Пьют здесь, впрочем, все. Пьют не переставая. По традиции старых «гулянок» собирают «вечера», варят брагу, гонят самогон, «стряпают»: гуляют по 2—3 дня, собирая гостей по 30—40 человек. «У нас раньше в праздники гуляли, а теперь когда придется». В этом отличие. Теперь, впрочем, все делают «когда придется». И топят печи, и едят. Старый ритм и уклад — биты, новый — еще не установился. Какой он будет — новый? Он, несомненно, идет, идет во всем мире, пробиваясь мучительно. Он сметает уже недвижимость, культ хозяйства... Увеличение свободного времени в деревне признают все. Сейчас не умеют его использовать по-человечески: просто сидят, болтают, перебивая им доступные события и новости. Смотрят в окна. Каждый проходящий человек вызывает обсуждение: куда и зачем? Раньше такое было у мещан, крестьянам некогда было, да и не было таких отвлекающих внимание и развлекающих явлений в повседневности. Сейчас как бы вся страна превратилась в мещан: она приняла внешние навыки города и бессодержательность полугородской жизни.

Целью крестьянина было заведение хозяйства. Тут нажива собственности превращалась как бы в творческий процесс, в самоцель. Он не допивал, не доедал, не досыпал, потому что этого требовало хозяйство. Оно важно было — как цель жизни, ради которой жертвовал и собой, и чувствами, и близкими. Фетиш хозяйства отпал. Это несомненно. И — слава Богу! Но взамен осталась пустота. Олесь Гончар и подобные ему уверяют, что появилась новая цель — общественное благо и прогресс. Я этого не вижу. Рада бы, очень рада увидеть, да никак не встречается ни одного энтузиаста! И если раньше нажива хозяйства для крестьянина являлась творчеством, и тем самым — поэзией жизни, теперь она ограничивается стремлением хорошо поесть и одеться. Прием раньше человек все делал для хозяйства, в котором подразумевалась хозяйственная единица — семья как нечто устойчивое, тянущееся из века в век, теперь каждый имеет в течение жизни две-три сменяющиеся семьи, и все что он добывает — на сегодняшний день и в основном для себя.

Быть может, это тоже хорошо? Быть может, это — выколупывание индивидуума из рода? Оно — необходимо. Раньше индивидуумами, достигавшими чрезвычайной рафинированности, были только представители привилегированных классов. Теперь каждый начинает ощущать свое «я». Он еще не знает, куда ему деть и что ему делать с этим «я», оно, пробуждающееся, еще томит его. Но через два-три поколения он научится. Научится думать, научится любить, научится проявлять свою любовь. Все это — продукты свободного времени. Давно сказано: лень — мать культуры, т. е. культура создается из стремления к свободному времени и умения его использовать. Этим заняты сейчас миллионы.

Л. Н. Толстой инстинктом чуял, как свойственно гению, основные проблемы подступающего времени. И он недаром заговорил о необходимости физического труда для каждого человека. Потому что одна из основных проблем современности — координация умственного и физического труда. Толстой, «граф-парень», разрешал ее тем, что брал в руки топор, плуг, косу. Он сомневался в благах цивилизации, в необходимости железных дорог, в счастье, которое принесит механизация. Это потому, что он «перепользовался» всеми этими благами и устал от них. Выступающие вперед слои с жадностью детей хватаются за механические игрушки. Им кажется, что счастье человечества наступит, если все смогут пользоваться электричеством, машиной, даже сами превратятся в винтики гигантской машины, которой управляет кто-то сверху. Это потому, что они еще не испытали, не впитали в себя это. Будет ли это счастье? Привилегированная оторванность от всякого физического труда давала гипертрофию индивидуальности и вызывала томление ее.

Включение человека в механически централизованные процессы вначале

Рис. 2. Хасэгава — товарищ Нины Ивановны по енисейской ссылке

создает авторитарное мышление, так как человек еще не умеет пользоваться своей индивидуальностью. А в дальнейшем? Куда денет человек появляющееся свободное время? Научится индивидуально думать или стандартизируется? Если научится индивидуально думать — он потребует для этих мыслей свободы, вкусить соблазн противоречий и сомнений, т. е. превратится в интеллигента. Если стандартизируется — мысль не сможет двигаться вперед. Ибо воистин существует закон диалектики, а это значит: всякое движение идет путем развития противоречий, стандартность же — исключает противоречия.

Для меня лично, быть может, в силу моей классовой принадлежности возможен только тот путь, который предложил Толстой: трудами рук своих выращивать хлеб для себя и в этом находить удовлетворение. При этом, если Толстой и его последователи делали это вполне добровольно, отказываясь сами от паразитирующе-умственного труда, мне теперь жизнь вменила это в обязанность, лишив меня умственного труда как средства к существованию. Я вынуждена быть работником физического труда. Моя задача: разрешить это так, чтобы он пошел только на благо и накопление духовной энергии. У Толстого Левин развлекался физическим трудом, и это становилось у него базой для философствования. Я должна жить физическим трудом, освещая его философией. Это очень трудная задача, и я в ней очень одинока. Потому, что интеллигенты панически бегут от физического труда, предпочитая ему любое, даже бессмысленное, бумагомаранье, а люди физического труда — шарахаются от мышления. В добродетельных книгах они «культурно развлекаются», а в жизни больше просто пьют...

Приобретение своего жилья дало свободу распределять время. По утрам, истопив печь, я садилась писать — кончила начатую в лагерях и присланную Ликиным повесть.

К вечеру у меня появлялись гости. Соседи. Или, осторожно постучав, входил Хасэгава. Долго кланялся, отступая к порогу, по японскому этикету. Я тоже кланялась: «Здравствуйте, Хасэгава-сан, — приглашала войти. — Мне прислали посылку, и я приготовила рис. Прошу Вас, попробуйте!» Всегда сдержанный и церемонный, он сел. «Семь лет, — он показал на пальцах, — семь лет я не видел риса.» Я протянула ему тарелку. Это была не еда — причащение к родине. Узкие черные глаза светились. Он ел, и я понимала: еда эта — воскрешение жизни, восстановление себя в прошлом.

Хотелось от безмолвного понимания перейти к речи, к рассказу, но не было слов. Однажды он привел с собой товарища. Молодой человек, лет 27, склонился

в белую голову и поцеловал мне руку, жестом человека, привыкшего к той форме вежливости.

— Золтан Риво, — отрекомендовался он.

— Здравствуйте! Что бывший з/к — понятно, — улыбнулась я, — давно ли здесь и откуда прибыли? (З/к всегда начинают с этого вопроса, потому что он может установить связи с близкими.)

— С Лубянки. Просидел там пять лет. Арестовали меня в 45-м году в Болгарии: я преподавал в Софийском университете. А родом из Будапешта. А вы из последнего этапа?

— Да. Прибыла из Темниковских лагерей, где отсидела пять лет. Ритуал знакомства был совершен.

— Вы хорошо говорите по-русски, — сказала я.

— Выучился в тюрьме. Сидел я больше в одиночке. Мне давали много русских книг. Начал легко, потому что знал болгарский, и это помогло. Вот и познакомился довольно подробно с русской литературой. Книг в тюрьме много дают.

— Не всем.

— Я считался не арестованным, а «временно задержанным» и имел некоторые привилегии, — он улыбнулся, — Хасэгава-сан пользуется моими переводами, мы с ним объясняемся по-английски.

От Золтана Риво я узнала биографию Хасэгавы. Химик по специальности, он был главным инженером на военном заводе в Корее. Когда японцы под давлением советских войск покинули Корею, он получил приказ японского правительства: взорвать завод. Выполнял приказ, но не успел уйти, попал в плен. Его отправили в советские лагеря, где он пробыл с 1945 по 1952 год, а потом — в ссылку. Хасэгава слушал внимательно, переводя глаза с Риво на меня, стараясь понять рассказ. «58-1а», — сказал он, разводя руками. Улыбнулся:

— Мико-мико-дей, помогай!

— Кто такой Мико-мико-дей? — спросила я у Золтана.

— Бог смеха Мико-мико-дей — ответил Хасэгава, поняв вопрос. Ему действительно помогал этот бог: позднее он приходил ко мне с искорками смеха в глазах, заменяя мимикой недостающие слова, изображал комические сценки, которые видел в колхозе — его поставили сторожить колхозный инвентарь.

В чужой стране ему было смешно и удивительно смотреть, как валяются под открытым небом машины, как весной колхозный председатель бегал и суетился, торопя сжечь неубранное осенью поле пшеницы, потому что боялся, как бы не наехал из района кто-нибудь и не нагорело за прошлогодние огрехи. Мне не было смешно. Японца потешала неорганизованность работ, нежелание работать. Мне становилось стыдно перед ним за то, что делали, как стыдно было и на несправедливость суда над ним: почему военнопленный, выполнявший приказ своего правительства, получил наказание по статье 58-1а, гласившей «измена родине»? Какой родине он изменил? Помочь пережить ему мог только старый бог смеха Мико-мико-дей.

* * *

В апреле стали таять и таять снега. Ручьи потекли по деревне. Тронулся Енисей. С моего крыльца было слышно, как звенел он бегущими льдинами. Льдины насккивали, поднимались, как белые медведи, на задние лапы, выползали на берег. Сшибались, раскалываясь на голубые хрусталины. Хрусталины под солнцем превращались в ручьи, бежали обратно в Енисей. Свежий ветер летел и летел, нес на север гусиные стаи.

Хасэгава пришел ко мне на урок. Когда выпускали из лагеря, ему выдали валенки, в них нельзя весной ходить по воде, он сделал себе японские сандалии на высоких деревянных колодках. Портянки намокали, ноги были красные, как у гуся, но он долго не заходил в тепло избы: на крыльце мы смотрели ледоход. Летели серые гуси, летели белые облака в голубом небе, белые льдины плыли по Енисею. «Карасиво» — сказал Хасэгава, показывая рукой на бегущие тени, — силуэты лиственниц по скалам. Он покачал головой: «Кент! Рокуэл Кент!» —

«И правда, похоже,» — обрадовалась я. И подумала, не надо много слов, чтобы понять друг друга, нужны общие ассоциации, они международны в определенном культурном слое. И у меня их больше вот с этим японцем, чем с бакенщиком Сергеем.

В деревне Залив в 1952 году общие ассоциации в искусстве оказались шестидесятилетнего японского самурая, пятидесятилетней русской интеллигентки и молодого венгерского филолога. Называя источники ассоциаций, мы могли общаться, минуя разноязычие. Вечерами, рассматривая великолепие переливающихся красок вечернего неба, я говорила Хасэгаве: «Бах, Себастьян Бах. Он радостно кивал головой, любуясь фугой небесных цветов. Иногда не соглашался: поднимая палец, зачеркивал мою мысль и говорил: «Лимошко (это значило «немножко») Вагнер.» Указывал на потоки небесных огней, опускавшихся на скалы. Они напоминали вагнеровскую «Гибель богов».

Я по-русски читала ему стихи. Смысл слов был необязателен, звук передавал настроение. Он отвечал мне японскими стихами. Увы — у меня было много меньше японских ассоциаций, чем у него европейских! Он учил меня приемам японской живописи, указывая сочетания красок, которые стремятся передать японцы, называл незнакомые имена японских художников и столетия, когда они жили. Летом он стал приносить букеты цветов, составленные как художественные произведения: у японцев обучают искусству составлять букеты.

Он садился на крыльце, в арестанских штанах и грубых ботинках, но каждое движение его оставалось изящным и продуманным тысячелетним этикетом японской культуры. Поднимал круглую голову с узкими темными глазами: древняя мудрость Японии смотрела на эту варварскую страну... Он не всегда умел применяться к обычаям: Золтан раз встретился мне на улице и сказал: «Знаете, хозяйка дома чуть не побила Хасэгаву грязной тряпкой, устроила страшный шум...» — «В чем же дело?» — «Он нагрел воду на солнце и при всех, совершенно нагой, как это принято в Японии, хотел мыться. Хозяйка закричала: «Ах, охальник! ах, срамник какой!» Кинулась на него с грязной тряпкой: «Вон убирайся!» А он ничего не может понять. К счастью, я подошел. Пришлось забрать его ко мне».

Не умел японец и получать пропитание. Колхоз обязали выдать продукты приехавшим из лагерей как «аванс на трудодни». Нам выдавали картошку, немного муки, раза два за весну дали мясо, чтобы не уморить перед посевной. Ему выдавали гнилье, и пришлось нам потребовать, чтобы не обманывали его. Заявили мы, что он не будет ходить на работу босой, по талому снегу. Председатель колхоза ворчал, но выдал ему ботинки, тоже «в счет аванса». Золтан Риво поселил его у себя и как мог — опекал.

Золтана встречала я редко.

— Почему вы не приходите ко мне? — спросила его — мне пришли книги в посылке, ведь вас интересуют вопросы славянского языкознания? У меня журнал «Советская этнография» есть, теперь и книги по языкознанию. Приходите посмотреть.

Риво покраснел: «Это очень интересно... Если позволите, я зайду с женой.»

— Заходите, конечно!

На следующий вечер он пришел с конопатой подкрашенной женщиной лет сорока.

— Феня — сказала она, подавая мне руку дощечкой.

— Здравствуйте! — улыбнулась ей я. — Проходите, садитесь пожалуйста! Риво помог ей снять пальто и церемонно подвинул единственный табурет. Она села, сложив на коленях руки, неподвижно и прямо глядя перед собой на стену.

Риво подошел к книжной полке. — «Державин? — заинтересовался он. — Я в Болгарии видел его книгу о болгарских колониях в России.» — «Да, он занимался разговором этих старых колоний до революции. Собрал и этнографический материал...»

Заговорили о связях этнографии с языкознанием. Риво увлекся. Я тоже. Рассказывала о методах этнографии, об учителе моем Д. К. Зеленине, слависте широкого профиля.

Феня молча сидела и смотрела на нас деревянными глазами... — Так хочется говорить на научные темы! — сказал Золтан, как бы оправдываясь.

— Ну, конечно! Приходите, берите книги! Вот Штром... У него интересно ставлен вопрос о фольклористике. Я могу вам дать эту книгу.

— Спасибо!

Феня поднялась с табурета: — Ну, Золтан, пойдем, нам надо дрова пилить. Он покорно подал ей пальто, она протянула мне руку дощечкой, покосилась, блудая, как он склонился, целуя мне руку, и гордо пошла к двери.

Я поняла по интонации, что она местная. Что связало их? Сосед мой, Майер, есказал мне об этом. Прямо этапом, из московской тюрьмы доставлен был в лив Золтан Риво. Приютился он, от сибирских морозов, у Майера на печи, ак петух в корзине». Оглядывался — как дальше жить? И появилась тут Фе- Муж у нее на войне пропал, живет одна, баба бойкая. Пришла в гости звать. поила, накормила, приголубила. «Какой ни мужичок, все в хозяйстве наход- — сообщала она людям. А ему, пожалуй, по-другому говорила, потому что нял он это за любовь и ее стал считать женой. Ему было 22 года, когда гадили в тюрьму. Пять лет не видел он ни одной женщины, пришла женщина игрела, обмыла, одела, он счел ее своей женой, и стал европейский интелли- и относиться к бойкой Фенечке, как его учили относиться к жене. Фенечка рдилась и радовалась, ходя с ним под ручку. Справила ему полупальто и омовые сапоги, «чтоб приличнее было». А он, как только мог, вкладывал силы е хозяйство: «Молодого и целого мужика получила, — говорили, вздыхая, бы, — немного мужиков-то в деревне после войны.»

* * *

Я пишу о прожитом из сегодняшнего дня и невольно откликаюсь на прошлое одняшним, 4 сентября 1967 г. похоронили Илью Эренбурга.

Мы не скоро почуяли оттепель. К нам подошла она голыми черными ветками снегу. В сыреющем воздухе, не поднимая глаз, продолжали мы заниматься ими делами, не веря в какие-нибудь перемены, внесенные смертью Сталина. Первые признаки этих перемен сказались у нас в ссылке месяца через два. лабел режим: прекратилась ежемесячная регистрация ссыльных, стали ез- в Казачинск, не спрашивая разрешения коменданта, а он делал вид, что не мечает.

Потом пронеслась новость: иностранных подданных отпускают на родину. встретила Золтана на улице: — «Правда, что Вас отпускают в Венгрию?» — а, предложили заполнить бумаги, но я не могу уехать, оставив жену. Подал вление, чтобы ее отпустили со мной.» — «А не будет там ей трудно и одиноко? дь она не знает ни одного языка, кроме русского? И вряд ли легко выучит.» пожал плечами: «Тогда придется мне остаться здесь, я не имею права бро- жену.» — Что можно сказать на это? Я перевела разговор: «А Хасегава ? Он у меня давно не был.» — «Разве вы не знаете? Вы же написали ему вление, чтобы разрешили работать механиком на лесопильном заводе. Разре- ли, через несколько дней туда уезжает.»

Лесопильный завод был в 10 км вверх по Енисею. Через несколько дней ггава пришел прощаться, он переезжал туда. Это было большое облегчение: лесопилке он будет получать зарплату, питаться в столовой, сможет купить ь какую-то одежду. В июле он явился ко мне в гости в чистой белой рубашке, лких штанах без заплат, с коробкой конфет и неизменным, прекрасно ранным букетом цветов. Но глаза стали еще более грустными: у него появи- время и силы, чтобы тосковать по настоящей, подлинной своей жизни. ь в предельном напряжении нельзя тосковать — надо выживать.

Надвинулось и покатилося лето. Огороды были засажены, весенние работы ьчены. В газетах мы прочли, что пересматривают дела заключенных.

Публикацию подготовила Г. Ю. Гаген-Торн

© 1990 г.

В. И. Прокопенко**ТРАДИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА
ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЛЬЧЕЙ**

Физическому и трудовому воспитанию подрастающего поколения ульчи, как и все народы Севера, придавали огромное значение. Эти две неразрывно связанные части единого воспитательного процесса как бы взаимообуславливали и взаимодополняли друг друга. Они стимулировали прежде всего активное развитие физических способностей ульчских детей и подростков, что благоприятно сказывалось на быстром овладении исконными промыслами своего народа: рыболовным, охотничьим и морским. В этом ульчи видели залог своего благополучия. Они готовили подрастающее поколение с раннего возраста к постоянной схватке с могучей природой, а чтобы ей успешно противостоять, надо было обладать всеми необходимыми физическими качествами: выносливостью, силой, быстротой, ловкостью, гибкостью и др., иметь достаточно высокую психическую и физическую закалку. Комплекс традиционных средств физического воспитания сложился у ульчей в результате специфики климатических и бытовых условий, в процессе межэтнических связей с другими народами Приамурья — нивхами, нанайцами, орочами и удэгейцами. Характерно, что сложившаяся у ульчей еще в период родового строя достаточно четкая возрастная периодизация воспитания и обучения детей и подростков (как мальчиков, так и девочек), а также веками отобранные средства физического воспитания — игры, физические упражнения и самобытные состязания — в полной мере соответствовали всесторонней подготовке, направленной на воспитание крепкого, смелого, искусного промысловика — кормильца семьи¹.

К сожалению, о традиционной физической культуре ульчей известно очень мало². В то же время арсенал традиционных средств физического воспитания этого народа оказалась значительно шире, богаче и разнообразнее, чем предполагалось ранее. Например, ловкость рук и пальцев нужна была во всех исконных промыслах и в повседневном быту. На рыбалке, охоте или морском промысле успех был часто связан с быстротой и цепкостью рук, пальцев. Повседневная домашняя работа ульчских женщин и девочек была не менее напряженной, требовала физических усилий. Различные варианты игр с палочками, камушками и косточками, в которые ульчские дети начинали играть с раннего возраста, успешно решали эту непростую задачу. Эти игры способствовали развитию рук и пальцев, улучшали координацию, вырабатывали быструю реакцию, воспитывали настойчивость в достижении цели, умение быть терпеливыми и др. В любое время года игры с палочками, камушками и косточками являлись одними из любимых и желанных у ульчских детей и подростков (и мальчиков, так и девочек).

Игры с палочками *чакта* или *чакчу*. Первый вариант: количество палочек произвольное. Главное условие, чтобы пучок мог легко уместиться в руке ребенка. Участник игры подбрасывал пучок вверх и ловил этой же рукой падающие палочки, чем больше поймает, тем лучше. Кто быстрее переловит все палочки,

становится победителем³. Второй, усложненный вариант: игрок подбрасывает вверх 20—25 палочек и ловит той же рукой только одну из них. Таким способом ему надо переловить все палочки. Если одновременно поймает две и более палочки, игра переходит к другому игроку⁴. Третий вариант: игрок подбрасывает вверх 10—15 палочек, ловит их на тыл этой же руки, затем быстро переводит кисть руки и хватает палочки. Играют обеими руками. Кто быстрее переловит все палочки, тот победитель⁵. У наиболее сложного варианта игры такое условие: игрок подбрасывает вверх 10 палочек, ловит их на тыл этой же руки, затем с тыла подбрасывает палочки вверх и ловит уже только одну из них или сразу три, пять и т. д., т. е. нечетное количество палочек. Если поймал палочек больше, игра переходит к другому игроку. Побеждает тот, кто быстрее переловит все палочки⁶.

Игры с камушками — *чалчука* и косточками — *алчука* (кабаржинские игры с коленными чашечками или позвонками большой щуки). Чалчука — игрок разбрасывает по земле (полу) пять галечных камушков, два из них забирает соперник (очередной игрок). На земле остается всего три камушка. Игрок щелчком пальцев по одному из них должен попасть в третий, при этом не задеть средний палец между ними. Тот, кому это удалось, становится победителем. При этом игра переходила к другому игроку⁷. При усложненном варианте игрок разбрасывает по земле 5—10 камушков, затем берет один из них в удобную для себя руку, а другой рукой — большим и указательным пальцем — изображает на земле подобие «ворот». После этого подбрасывает камушек вверх, и пока он летит, игрок должен успеть освободившейся рукой загнать (забить) в «ворота» лежащие на земле камушки и поймать подброшенный. Побеждает тот, кто загнал в «ворота» наибольшее число камушков. Известен и такой вариант: игрок подбрасывает вверх 10 камушков, ловит их на тыл этой же руки. Пойманные камушки заново подбрасываются вверх уже тылом, а ловятся пальцами. По мере игры камушки откладываются в сторону. Затем игрок берет один из отложенных камушков и подбрасывает его вверх, а очередной игрок диктует ему дальнейшее условие игры, т. е. говорит, сколько надо взять лежащих на земле камушков, одновременно ловя подброшенный. Тот, кто выполнит все требования — победитель⁸.

Разнообразен был арсенал прыжковых упражнений. Многочисленные прыжки различной сложности прежде всего способствовали целенаправленному развитию у детей быстроты движения, координации, ловкости, силы и упругости; воспитывали смелость, решительность и настойчивость.

Прыжок *дѣокачи*. Нам удалось записать иной вариант его исполнения по сравнению с описанным А. В. Смоляк⁹. Прыгун начинал прыжок с двух ног, приземлялся на одну, второй и третий прыжок делался на этой же ноге, а после четвертого — заключительного — приземлялся на обе ноги¹⁰. Практиковались прыжки на двух ногах с места и с разбега в высоту и в длину¹¹. Особый интерес и восхищение вызывали прыгуны, которые без остановок совершали различные прыжки через крутящуюся веревку, не задевая ее. Такие прыжки назывались *пэкуву*. Они предъявляли очень высокие требования к разносторонней физической подготовке участников. Высшим мастерством физического совершенства ульчского промысловика являлось мастерское владение своим телом, которое демонстрировалось во время прыжков. Техника *пэкуву* была сложной. Двое крутят 5—6-метровую веревку, один из участников заскакивает на нее и начинает совершать прыжки различными способами: стоя на ногах, на коленях или на одной ноге, на короточках, на коленях, на четвереньках; сидя на полу, отталкиваясь от земли руками; лежа на груди и отталкиваясь руками и ногами от земли; поворачиваясь с одного бока на другой; на спине, отталкиваясь от земли руками и ногами, далее опять на груди. Побеждал тот, кто выполнял большее число прыжковых позиций, не задев веревки¹². Подобные прыжки были широко распространены и среди соседей ульчей — нивхов и нанайцев¹³.

Прыжок *дѣвкачеу* носил в большей степени состязательный характер. Со-

вершался он в довольно сложной комбинации: после небольшого разбега прыгнул, отталкиваясь одной ногой от стартовой линии, приземлялся на две, затем сразу же опускал руки на землю и старался, передвигая ими как можно дальше, продвинуть свое тело вперед. Окончательный результат прыжка фиксировался по касанию ног (стоп) прыгуна после отталкивания руками. Иногда последнее упражнение выполнялось самостоятельно¹⁴. Такие состязания чаще проводились на берегу реки, на песке, участвовали в них мальчики младшего возраста, подростки, иногда и взрослые.

Прыгали с шестом с разбега; летом совершали прыжки через лодки, зимой — через нарты. Кто больше перепрыгнет лодок или нарт? Шест имел длину ~ 4 м. Летом прыгали на песке, лодки ставили в ряд на берегу. Состязались подростки, юноши и взрослые¹⁵.

Распространенными были и состязания по поражению мишени с небольшим расстояния (15—20 м) охотничьим копьем *гидаг*. В этих соревнованиях нараве с молодежью часто принимали участие старики, в задачу которых входило обучение юных меткому попаданию копьем в цель¹⁶. У ульчей, как и у всех народов Севера, в большом почете был сильный и волевой человек — богатырь: Длительной систематической тренировки существовало особое упражнение — поднятие тяжелых камней и бросание их назад через плечо (любое, по договоренности).

Видами национального спорта являются также *тапаву* — подтягивание вверх по тонкой веревке на руках из положения сидя на полу, скрестив ноги; *вачакачи* — борьба «на поясах» (два борца стараются повалить друг друга, причем каждый держит другого за кожаный пояс); *усучэкэчи* — перетягивание веревки, в котором участвовали две партии с равным количеством человек в каждой¹⁸.

Думэчуу мукэчэ — фехтование на палках. Участвуют два человека, каждый держит палку длиной 150—200 см, толщиной 4—5 см или две палки длиной 50—80 см. Длинные палки держат двумя руками посередине, хватом на ширину плеч, фехтуют концами палок. Короткие — за концы, удары наносятся друг другу концами. Палки были легкими, изготавливались они из тальника (ошкуривали, хорошо высушивались). Иногда в фехтовании использовались и тормозные палки от собачьих нарт. В этих состязаниях применялся определенный набор приемов нападения и отражения ударов. Выигрывал тот, кто применял больше приемов, отражающих удары соперника¹⁹. В настоящее время это самобытное состязание является непременным пунктом многих ульчских праздников художественной самодеятельности — танец «Фехтование на палках»²⁰. Аналогичные состязания были и у других народов Приамурья — нанайцев, нивхов и удгейцев.

Зимой дети и подростки состязались на собачьих упряжках, в которые были запряжены по пять собак. Нужно было быстрее пройти дистанцию на своей упряжке²¹.

Весьма серьезное внимание уделяли ульчи освоению детьми и подростками охотничьего промысла. Древний, испытанный и достаточно надежный способ добычи зверя требовал тщательного усвоения тонкостей стрельбы из лука *лэкэ бури*. Поэтому стрельба из лука по живым целям — *чарпау*, в которой требовалась зоркость глаза и меткость поражения мишени, и соревнование на дальность полета стрелы — *памаку*, где проверялась убойная сила изготовленного самостоятельно лука и аэродинамические свойства стрел, были одними из частых и престижных состязаний у ульчей. Проводились соревнования и во время полета стрелы вверх. Все эти упражнения способствовали быстрому и достаточно раннему овладению высоким мастерством стрельбы из лука, умению качественно изготовить его и стрелы. Кроме того, этот вид состязаний развивал силу верхнего плечевого пояса²².

Особый интерес у детей и подростков 10—15 лет вызывала командная игра — стрельба из лука в движении по цели. Команда состояла из четырех-пяти человек. Каждый игрок был со своей собакой, которую привязывал вожжей к поясу, стрелы также находились за поясом, а лук — в руках. На определенном расстоянии

ин (по договоренности) от старта до цели помещали мишени: к веткам двух соседних деревьев подвешивали на высоте 2—3 м от земли два соломенных пучка. Участники выстраивались у линии старта в шеренгу. По команде старшего, чаще всего им был старый ульч, начиналась гонка с собаками. Собаки тянули вонх хозяев вперед, тем самым мешая им подготовиться к стрельбе во время бега. Игроки должны были с хода поразить цель из лука. Стрелять разрешалось с любого расстояния, но не ближе 5 м от цели. Выпустить в мишень из лука разрешалось только три стрелы. За исполнением правил следили старики, которые определяли наиболее меткую команду (по количеству застрявших стрел в пучке)²³.

Для овладения ульчскими детьми и подростками навыками рыбной охоты на утлой, оморочке *утогго*, а также координации равновесия, существовала игра — *уява дёгболоу* — «колі сазана». К толстой ветке дерева привязывали на деревках бревно длиной до 1,5 м, диаметром 15—20 см, делая подобие качелей. (репилось оно так, чтобы не крутилось. Игрок садился на него со своим охотничьим атрибутом (острога, копьё или лук) «по-турецки». Из этого неустойчивого положения он должен был поразить мишень, которая находилась на земле и представляла собой чучело «сазана» из соломы. Победителем становился тот игрок, который оказывался самым метким и мог удержаться на этом бревне²⁴. Аналогичную направленность имела игра *дёгбока чуву* (*уя дёгбоні*) — добыча сазана «острогой»²⁵.

Во время охотничьего промысла ульчи часто использовали дощатые или бревенчатые лодки-оморочки. Эти небольшие суденышки охотники перетаскивали на себе с одного озера на другое или с одной протоки на другую. В ней промысловик мог неслышно плыть по тихим протокам и озерам, выслеживая медведя или лоса²⁶. Такой тип охоты, видимо, и породил самобытное промысловое состязание — перетаскивание на себе лодок, или оморочек, на определенное расстояние по суше. Соревнующиеся чаще всего взваливали на спину многоветельную лодку или подкладывали под нее палки и несли ее, взявшись за концы палок. Оморочку в таких состязаниях перетаскивал один человек. Расстояние, на которое надо было перенести водное транспортное средство промысловика, равнялось ~ 50—100 м. Кто быстрее заканчивал дистанцию, тот становился победителем²⁷.

Раньше, во время проведения медвежьего праздника *буюмбэ хупуву дэнгсу-чу* («с медведем игру делать»), ульчи показывали свою храбрость, ловкость и смелость, а также демонстрировали высокую физическую подготовку. Так, например, они должны были, разбежавшись, сделав «разножку», прыгнуть сзади медведю на шею и «хватать» его²⁸. В период таких праздников проводились всевозможные гонки на собачьих упряжках, которые выявляли как самую выносливую собаку, так и самого смелого и ловкого наездника, умеющего оставаться в упряжке на полном ходу.

Токсавичуу — собачьи гонки проводились так: на протоке расчищали от снега и льда — коридор шириной 15 м, длиной 300—400 м. В упряжке — 9—11 лучших собак разных хозяев. До начала гонки в 10—15 м вперед упряжки пускалась одна собака, к ее хвосту привязывался кусок медвежьей шкуры так, чтобы он волочился по льду (для затравки упряжных собак). Затем пускалась упряжка с сидящим на нарте-*тучини* каюром. Пройдя дистанцию, каюр останавливал упряжку тормозными палками — *каури*. По бокам коридора стояли судьи, которые вели, как тянет нарту та или иная собака. Если плохо — после гонки она отзывается. Таким образом, от забега к забегу выбывали наиболее слабые собаки. С уменьшением числа собак уменьшалась и нагрузка на нарту, на нее садился уже мальчик лет десяти, а затем собаки бежали с пустой нарткой. Когда оставалось две или три собаки, они бежали уже без нарт²⁹. Собака, оказавшаяся лучшей на гонках, ценилась чрезвычайно высоко, слава о ней распространялась по соседним стойбищам и селам³⁰. Другой вариант таких гонок — *тукчу*: одна или несколько собачьих упряжек, управляемых каюром (каюрами), прыгают по прямой ристалища до тех пор, пока собаки в упряжке не начнут выби-

ваться из сил. Ослабевшая собака ложилась на лед, ее отвязывали, а упряжь продолжала гонку. Заканчивалась гонка, когда в упряжке оставалась толы одна самая выносливая собака ³¹.

Еще более интересными и захватывающими были гонки, в которых ульчи пытались осадить на полном ходу собачью упряжку ³². Нарту с 11 запряженными собаками пускали по чистому льду протоки (лед предварительно очищался от снега); дистанция гонок — ~ 200 м, ширина коридора — 10—15 м. В 10—11 метрах впереди упряжки пускалась собака, к хвосту которой привязывали во лочащийся по льду хвост зайца. По бокам коридора стояли ульчи, желающие испытать свое мастерство в осаждении упряжки, мчащейся на большой скорости. Участник должен был так рассчитать свои способности и силы, чтобы броситься на приближающуюся упряжку, удержаться на нарте, и, выхватив тормовые палки, остановить ее. Редко кому удавалось выполнить это серьезно испытание. Осадивший собачью упряжку проявлял незаурядную расчетливость, ловкость, быстроту реакции, смелость и решительность ³³.

Надо отметить, что почти каждая игра, упражнение или состязание имели прикладное значение, что способствовало быстрому приобщению подрастающего поколения к традиционным промыслам или способствовало развитию определенных физических качеств, столь необходимых для полноценной жизнедеятельности как детей и подростков, так и взрослых. В ульчском хоккее («загони мяч в лунку») решались задачи активизации двигательной деятельности детей в зимнее время. Игра развивала быстроту реакции, воспитывала чувство коллективизма, настойчивость и др. Игра командная, состав команд мог быть от трех до восьми-десяти человек, количество участников в командах — обязательно одинаковое. В руках у каждого была прямая тальниковая палка. Мяч диаметром 15—20 см изготовлялся из рыбьей кожи или шился из тряпок и набивался соломой или тряпками. Игровое поле имело произвольные размеры, его границы часто соответствовали размерам современной хоккейной площадки. Посредине поля делалась неглубокая лунка, чуть больше диаметра мяча. Выигрывала та команда, которой удавалось больше раз загнать палками мяч в лунку ³⁴.

Чакта — игра в травяной мяч. Участники образуют большой круг, каждый держит деревянную острогу *чалку*. Один из игроков насаживает травяной мяч на острогу и бросает его внутрь круга. Задача стоящих в кругу — поймать летящий мяч на выставленные вперед-вверх остроги. Поймавший сразу же бросал мяч другим. Эта игра развивала меткость, ловкость, глазомер ³⁵. Имеется и разновидность этой игры — *чакпакачи* ³⁶.

Пэнтэкэчи — один из участников игры тянет по земле на 5—6-метровой веревке чучело из соломы или гнилушки (куска гнилого дерева) длиной ~ 1 м. Чучело напоминает по форме рыбу. Игроки с острогами становятся в ряд на расстоянии 5—10 м от условной траектории движения «рыбы». Как только чучело поравняется с тем или иным игроком, он должен бросить свою острогу в движущуюся мишень. Кто попадал, тот становился победителем, считался метким, ловким и быстрым рыбаком-охотником. Эта игра являлась как бы тренингом для ульчей, в ней отрабатывалась меткость поражения острой движущейся цели (рыбы) ³⁷. Существовали и другие разновидности этой игры ³⁸. К подобным играм относится и *пынту*: игрок тянет по земле за веревку «нерпу», или *геокса*, длина такого чучела — ~ 1—1,5 м, толщина — 15—20 см. Изготавлилась «нерпа» из молодых веток тальника. Пучок этих веток связывался тальниковой веревкой, чтобы во время игры не рассыпался. В два ряда стоят с копьями-острогами игроки двух команд, образуя «игровой коридор», ширина которого достигает 2 м. Как только чучело поравняется с тем или иным игроком, он должен быстрым движением вонзить свою острогу или копье в «туловище» чучела и удержать его. Побеждает тот, кто успеет попасть и удержать «нерпу» ³⁹.

Бытовали у ульчей шуточные игры, которые на первый взгляд казались простыми, однако требовали от участников колоссального напряжения всех физических и психических возможностей. Умение управлять своим телом в самых

обычных позах составляет основу этих игр. *Дяпагда* («стеганая varejka», ли «достань varejku»): игрок принимает положение «упор лежа» на земле (полу); при этом одна его нога приподнята вверх, за нее привязывается веревка, которую держит другой игрок. Varejka лежит на земле под грудью игрока. Как отнять ее? Лежащий игрок должен из такого положения выйти в «стойку на уках». В этом ему в определенной мере помогает другой игрок, который тянет верх веревку, закрепленную на ноге лежащего. Придя в положение «стойка на уках», игрок, постепенно сгибая руки, опускается до пола и зубами старается зять varejku. Помощник также слегка придерживает веревку. Кому удалось зять зубами varejku, тот становился победителем⁴⁰. Даже из самого описания положений игрока видно, что такие позы мог выполнить только хорошо физически подготовленный человек. Другая игра *уму муэ* («пей воду»). Игрок становится ногами на невысокую скамеечку (высота от пола 15—20 см). Чуть переди ставится наполненная водой чашка или кладется что-то вкусное. Игрок ронпускает руки между ног и берется ими за край скамеечки. Постепенно наклоняясь вперед и перенося центр тяжести на руки (локтями упираясь в живот) выпрямляет ноги. В таком положении, сохраняя равновесие, наклоняется чашке и старается выпить или съесть ее содержимое, а затем возвратиться в исходное положение⁴¹. Менее сложный вариант игры, называемый *муумука-уву* был таков: игрок становится ногами на скамеечку (*бэдули*), между его тупнями ставится берестяная «чумашка» с водой. Задача игрока — держась уками за пятаки, нагнуться и выпить воду из чумашки, не упав при этом со камеечки⁴².

Тирэпту вачини изображает борьбу двух малышей. Один человек надевал на руки и на ноги обувь, к спине приделывал две подушки, надевал на них две шапки, а голову прятал под одежду. Руками и ногами изображал борьбу двух малышей («тирэпту вачини» — буквально — «подушки борются»)⁴³.

Сейчас многие традиционные способы физического воспитания ульчей неоправданно забыты. Европейская система физического воспитания детей и подростков, или модель «закрытой школы» не приносит положительных результатов среди народов Севера (в том числе и ульчей)⁴⁴. В отличие от традиционных методов, сложившихся в суровых климатических условиях, она не отвечает главной цели — воспитанию закаленного, выносливого, ловкого человека, способного в совершенстве овладеть исконными промыслами. В настоящее время самобытные средства физического воспитания ульчей — игры, физические упражнения и состязания — преломляются в национальных видах спорта⁴⁵. Так, например, в районном центре — с. Богородское летом 1958 г. был проведен праздник, в его программу входили: национальные прыжки, борьба, стрельба из лука и винтовки, гребля, бег⁴⁶. А в 1960 г. у ульчей проводились первые краевые соревнования по национальным видам спорта народов Нижнего Амура, которые они выиграли у нанайцев, удэгейцев и нивхов. С этого времени сборная команда льчского района постоянно принимает участие в краевых соревнованиях по национальным видам спорта народов Приамурья. В 1966 г. впервые национальные соревнования получили официальный статус⁴⁷. Однако, правила соревнований по национальным видам спорта народов Приамурья были оформлены лишь в 1984 г.⁴⁸ В этом же году была создана и первая краевая (Хабаровского края) классификация национальных видов спорта народов Приамурья⁴⁹, в соответствии с которой ульчи получили право присваивать участникам состязаний спортивные разряды и звание «Кандидат в мастера по национальным видам спорта». Таким образом, традиционная физическая культура ульчей получила новый импульс к возрождению и развитию. В 1988 г. была создана и утверждена Госкомспортом РСФСР Единая Всесоюзная классификация по национальным видам спорта народов Севера, куда вошли и национальные виды спорта ульчей⁵⁰. Надо отметить, что до 1985 г. такие соревнования у ульчей проводились только среди взрослого населения, детям и подросткам отводилась роль наблюдателей и болельщиков. Это нанесло большой вред традиционной физической культуре ульчей, тем более, что современная школьная программа по физическому воспи-

танию, как уже было сказано, совершенно не учитывает вековых традиций народов Севера в этой области. Была разорвана связующая нить поколений, исторически способствовавшая передаче накопленного опыта от старых к молодым во всех сферах жизни ульчей. Искусственное выключение из этого процесса молодого поколения ульчей привело к исчезновению многих элементов традиционной физической культуры. Только в 1985 г. впервые были проведены районные и краевые соревнования по национальным видам спорта народов Приамурья среди школьников, которые теперь стали традиционными; они значительно активизировали на местах (в селах, поселках) спортивно-массовую работу в области национального спорта и игр среди детей и подростков.

Таким образом, традиционная физическая культура ульчей в настоящее время переживает свое второе рождение, она становится более популярной и массовой, особенно среди молодежи. В этом видится залог того, что традиционные игры и состязания ульчского народа не только не окажутся утерянными, но и будут способствовать дальнейшему развитию национальной физической культуры народов Севера.

Примечания

- ¹ Смоляк А. В. Ульчи. М., 1966. С. 121—122.
- ² Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; Смоляк А. В. Указ. раб.
- ³ Полевые записи автора (здесь и далее — хранятся в личном архиве), 1985 (информатор Лонки Прокопий Васильевич, с. Богородское Ульчского р-на Хабаровского края).
- ⁴ Там же (информатор Донкан Кирилл Семенович, с. Солонцы Ульчского р-на Хабаровского края).
- ⁵ Там же (см. сноску 3).
- ⁶ Там же (информатор Дейчули Петр Леонтьевич, с. Булава Ульчского р-на Хабаровского края).
- ⁷ Там же (информатор Дейчули Петр Никитович, с. Ухта Ульчского р-на Хабаровского края).
- ⁸ Там же.
- ⁹ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ¹⁰ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 6).
- ¹¹ Там же (информатор Дятала Вадяка Константинович, с. Кольчом Ульчского р-на Хабаровского края).
- ¹² Там же (см. сноску 4).
- ¹³ Прокопенко В. И. Самобытные игры нанайцев. Хабаровск, 1989. Его же. Игры и национальные виды спорта народностей Севера — нивхов. Научно-методические рекомендации. М., 1988.
- ¹⁴ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 4).
- ¹⁵ Там же (см. сноску 3).
- ¹⁶ Там же (информатор Кев Сергей Алексеевич, с. Булава).
- ¹⁷ Там же (см. сноску 11).
- ¹⁸ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ¹⁹ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 3).
- ²⁰ Краски земли Дерсу. Хабаровск, 1982. С. 248.
- ²¹ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 16).
- ²² Там же (см. сноску 11).
- ²³ Там же (см. сноску 16).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ²⁶ Там же. С. 49.
- ²⁷ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 3).
- ²⁸ Золотарев А. М. Указ. раб. С. 108, 111.
- ²⁹ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 4).
- ³⁰ Золотарев А. М. Указ. раб. С. 110.
- ³¹ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 3).
- ³² Там же (информатор — нивх Писин Василий Константинович, с. Тахта Ульчского р-на Хабаровского края).
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же (см. сноску 3).
- ³⁵ Там же (см. сноску 6).
- ³⁶ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ³⁷ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 32).
- ³⁸ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ³⁹ Полевые записи автора. 1985 (см. сноску 6).
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же.

- ⁴² Смоляк А. В. Указ. раб. С. 122.
- ⁴³ Там же. С. 123.
- ⁴⁴ Отаина Г. А. Проблемы обучения и воспитания молодежи народностей южной зоны Дальнего Востока СССР // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. научн. конф. «Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития». Новосибирск, 1983. С. 114—116; Турченко В. Н., раскунова М. М., Еремин С. Н. О совершенствовании системы образования и подготовки к труду молодежи в условиях Советского Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 123—134; Прокопенко В. И. Место традиционной «физической культуры» народностей Севера в современном процессе физического воспитания детей // Тез. докл. Всесоюз. научн. конф., посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции (Физическая культура и спорт как элемент образа жизни и культуры детей в условиях социализма) 22—25 июня 1987 г., пос. Шушенское). Красноярск, 1987. С. 48—50.
- ⁴⁵ Смоляк А. В. Указ. раб. С. 261.
- ⁴⁶ Там же. С. 262.
- ⁴⁷ Гутцев Р. Г. Правила соревнований по национальным видам спорта народов Севера, населяющих территорию Советского Дальнего Востока. Метод, пособие для коллективов физкультуры. Хабаровск, 1966.
- ⁴⁸ Бельды В. Ч., Прокопенко В. И. Правила соревнований по национальным видам спорта народностей Приамурья. Хабаровск, 1984.
- ⁴⁹ Их же. Классификация национальных видов спорта народностей Приамурья. Хабаровск, 1984.
- ⁵⁰ Прокопенко В. И., Сысолятин Г. В. Единая Всероссийская классификация по национальным видам спорта народов Севера. М., 1988.

© 1990 г.

М. В. Сеславинская

ТАНЕЦ ТЕРАТАЛИ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ РИТУАЛАХ РАДЖАСТХАНА

Некоторые древние ритуалы до наших дней сохраняют ряд особенностей и деталей, первоначальное значение которых было давно утрачено. Происходит это в силу традиций, заставлявших исполнителей тщательно сберечь наследие предков¹. Примером такого отголоска древней культуры является ритуальный танец *тератали*, распространенный в североиндийском штате Раджастан, где традиционный уклад относительно слабо затронут влиянием современной цивилизации.

Тератали относится к категории «сидячих» танцев, известных у разных народов², но эту характеристику нельзя считать исчерпывающей. Скорее тератали — красивая и очень сложная композиция, включающая в себя, помимо исто танцевальной пластики, зачатки жонглирования и эквилибра. Эта композиция, исполняемая только женщинами, составляет важнейшую часть ритуала освящения гуманисту и философу XV в. гуру Баба Рамдео, который был при жизни возведен в ранг святого³. Вот как выглядит этот ритуал.

Камады⁴ и представители других каст, почитающие гуру Рамдео, собираются вечером в посвященном ему храме (ритуальная церемония может длиться всю ночь). Они рассаживаются перед изображением Рамдео. Как уже говорилось, танец исполняется только женщинами-камадами, и они садятся впереди, мужчины-камады — за их спинами. Мужчины держат музыкальные инструменты, на которых они будут аккомпанировать танцовщицам. Руководит действом самый уважаемый из старших мужчин. Он возжигает благовония перед

* Автор некоторое время находилась в среде камадов (1987 г.) и имела возможность подробно изучить технику танца, а также многократно наблюдала представления тератали и участвовала в ритуале, посвященном дню рождения Рамдео.

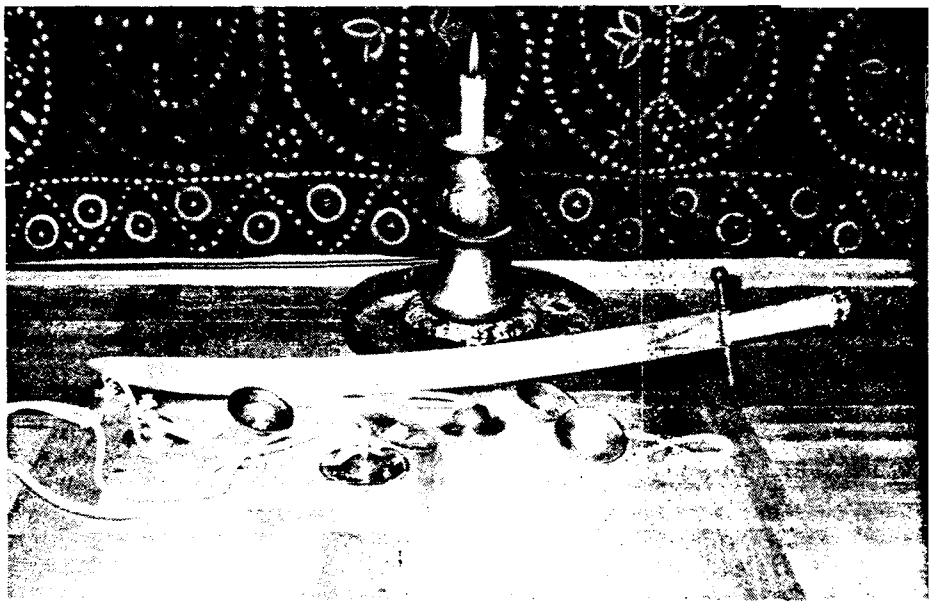

Рис. 1. Арти, тальвар и манджиры (танцевальные атрибуты) -

изображением Рамдео, подает знак к началу и запекает посвященный Рамдео гимн, с которого начинается ритуал. Его подхватывают все мужчины. Женщины обычно тоже подпевают, но главное для них — исполнение танца. Руководитель также произносит во время ритуала формулы восхваления Рамдео, и их конец подхватывают все мужчины-музыканты.

В самом начале ритуала перед каждой из женщин уже лежат атрибуты, которые она будет использовать в танце. Это небольшой кривой кинжал или небольшой кривой меч (*тальвар*) и один или несколько поставленных один в другой сосудов с зерном и с горячей свечой или фитилем на вершине — вся конструкция называется *арти* (рис. 1). Танцовщицы держат в руках *манджиры* — латунные тарелочки. Кроме того, на правой ноге танцовщиц в ряд от колена до большого пальца закреплено еще до 10 манджир для исполнения одной из фигур танца.

«Тератали» переводится с хинди и пракритов как «13 ударов». В названии отражается количество танцевальных движений (13) и техника игры на манджирах («удары»). Через некоторое время после начала ритуала, которое открывается гимном Рамдео, танцовщицы начинают подгрызывать на манджирах в ритм мелодии. Постепенно их движения становятся все более танцевальными (рис. 2, I). К этому еще через какое-то время добавляется сильное раскачивание корпусом, движение несколько разнообразится, исполнительницы различными способами ударяют манджирами одну о другую (через локоть, через спину и пр.). Потом они переходят к следующему движению. Техника танца постепенно усложняется. Все время сильно раскачивая корпусом, танцовщицы резко (иногда плавно) ложатся на пол и некоторое время исполняют движение лежа, затем, не прерывая его, быстро поднимают корпус. Сначала они используют только манджиры, затем берут тальвар, удерживая его в зубах так как это показано на рис. 3. При этом они разнообразят движения, перенося руки то через один, то через другой его конец. В финале танца они исполняют самые сложные движения с арти на голове (рис. 2, II, IV; 4), а также с арти и тальваром (рис. 3). Для того чтобы взять тальвар или установить на голове арти, танцовщицы используют паузы между отдельными песнями. Таким образом танец представляет собой ряд фрагментов, разделенных паузами, причем в каждом фрагменте исполняется одно определенное движение. Исключение составляет лишь последний танцевальный отрывок, включающий в себя 7—8 разных

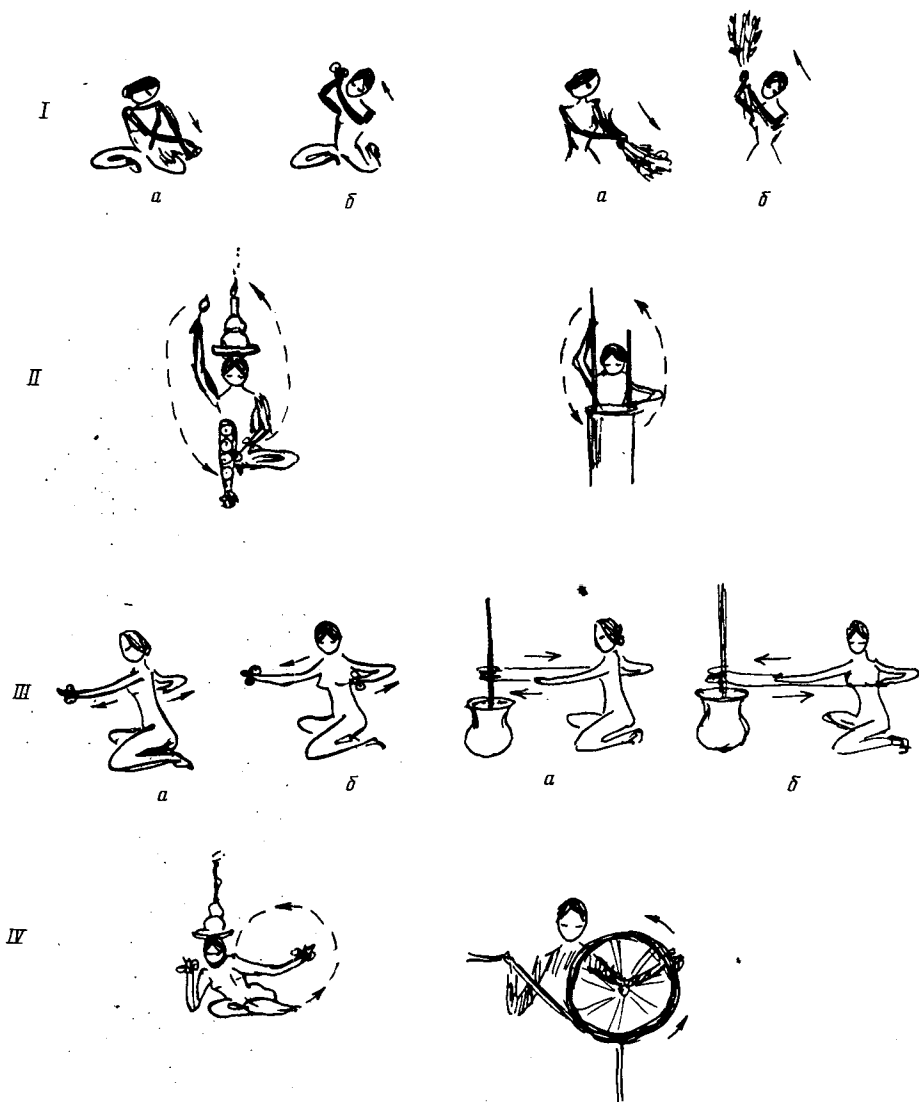

Рис. 2. Движения танца предположительно соответствуют: I — обмолоту зерна; II — обрушению зерна в ступе двумя пестами попеременно; III — взбиванию масла в горшке вращательным движением веревки; IV — наматыванию пряжи на колесо

жизней. Песни, которые поются во время ритуала, могут быть посвящены не только Баба Рамдео, но и Кришне, так как первый, по представлениям раджастанцев-индуистов, является воплощением второго⁵.

По мнению специалистов фольклорного института Рупайан Санстхан, тератили считается танцевальной формой, созданной именно для почитания Баба амдео⁶. Но в то же время некоторые исследователи находят, что движения танца изображают трудовые процессы⁷: жатву, молотьбу, сортировку зерен, измельчение их в ступе, просеивание муки, замешивание теста и выпечку лепешек, взбивание масла, прядение и скручивание пряжи в нить. Кроме того, этот танец слишком сложен технически и включает в себя множество разнородных элементов. Если принять за основу, что все эти элементы вошли в танец одновременно, то их сосуществование становится нелогичным. Поэтому трудно предположить, что тератили сразу возник как ритуал в честь Рамдео.

Попробуем сделать диахронный «разрез» танцевального ритуала тератили

Рис. 3. Фрагмент ритуала с арти и тальваром

и реконструировать его первоначальную форму и предназначение. Для этого сначала рассмотрим различные аспекты танца.

Место исполнения. Районы распространения ритуала тератали — полу-пустынные области центральной и южной части Раджастанха: Пали, Удайпур и Джодхпур. Раньше его исполняли и в округе Нагаур, но в настоящее время традиция исполнения тератали там оборвалась. Есть свидетельства того, что в IV—II тысячелетиях до н. э. на территории Раджастанха существовали города, подобные городам земледельческой цивилизации Хараппы⁸. Как и ранее, в настоящее время основные сельскохозяйственные культуры этой области — зерновые (просо, на юге — пшеница), выращиваются и хлопок⁹. Развито скотоводство, в том числе в центральных районах — разведение крупного рогатого скота и коз для производства молока и шерсти. Все это говорит в пользу того, что в этом районе мог возникнуть земледельческий ритуал.

Время исполнения. Традиционно тератали исполняется во время фестивалей, посвященных Баба Рамдео. Самый крупный праздник — *Рамдео́ра* проходит в течение 10 дней в августе-сентябре¹⁰. Начинается он во второй половине месяца бхадон, что соответствует концу августа. Незадолго до Рамдео́ры отмечается день рождения Рамдео, который также приходится на конец августа. Будучи главным праздником, посвященным Баба Рамдео, Рамдео́ра собирает всех исполнителей тератали и многочисленных почитателей этого гуру не только из Раджастанха, но и из других близлежащих штатов. Существует еще несколько более мелких праздников Рамдео¹¹. Весь этот цикл праздников проходит в осенний сезон (конец августа — октябрь). Как было сказано, Рамдео — личность историческая. Возможно, он действительно родился в конце августа, но трудно предположить, чтобы все остальные знаменательные даты его жизни приходились лишь на сентябрь и октябрь. В то же время цикл праздников Рамдео совпадает со временем проведения и окончания сбора урожая¹², т. е. с периодом, когда в обществах с традиционным укладом проходили праздники урожая. В земледельческих обществах такие праздники занимали длительное время, имели множество обрядов, и каждый этап уборки мог праздноваться отдельно (начало жатвы, ее окончание, начало и конец обмолота, проба хлеба из зерна нового урожая)¹³. Среди этого множества праздников один может быть наиболее торжественным, он отмечает начало или окончание уборки.

Техника танца. В основе техники танца лежат движения рук, которые тан-

Рис. 4. Фрагмент ритуала с арти на голове

вищицы исполняют в сидячей позе. Сопоставление движений танца с движениями предполагаемых трудовых процессов показало, что примерно треть танцевальных движений чрезвычайно близка некоторым из этих процессов. Другие движения танца также можно было бы считать изображением трудовых движений, если снять с них налет стилизации. Нужно учесть, что танец исполняется ханджирами и вследствие этого в нем происходит переакцентировка некоторых движений в сторону музыкального ритма, что делает эту стилизацию вполне объяснимой. Стилизация движений может быть связана и с тем, что в течение веков постепенно менялась функция ритуала, первоначальное его предназначение было забыто и движения потеряли свою прежнюю форму. Часть движений трудно соотнести с какими-либо трудовыми движениями, потому что они (танцевальные движения) слишком сильно деформировались. Возможно также, что и были включены в танец как чисто орнаментальные в ту эпоху, когда ритуал принимался уже как абстрактная форма. Подробный анализ некоторых танцевальных и трудовых движений приводится на рис. 2. При анализе были использованы танцевальные движения других народных танцев Раджастанхана, которые я имела возможность изучить, информация о типах древних трудовых движений и трудовых движений обществ с традиционным укладом и о ритмической нове основных трудовых процессов¹⁴.

«Сидячая» форма танца, видимо, лишь частично может быть связана с сидячим положением женщин во время исполнения работ, потому что некоторые из

этих работ выполняются стоя. Если такие трудовые процессы, как соевое масла, толчение зерна на зернотерке или наматывание пряжи, удобнее выполнять сидя, то обмолот и обрушивание зерна выполняются стоя. Сидячее положение танцовщиц вызвано, вероятно, тем, что в танце работают только руки и в длительном его исполнении (а ритуал занимает много времени) женщины должны были испытывать большое напряжение в ногах. Кроме того, слишком натурлистичное изображение в танце некоторых трудовых процессов потребовало слишком большую площадь (например, при обмолоте зерна), в то время и близость исполнителей друг к другу в массовом ритуале стимулирует чувство коллективизма, а также позволяет расположиться большому количеству народа в замкнутом пространстве храма.

Атрибуты танца. Одним из главных и наиболее наглядных аргументов, говорящих в пользу земледельческой традиции, лежащей в основе ритуала терата, является сооружение из сосудов со свечой (арти): В арти можно выделить элемент, имеющих особый смысл.

1. *Зерно в сосудах.* Наиболее распространенным видом зерна, который и пользуется в ритуале, является пшеница. В исследуемой группе камадов было десять танцовщиц, и у всех в горшках был насыпана пшеница. На вопрос, почему сосуды наполнены пшеницей, камады отвечают, что иначе они не смогут полнять танец. Действительно, сосуды могут плотно, без излишней вибрации удерживаться один в другом, только если они доверху заполнены сыпучим телом. Это придает им большую устойчивость и необходимый вес. Конструкция вставляющихся один в другой сосудов также рассчитана на то, чтобы они были наполнены. Но если бы дело было только в устойчивости, то в горшочки можно было бы насыпать что-либо другое, например песок, которого в Раджастан достаточно. Очевидно, функция пшеницы — символа нового урожая — в этом ритуале уже давно забылась, но тем не менее в силу традиции в танце продолжают использоваться зерно, что также может свидетельствовать о первичной связи ритуала с праздником урожая.

2. *Огонь на вершине арти.* Сама по себе непосредственная близость огня и пшеницы может говорить об их принадлежности к празднествам урожая. В зависимости от того, придается ли огню солярный смысл (огонь как символ солнца воздействует на рост зерна) или очистительный (уберечь зерно от порчи злыми духами)¹⁵, наличие благотворное воздействие огня на зерно. Это представление характерно для земледельческой магии.

Можно рассмотреть функцию арти и в целом. Часть зерна нового урожая могла приноситься в жертву божеству плодородия в форме сожжения. Это предположению соответствует то, что в арти зерно и огонь находятся в непосредственной близости. Смысл, который придавался арти, связан с тем, какой характер носил женский танец: магический или поклонения божеству. В первом случае движения танца призваны были бы воздействовать на силы природы, а огонь — на зерно нового урожая, предназначенное для посева в будущий год. Во втором случае часть зерна нового урожая приносилась в жертву божеству, а движения танца «описывали», что женщины будут делать с зерном, которое им поможет вырастить божество. Исследователь традиционного танца Э. Королева указывает, что среди земледельческих племен были распространены танцы с сосудами. Некоторые сосуды сохранились, и в них видны следы огня, что, по ее мнению, свидетельствует об их использовании в культе Солнца¹⁶. Это похоже на использование арти в танце тератали. Скорее всего танец имеет магическое происхождение (что не исключает сочетания в нем в дальнейшем как магических, так и молебственных элементов). Именно для производственной магии характерно точное отображение трудовых процессов¹⁷.

Вероятно, вариант арти, состоящего из одного горшка с зерном и огнем, был первоначальным. Увеличение количества сосудов было связано с желанием усложнить танец и довести его до технического совершенства. Такой процесс скорее всего происходил в эпоху, когда первоначальная функция ритуала изменилась. С этим же стремлением к виртуозности при абстрагировании техникологически связано и использование тальвара (меча). Раджастан в истории

ую эпоху подвергался многочисленным нападениям врагов. В вооруженную борьбу с ними нередко включались и женщины. Владение женщинами оружием могло быть довольно распространенным явлением. В фольклорной традиции раджастхана отвага и храбрость стали неотъемлемыми чертами раджастханских женщин¹⁸. Возможно, тальвар стал использоваться в танце именно в средние века для того, чтобы повысить техническую сложность ритуала.

Исполнители танца. С первого взгляда основную роль в ритуале играют женщины как исполнительницы его наиболее трудной и виртуозной танцевальной части. Но присмотримся внимательнее к распределению ролей в ритуале. Руководит действием самый уважаемый из старших мужчин-камадов (см. выше). Иногда исполнителем приходится участвовать в фольклорных фестивалях в Индии и за рубежом. У зрителей, особенно за пределами Индии, вызывает удивление порядок объявления исполнителей тератали на сцене. Первым называют координатора действия, затем всех музыкантов-мужчин, начиная со старших, про танцовщиц говорят: «И члены их семей». Это не вызывает возражения у весьма тщеславных исполнительниц. Иногда, впрочем, называют и танцовщиц, но всегда позже мужчин. Причина этого, думается, в том, что в ритуале традиционно важно выразить единство многочисленного коллектива с сильными внутренними связями, представителем которого перед гуру Рамдео (прошлом — перед другим божеством или силами природы) является старейшина¹⁹.

Торжественные праздники собирают огромное количество исполнителей. Вероятно, манджиры стали использоваться для того, чтобы скоординировать действия многих танцовщиц. Действительно, их движения поразительно синхронны, чего трудно было бы добиться при исполнении без манджир. Пульсирующая мелодия *тандур* (струнный инструмент), циклически повторяющиеся куплеты песни, мерные удары барабана и упруго раскачивающиеся корпуса танцовщиц — все это, объединенное дружным ритмичным звоном манджир, растворяет постороннего наблюдателя в постепенно нарастающих волнах ритма. При участии в ритуале этот эффект усиливается многократно. Можно сказать, что такая ритмическая организация танца вытекала из условий коллективной работы женщин²⁰, но с другой стороны, ритмическая обостренность могла являться и важным моментом поддержания коллективной, объединительной психологии общины.

Итак, в ритуале, связанном с наиболее важным моментом жизни всего коллектива — сбором урожая, принимали участие (в той или иной форме) все взрослые члены общества. Почему сам танец исполняется только женщинами? Танец, легший в основу тератали, должен был изображать процессы обработки пашни и других сельскохозяйственных продуктов, что в реальной жизни было женской работой²¹. Тератали исполняют женщины всех возрастов, начиная с молодых девушек 15—16 лет и кончая женщинами в возрасте 50 лет, т. е. практически все трудоспособные женщины общины. Нижняя граница возраста исполнительниц может определяться тем, что более молодые ученицы еще не обладают необходимым мастерством, ловкостью и физической силой для исполнения ритуала, который с перерывами может длиться всю ночь. Верхняя граница возраста соответственно связана с теми же причинами. Но можно привести и другое соображение. В 50 лет многие танцовщицы, всю жизнь исполняющие этот ритуал, еще находятся в хорошей физической форме, многие являются ведущими танцовщицами общины, обладающими большим мастерством, чем 30—40-летние. Тем не менее 50 лет традиционно считается предельным возрастом для исполнительниц. Такая традиция может быть связана с очень древними представлениями о связи плодоносящих сил женщин с плодородием земли²². Даже в трудовом танце нет непосредственной связи детородных сил женщин с плодородными силами земли, все же косвенная связь продолжала подсознательно сохраняться. В связи с этим могло становиться нежелательным участие в столь важном ритуале женщин, чей возраст перешел за 50 лет, когда начинает угасать или уже угасла детородная функция.

Таким образом, аргументами, говорящими в пользу того, что тератали — танец на основе более древнего земледельческого танца, являются: 1) принадлежность танца тератали к ритуалу календарного цикла; 2) распространение этого танца в древних земледельческих районах; 3) коллективная основа танца, мажоранность ритуала; 4) использование пшеницы в качестве атрибута; 5) использование огня; 6) исполнение танца женщинами, на которых в реальной жизни ложится выполнение основных работ по сбору и обработке урожая и производству основных необходимых продуктов; наличие жестких возрастных границ исполнительниц; 7) анализ движений танца, значительная часть которых изображает трудовые процессы.

В заключение попробуем реконструировать развитие современного танца тератали от предполагаемого древнего женского танца, посвященного сбору урожая.

1. В процессе развития земледелия возникает женский танец в рамках ритуала, посвященного сбору зерновых. Этот танец в основном включал в себя движения, связанные с обработкой зерна (позже и хлопка). Зерно в горшках и оги не использовались в танце, но находилось в течение всего времени проведения праздника на площадке для ритуалов. Может быть, во время танца сосуды находились внутри замкнутого круга танцовщиц (расположение исполнительниц в круг характерно и для современной традиции тератали). Первоначально танец имел магический характер.

2. С течением времени в танец включаются движения, изображающие обработку других жизненно важных продуктов — молока и хлопка.

3. Усиление мотива поклонения в ритуале, а также и в танце. Разрушение первоначальной системы праздника. Арти становится атрибутом танца. Арти укрепляется на голове для того, чтобы быть ближе к божеству. В результате культурных пертурбаций происходит смена божества, быть может, неоднократно. Начинает забываться первоначальная смысловая основа танца, чему способствует его исполнение с манджирами. Танец приобретает большую абстрактность. Вероятно, последнее перед Рамдео божество, которому он был посвящен, — Кришна. Об этом говорят песни, посвященные Кришне в современном танце тератали.

4. Техника танца усложняется с появлением тальвара (известны случаи использования женщинами оружия в период войны).

5. XV—XVI вв. — период окончательного оформления тератали. Он посвящается Рамдео в форме молитвы. Создаются многочисленные гимны Рамдес сочиненные его последователями²⁴.

Вероятно, возможна ориентировочная хронология периодов развития танца, что требует более углубленного анализа и в рамках данной статьи не представляется возможным. Схема формирования ритуала от предполагаемого пратанца также не является окончательной, в ней возможны изменения и уточнения.

Примечания

¹ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С. 244.

² Королева Э. А. Ранние формы танца. Кишинев. 1977. С. 77.

³ Ahuja D. R. Folklore of Rajasthan. New Delhi, 1980. P. 92.

⁴ Data of the Rajasthan Institute of Folklore Rupayan Sanshan.. Borunda, Jodhpur, 1987¹ P.

⁵ Ahuja D. R. Op. cit. P. 91.

⁶ Data of the Rajasthan Institute... P. 1.

⁷ Folk dances of India. Delhi, 1956. P. 24.

⁸ Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951. С. 44; Княжинская Л. А. От древних Раджпутаны к современному Раджастхану. М., 1965. С. 24; Census of India, 1951. V. X. Pt. II (4) Jajpur, 1953. P. 20; Indian archaeology. New Delhi, 1959—1960; A review. New Delhi, 1960. P. 3.

⁹ Княжинская Л. А. Указ. раб. С. 95, 114.

* Танец мог быть посвящен божеству плодородия, скорее всего женскому, наподобие того, что глиняные фигурки находили при раскопках цивилизации Хараппы²⁵. На определенном этапе танец воспринимается зрителями и исполнителями как абстрактная форма, которая при переходе от традиционных верований к индуизму посвящается другому божеству, не претерпевая изменений.

- ¹⁰ Ahuja D. R. Op. cit. P. 91.
¹¹ Data of the Rajasthan Institute... P. 2.
¹² Княжинская Л. А. Указ. раб. С. 115, 117.
¹³ Это мы встречаем у разных народов. См. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 85, 208, 296—297; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 28, 31, 61, 102, 179, 269—271.
¹⁴ Бюхер К. Работа и ритм. М., 1923. С. 267, 283—284, 309.
¹⁵ Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 598—607.
¹⁶ Королева Э. А. Указ. раб. С. 165—166.
¹⁷ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 55—56, 58.
¹⁸ Ahuja D. R. Op. cit. P. 119—120.
¹⁹ Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и аннелитературных памятниках. М., 1988. С. 17—18.
²⁰ Алякринский Б. С., Степанова С. И. По закону ритма. М., 1985. С. 11; Бюхер К. Указ. раб. С. 228, 284.
²¹ Бюхер К. Указ. раб. С. 283—284.
²² Королева Э. А. Указ. раб. С. 62, 71.
²³ Маккей Э. Указ. раб. С. 65.
²⁴ Data of the Rajasthan Institute... P. 1.

© 1990 г.

Д. Е. Еремеев

«ТЮРК» — ЭТНОНИМ ИРАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ?

(К проблеме этногенеза древних тюрков)

В этнической истории известны случаи, когда этнос, сменив язык в итоге ассимиляционных процессов, сохраняет прежнее самоназвание. Так, монголо-язычные татары, оказавшись в тюркоязычной массе кыпчаков и болгар, были ассимилированы по языку, но передали им свой этноним; турки-бугары на Дунае ославились, однако новообразовавшийся этнос сохранил имя «болга-вы»; аналогичное явление произошло с германоязычными франками в романо-язычной Галлии — они стали французами (Franc > Français).

Многие факты наводят на мысль о том, что подобный процесс имел место в этнической истории древних тюрков: этноним «тюрк», возможно, иранского происхождения. Об этом свидетельствуют прежде всего данные лингвистики, которые противоречат им и сведения археологических и палеоантропологических источников. Все это в свою очередь выявляет очень значительную роль в этногенезе древних тюрков ираноязычных племен.

Анализ лексики тюркских языков, причем древнейшего ее пласта — в орхон-енисейских текстах, в словаре Махмуда Кашгари — говорит о том, что большое число скотоводческих терминов заимствовано тюрками из индоевропейских, главным образом иранских, языков. Несколько примеров¹: тюрк. *окуз* (вол) < тохарск. *оксо* (ср.: нем. *Ochse*, англ. *ox*); тюрк. *бука* (бык) < слав. *бык* (от *быкать*, *букать* — мычать); тур. *дана* (телка) < древнеинд. *д'ена* (самка), вест. *дазну* (самка). Названия мелкого рогатого скота также восходят к индоевропейским формам, что неудивительно, ибо ареал его domestikации находился в Малой Азии и Иране. Так, праиндоевропейская лексема **кок* (коза) дала целую серию тюркских слов: *кечи/эчки* (коза), *коч* (баран), *кузу* (ягненок), *кой/юн* (овца). Тюркское *теке* (козел) связано с армянским *тик* (бурдюк), нем. *liege* (коза). Тюрк. *эшек/эшкек* (осел) коррелирует с армянским *эш* (осел), англ. *ass*, нем. *Esel*, латинским *asinus*.

Еще более показательна связь тюркской лексики с индоевропейскими корнями в сфере хозяйственной деятельности скотовода. Тюрк. *сүт* (молоко) находит параллели в древнеиндийском *сута* (выжатый), древнеирландском *сутх* (молоко, сок). К этой же сфере относятся и такие изоглоссы: тюрк. *йук/йуг* (покла-

жа, груз, व्यок) < хеттск. *йукан* (ярмо), древнеид. *йуга*, слав. *йго*, готтск. *йж* нем. *Joch*, англ. *yoke*; тюрк. *чобан/чупан* (помощник сельского старосты в словаре Махмуда Кашгари), турец. *чобан* (пастух) < перс. *шубан*, восходящее в свою очередь к авест. *фишуйант/фишупана*; тюрк. *чигры* (колесо) < индоиранск. *чаakra/чахра*. Возможно, и в тюркском слове *канчик/канджик* (сука) основа восходит к хеттскому (а также лидийскому, фракийскому, иллирийскому) названию собаки — *кан*; ср.: латышск. *kupa* (сука). Вероятность этого заимствования подтверждает и древнекитайское обозначение собаки — *киуэн*, взятое из индоевропейских языков.

Особый интерес представляет собой заимствование тюрками индоиранского слова «волк»: тюркское *бёри* аналогично по значению и сходно по звучанию с осетинским *бирэг*, хотанско-сакским *биргга*; ср. также авест. *вэхрка*, согд. *вырк*, урду *вирк*, хинди *врик*. Более древняя тюркская форма могла звучать и как *бёрук*, ибо русское слово «бирюк» скорее всего происходит от этой формы, правда, с переносным значением (нелюдимый человек). В некоторых тюркских языках имеется и другое слово «волк» — *курт* (словарь Махмуда Кашгари, турецкий язык и др.). Оно также может быть этимологизировано как индоевропейское: слав. *хорт* (борзая, от *хрт* — скорый), литовск. *kurtas* (охотничья собака от *kurti* — бежать, скакать). Появление этих индоевропейских слов в языке тюрков связано, скорее всего, с заимствованием ими индоевропейской этногонической легенды. В переложении китайской летописи VII в. тюркский мифический сюжет о происхождении тюрков выглядит так: однажды враги истребили целое племя, в живых остался только десятилетний мальчик, его спасла от голодной смерти волчица, приносившая ему мясо; когда он подрос, волчица родила от него в горах Алтая десять сыновей, которые взяли себе жен из Турфана (кстати, в древности в этом районе Северо-Западного Китая обитали тохары, индоевропейский народ). От этих браков, согласно легенде, и появились первые тюрки.

Данный сюжет явно перекликается с римским преданием о Капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рема, с древнеиранской легендой о волчице, воспитавшей Кира. Можно добавить также, что имя родоначальника нартов, осетинское *Уархаг/Вёрхег* связано со словом «волк». Вообще, сюжет, в котором родоначальником, героем или вождем является волк, был распространен преимущественно в мифологии индоевропейских народов — хеттов, иранцев, греков, германцев, а также грузин. Предание о волке-прародителе попало через тюрков и в монгольскую мифологию. В Тюркском каганате VI—VII вв. слово «бери» входило в антропонимы многих правителей-тюрков — Бёри-хан, Бёри-шад, Иль-Бёри-шад².

Индоевропейское влияние оказалось значительным и в других областях тюркской лексики. Так, многие названия культурных растений заимствованы из индоевропейских языков: *алма* (яблоко), *арпа* (ячмень), *чавдар* (рожь), *бугдай* (пшеница), *кендир/кенефир* (конопля). Культурное влияние индоевропейцев проявилось и в таких заимствованиях, как *дам/там* (дом, крыша), *ул* (фундамент), *улуш* (селение), *канд/кент* (город, деревня), *аш* (пища), *дон/тон* (одежда), *бекни* (пиво), *бор* (вино). Заимствованы и некоторые числительные: *бош* (пять) < тохарск. *пиш*, индоиранск. *пандж/пендж*; *тумен* (десять тысяч) < тохарск. *тумане*, иранск. *туман*; в словах *бир* (один), *биринджи* (первый) основа связана с индоевропейским корнем (русск. *первый*, белорус. *першы*, англ. *first*).

«Культурный натиск» древних индоевропейцев на Востоке Евразии испытали и другие народы. Например, в китайский язык той эпохи попало несколько индоевропейских слов, весьма важных в хозяйственно-культурном отношении: *миэт* (мед), *лак* (молоко), *куо* (бык, корова); ср. также маньчжурск. *гео* (бык). Индоевропейским заимствованием в маньчжурском и монгольском языках является название лошади *морь/морин/мурин* < древнеирландск. *марк*, древнеисландск. *марр*, древненем. *марах*; ср. также нем. *Mähre* (кляча), англ. *tare* (кобыла).

К индоевропейским заимствованиям, происшедшим в древнетюркскую эпоху,

относятся такие многозначные в отношении социально-культурного влияния слова-титилы, как *ар/эр* (человек, муж), *бага* («витязь»), *ябгу* («князь»), *шад* («воевода»), *ышбара/ышбараш* («наместник»). Эти слова зафиксированы в текстах орхон-енисейских памятников, относящихся к 712—759 гг. Например, в памятнике Хемчик-Чиркагы сказано: *бага бен эр* — «я муж (с титулом) бага»; в памятнике Моюн-чуру — *эки оғлыма ябгу шад ат бертим* — «двум сыновьям моим я дал титулы ябгу и шад»; в памятниках Моюн-чуру, Кюль-тегину Кули-чуру говорится об *ышбара/ышбараш*, в частности в первом из них сказано: *чик будунка... ышбараш... анчуладым* — «народу чиков... я пожаловал... ышбара». А титулатура Тюркского каганата буквально пестрит этими заимствованиями: бага-шад, бага-ышбара-хан, багатур-шад, багатур-ябгу, тегин-шад, ышбара-хан, ышбара-ябгу, ябгу-хан и т. п.³

Все эти слова-титилы легко сопоставимы с индоевропейскими исходными: *ар/эр* < древнеинд. *ари/арья*, древнеиранск. *ир* (человек, муж); *бага* < авест. *бага* (бог, божественный, господин), ведийск. *б'ага*⁴, ср. также: слав. *бог, бога-тый; ябгу* < кушанск. *явуга*⁵; *шад* < согд. *хшад*, древнеинд. *кшатра* (воин); *ышбара* < санскр. *ишвара*, иранск. *аспара* (всадник, «рыцарь»).

Займствования такого рода, т. е. основополагающих терминов хозяйства, а также титулатуры, числительных обычно свидетельствуют не только о сильнейшем культурном влиянии этноса-донора, но и о широком участии его в генезисе этноса-реципиента (например, тюркский и славянский лексические пласты в языке венгров, малоазиатский субстрат в языке турок, славянская лексика в румынском и т. д.).

В свете всех этих данных представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что этноним «тюрк» является по происхождению индоевропейским, точнее, иранским. Авеста, священная книга древних иранцев, называет часть кочевников-скотоводов, ушедшую далеко на Восток, «турами с быстрыми конями» (Яшт XVII, 55—56), повествует об их набегах и войнах с оседлыми иранцами (Яшт V, 54, 73; IX, 18; XIII, 38), об их предводителе — «могучем Туре Франграсиане» (Яшт XIX, 57), владыке Турана. Историки давно установили, что авестийские туры в персидских источниках именуются саками, а в дренегреческих — скифами⁶.

Важно также то, что в Авесте подчеркивается родство между тремя частями ираноязычного этноса, происхождение которого возводится к общему родоначальнику Тразтаоне, у которого было три сына — Тура (прародитель туранцев), Сайрима (прародитель савроматов) и Арья (прародитель ариев). Эта легенда повторяется в «Шахнаме» Фирдоуси: Фаридун (авест. Тразтаона) делит мир между тремя сыновьями — Туром, Салмом и Араджем. «... Туру дал туранскую землю (Туран замин), сделав его главой тюрков (торкан) и Китая»⁷.

Об ираноязычности туров говорит и их антропонимия, приведенная в «Шахнаме». Это прежде всего царь Турана Афрасиаб (авест. Франграсиан), его дядя Виса (авест. Ваэсака), братья Гарсиваз (авест. Карасавазда), Агрирас (авест. Аххрататха), отец Пашанг, сын Джахна, туранские витязи Арджасп (авест. Арджадаспа), Андариман, Гольбад, Лаххак (авест. Лавахак), Марду, Настиган, Сипахрам, Товорг, Фаршидвард (авест. Фрашхамварата, пехл. Фрашарт) и др.⁸

Если судить по сведениям Авесты и ранних сюжетов «Шахнаме»⁹, борьба между Ираном и Тураном была борьбой между кочевыми племенами скотоводов, с одной стороны, и оседлыми земледельцами — с другой. Земледельцы в Авесте представлены как положительные герои, кочевники — как отрицательные. Но и те и другие ираноязычны.

Эти сведения подтверждаются археологическими и палеоантропологическими данными. Согласно им, ареал, в котором впоследствии сложились тюркские племена, т. е. Алтай, Тува, Западная Монголия, был заселен с глубокой древности европеоидами-индоевропейцами. Так, предметы, найденные в «афанасьевских» курганах Алтая и Минусинской котловины, имеют большое сходство с инвентарем курганных погребений (особенно катакомбных захоронений) в южно-

русских степях. В результате раскопок в Монголии также можно сделать вывод, что индоевропейцы проникли сюда еще на рубеже III—II тысячелетий до н. э.: запад Монголии был заселен в это время скотоводами из европеоидного населения, их культура была сходна с культурой «афанасьевцев» на Енисее; восток страны населяли монголоидные охотничьи племена¹⁰. Кроме того, ряд антропологических особенностей современных тувинцев объясним только тем, что в формировании их расового типа участвовало древнее европеоидное население, существовавшее в Туве длительное историческое время¹¹. Возможно, что реликтом этих европеоидов были тохары, обитавшие ещё во II в. до н. э.— VIII в. н. э. в Средней Азии и Северо-Западном Китае. Дошедшие до нас тохарские тексты относятся к V—VIII вв. н. э.

Следующая волна индоевропейцев захлестнула будущий «тюркский ареал» в начале I тысячелетия до н. э. Это скорее всего и были те ираноязычные кочевники — саки, о которых говорит Авеста, называя их «турами с быстрыми конями». С ними связывают могильные курганы западных областей Монголии, датируемые первой половиной I тысячелетия до н. э.— III в. н. э. Они аналогичны скифским захоронениям Пазырыка (Алтай) и Северной Тувы. Расовый тип погребенных — европеоидный тогда как восточнее лежит область культуры «плиточных могил», оставленных монголоидным населением¹². Черёпа из западно-монгольских курганов европеоидные, лишь с небольшой примесью монголоидности. Они близки к черепам из курганов скифского времени Тувы и сакских погребений Казахстана и Киргизии¹³.

Затем, с III в. до н. э. будущий ареал древних тюрков постепенно входит в область распространения хунну, а с VI в. н. э. источники связывают его уже с тюрками. Об этом сообщают китайские летописи VI—VIII вв., где этноним «тюрк» передан из-за особенностей письма китайцев весьма приблизительно. Это два иероглифа, которые тогда, видимо, читались как «ту-гю» или «ту-кюэ» (современное чтение — «ту-цзюэ»). Племена ту-гю, по китайским сведениям, кочевали в Северной Монголии и Синьцзяне¹⁴. Исходя из этих данных, можно приблизительно определить время формирования древнетюркской народности. Судя по Авесте, которая сложилась в VI—IV вв. до н. э., туры, туранцы ираноязычны. Затем в III в. до н. э.— III в. н. э. в этом ареале господствуют хунны. Но в послехуннскую эпоху их место занимают тюрки, народность уже тюркоязычная. Следовательно, завершение этногенеза древних тюрков падает на III—V вв. н. э. С этим можно сопоставить сообщение опять-таки китайских, но более ранних источников. В «Истории династии Цзинь» в разделе о хунну от 284 г. н. э. перечислены их племена. Среди них названо племя ту-гэ, которое было «наиболее сильным и уважаемым»¹⁵. Созвучие *ту-гэ* и *ту-гю* вряд ли случайное. Если это так, то тюрки (ту-гэ, ту-гю) входили в состав хуннского союза. А как считают многие исследователи, он в основной массе был тюркоязычен¹⁶. Оказавшись в гуще тюркоязычных хунну, ираноязычные туры из-за своей относительной малочисленности быстро ассимилировались ими — перешли на их язык, но сохранили прежний этноним (тур > тюр > тюрк).

О том, что вначале этноним «тюрк» имел довольно узкое (племенное) значение, свидетельствуют тексты памятников Кюль-тегину и Тонъюкуку (712—732 гг.), находящихся в Монголии. Из них явствует, что не все племена, языки которых впоследствии получили название тюркских, были охвачены этнонимом «тюрк». Тюрками в этих памятниках названо определенное племя; название «тюрк» не распространяется, например, на огузов, кыргызов, курыкан, хотя огузы, кыргызы — тюркоязычные этносы, а курыканы — одни из предков якутов, также тюркоязычных. Памятники характеризуют все эти племена как враждебные тюркам: токуз-огузы воевали с тюрками¹⁷, «кыргызы, курыканы, отуз-татары, киданы и татабы — все были врагами [тюрков]»¹⁸.

В период завершения этногенеза древних тюрков, т. е. в III—V вв., произошла окончательная тюркизация «туров с быстрыми конями», а их родоплеменное имя «тур» превратилось в этноним «тюрк», сначала племенной, а затем и бо-

лее широкий, охватывающий весь союз племен, который возглавляли тюрки. Не противоречат этому предположению и лингвистические данные.

Переход иранского *тур* в тюркское *тюр*, точнее *түр*, закономерен фонетически: иранские широкие губные гласные трансформировались в тюркском языке в узкие. Такое превращение испытывали многие иранские корни: *туман* > *түмен*, *йук* > *йүк*, *Рустам* > *Рүстем*, *окус* > *окуз* > *окуз*. Это закон действителен и для арабских заимствований: *турфа* (роскошь) > *түрфе*, *умара* (эмиры) > *үмера*, *уммат* (община) > *үммет*, *дунья* (мир) > *дүнья*, *бурдж* (созвездие) > *бүрч*, *шубхат* (сомнение) > *шүбхет* и т. д.; ср. также переход китайского *жунг-кум* (парча) в тюрк. *зүнкүм*. Что же касается окончания -к в слове «тюрк», то оно характерно для этнических наименований у иранцев и тюрков: таджик, согда (согдиец), сукак (перс), кыпчак, казак (казах), бедженек (печенег), кумук (кумык), юрюк и др. Кстати, некоторые тюркские народы слово «тюрк» произносят «тюрюк». В такой форме оно зафиксировано и как составная часть имени собственного в легенде об Огуз-кагане XIII в. — Улуг Тюрюк (Великий Тюрк) ¹⁹.

В некоторых тюркских языках слово «тюрк» имеет и такой смысл — «сильный», «могучий», «обильный», «цветущий». Но это скорее всего производное, переносное значение. В связи с этим стоит также отметить, что корень *тур/тор/гар* имеет, видимо, общендоевропейское происхождение, а не только иранское. Он наличествует в имени армянского бога войны — *Торг/Торк/Турк*, восходящего к хеттско-миттанийскому богу плодородия, читаемому как *Тарку/Тургу*. Имя древнеанатолийского бога грозы (Тархунта) имеет индоевропейскую этимологию, связано с хеттским глаголом «побеждать» (*тарх-*) ²⁰. По скифской легенде, приведенной Геродотом, имя первого человека — Таргитай ²¹. В этом семантическом ряду можно привести также родовое имя у кушан Турушка, имя южды «белых гуннов» (эфталитов) Торамана, название мифического коня в Ригведе Таркшья. В древнетюркских языках сочетание согласных *тр* с различными огласовками выражало, как правило, весьма определенную семантику. Оно связано с понятиями законного, престижного, кровнородственного: *торе* — закон, обычай; *төрү* — порядок, правило; *төр* — почетное место; *таркан/тарган* — титул правителя; *торкун* — общность кровных родственников. Ср. также монгольск.: *торхом* (родня, родители).

Индоевропейская эстафета скотоводческого хозяйства была передана тюркоязычными народами монголам. Об этом свидетельствует то, что иранская скотоводческая лексика, усвоенная и тюркизированная тюрками, появилась в монгольском языке: молоко (*сүт* > *сүү*), сброженное молоко (*айран* > *айраг*), сухой творог (*курут* > *хурууд*), сыр (*беслик* > *бяслаг*), отборное мясо для жаркого (*согуш* > *сэгуджи*), корова (*инек* > *үнээ*), бык (*бука* > *бух*), баран (*коч* > *куц*), овца (*кон* > *хонь*), верблюд (*тевэ* > *тэмээ*), стадо (*суруг* > *сурэг*). Арабское слово мал (скот) также попало в монгольский через тюрков. Влияние тюркской, вернее, тюркизированной иранской культуры привело к заимствованию монголами таких числительных, как десять тысяч (*түмен* > *түмэн*), тысяча (*минг* > *мянга*), другой лексики, как, например, слова «мельница» (*тегирмэн* > *дзгэрмэ*).

В свете этих выводов вполне объяснима более чем двухтысячелетняя жизнь скифо-сакских традиций. Так, древнейшие варианты княжеских погребений с конем скифского времени повторяются в древнетюркских захоронениях VII—IX вв., затем в могилах монгольского времени и, наконец, в погребениях тувинцев и южных алтайцев XVII—XIX вв. ²² Для всех этих послескифских могильников как бы образцом стали принадлежащие сакам захоронения вождей — курган Аржан в Туве ²³ и пазырыкские курганы на Алтае. Древний образ женского божества скифского времени ожил затем в древнетюркской богине-матери Умай и дошел до позднейших времен ²⁴. То же самое можно сказать и о скифском «зверином стиле» саков, унаследованном тюркскими народами, и о традиции ставить на могилах каменные бабы (балбалы) ²⁵, более древний европеонидный облик которых в течение перехода от скифского к древнетюркскому периоду сме-

лился монголоидным. Последнее, кстати, наглядно отразило изменение антропологического облика населения Алтая, Тувы и Западной Монголии в процессе тюркского этногенеза. Так, например, палеоантропологический и археологический материалы свидетельствуют, что в бронзовый и ранний железный века (II—I тысячелетие до н. э.) Западную Монголию населяли племена европеоидного типа с примесью монголоидных черт, характеризовавшиеся культурой каменных курганов и безвешевых погребений, аналогичной тувинским и алтайским. В это время здесь происходило смешение европеоидного и монголоидного населения. Оно продолжалось вплоть до хуннского времени и шло в направлении усиления монголоидных черт в антропологическом типе местного европеоидного населения Западной Монголии²⁶.

Эстафета кочевого скотоводства прокатилась по Евразии с запада на восток с конца II тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э. Одни из последних, кто принял ее, — монголы. «Еще в X—XII вв. некоторая их часть, — пишет Г. Е. Марков, — обитала в лесах, и только незадолго до сложения монгольской империи они перешли к кочевому скотоводству; к тому же, по данным языковедения, почти вся лексика монголов, связанная с домашними животными и скотоводческим хозяйством, по происхождению тюркская»²⁷. Все это также говорит о правильности гипотезы С. И. Вайнштейна, который считает, что переход к кочевому скотоводству, во всяком случае на Востоке Евразии, происходил в охотничьих племенах, познакомившихся со скотоводством через пришельцев и заимствовавших у них домашних животных²⁸. Иными словами, иранцы-саки знакомят с этим типом хозяйства тюрков, те — монголов, а монголы — тунгусов и маньчжур.

Затем, начиная с III—IV вв. н. э., Евразия, как известно, испытала массовые миграции кочевых народов в обратном направлении — с востока на запад. Сначала это были гунны (хунну), потом тюрки, наконец, монголы. Все это также объяснимо поочередным переходом от охоты к скотоводству названных народов. Производящее хозяйство (кочевое скотоводство) создавало намного лучшие возможности для питания, потребления других материальных благ по сравнению с присваивающим (охотой). Это вело к демографическому взрыву, расширению и усилению элиты (родоплеменных вождей и их дружин), а в итоге — к миграциям на новые земли, предводительствуемым этой элитой.

Наконец, в свете преемственности кочевого скотоводства от иранцев-саков к тюркам и далее представляется убедительной несколько сенсационная гипотеза о генетическом родстве якутов и ариев. Речь о том, что в крови якутов обнаружено сочетание антигена HLA-A1, более характерного для европеоидов, чем для монголоидов, с другим антигеном — HLA-B17. Именно такая комбинация обоих антигенов распространена у жителей Северной Индии (хинду), что говорит о наличии каких-то общих предков у якутов и североиндийцев²⁹. А ими могли быть только арии или, шире, индоиранцы. Но якуты, по всей вероятности, получили эту комбинацию антигенов не прямо от них, а через древних тюрков, которые, как известно, сыграли в якутском этногенезе решающую роль. Действительно, самоназвание якутов «саха» можно связать и с этнонимом восточных скифов «сака». Этот вопрос ставили еще тюркологи XVIII—XIX вв. Ф. М. Страленберг и Г. Вамбери. Но это уже другая тема.

Итак, предположение об иранском происхождении этнонима «тюрк» не только ставит вопросы этногенетического характера, касающиеся собственно древних тюрков, но и объясняет многое в истории кочевых народов Центральной Азии. Схематично эта история выглядит так: тюркоязычные охотничьи племена ассимилируют племя саков — туров с быстрыми конями, перенимая их этноним и навыки кочевого скотоводства, но сохранив свой язык, правда, обогащенный иранской лексикой; кочевое скотоводство дает возможность этим племенам резко увеличить свой ареал, создать огромную кочевую империю — Тюркский каганат. Затем такую же метаморфозу переживают монгольские племена охотников; освоенное ими через тюрков кочевое скотоводство становится не только причи-

ной гигантских миграций, но и базой для создания новой империи. Затухающий этап этой эстафеты — маньчжуры, также основавшие свою империю — империю династии Цин.

Примечания

- ¹ При сопоставлении тюркской и индоевропейской лексики использованы следующие работы: Древнетюркский словарь. Л., 1969; Гамкрелидзе В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Ч. II. Тбилиси. 1984; Иванов В. В. Хеттский язык. М., 1963; Ригведа. М., 1972.
- ² Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967 (Ономастическая таблица). С. 463, 466.
- ³ Гумилев Л. Н. Указ. раб. С. 464, 466—467.
- ⁴ Впоследствии титул «бага» дал в тюркских языках новые слова, означающие «вождь», «князь», «господин», — бэг, бек, бей, бай. С бага связан и другой титул — багатур («божественный тур»), ср.: слав. буйтур, богатырь.
- ⁵ О сакско-кушанском происхождении термина *ябгу* как имени собственном, ставшим титулом, см.: Puri B. The Nationality of the Kushans. // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 182—189.
- ⁶ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. С. 77.
- ⁷ Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. М., 1957. С. 618.
- ⁸ Фирдоуси А. Шахнаме. Т. I—III. М., 1957—1965; Фирдоуси А. Шахнаме. Критический текст. Т. III. М., 1965.
- ⁹ «Шахнаме» представляет собой поэму из 52 тыс. двустиший. Это версификация древнеиранских мифов, легенд, сказаний, законченная Абулькасимом Фирдоуси к 1010 г., но ее «богатырская» часть охватывает 782—50 гг. до н. э., т. е. примерно скифское время. См.: Брагинский И. С. Фирдоуси и его Шахнаме // Фирдоуси. Шахнаме. М., 1957. С. 6—11.
- ¹⁰ Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (II—I тысячелетие до н. э.) // Международный симпозиум по этническим проблемам древней истории Центральной Азии. Душанбе, 17—22 октября 1977. Тезисы докладов советских ученых. М., 1977. С. 27—29.
- ¹¹ Богданова В. И. Некоторые вопросы формирования антропологического состава современных тувинцев // Сов. этнография. 1978. № 6. С. 60.
- ¹² Новгородова Э. А. Указ. раб. С. 28.
- ¹³ Мамонтова Н. Н. Обзор палеоантропологических материалов с территории МНР // Тр. III Международного конгресса монголоведов. Улан-Батор, 1978.
- ¹⁴ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 11.
- ¹⁵ Там же. С. 322.
- ¹⁶ См., например: Таскин В. С. Скотоводство у сюнну по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.
- ¹⁷ Об этом см.: Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков. М.; Л., 1946. С. 42.
- ¹⁸ Кыркыз курыкан отуз татар кытай татабы коп йагы эрмиш // Древнетюркский словарь. С. 374, 449.
- ¹⁹ Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976. С. 27.
- ²⁰ Иванов В. В. Указ. раб. С. 13.
- ²¹ Этот антропоним был унаследован и тюрками. Таргитай — имя аварского посла в Константинополе (585 г.). Через тюрков это имя попало и к монголам. В «Сокровенном сказании» говорится о Таргутае, гонителе юного Темучина, будущего Чингисхана. О живучести древнеиранских (скифо-сакских) антропонимов говорит примечательный факт: предводителя дунайских тюрков-булгар звали Аспарух, что легко этимологизируется как древнеиранское составное имя — *аспа* (конь) и *раук* (светлый). Возможно, что имя предводителя гунов — Аттила представляет собой кальку с иранского Аспбара (что значит «всадник»: *асп* — конь, *бара* — садиться). Ср. тюркское: *ат* — конь, *атла* — сажать на коня, *атлан* — садиться на коня.
- ²² Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 74.
- ²³ О нем см.: Грязнов М. П., Маннай-гол М. Х. Курган Аржан — могила царя раннескифского времени // Уч. зап. Тувинского НИИ языка, литературы и истории. Вып. XVI. 1973. Вып. XVII. 1975.
- ²⁴ Грач. А. Д. Указ. раб. С. 94.
- ²⁵ Тюркское «балбал» происходит от иранского «пахлаван» (герой, богатырь).
- ²⁶ Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 19.
- ²⁷ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 30.
- ²⁸ Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. С. 180; *его же*. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии // IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Докл. советской делегации. М., 1973.
- ²⁹ Дмитриев А. Арийская кровь в сердце Сибири? // Химия и жизнь. 1988. № 8. С. 80—81. Комментарий С. Б. Боевой (Ссылка на: Фефелова В. В., Высоцкая Г. С. Изучение распределения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций. Препринт Вычислительного центра СО АН СССР. № 12. Красноярск, 1987).

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Формирование отношения к историко-культурному наследию в Африке находится в прямой зависимости от тех процессов, которые происходят в странах региона на современном этапе их развития. Немаловажное значение имеют становление и развитие в африканских странах национальной исторической науки, а также археологии и этнографии, рост воздействия гуманитарных наук на происходящие в странах Африки социальные процессы, включая теорию и практику социалистической ориентации¹. Возрастание внимания к собственному историко-культурному наследию способствует реализации молодой исторической наукой этих стран ее социальных функций. Последнее в полной мере относится к этнографии и археологии, без которых невозможно не только изучение исторического прошлого, но и понимание происходящих в настоящее время в Африке процессов.

Надо иметь в виду, что становление наук гуманитарного цикла на этом континенте происходит в условиях борьбы на международной арене двух противоположных идеологий, когда в силу объективности развития исторического процесса возрастает влияние марксистской теоретической мысли. Это объективно способствует освобождению молодой науки африканских стран от влияния буржуазных концепций, теорий афроцентризма, национализма и ряда других².

Происходящие в африканских странах процессы в области культурного и национального строительства (включая формирование отношения к историко-культурному наследию) можно наглядно проиллюстрировать на примере Республики Мали, получившей независимость в 1960 г.

В прямой зависимости от формирования историко-культурного наследия находилось становление и развитие в стране наук гуманитарного профиля, прежде всего истории, этнографии и археологии. Осмысление пройденного ими пути является важным показателем в понимании тех процессов, которые происходили в стране в рамках культурного строительства.

Вполне правомерна и постановка вопроса о периодизации развития наук гуманитарного профиля в Мали. При ее разработке должны быть учтены такие показатели, как формирование исследовательских и культурных центров, появление национальных кадров в области гуманитарных наук и культурного строительства, овладение передовой методологией и методикой научного поиска, формирование научной проблематики и выполнение этими науками их социальных функций (в том числе складывание отношения к историко-культурному наследию).

Хотелось бы подчеркнуть, что важное значение для республики Мали имела и начатая с 70-х годов подготовка кадров археологов и этнографов в вузах СССР. Дело в том, что выпускники советских учебных заведений, получая профессиональную подготовку в области истории, этнографии, археологии и других исторических дисциплин, знакомятся с накопленным в нашей стране, в других социалистических странах опытом реализации социальных функций гуманитарных наук в рамках культурного и национального строительства. Это имеет практическое значение для выработки подхода к историко-культурному наследию в Мали. Примером тому может служить активная деятельность таких выпускников советских вузов, как Клод Даниэль, Саного Клена, Бубакар Кейта и многих других, ныне занимающихся исследовательской и практической деятельностью в области этнографии, археологии и антропологии.

Но прежде чем вести речь о развитии наук гуманитарного профиля в республике Мали (это целесообразнее всего показать на примере функционирования

Института гуманитарных наук), отметим, что деятельность, связанная с формированием отношения к историко-культурному наследию, находится в Мали компетенции Министерства национального просвещения³ и образованного уже Министерства молодежи, спорта, искусства и культуры, при котором в 1976 г. было сформировано Национальное управление искусства и культуры. Оно включает несколько секций, объединяемых в Дирекцию культурного наследия. По правительственному декрету от 2 февраля 1976 г. задачи деятельности этих секций определялись как проведение учета и охраны всех компонентов национальной культуры (включая памятники и памятные места, все виды народного искусства и устной традиции и т. д.), сбор предметов и документов, касающихся истории, археологии и искусства, осуществление руководства этнографическими и археологическими исследованиями в стране⁴. Секции начали реализацию программы фиксации культурного достояния на местах. Осуществлялся учет лиц — носителей устной традиции и самих данных по устной традиции. Проводились этнографические и археологические исследования.

В подчинении Министерства молодежи, спорта, искусства и культуры ныне находится и Институт гуманитарных наук, созданный в 1962 г. при образовании тогда же Высшем научно-исследовательском совете, который в свою очередь подчинялся Министерству национального просвещения. С 70-х годов Институт подчиняется Министерству молодежи, спорта, искусства и культуры.

За годы существования Институт претерпел многочисленные преобразования, включая и изменение его статуса⁵. Первоначально в его структуру наряду с секциями (лингвистики; социологии и этнологии; истории; археологии; устной традиции) были включены Национальный музей, Национальный архив и Национальная библиотека.

В 1975 г. в структуре Института был выделен отдел исторического наследия и этнографии. Уже в середине 70-х годов здесь велись многообразные исследования в области этнографии. Изучались семья бамана, тайные общества сенуфо, культура догонов, маски и народные костюмы различных этнических групп республики. Тогда же начались археологические исследования в верхнем течении реки Сенегала.

Важные преобразования в Институте произошли в 1978 г., когда в его структуре были созданы шесть отделов (истории и археологии; географии; физической антропологии; этнографии и социологии; устной традиции; лингвистики), которые наряду с выполнением научных программ были призваны вести и практическую деятельность по реализации задач, возложенных на Дирекцию культурного наследия. Преобразования в Институте продолжались и позднее, включая выделение с 1979 г. самостоятельных отделов этнографии и археологии. Во все более значительных масштабах ведутся исследования по истории республики, а также по истории и этнографии отдельных живущих на территории республики народов, включая изучение их быта и культуры на современном этапе. Особенно примечательны принимающие все более систематический характер исследования ряда этнических групп Мали.

Возрастает стремление к организации комплексных экспедиций по изучению отдельных районов. Приведем в качестве примера экспедицию во главе с Клодом Минье⁶, проведенную в 1979 г. Институтом гуманитарных наук в сотрудничестве с другими организациями в сахельской зоне в районе Ниоро. В состав экспедиции вошли историки, этнографы, археологи, специалисты по устной традиции, а также в области других научных дисциплин. Были собраны материалы об истории традиционных обществ в этом районе, выявлены ранее неизвестные памятники. В ходе изучения традиционных производств, особенно ремеслоделательного, получены существенные результаты. Несмотря на значительную степень поисковый характер проведенных работ, они внесли заметный вклад в комплексное изучение тех процессов, которые происходили и происходят в сахельской зоне в условиях наступления Сахары.

Среди ученых Института крепнет убеждение, что в процессе воссоздания исторического прошлого, как, впрочем, и в ходе формирования отношения

к историко-культурному наследию, не подлежащим ни подходу к объединению ученых разных специальностей, ни и комплексный подход к проводимым исследованиям, учитывающий возможности разных наук, включая историю, этнографию, археологию, изучение устной народной традиции и др.⁷

В последнее время в немалой степени именно благодаря деятельности Института гуманитарных наук в Мали проявляется стремление к разработке рассчитанных на значительную перспективу проектов (программ), в реализации которых должны принять участие и ученые других стран. В докладе на конференции археологов-африканистов в Вильбоне (Франция) министр молодежи, спорта, искусства и культуры Мали Альфа Умар Конаре назвал и обосновал эти проекты («Телем», «Гао», «Манде», «Сахара», «Внутри долины Нигера «Эсаук» и др.)⁸, в большей части которых значительное место отводится этнографической и археологической проблематике.

Институт с 1969 г. издает журнал «Etudes Maliennes», в котором значительное место занимают статьи по этнографо-археологической проблематике.

Иными словами, Институт гуманитарных наук все более превращается в исследовательский центр, охватывающий весь цикл гуманитарных дисциплин и оказывающий все возрастающее влияние на процесс формирования в стране отношения к своему историко-культурному наследию. Одной из отличительных сторон в деятельности Института становится стремление реализовать в рамках культурного строительства в стране многообразные социальные функции на гуманитарного профиля, включая этнографию и археологию.

В прямой связи с формированием отношения к историко-культурному наследию находятся предпринимаемые в Мали шаги в области музейного строительства. Достаточно вспомнить, что в первые годы независимости в стране имелся лишь один музей — в столице Бамако. Поначалу это было хранилище часто не паспортизованных и не систематизированных, в достаточной степени разнохарактерных материалов. Серьезные преобразования музей претерпел в первой половине 80-х годов. В 1983 г. Национальной ассоциацией был принят утвержденный в следующем году президентом республики Закон о национальном музее⁹. В задачу музея вменялись сбор, экспертиза, сохранение и популяризация достояния национальной культуры, проведение научных исследований по истории и культуре народов Мали, участие в охране историко-культурного наследия. Тогда же была определена и структура музея: отделы консервации и реставрации; экспозиции и популяризации знаний; фондов (отдел документов); аудиовизуальный и определены их функции. В недавно построенном здании музея развернута обширная экспозиция, ведущее место в которой отводится этнографии народов Мали. Вообще в 80-е годы этнографическая проблематика постепенно начинает занимать ведущее место во всех сферах деятельности музея, особенно тогда, когда его возглавлял этнограф Клод Даниэль.

В стране идет и процесс создания музеев преимущественно этнографического профиля на местах: музей в Санге (основной профиль — этнография донов), Гао (основной профиль — этнография туарегов), Каарте (основной профиль — этнография бамбара) и др.

В разные годы в республике было принято несколько документов, фиксирующих различные этапы формирования отношения к историко-культурному наследию. Наибольшее значение имеет принятый в 1985 г. закон об охране и развитии национального культурного достояния¹⁰, в котором дано определение понятия «культурное достояние», включающего, по мысли его составителей, движимые и недвижимые свидетельства, имеющие историческое, искусствоведческое, научно-техническое и научно-популярное значение. Государство, оставив за собой право распоряжаться культурным достоянием, взяло на себя реализацию мер направленных на его защиту и использование.

Большое внимание уделяется организации учета и паспортизации памятников, регламентации порядка возможной передачи поставленного на учет памятника от одного собственника к другому. Определяется и возможность конфискации государством отдельных взятых под охрану памятников, если преж-

идеел не может обеспечить необходимую степень их сохранности. Запрещен воз из страны взятых под охрану памятников.

В законе есть статья, запрещающая проведение строительных работ в зоне (в непосредственной близости) взятых на учет памятников. Там же предусматривается, что строительным работам должно предшествовать археологическое изучение данной местности. Примечательно также то, что ряд содержащихся в законе статей призван способствовать популяризации знаний в области историко-культурного наследия.

В то же время нельзя не отметить, что пока под закон не подведена необходимая финансово-правовая база, что ограничивает возможности его реализации на практике. В целом же появление такого закона открывает новые возможности как для организации охраны историко-культурных ценностей, так и для их научного изучения и популяризации.

Кроме того, в стране предпринимаются усилия, направленные на регламентацию деятельности антикваров. Не секрет, что именно в результате их деятельности за границу продолжают продавать уникальные предметы исторического прошлого и произведения искусства, происходит хищническое разрушение ряда важных археологических (да и не только археологических) памятников. А призывы в разные годы документы не привели к прекращению подобных действий. Наиболее последовательным выглядит закон 1986 г. «Относительно профессии торговца антиквариатом»¹¹, который призван серьезно регламентировать деятельность антикваров и тем самым способствовать реализации законодательства об охране и развитию национального культурного достояния.

Возрастание внимания к историко-культурному наследию нашло отражение в проведении в столице республики Бамако летом 1987 г. конференции, в центре внимания участников которой стоял вопрос о необходимости совершенствования охраны памятников истории и культуры в стране. В выступлениях государственных и общественных деятелей, ученых и работников органов культуры образования подчеркивалось, что охрана и спасение исторических и культурных памятников ныне выдвигаются на передний план. Особое внимание было уделено необходимости популяризации имеющихся государственных актов, достижения большей эффективности предпринимаемых в этом направлении усилий, а также на безотлагательную необходимость пресечения имеющих место случаев разрушения и разграбления памятников. В качестве примера приведен акт разграбления и вывоза за границу предметов из имеющего неограниченное историко-культурное значение комплекса памятников Джене-Джено. На конференции было высказано и имеющее принципиальное значение суждение о необходимости включения в действующие учебные программы средних и высших учебных заведений страны изучения вопросов охраны и использования культурного наследия.

В целом на примере Республики Мали четко виден набирающий силу в африканских странах процесс национального возрождения, что находит свое выражение и в формировании отношения к историко-культурному наследию. В этом процессе все возрастающая роль принадлежит молодой исторической науке этих стран, а также этнографии и археологии.

Примечания

¹ Громыко Анастасий А. Африка: Прогресс, трудности, перспективы. М., 1981. С. 70 и др.

² Урсус Д. П. Современная историография стран Тропической Африки. 1960—1980. М., 1983. С. 1—2.

³ В опубликованной в начале 60-х годов статье министра национального просвещения Республики Абдуллы Сингаре среди других задач в области просвещения по пятилетнему плану на 1961—1965 гг. была обозначена и потребность выявления и сохранения собственных культурных ценностей (см. Сингаре А. Перспективы развития национального просвещения в Республике Мали // Сов. педагогика. 1962. № 4. С. 115).

⁴ Декрет от 2 февраля 1972 г. относительно организации Национального управления искусств и культуры (№ 35/P. G. R. M.)

⁵ *Sanogo K.* Reflexion sur la situation de la recherche archéologique au Mali // *Etudes Maliennes*, 1974. № 17. P. 85—89. Кроме того, авторы статьи опираются на сведения, изложенные в тексте коллективного доклада сотрудников Института гуманитарных наук на совещании по социальным исследованиям в Мали (сентябрь 1984 г.).

⁶ Notes relatives à une mission effectuée au Sahel Kingui 79 // *Ibid.* 1979. № 4. P. 3—4.

⁷ *Sanogo K.* Op. cit. P. 85—89; *Diakitè M., Magassa H.* Les sciences humaines au service du développement socio-économique dans pays africains // *Etudes Maliennes*. 1976. № 17, etc.

⁸ *Konaré A.* Bilan des recherches archéologiques en République du Mali // *Les recherches archéologiques dans les États du Sud du Sahara et de Madagascar*. Valbonne, 1978. P. 40.

⁹ Закон от 15 декабря 1983 г. о преобразовании Национального музея (№ 83—53/AN.— R. M.).

¹⁰ Закон от 26 июля 1985 г. об охране и развитии национального культурного достояния (№ 85—40/A. N.— R. M.).

¹¹ Закон от 26 июля 1986 г. относительно профессии торговца антиквариатом (№ 86—61/A. N.— R. M.).

18 января состоялось расширенное заседание Ученого Совета Института этнографии АН СССР, посвященное итогам работы Института в 1989 г. и задачам научно-исследовательской деятельности на 1990 г.

Помимо сотрудников Института в заседании участвовали вице-президент Академии наук СССР академик В. Н. Кудряцев, академик-секретарь Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко, заведующий отделом межнациональных отношений Президиума Верховного Совета СССР О. Д. Шишов, инструктор ЦК КПСС В. В. Клименко. Публикуем доклад директора Института этнографии АН СССР В. А. Тишкова и отчет ученого секретаря Института М. Ю. Мартыновой.

© 1990 г.

В. А. Тишков

**ДОКЛАД НА УЧЕНОМ СОВЕТЕ
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР
ОБ ИТОГАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
РАБОТЫ ИНСТИТУТА**

В течение восьми месяцев после утверждения в должности я испытывал определенную тревогу по поводу предстоящего годового отчета и неоднократно задавал себе вопросы:

- а) не слишком ли эмоционально обременительной для наших неискушенных в демократии и покое душ была выборная кампания в Институте, которая не должна, казалось бы, способствовать латентности труда наших научных сотрудников;
- б) не слишком ли велики сегодня внешние нагрузки на жизнь ученого-интеллигента, которые юют не только эмоций, но и физического времени, чтобы участвовать в общественной жизни ране через прессу, телевидение и другие каналы и формы гражданского общения;
- в) не скажутся ли отрицательно на работе сотрудников общие хозяйственные и социальные ядидцы в стране, падение дисциплины и заинтересованности в труде в сочетании с некоторыми ями установками дирекции на принципы саморазвития науки, расширение самостоятельности их, ослабление «контрольных» функций со стороны «начальников» науки;
- г) наконец, не было ясно, в какую сторону (энтузиазма или апатии) должен действовать на юв коллектива достаточно серьезный кризис отечественного гуманитарного знания, особенно его «тико-методологических основ», а также «взбунтовавшийся» предмет нашей дисциплины, кото- многие десятилетия выглядел официально мирно, неизбежно убаюкивая сознание и части сп- ливстов.

Должен сразу же сказать, что коллектив Института, а это 279 сотрудников в Москве и 164 — енинграде, преподнес приятный сюрприз: никогда в истории Института не были столь сущест- ны и разнообразны результаты деятельности и прежде всего — никогда в прошлом не выходило ет столько книг в течение одного года. В 1989 г. опубликовано 39 плановых коллективных идивидуальных монографий и сборников статей общим объемом 736 печатных листов и 24 вне- новых книги объемом 471 печатный лист. Это — безусловно выдающийся результат, и следует равить прежде всего авторов исследований с творческими успехами.

В 1989 г. было также завершено 26 плановых работ, среди которых ряд многообещающих бу- щих публикаций, хотя нельзя не отметить, что процесс их утверждения к печати Ученым советом :зачастую носит формальный и поспешный характер без должной требовательности и апробации. аруживается это, к сожалению, когда, попав в издательские планы и жесткий редакторский фнк, некоторые рукописи оказываются неподготовленными или вообще не сдаются в издатель-).

В кратком докладе нет возможности даже перечислить опубликованные и завершенные труды арактеризовать их вклад в науку. К тому же в последнем я вижу некоторую претензию со сто-

роны дирекции на монополию выносить суждения о значимости и качестве работ: в полной мере это могут сделать научная общественность и время. И тем не менее некоторый анализ нашей продукции в контексте развития этнологического знания и общественно-политической ситуации необходим.

Сначала об общих направлениях, которые отражают реальную ситуацию и реальные процессы. О ней дает представление следующая таблица.

Тематика книг Института этнографии АН СССР, вышедших в 1989 г.

	Москва	Ленинград
Общие проблемы этнографии и междисциплинарные исследования	10	1
Этнография народов СССР	14	3
Этнография зарубежных стран	5	2
Современные этнические процессы и межнациональные отношения	4	0
Итого	33	6

Как мы видим, на современные этнические процессы и межнациональные отношения приходится 10% книг в Москве и 0% в Ленинграде. Ленинградский «0» — не случайность, а устойчивая позиция, которая, на наш взгляд, должна быть преодолена при всем уважении к традиционно сложившемуся приоритетному интересу ленинградцев к историко-этнографическим сюжетам. Нельзя отметить и сравнительно низкую продуктивность исследовательской деятельности части коллектива в Ленинграде. Даже тот дополнительный объем работ, который связан с хранением коллекций и деятельностью Музея антропологии и этнографии, не может объяснить столь малое число монографических исследований и 3—5 сборников статей, которые ежегодно выходят из-под пера почти сорока ленинградских ученых.

Недостаточная отдача интеллектуального труда части коллектива — один из наиболее серьезных вопросов в деятельности Института. Это, возможно, не очень приятная для ленинградцев констатация, тем более, что академическое руководство в Ленинграде в справедливом стремлении улучшить положение и обеспечить самостоятельность научных учреждений, на наш взгляд, вполне обоснованно придерживается противоположных оценок в сравнениях Москвы и Ленинграда.

Мне доставляет удовольствие сказать, что этнография народов СССР, т. е. отечественная тематика, занимала важнейшее место в 1989 г., и этот приоритет должен быть укреплен в дальнейшем. Причем в последние 3—5 лет есть качественный перелом в деле изучения крупных славянских родов и прежде всего русских. Это — конструктивный ответ на высказанные в свое время замечания в адрес Института со стороны Отделения истории АН СССР.

Отдел этнографии восточнославянских народов завершил издание целой серии монографий по истории и культуре русского народа; в 1989 г. вышли книги о городе и народных традициях русских, об общественном и семейном быте русских, по этнографии Петербурга и губернии, о северном уральском крестьянстве в XVII—XX вв., о женщинах Древней Руси. Подготовлены очередные сборники МАЭ и «Русский Север».

Опубликованы и завершены ценные исследования по этнической истории и традиционной культуре народов Средней Азии и Казахстана, Кавказа. В них освещены такие актуальные проблемы, как историко-культурные связи народов регионов, новое и традиционное в быту, характер и значение обрядов. Представляется, что даже в тематическом плане в наших работах по исторической этнографии было бы важно перенести внимание не столько на описание этнической группы, сколько на процессы взаимодействия культур, общность традиций и исторических судеб, особенно на уровне крупных регионов (Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия и Казахстан, Север, Поволжье). Изучением народов «изнутри» сейчас успешно занимаются этнографы в республиках, причем почти исключительно «главным», «коренным» народом. Мы также отдали этому достойное внимание в прошлом, и этот подход остается очень важным, особенно в процессе профессиональной подготовки этнографов.

Но ситуация изменилась. Специалистов по каждому народу Институт все равно не смог иметь. В проблемно-тематическом плане сейчас должны быть три новых приоритета:

- а) общие и региональные процессы и явления;
- б) изучение малых групп и меньшинств, районов смешанного расселения;
- в) российская тематика и прежде всего этнография русского народа.

Наша традиция и профессиональный долг — изучение народов Крайнего Севера и Сибири. Большое событие года — выход в библиотеке этнографической классики труда В. В. Радлова «Этнография Сибири» с обстоятельными комментариями. На очереди издание в этой же серии книги В. Г. Тихонова «Из Сибири. Страницы дневника». Завершены работа «Народы Севера СССР в 80-е годы» и сборник по традиционной обрядности и мировоззрению народов Севера. Вышел в свет высоко оцененный конкурсной комиссией исследование И. И. Крупника «Арктическая этноэкология». В Отделе антропологии прежде всего благодаря героическому труду Г. М. Афанасьева завершено крупное исследование по нганасанам. Но здесь есть серьезные проблемы и долги. Самое главное — профессиональная помощь самим народам, переживающим трудные, кризисные времена. Нужно противостоять коммерческим тенденциям, связанным с открытием районов для индустрии.

северных народов начинают наживаться разнообразия предприимчивые люди, о чем свидетельствует полученное мною из Тулы письмо от руководителя кооператива «Экокультура» с предложением приобрести через его посредничества предметы народного ремесла. Необходимо организовать в ходе экспедиционных выездов профессиональный предмет современного быта и ремесла народов нашей страны для пополнения музейных графических коллекций и создания обменных фондов.

Другая важная проблема — это трудное изживание патернализма в отношении северных народов, которое продолжает господствовать в государственно-политических структурах и сохраняется, к сожалению, и в некоторых наших разработках. Все программы и рекомендации в этой области никак непереложно исходить из того, какое место в них занимает ответственность и инициатива, участие и заинтересованность самих народов. Иначе наши очередные «концепции» имеют печальную участь, как это уже неоднократно бывало в прошлом.

Представляется, что сейчас наряду с сохранением и возрождением деградирующих культур численных народов, сохраняющих многие черты традиционных систем жизнеобеспечения, не менее важной является задача оказания помощи со стороны ученых в формировании общественно-политических структур и систем самоуправления среди тех, кто должен взять в руки свою собственную судьбу и определить пути и условия будущего развития. В частности, Институт сейчас занят в важной работе по определению территорий традиционного жизнеобеспечения северных народов, обобщению зарубежного опыта хозяйствования и самоуправления, что могло бы оказать реальную помощь в обеспечении их прав и преодолению кризисных процессов.

В Отделе Прибалтики, Поволжья и Европейского Севера вышли в свет или завершены разработки по проблемам современной сельской и городской семьи в Литве, по двуязычию и многоязычию национальных групп. Проблемам семьи посвящена работа Отдела этносоциологии по национально-мешанным бракам. Сектор социально-психологических проблем национальных отношений вывел исследования по вопросам роста национального самосознания у народов СССР.

По зарубежной тематике следует отметить новые исследования проблем семьи у народов Западной Европы и Америки, календарных обычаев и обрядов народов Восточной Азии, разных типов этнической истории Европы, закономерностей формирования китайского этноса, опыта автономизации и национального развития у народов Испании. Последний сюжет представляется одним из перспективных в исследовательской тематике Института. Кризис советской федерации, потребность в отказе от неприятия «других порядков» сейчас настоятельно диктуют необходимость глубокого и заинтересованного изучения опыта автономий, федераций и регулирования межэтнических отношений и конфликтов в зарубежном мире. Такое исследование сейчас выполняется в Институте и должно быть завершено в 1990 г.

Еще одна перспективная тема исследований зарубежных стран это история и современный статус выходцев из СССР. Изучение культуры миллионов наших соотечественников за рубежом — это долг советских ученых, и здесь следует подумать о какой-то целевой программе, возможно операции с учеными других институтов и зарубежными коллегами.

По проблемам ранней истории человечества к известному трехтомному труду «История первобытного общества» в 1989 г. добавились монографии В. А. Шнирельмана о возникновении производства хозяйства (книга признана одной из трех лучших книг года) и К. П. Калиновской о скотоводстве народов Восточной Африки, а также завершенные исследования В. Р. Кабо о происхождении гни и Б. А. Фролова о первобытной графике Европы.

Исследования по первобытности, выполняемые в Институте, издавая отличаются высоким научным уровнем, хотя свойственное советскому обществоведению нормативное и детерминистское понимание исторической эволюции в жестком формационном контексте все яснее проявляет себя, ограничивая роль в выработке более гибких интегративных подходов с учетом социально-биологических, экосистемных факторов, адаптивных механизмов культурных систем, множественности путей человеческой эволюции.

В разработке теории наряду с накоплением эмпирического материала лежит главный путь развития нового знания. В Институте теоретическим разработкам всегда уделялось приоритетное внимание, хотя довольно часто теоретические поиски канализировались схоластическими понятийно-методическими дискуссиями, слабо основанными на первичном материале, но зато связанными с традиционными постулатами государственно-правовой практики и национальной политики в нашем государстве.

В 1989 г. вышла в свет книга С. А. Арутюнова «Народы и культуры. Развитие и взаимодействие» (известна лучшей книгой года), которая вместе с работами Ю. В. Бромлея, В. И. Козлова и других, подводит итог лучшим теоретическим разработкам 60—80-х гг. в советской этнографии. Она ставит, что очередной теоретический «прорыв» сейчас возможен на путях преодоления интуитивного мышления и упрощающей сути вещей теории отражения, свойственных марксистско-ленинскому обществознанию. Введение в теоретический арсенал лучших достижений новейшей западной философской антропологии, в том числе «символической антропологии» К. Гирца, Э. Салинса, «дискурсивного анализа» М. Фуко и многих других мало известных нашим ученым авторов, помогло бы глубже проникнуть в мир «слов и вещей», деабсолютизировать объективность, в том числе в виде типов этносоциальных организмов, снизить претензии на их безусловное знание и адекватное отражение в категориях и терминах. Вместо террора дефиниций было бы более плодотворно высвободить слово для описания сложного взаимодействия (не только отчуждения!) объективного и субъективного, реального и ирреального, и, наконец, этнографа и информатора. Важно понять не только что мы познаем, но и то, как мы познаем, как рождается знание в нашей дисциплине. Нам нужна этнография этнологической теории, т. е. анализ самого «кри-

туала» этнографического исследования. Достижения и подходы таких новейших дисциплин как стемология и герменевтика могут быть здесь чрезвычайно полезными.

В теоретической работе было бы полезно отказаться не только от обязательной «прописки» всех ученых-гуманитариев по единой методологии, но и от ритуального поклонения одной дисциплинарной метатеории, имеющей тенденцию к мумификации и застою без постоянных внешних вызовов. Раскованность и неортодоксальность мысли, видимо, сейчас важнее ригоризма нашего языка прошлых десятилетий.

Просматривая опубликованные труды, обнаруживаешь еще одну примечательную особенность — это незнание или игнорирование лучших работ наших зарубежных коллег по той же тематике. Приведу для примера безусловно интересный сборник статей «Этнографическое изучение языковых средств культуры» под редакцией А. С. Мыльникова. По этому направлению существует огромная литература, в последние 15—20 лет велись яркие дискуссии; но, к сожалению, всю библиографию сборника можно вставить в два — три десятка русскоязычных названий.

Даже историографические труды, я имею в виду прежде всего вышедший том «Этнология США и Канаде», грешат запоздалым энтузиазмом критиков в отношении трудов и концепций, которым уже по 20—30 лет и которые давно не определяют интеллектуальный климат в нашей профессии.

В преодолении некоторой периферийности, оторванности от общего потока мирового этнологического знания нам должны помочь не только изменение общей ситуации в советском обществоведении, но и целенаправленность усилий по расширению разнообразных международных контактов ученых (особенно на личностно-индивидуальном уровне), по языковой подготовке сотрудников (особенно по английскому и французскому языкам), по переводам и изданиям лучших работ современных зарубежных авторов.

Если говорить о некоторых перспективных начинаниях, то хотелось бы выделить прежде всего — начатую в 1989 г. работу по подготовке серии трудов «Народы Советского Союза». Основным смыслом этого крупного проекта заключается не в привычном «обобщающем» характере нового издания, а прежде всего в выполнении новых исследований, особенно по советскому периоду, в получении подлинного нового знания и в раскрытии исторической правды о сложных судьбах народов нашей страны. Нам следовало бы осознать ту истину, что XX век в многовековой этнической истории наших народов был по своим пертурбациям, воздействиям и последствиям не менее, а скорее более значимым, чем века мастовых переселений народов и завоеваний. Создание такого труда дает возможность привлечь к подлинному творческому сотрудничеству лучших специалистов всей страны, без навязывания им нормативно-канонических подходов и трактовок.

В обстановке внутренних реформ и кризиса в сфере межнациональных отношений в стране в деятельности Института многое изменилось. Впервые голос этнографов зазвучал столь отчетливо в нашем обществе, которое, можно сказать, открыло для себя существование такой дисциплины. В проблеме «этнограф и общество» я бы выделил несколько основных направлений.

Первое — это расширение консультативно-информационной работы, предназначенной не только для «верхов», но и для самих народов и рождающихся в их среде общественно-политических структур. В 1989 г. ряд ведущих специалистов участвовали в качестве консультантов и экспертов в работе съездов народных депутатов СССР, заседаниях Верховного Совета и его комиссий, оказывали практическую помощь Совету Министров СССР и Совету Министров РСФСР при решении вопросов о восстановлении автономий, определении этнических территорий народов, создании ассоциаций, решении проблем беженцев и т. д. Для отделов ЦК КПСС были подготовлены некоторые информационные материалы, а также выработаны предложения по таким важнейшим документам, как Постановление Сентябрьского Пленума ЦК КПСС и Платформа КПСС «Национальная политика партии в современных условиях». Расширились связи ученых Института с лидерами и активистами национальных движений, культурных обществ и ассоциаций.

Здесь нужно избежать двух крайностей. С одной стороны, безоглядной и поспешной готовности в «сжатые сроки» после просьб «по звонку» сверху «изготавливать» некие безликие позиции по очередным партийным и государственным документам и проектам без возможности прямого и персонального ответственного участия специалистов, хотя бы в процессе выработки и обсуждения (пусть не принятия!) важнейших решений. С другой стороны, столь же противоречит профессиональной этике ученого политическая деятельность в узких рамках «этнического лобби», неосторожное использование интеллектуального оружия, которое может способствовать появлению сотен тысяч беженцев и кровавым столкновениям. В итоге несчастным, без крова и надежды жертвам националистического безумия перепадает не более чем сочувствие со стороны тех, кто не только сохранил свой очаг и статус, но и обрел громкую популярность.

Второе — это культурно-просветительская работа. Как выяснилось, в стране нашей люди плохо знают друг друга, оживились ксенофобия и нетерпимость. Гуманистическая миссия ученого, изучающего культуру народов, в этой ситуации — как можно активнее выступать перед массовыми аудиториями, создавать работы, рассчитанные на массового читателя.

Созданный по решению ЦК КПСС Центр по изучению национальных отношений при секции общественных наук Президиума АН СССР, к сожалению, с трудом разворачивает свою деятельность, несмотря на огромную потребность страны в анализе межнациональных отношений и тот факт создания центра уже достаточно известен научной общественности.

В 1989 г. Центру удалось издать сборник «Что делать? В поисках идей совершенствования межнациональных отношений в СССР», подготовлена к печати серия сборников «Гражданские движения в республиках».

Нотелось бы, чтобы деятельность Центра уподоблялась стилю работы академических институтов, готовящих свои издания в течение нескольких лет. Центру требуются более оперативные издания.

Об издательских делах. Здесь есть некоторые позитивные перемены. Уже второй год подряд этнографической литературы Издательства «Наука» выпускает в свет все попавшие в план выпуски, причем в улучшенном оформлении. Продолжается наше доброе сотрудничество с Редакцией этнографической литературы. Наладился выпуск небольших монографий и сборников на ротационной истории. Большую работу проделала С. Н. Квашнина, чтобы обеспечить подготовку трудов изданию.

Какие здесь проблемы? Это, во-первых, своевременная и качественная подготовка трудов и процедура их утверждения, включая квалифицированное обсуждение на секторах, рецензирование. Здесь должна быть повышена индивидуальная ответственность авторов и заведующих отделами, также рецензентов. При нынешних более жестких требованиях со стороны издательства мы должны исключить случаи, когда утвержденные и включенные в план рукописи на самом деле оказываются неготовыми и вовремя не сдаются в редакцию, как это произошло в 1989 г. с книгами И. Вайнштейна, В. Н. Басилова, А. А. Сукоколова, А. М. Решетова. Институт в результате теряет престиж, и без того ограниченный, а дирекция втягивается в изнурительные тяжбы с НИСО, издательством и самими авторами.

Во-вторых, это неоправданное сокращение общего листажа Института, волонтеристское и неадекватное исключение из планов уже утвержденных трудов. 300 научных сотрудников могут иметь 300 п. л. в год, что означает прежде всего стоимость 1 п. л. примерно в размере средней заработной платы, т. е. около 3 тысяч рублей. Такие подразделения, как, например, этноархеология, не могут издать хотя бы одну книгу в 2—3 года и это при еще более высокой стоимости выполняемых ими исследований. Некоторые авторы годами ждут выхода своих монографий. Хотелось бы надеяться, что Отделение истории более внимательно отнесется к этой проблеме, тем более, что оно изыскало возможность увеличить свой собственный лимит для изданий почти в три раза.

В-третьих, нам необходимо расширить контакты с другими издательствами, прежде всего «Мысль» и «Политиздатом», «Прогрессом». Кое-что дирекция уже сделала, но это и вопрос инициативы.

Наконец, нужно больше заботиться о рекламе наших книг, тиражах, рецензировании в научной общественно-политической печати.

В связи с этим хочу сказать, что Институту необходима действительно хорошая библиотека хроник, справочными и классическими изданиями, научной, в том числе иностранной периодики. Но в этой же связи не могу не сказать и следующего. Даже те немногие зарубежные научные журналы, которые приходят в библиотеку, стоят месяцами и годами с формулярами, в которых всего 3-5 отметки с фамилиями читателей.

О журнале «Советская этнография», в адрес которого мною уже высказывались замечания. В журнале есть явные перемены к лучшему. Появилась рубрика «Национальные процессы сегодня». Журнал, как и в целом советская этнография все еще недостаточно включен в мировую науку: рубрика «Хроники» недостаточно проблемна, рецензии подчас незаслуженно комплиментарны, мало читаются иностранные авторы, в отделе рецензий много случайного. Отделы Института, видимо, чувствуют своей ответственности за журнал — орган Института этнографии АН СССР. Недостаточно рецензий на зарубежную литературу, в том числе на работы, оказавшие мощное влияние на развитие нашей науки.

Огромная и бльшая проблема — это проблема кадров. Низкий статус нашей науки в обществе и системе АН СССР привел прежде всего к тому, что даже общее число этнологов в стране в десятки раз меньше, чем в США, и в несколько раз меньше, чем в других развитых странах. Недостаток специалистов особенно по народам СССР и межнациональным отношениям критически проявился в последнее последнее время.

Институт на сегодня является основным средоточием наиболее квалифицированных специалистов, за плечами которых десятки лет работы среди изучаемых народов, в том числе в полевых условиях, а не парадные визиты в республики с проживанием в правительственных резиденциях и с торжественным надеванием халатов. Этот коллектив, состоящий из двух органично связанных частей, условно должен быть сохранен как минимум в его нынешней численности и как единое целое, чтобы не была сильно потребность в специалистах-этнологах во вновь создаваемых подразделениях аппарата Верховного Совета СССР и ЦК КПСС, а также в связи с предполагаемым созданием нового института по изучению межнациональных отношений.

Из кадровых вопросов я бы выделил три наиболее главных:

а) обновление, главным образом омоложение кадров. Это трудная проблема и не только для Института, но и для всего нашего общества из-за низкого жизненного уровня граждан и их слабой социальной обеспеченности. Сейчас средний возраст всех сотрудников 46 лет, средний возраст научных сотрудников 52 года. За 1989 г. Институт «помолодел» на 1 год. 9 сотрудников ушли на пенсию, из них три доктора наук были оформлены консультантами. Институт ищет формы сотрудничества пенсионерами на договорных или других началах.

Ясно одно, что без абсолютного четкого и единого для всех возрастного принципа ухода на пенсию обновление коллектива невозможно. Общественные организации (партийная и профсоюзная) занимают в этом вопросе также вполне определенную позицию, единую с позицией дирекции, и справедливо критикуют последнюю за некоторые уступки.

Как и кем должны заполняться освобождаемые вакансии? Здесь, на наш взгляд, два пути. Первый — приглашение в Институт ярких, талантливых исследователей, которые уже проявили себя,

имеет большой творческий потенциал, могут повысить престиж Института и способствовать развитию нашей науки. До сих пор этот путь в Институте использовался слабо; среди зачисляемых (кандидатов) были молодые люди без профессиональной подготовки и особых достоинств, но имеющие ту или иную форму протекции. В 1989 г. мы зачислили трех известных специалистов (И. Г. Сикова, Е. С. Новик, И. И. Пейрос) и эта линия будет продолжена, хотя она вызывает иногда сопротивление со стороны некоторых сотрудников, обуреваемых заботой как бы «не испортить коллектив за которой легко просматриваются боязнь утратить состояние комфортной инертности, секторальный секуляризм или совсем далекие от подлинной интеллигентности мотивы. Двойной стандарт.

Второй путь — это зачисление молодых специалистов, главным образом через аспирантуру. И здесь мы подходим ко второй проблеме: подготовка молодых кадров.

Как известно, в Институте действует аспирантура. В 1989 г. обучение проходили 82 чел. (16 в Москве и 19 в Ленинграде), из них соответственно 30 и 11 с отрывом от производства. Более 90% обучающихся в целевой аспирантуре, подготавливаемой кадры главным образом для научных учреждений республик. Кстати, нынешние кадры этнологов страны фактически подготовлены в нашем Институте: среди них и народный депутат СССР (Е. А. Гаер), и наиболее авторитетные специалисты научных учреждений в республиках, лидеры и теоретики национальных движений. В их числе и активисты националистических организаций. Последнее — предмет разобоченности и размышлений. Видимо, этот вопрос следует проанализировать внимательнее и стремиться при подготовке кадров высшей квалификации для страны прививать им наряду с профессиональными знаниями и определенными профессионально-этические нормы, которые обеспечивали бы иммунитет от националистической заангажированности научной интеллигенции, ставили бы для ученого служение истине выше чем одержимость национальной идеей. Кстати, это касается не только молодых кадров, но и взрослых этнологов, в том числе и нашего многонационального коллектива, в котором работают представители 21 национальности.

Главная проблема аспирантуры — подготовка кадров для Института. Мы зачисляем мизерное количество: в два — три раза меньше, чем могли бы ежегодно брать на работу при нормальном процессе обновления кадров, о котором я говорил выше. В 1989 г. в основную очную аспирантуру приняты два аспиранта в Москве и два в Ленинграде. Аспирантуру необходимо расширить в два — три раза (имея в виду основную для Института). Но не меньшая проблема — это отсутствие желающих из числа способных молодых людей проходить подготовку в аспирантуре Института. В 1989 г. на места было три заявления: видимо, это единственный гуманитарный академический институт с таким низким престижем предлагаемой научной карьеры.

Но цепочка фактически начинается на первом-втором курсах исторического факультета МГУ, когда при определении студентами своей специализации кафедре этнографии достается далеко не самый сильный контингент, из которого в конечном итоге вырастает очень малое число молодых людей, способных к дальнейшей научной работе. Сказывается имидж дисциплины как занимающейся маловажными, малоинтересными и недостаточно перспективными проблемами. Последний учебник по этнографии представляет собою устаревший и просто слабый текст, который может скорее отпугнуть, чем привлечь студентов к данной профессии. Не менее архаично и содержание этнографической подготовки на кафедре. Попытка В. В. Пименова что-либо изменить посредством дискуссии на страницах «Советской этнографии» встретила «охранительную», догматическую оппозицию со стороны его коллег по кафедре.

Однако вопрос этот — не внутреннее дело кафедры и даже не Государственного комитета по образованию СССР, который сравнительно недавно ответил вместе с ВАКом СССР на вопрос молодого человека как стать этнологом, специалистом по народам и межнациональным отношениям, что такой специальности нет. Чтобы обеспечить нашу науку кадрами, необходимо конституировать в обновленном облике и поднять статус и престиж в системе высшего образования.

Наряду с решением этого совета о переименовании Института мы вносим предложение о создании на историческом факультете МГУ отделения этнологии и социально-культурной антропологии с активным участием ведущих ученых Института в разработку его программы и в процессе ее поощрения.

Необходимо отобрать группу наиболее способных студентов и начать совместно с кафедрой их целенаправленную подготовку для работы в Институте.

Нужно написать не один, а два — три новых учебника.

Пока же все наше сотрудничество долгие годы сводилось к работе на полставки директором Института на кафедре и зав. кафедрой в Институте.

В аспирантскую подготовку было бы желательно ввести длительные (от 6 мес. до года) полевыми исследования среди изучаемых групп с обязательным овладением их языком.

В новом пополнении хорошо подготовленных, интеллектуально свободных, преданных избранной профессии молодых людей видится мне будущее нашей науки и Института.

Проблема научной молодежи и профессионального роста — третья кадровая проблема. Последние годы этот рост по ряду причин сдерживался. На защиту докторских и кандидатских диссертаций выстроилась очередь. В то же время оба совета Института затрачивают основные свои усилия на защиту не институтских соискателей. В 1989 г. из пяти докторских — две из Института, из 19 кандидатских — две из Института.

В 1989 г. была проведена большая работа по аттестации сотрудников (был повышен статус 23 чел.). В январе 1990 г. — еще 20 чел. идут на переподготовку.

Эта работа связана с повышением должностных окладов. В 1989 г. были повышены оклады 94 из 208 научных сотрудников (45%). И здесь я перехожу к одному из очень важных вопросов в жизни нашего коллектива — материальному обеспечению и стимулированию труда. Как известно

лаборная плата научных сотрудников десятилетиями не повышалась, и на сегодняшний день уация достигла критического предела. По сути мы имеем дело с люмпенизацией и обнищанием ных в системе АН СССР (за исключением 0,5% научных сотрудников, которые имеют звания акаиков и членов-корреспондентов). Из 200 научных сотрудников (не считая 12 консультантов) 102 лчают заработную плату до 230 рублей в месяц, большинство из них кандидаты наук.

Положение стало еще более несправедливым после повышения окладов работникам высшей ыи и просто нетерпимым в свете повышения окладов работникам аппарата Президиума СССР (хотя бы и из «внутренних резервов», но все равно за счет общеакадемического бюджета, и институтских бюджетов). Аппарат разрастается, увеличивает свое пространство и ведет себя более равнодушно по отношению к интересам научных коллективов и отдельных ученых. После еезда в новое здание, только для обслуживания которого необходимо 700 человек, его самооправельное поведение будет еще более агрессивным.

Но даже в этой неблагоприятной ситуации у Института есть возможность увеличить размеры ьнообразить формы материальной оплаты труда ученых. Одна из них, наиболее перспективная правданная мировой практикой развития науки, — участие ученых, коллектива в целом в разраке приоритетных научных программ и выполнении договорных, заказных исследований.

1989 г. был в этом отношении примечательным. Во-первых, мы впервые коллегиально опредеили список приоритетных работ Института и весь фонд денежных надбавок был передан руководиам этих работ и распределен только среди их участников. Эта система сохранена нами и на 90 год. Помимо существовавшего в предыдущие годы договора по охранам археологическим ьотам, который сотрудников Института почти не касался, мы получили финансирование 7 ьно-исследовательских проектов по общеакадемической программе «Человек, наука, общество» ьобщую сумму 52 тыс. рублей и заключили договор с Комитетом советских женщин на 50 тыс. рубль для исследования положения женщин в разных регионах и республиках, которое было в 1989 г. ьвершено. Отделение истории поддержало один межинститутский проект на сумму 8 тыс. рублей в конце года сообщило, что окажет поддержку еще одному проекту. Остальные наши заявки, том числе чрезвычайно, на наш взгляд, важные с научной и общественно-политической точки ьии, поддержки не получили. Нам бы хотелось знать, с какими более насущными и престижными ьектами и работами предложения этнографов не выдержали конкуренции, и рассчитывать на ее внимательное и объективное отношение в будущем. Можно сколько угодно заниматься ьуждением межнациональных проблем на различных уровнях в системе АН СССР, выразить ьоченность по поводу ситуации в стране, но без конкретной поддержки, без определенного маневь-ьстратегии научной политики (чем и должны заниматься руководящие органы), видимо, не обойь.

Недавно президент Американской антропологической ассоциации Р. Раппопорт сказал мне: ьас сейчас, конечно, трудные времена, но зато вы теперь должны купаться в деньгах, как это было ьа в 60-е годы в период этнических движений и расовых конфликтов, когда на выделенные ососагирования были созданы десятки новых научных центров и выполнены сотни исследований». ьвный президент недооценил силу нашей бюрократической инерции, группового и личностного ьзма, недостаток гражданской ответственности тех, кто имеет отношение к определению научь-ьполитики, а также узкий кругозор и самонадеянность тех, кто, казалось бы, отчаянно нуждается ьаниях и рекомендациях ученых.

А вот конгресс США сделал так: выделил в 1988 г. для исследовательской службы 150 тыс. ьларов для выполнения аналитических обзоров о состоянии национальных проблем в СССР и уже ьется обзор, который был мною получен в ноябре прошлого года, когда мы проводили семинар ьсотрудников конгресса по данному вопросу. Нам также известно, что президент США Буш имел ьду с этнологами — специалистами по Советскому Союзу.

Новая научная политика, переход, даже частичный, на систему грантов и приоритетного финаньования ставит перед коллективом и АН СССР в целом ряд новых и непростых проблем. Во-первых ьжна быть более четкой и гласной процедура и возможности получения грантов, более строгой, ьзвисямой и даже анонимной система экспертных оценок, обязательное обновление (через ьные журналы или бюллетени) списка выделенных субсидий с темами, авторами, суммами и срои ьисполнения. Это — лучшая форма контроля за их надлежащим использованием: невыполнение ьта или низкий уровень работы обычно лишают возможности получения новых субсидий. У себя ьинституте такую же систему мы распространяем и на приоритетные работы.

Во-вторых, порядок распределения и использования средств пока еще только складывается: ь на всю сумму установили надбавку к собственной зарплате, другие — выплатили в виде аваньх субсидий, третьи — финансировали экспедиционные, издательские и другие расходы, связань с организацией работ. Я против жесткой процедуры распределения этих средств: их хозяин, ьдае всего руководитель проекта, но некоторые вопросы все же должны быть решены, а именно, ье работы носят плановый характер.

В-третьих, меня настораживает, что среди получателей первых академических грантов в первых ьх оказались те, кто по идее является их распределителем и должен был бы воздерживаться ьлучения субсидий. По крайней мере, такова мировая практика. Думаю, что общеакадемичеьи отделенческие субсидии не должны распространяться на членов Отделения, а институтские — ьруководящих лиц в Институте. Нужно дать дорогу «рядовым» научным сотрудникам, прежде всеь числа молодых. Не нужно брать пример с членов Президиума АН СССР, которые уже несколько ьтков лет присуждают высшую награду Академии почти исключительно самим себе.

В-четвертых, новая система заключает в себе ряд возможных негативных аспектов. Более энерьые и настойчивые, умеющие «подать» свой проект или использовать связи в научной среде (а они

у нас по своей тесноте самые высокие в мире: вся историческая наука страны в одном здании (на четырех этажах) могут быть всегда впереди, оттеснив более скромных и менее организованных (и от этого не менее талантливых) исследователей. Более эффективные и сулящие немедленную прикладную «отдачу» работы могут оттеснить кажущиеся отвлеченными и менее политизированными проекты и темы. Здесь нужны широта подходов и определенная мудрость, понимание характер и значения научных исследований. Кстати, главные ассигнования на шекспироведение в США поступают от фондов Рокфеллера и Карнеги, а на этнологию — от фондов Макартура, Форда и Гугейма.

Советские этнологи и антропологи в числе немногих, кто не пользуется международными источниками финансирования исследований. В 1989 г. мною проведены переговоры с руководством фонда Веннер-Гренн и осуществлены некоторые другие контакты, но в принципе вся эта система действует на индивидуальной основе. Задача группы по обеспечению международных связей — дать ученые информацию и оказать необходимое содействие. В ближайшее время дирекция проведет семинар на тему, как действует система грантов в антропологии и как получить финансирование.

Есть перспективы некоторых субсидий по линии ЮНЕСКО Секции общественных наук АН СССР, в том числе специально для молодых ученых.

Все это, возможно, вызовет у некоторых членов коллектива известную настороженность и скептицизм, а также опасение, не наступают ли времена коммерциализации науки и не кончатся ли времена спокойных и углубленных академических штудий. Хотел бы в этой связи напомнить историю нашей науки: Н. Н. Миклухо-Маклай и Б. Малиновский, В. Г. Тан-Богораз и Ф. Боас — наши классики очень много занимались финансовыми вопросами, а Малиновскому до сих пор коллеги историки не могут простить, что он в свое время монополизировал почти все средства на этнологические исследования в Африке. Это только мы с вами за последние полвека разучились материально обеспечивать реализацию своих планов и идей, а заодно и свое собственное благополучие. Вообще уравновешенность и ожидания перемен сверху лежали в основе поведения ученого, порождая апатию и научный долготерпение, психологию зависимости и интеллектуальной покорности. При этом процветала далеко не всегда обусловленная талантами и трудолюбием профессиональная иерархия, фактическая эксплуатация имеющими должностями и званиями тех, кто их не имеет, лодырями и посредственностями тех, кто безустанно и плодотворно работает.

Как найти эту новую, свободную систему взаимосвязей и взаимодействия ученых, обеспечить должное вознаграждение за должный труд, поддержать творчество и трудолюбие, изжить паразитизм и научное бесплодие — это задача не менее трудная, чем уже фактически состоявшаяся интеллектуальная свобода.

В докладе, возможно, есть резкие и обостренные оценки и выражения. Я намеренно старался избежать благодушия и того, чтобы использовать трибуну для личной дипломатии. Критические замечания в адрес коллег по Институту, я уверен, будут восприняты ими должным образом, и мы найдем понимание во взаимном повседневном диалоге. Что касается замечаний в адрес «вышестоящих инстанций», то я также надеюсь, что они будут восприняты с пониманием и не получат оценку «демагогичности» и «неконструктивности», как это было сделано недавно на встрече с Президентом АН СССР.

Этот доклад писался в те два вечера, когда шли сообщения из Армении и Азербайджана, имеющие ко мне и ко всем этнографам гораздо большее отношение, чем к какому-либо другому отряду академических обществоведов. И уже только это не давало права на равнодушие и убаюкивающий заносливый тон.

© 1990 г.

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1989 ГОДУ

В 1989 г. сотрудниками Института этнографии АН СССР опубликовано 39 плановых книг, общим объемом 736,2 печ. л. и 24 внеплановых книги объемом 471,6 п. л. Утверждено к печати 26 работ.

Основная научная работа Института велась в рамках комплексных программ Отделения истории АН СССР: «Этническая история и современные национальные процессы», «Общие закономерности и особенности всемирно-исторического процесса», «История мировой культуры», «Роль религий в истории», а также программы АН СССР «Человек, наука, общество: комплексные исследования».

Как и в прошлые годы, большое внимание уделялось разработке актуальных теоретических проблем этнографической науки. Совместно с учеными ГДР опубликован третий выпуск коллективного труда «Свод этнографических понятий и терминов» — «Материальная культура» (13,8 печ. л., отв. ред. С. А. Арутюнов). Вышли в свет ежегодники «Расы и народы» № 19 (отв. ред. С. И. Брун) «Религии мира. История и современность» (20 печ. л., отв. ред. Б.-Р. Логашова), историографические работы «Этнология в США и Канаде» (27 п. л., отв. ред. В. А. Тишков, Е. А. Веселкин) «Зарубежная этнография глазами советских ученых» (10 п. л., отв. ред. Е. А. Веселкин, С. Я. Колосов).

Большой вклад в развитие этнографической науки внесла книга С. А. Арутюнова «Народы и культура: развитие и взаимодействие» (20 п. л.), посвященная типологии этнических общностей и их закономерностям этнокультурного развития.

Важное теоретическое значение имеют разрабатываемые в Институте проблемы истории первобытного и рабовладельческих обществ, архаических общественных отношений, по которым опубликованы труды В. А. Шнирельмана «Возникновение производящего хозяйства» (32,4 п. л.) и П. Калиновской «Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX в. Хозяйство и социальная организация» (18 п. л.).

Существенное место в работе Института занимают исследования современных национальных культурных процессов у народов СССР. По данной проблематике опубликованы работы «Современные этнокультурные процессы в марийском селе» (10 п. л., отв. ред. В. В. Пименов), «Современная сельская семья в Литовской ССР» (10 п. л., отв. ред. М. Я. Устинова), «Двуязычие и многоэтнические группы» (20 п. л., отв. ред. М. Н. Губогло), «Долгожительство в Азербайджане» (13 п. л., отв. ред. В. И. Козлов), Ю. В. Бромлей «Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов» (9 п. л., 2-ое изд.), И. И. Крупник «Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии» (21,3 п. л.), новое издание брошюры «Концепция этнокультурного развития народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года» (4,3 п. л., отв. ред. З. П. Соколова), этнокультурные процессы в национально-смешанной среде, этнография, антропология и смежные дисциплины» (10 п. л., отв. ред. Н. Я. Дараган).

Традиционной культуре народов СССР посвящены работы «Традиционная одежда народов южной Азии» (20 п. л., отв. ред. Н. П. Лобачева, М. В. Сазонова), «Этническая история и традиционная культура народов Средней Азии и Казахстана» (20 п. л., отв. ред. В. Н. Басилов, Р. Г. Кузнецов), В. В. Радлов «Из Сибири» (50 п. л.), Е. Н. Студенецкая «Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв.» (23 п. л.), «Кавказский этнографический сборник», Вып. IX (20 п. л., отв. ред. Г. Волкова, В. К. Гарданов).

Издано несколько книг по этнографии русских: «Русские: семейный и общественный быт» (15 п. л., отв. ред. М. М. Громыко), «На путях из Земли Пермской в Сибирь» (29,5 п. л., отв. ред. А. Александров), О. Р. Будина, М. Н. Шмелева «Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР» (19,8 п. л.), Н. Л. Пушкарёва «Женщины Древней Руси» (8 п. л.).

Этнография зарубежных народов посвящены книги «Брак у народов Западной и Южной Европы», Вып. 2 (20 п. л., отв. ред. Ю. В. Иванова, Н. А. Красновская, М. С. Кашуба), «Романия и Румыния. К этнической истории народов Европы» (16 п. л., отв. ред. С. А. Арутюнов), «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл» (30 п. л., отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков), каталог выставки «Этнография и искусство Океании из фонда Н. Мишутыша — А. Пилиоко» (24 п. л., сост. Л. И. Иванова).

Выпущены книги по ономастике «Имя — этнос — история» (10 п. л., отв. ред. М. А. Членов) и «История конференций по ономастике Поволжья» (тезисы докладов) (11,25 п. л., отв. ред. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун).

Ценный вклад в изучение проблемы этногенеза и расогенеза вносят работы антропологов: «Этнология в современной антропологии» (17,5 п. л., отв. ред. И. М. Золотарева), «Биологические предпосылки антропосоциогенеза» (16 п. л., отв. ред. В. П. Алексеев, М. Л. Бутвская), Г. М. Давыдов «Антропология северных манси с их расо- и этногенезом» (10 п. л.), Т. С. Балуева и др. «Неолитические могильники Северной Бары» (10,2 п. л.).

Сотрудниками Ленинградской части Института этнографии опубликованы книги: «Традиционные формы воспитания детей и подростков Юго-Восточной Азии» (13,5 п. л., отв. ред. И. С. Кон), К. Зеленин «Восточнославянская этнография» (30 п. л.), «Памятники традиционному бытовому искусству народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа» (23,04 п. л., отв. ред. В. П. Курылев), «Этнографическое изучение знаковых средств культуры» (17,5 п. л., отв. ред. А. С. Мыльников), «Японские хроники XVII—XVIII вв.» (30 п. л., перевод, комментарий, введение, заключение Б. Чернецова).

В 1989 г. значительная часть исследований была сосредоточена на анализе современных культурных процессов, теорий и практики решения национального вопроса в СССР и за рубежом. Отвечая на оперативные потребности управления национальными процессами, сотрудники Института подготовили более 50 научных разработок и докладных записок, в том числе замечания о проекте платформы КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», предложения по проектам законов СССР «Об изменениях и дополнениях Конституции», «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР», «Суверенитет Союзных республик и перспективы партийного строительства», «О межнациональных отношениях в СССР» и др.

Современным национальным, этнокультурным и этнодемографическим процессам у народов СССР посвящены подготовленные к печати работы: «Духовная культура и национальное самосознание» (отв. ред. Л. М. Дробизева), «Народы Севера СССР (1960—1980-е гг.)» (отв. ред. С. Гурвич, З. П. Соколова), «Традиционная обрядность и мировоззрение народов Севера» (отв. ред. И. С. Гурвич, З. П. Соколова), «Этнокультурные аспекты межрегионального перемещения трудовых ресурсов в сельском хозяйстве» (отв. ред. А. А. Сусоколов), «Новое в изучении национально-этнических браков» (отв. ред. А. А. Сусоколов), «Русские старожилы Азербайджана: материалы по исторической экологии» (отв. ред. В. И. Козлов), «Народы СССР» (очерки этнокультурной истории) (отв. ред. Ю. В. Бромлей, М. М. Громыко), «Свадебные обряды у народов СССР» (отв. ред. С. Полищук, Т. С. Макашина).

Разным проблемам истории культур народов СССР посвящены завершённые работы А. Н. Жилина «Узбеки Южного Казахстана (этнографическая характеристика и этнокультурные традиции)», Г. П. Васильева «Туркмены. Этнографические очерки», Л. Ф. Моногарова «Новое традиционное в быту городской семьи таджиков», З. П. Соколова «Эндегамный ареал и этническая группа», Н. П. Лобачева «Как такое свадебный обряд», Б. А. Калоев «Скотоводство у народов Северного Кавказа», В. А. Александров, Н. Н. Покровский «Власть и общество. Сибирь XVII в.

По народам зарубежных стран подготовлены книги «Современная семья у народов Западной Европы. Опыт этносоциального исследования» (отв. ред. О. А. Ганцкая, М. С. Кашуба), А. Н. Кожановский «Народы Испании во второй половине XX века. Опыт автономизации и национального развития».

Культуре народов мира посвящены завершённые труды: «Жизни коренных народов Америки» (отв. ред. В. А. Тишков, Ю. Е. Березкин), «Америка после Колумба» (отв. ред. В. А. Тишков, А. К. Байбурин «Ритуал и культура», И. К. Федорова «Остров Пасхи», И. А. Родионов «Этнография Западного Хадрамаута», В. Р. Кабо «Происхождение религии», Б. А. Фролов «Первобытная графика Европы».

По антропологии утверждены к печати работы: А. А. Зубов, Н. И. Халдеева «Одонтология и антропология», «Антропология 80-х годов» (отв. ред. Г. В. Рыкушина), «Нганасаны». Вып. 2—4 (отв. ред. И. М. Золотарева, Ю. Б. Симченко) и выполнено 56 реконструкций антропологических типов древнего населения на территории СССР.

Большую работу по освещению важных проблем этнографической науки в минувшем году провела редакция журнала «Советская этнография», уделявшая серьёзное внимание острым современным проблемам, связанным с межнациональными отношениями. В рубрике: «Навстречу Пленуму ЦК КПСС по совершенствованию межнациональных отношений в СССР» помещено несколько хроник отразивших совещания по этой тематике с полным текстом основных докладов. Опубликованы материалы Расширенного заседания Ученого Совета Института этнографии АН СССР и Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов (доклад Ю. В. Бромляя и обсуждение его — № 1); совместного заседания Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов и Секции этнической социологии Советской социологической ассоциации (докладами М. Н. Губогло и Л. М. Дробизевой (№ 1); учредительного заседания секции «Социология национально-политических отношений» Советской социологической ассоциации с докладом И. И. Крупника (№ 4); заседания Межведомственного научного совета по изучению национальных процессов с докладом Я. К. Ребане (№ 2).

В этой же рубрике опубликованы статьи В. И. Козлова «Национальный вопрос сегодня и пути его решения» и В. А. Тишкова «О концепции перестройки межнациональных отношений в СССР» — № 1. С № 3 введена рубрика «Национальные процессы сегодня», где напечатаны отклики на статью В. А. Тишкова — в № № 3 и 4; В № 4 опубликованы статьи М. В. Крюкова «Читая Ленина (размышления этнографа о проблемах теории нации)», А. И. Кузнецова «О соотношении понятий „общество“ и „этническая общность“», и О. И. Шкаратана «Экономический суверенитет республик и пути развития народов». В № 5 в ряде статей рассматривается вопрос об этнической принадлежности памирцев (А. С. Давыдов, Л. Ф. Моногарова, А. Л. Грюнберг и И. М. Стеблин-Каменский, С. В. Чешко); В № 6 помещена статья Ю. В. Бромляя «К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики», статья Ч. М. Таксами «Гуманитарные проблемы Севера», статья Г. Вормсбехера «Как мы представляем себе восстановление немецкой АССР».

Продолжалась публикация работ по важнейшим проблемам исторической этнографии и антропологии, по-прежнему освещалась научная жизнь и деятельность музеев в СССР и за рубежом, рецензировались важнейшие научные публикации.

Большое место в деятельности Института продолжали занимать экспедиционные исследования. В 1989 г. состоялось 53 полевых выезда в разные регионы Советского Союза. Главное направление в экспедиционных работах — изучение национальных и этносоциальных процессов в СССР — было в этом году дополнено исследованием анализа причин, природы и последствий конфликтов, возникших на межнациональной почве, исследованием ситуаций в очагах напряженности. Такой анализ был проделан по результатам выездов Среднеазиатской Северной экспедиции, Этносоциологической экспедиции в Азербайджане и Амурского отряда.

Северная экспедиция изучала преобразования в хозяйстве и культуре, а также современные этнические процессы у селькупов Томской области, у хантов Сургутского и Нижневартовского районов, у населения Эвенкийского Национального округа, чукчей Магаданской области, населения Кемеровской области.

Основное направление работ Среднеазиатской экспедиции составлял сбор материалов по теме «Современные этнокультурные процессы у малых этносов и национальных групп». Экспедиции сектора этнографии русского народа проводили работы по теме «Русские народные традиции в современности; задачи и возможности практического использования». Комплексная этнографическая экспедиция продолжала изучать русское сельское население Закавказья. Кавказоведы исследовали темы «Семейный быт», «Обрядность» народов Кавказа. Изучались современные процессы в Прибалтике.

Хорезмская экспедиция вела разведку памятников в Заунгузских Каракумах, Присарыкамской дельте, стационарные археологические раскопки городища Калалы-Гыр 2 и охранные работы в Казахской ССР. Ленинградская часть Института было проведено 12 экспедиционных выездов на север Европейской части СССР, в районы Сибири, Средней Азии и Кавказа. Их участники собирали этнографические коллекции, материал по межнациональным отношениям и традиционному обществу, а также по современной материальной и духовной культуре.

Институт по-прежнему проявлял большую заботу о подготовке этнографических кадров. В 1989 г. в аспирантуре (главным образом целевой) обучалось 82 человека (63 — в Москве, — в Ленинграде). Тематика работ аспирантов тесно связана с основными направлениями научно-исследовательской деятельности Института этнографии АН СССР.

Большая работа была проведена учеными советами Института (в Москве и Ленинграде). На заседаниях специализированных советов состоялись защиты 5 докторских и 26 кандидатских диссертаций. Научно-производственный совет в Москве заслушал и обсудил доклады: Ю. В. Бромлея тоги научно-исследовательской деятельности ордена Дружбы народов Института этнографии АН СССР за 1988 г. и задачи на 1989 г., С. А. Архунова «О ситуации в Грузии», Л. М. Дробизевой и В. Власовой «Задачи полевого сезона 1989 г. и современная ситуация в национальных отношениях», В. Н. Басилова «О событиях в Фергане». В. А. Тишков и Ю. Б. Симченко сообщили о подготовке 20-томной серии «Этнография народов СССР», состоялось также обсуждение структуры подразделений Института этнографии. Участники совета высказали свое мнение по поводу предложения нового названия Института — Институт этнологии и антропологии. Обсуждался и ряд других просов.

Специальные заседания Ученого совета были посвящены 60-летию научной деятельности и. н. Т. А. Жданко и памяти д. и. н. С. А. Токарева.

Было проведено совместное заседание ученых советов Москвы и Ленинграда на тему «Наука народов», на котором были прочитаны доклады по разным направлениям этнографии.

В Ленинградской части Института были заслушаны: отчет о деятельности Института этнографии и перспективы дальнейшей работы; сообщение Р. Ф. Итса о поездке в Австралию; об изучении этнографами национальных отношений в СССР.

Большую научно-организационную работу провели ученые советы по утверждению к печати депонированию научных трудов, подведению итогов конкурсов на замещение вакантных должностей, утверждению тем диссертаций аспирантов и соискателей.

В 1989 г. продолжали работать методологические семинары (два в Москве — «Перестройка и туальные проблемы этнографии» и «Соотношение биологических и социальных факторов в процессе эволюции человека», один (философский семинар) — в Ленинграде). Большой интерес вызвал доклад В. А. Тишкова «Государство и народы» и С. В. Чешко «Политика КПСС в национальном процессе».

В 1989 г. сотрудники Института этнографии АН СССР участвовали более чем в 60 научных съездах, конференциях, совещаниях и симпозиумах (организованных как самим Институтотом, так и другими научными учреждениями страны), для которых подготовлено около 200 докладов.

Наиболее значительными были всесоюзные конференции «Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах» (Уфа, сентябрь), «Становление этноса: интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии» (Москва, апрель), «Проблемы развития мифов СССР» (Москва, ноябрь), «Человек и биосфера: история и современность» (Пушино), «XI конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии» (Архангельск, сентябрь). Кроме того, сотрудники Института приняли участие в Первой Всесоюзной конференции по ономастике иранских языков (Орджоникидзе, апрель), Шестой конференции по ономастике Поволжья (Волгоград, сентябрь), Научно-практической конференции по ономастике Узбекистана (сентябрь, г. Карши), двух конференциях, организованных Советской социологической ассоциацией: «Национальная политика: современное состояние и новые подходы» (Москва, май), «Самостоятельное и социальная защищенность трудящихся в городах и на предприятиях» (Москва, сентябрь), сессии Всесоюзного симпозиума по проблемам аграрной истории (Минск, сентябрь), конференции, посвященной 500-летию открытия Америки (Москва, сентябрь), конференции по археологии и источниковедению истории Европейского Севера (Вологда, июль) и др.

В Институте этнографии (Московская часть) прошли конференции «Религиозные и традиционные ритуалы и верования у народов СССР и современность» и XIX конференция молодых сотрудников «Функции этнического в социальных процессах». Ленинградской частью Института были организованы конференции памяти Д. А. Ольдерогге — «Этнические и социальные процессы в Африке», «Этнография Петербурга-Ленинграда», «Маклаевские чтения», «Среднеазиатско-кавказские чтения».

В 1989 г. продолжали расширяться международные научные связи Института по линии укрепления контактов и сотрудничества как с научными учреждениями, так и с отдельными учеными разных стран.

Международные научные связи развивались в следующих формах: участие в международных научных организациях и обществах, подготовка совместных мероприятий и параллельных исследований, участие в международных выставках, прием зарубежных ученых.

В течение года состоялось 85 выездов сотрудников Института в 28 зарубежных стран: в социалистические — 28, в капиталистические — 57. Институт принял 285 ученых из разных стран Европы, Азии, Африки и Америки. Из них для научной работы, а также для участия в международных научных мероприятиях приехало 132 специалиста.

Ученые Института активно участвуют в работе 17 международных научных организаций, объединяющих этнографов, антропологов, фольклористов. Они являются членами Академий наук, научных обществ и международных редколлегий многих зарубежных стран, в частности, почетными членами Королевского антропологического Института Великобритании и Ирландии, Американской антропологической ассоциации, Австралийского общества им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Институт этнографии АН СССР — коллективный член Международного союза антропологических и этнологических наук (МСАЭН), Международного общества этнологии и фольклора Европы (МОЭФЕ), Международного общества исследователей повествовательного фольклора (МОИПФ), советские

этнографы активно участвуют в фундаментальных исследованиях в рамках ЮНЕСКО: «Ревитализация языков народов Севера», «Русскоязычный глоссарий по этничности: Этнос и этнические процессы». Совместно с ГДР выпускается десяти томный труд «Свод этнографических понятий терминов».

Важное место в деятельности Института занимает пропаганда этнографической науки в самых различных формах: публикации этнографических, антропологических и археологических научно-популярных работ, предназначенных для массового читателя, чтение лекций, выступления по радио, телевидению, проведение экскурсий и проч. Изданы научно-популярные книги: Ю. В. Бромлей «Этнос и история» (30 п. л.), Р. Ф. Итс «Кунсткамера» (6 п. л.), Р. Ф. Киндлов «Шесть дней древнего мира» (0,8 п. л.), Н. Л. Пушкарева «Женщины Древней Руси» (20,8 п. л.), Н. Л. Пушкарева «Евпраксия Рязанская» (4 п. л.), В. В. Радлов «Из Сибири» (55 п. л.), Ю. И. Мененков «На заре человеческой истории» (19 п. л.), Н. Р. Гусева «Раджастанцы» (15 п. л.).

Ряд книг вышли на иностранных языках: Ю. В. Бромлей «Национальные процессы в СССР в поисках новых подходов» (на итал. яз.) (9 п. л.), И. С. Кон «В поисках себя» (на чешск. яз. 20 п. л.), И. С. Кон «История классической социологии» (на англ. и исп. яз.—25 п. л.), «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого» (на англ., франц., испан., немец. яз.—11 п. л.).

Сотрудники Института опубликовали около 100 научно-популярных статей в различных советских журналах и газетах, прочитали более 800 лекций в различных городах и селах страны.

В пропаганде этнографических знаний важнейшая роль принадлежит Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАН).

За отчетный период Музей посетило более 200 тыс. человек, проведено около 8 000 экспозиций. Музей своими экспонатами активно участвовал в экспозициях других музеев страны. 518 экспозиционных предметов экспонировались в Государственном Эрмитаже, в Летнем саду и Дворце Петра I, в Зоологическом музее АН СССР, в Музее истории Ленинграда, в Государственном музее-заповеднике А. С. Пушкина, в Музее М. В. Ломоносова, в Музее истории религии и атеизма и др.

В 1989 г. лучшими подразделениями были признаны отдел народов Зарубежной Азии, секция этнографии русского народа. Лучшие книги года: С. А. Арутюнов «Народы и культуры. Развитие и взаимодействие», О. Р. Будина, М. Н. Шмелева «Город и народные традиции русского народа», В. А. Шнирельман «Возникновение производящего хозяйства».

М. Ю. Мартынов

© 1990 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР (методологический семинар Института этнографии АН СССР)

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1989 г.), рассмотрев сложившуюся в нашей стране ситуацию в межнациональных отношениях, принял Платформу КПСС «Национальная политика партии в современных условиях» (Правда, 24 сентября), ставшую существенным шагом вперед как в решении практических вопросов национальной политики, так и в теоретической разработке национального вопроса. Все ли удалось создателям этого документа? Какие мысли возникают при внимательном его изучении? Каковы основные тенденции развития межнациональных отношений?

Эти и другие проблемы обсуждались на методологическом семинаре Института этнографии АН СССР «Перспективы развития национальной политики в СССР», состоявшемся 24 и 26 октября 1989 г.

С основным докладом выступил С. В. Чешко*. Представляется достаточно очевидным, скажем, что решение национальных проблем в СССР, построение эффективной системы регулирования межнациональных отношений невозможно без значительного обновления или даже выработки принципиально новой концепции национального развития. Обратившись к Платформе КПСС, докладчик констатировал, что она отражает состояние современной общественно-политической мысли, основные тенденции, достижения и ошибки в идеологии, связанные с реформами общества.

Среди достоинств названного документа, отметил С. В. Чешко, — прежде всего стремление ликвидировать сверхцентрализм в государственном управлении и экономике путем расширения прерогатив союзных республик, но при сохранении государственного единства СССР и укреплении его роднохозяйственной системы. Платформа содержит некоторые важные замечания о расширении автономий, путях демократизации языковой политики и культурного строительства. Высшие органы власти СССР предлагается наделить правом принимать окончательные решения по спорным вопросам, возникающим во взаимоотношениях между союзными республиками и автономиями. Очень важно в условиях нарастания межрегиональных и межнациональных противоречий и конфликтов: само существование Союза ССР утратит всякий смысл, если он не будет выполнять роль фактора стабильности, прав отдельных территорий, народов, граждан.

Вместе с тем, полагает докладчик, Платформа носит в известной мере компромиссный характер. Это и естественно: пока КПСС будет сохранять функции непосредственного управления государством, она не сможет выработать вполне принципиальную политическую программу; необходимость учета интересов различных политических сил в обществе и в самой партии будет неизбежно рождать все новые компромиссы, в том числе и такие, которые идут в ущерб четким политическим принципам.

По мнению С. В. Чешко, документ выглядит несколько эклектичным, поскольку совмещает политическую платформу и фактически императивные установки, имеющие характер законопроектов конкретным вопросам. Законопроекты, естественно, должны быть однозначными, но политическая программа не может отсекал альтернативные варианты решения тех или иных проблем. Стремление охватить как общие, так и конкретные вопросы не способствовало, с точки зрения С. В. Чешко, достаточно полному и ясному освещению как раз общих, т. е. наиболее важных, вопросов. Одни из них изложены в декларативной форме, другие едва обозначены, третьи вовсе обойдены.

К числу мало что значащих деклараций докладчик относит призыв восстановить «ленинский принцип национального самоопределения в его подлинном значении», который сегодня является одним из самых дискуссионных и существенных вопросов, причем разброс точек зрения достигает явного взаимоисключения. С. В. Чешко выразил сожаление, что авторы партийной платформы не выяснили, как же они сами понимают этот принцип.

Столь же неясно, считает докладчик, и положение о необходимости регулирования отношений между республиками в рамках общесоюзного рынка при помощи договоров. О каких рыночных решениях можно говорить, если они будут поставлены в зависимость от соглашений тех органов, прежде до сих пор успешно тормозили развитие рынка?

* Все выступавшие (кроме специально отмеченных) — сотрудники Института этнографии Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (Москва).

Лозунг: «Без сильного центра нет сильных республик, без сильных республик нет сильного центра» уже стал чуть ли не аксиомой, сказал докладчик. Однако в действительности он (как противоположный ему тезис, популярный в некоторых союзных республиках) скорее пропагандистский образ, чем определенный политический, а тем более, научный принцип. Строго говоря, указ С. В. Чешко, могут быть, с одной стороны, сильные унитарные государства, а с другой — слабые федеративные или конфедеративные образования с сильными провинциями.

К сожалению, отмечалось в докладе, в Платформе вновь допущено смешение понятий «общественная» и «государственная» собственность: в состав первой включена помимо прочего и республиканская собственность. Этот вопрос, по мнению С. В. Чешко, имеет значение не только для реорганизации экономической системы страны, но и для верной оценки смысла некоторых реформ области союзно-республиканских отношений. Передача части общесоюзной собственности в собственность республик, подчеркнул докладчик, отнюдь не означает превращения государственной собственности в собственность народа: происходит лишь дробление государственной собственности.

Главный, как считает С. В. Чешко, недостаток Платформы — преимущественное внимание национально-территориальным образованиям, но не народам-этносам. Такой подход представляется ему принципиально ошибочным, поскольку он исходит из того, что именно народы, а не территории (союзные республики, автономии), являются субъектами национального развития и межэтнических отношений; они должны быть и главными объектами национальной политики государства.

Та же идеология, что и в Платформе, по мнению С. В. Чешко, четко просматривается в программе Межрегиональной группы народных депутатов СССР. Ее авторы отдают явное предпочтение суверенитету союзных республик, ошибочно полагая, что это обеспечит демократизацию национальных отношений, равноправие народов.

Докладчик обратил внимание слушателей на то, что в идеологии национальных движений почти во всех союзных республиках, где такие движения уже определили свою позицию в национальном вопросе (прежде всего в Эстонии, Латвии, Литве, Молдавии, Азербайджане, Грузии), можно обнаружить не только отдельные различия, но и зачастую весьма важные сходные черты. За основу принимается бесспорный лозунг суверенитета, прав народа (трудящихся). Его, однако, трансформируют в лозунг приоритетности прав данного этноса, а в результате формулируется требование обеспечить безусловный суверенитет данной союзной республики как независимого национального государства данного этноса. Таким образом, подчеркивалось в докладе, принцип народолюбия подменяется принципом неравноправия народов (все народы не могут быть «приоритетными»), гражданское общество подменяется национальным государством.

Лидеры и активисты национальных движений, отмечалось в докладе, нередко прямо или косвенно выражают свое несогласие с «центристскими» положениями Платформы. Разногласия действительно существенные, но они носят преимущественно политический характер и сводятся фактически к одному вопросу: СССР — государство или некий союз независимых государств? А в идеологии принципиальных разногласий, на взгляд С. В. Чешко, нет. И в том и в другом случае, как и в программе Межрегиональной группы, отметил он, национальные отношения понимаются прежде всего как отношения между союзными республиками и «центром», а национальный вопрос сводится главным образом к проблеме национальной государственности с соответствующим распределением прерогатив между республиканскими и союзными органами власти.

Докладчик попытался определить место данной позиции среди социальных теорий, выработанных человечеством. Корни ее он видит в недалеком прошлом советского общества, в значительной степени определяющем наше сознание и сегодня; имя этому прошлому — сталинизм, перешедший в брежневизм. Суть сталинистской идеологии — в политической диктатуре государства (не пролетариата, а именно государства), подвергшего насильственному тотальному огосударствлению все сферы общественной жизни (от экономики и управления до искусства), включая, естественно, и сферу национального развития. Отсюда, считает С. В. Чешко, и убеждение в том, что национальное неразрывно связано с государственностью, составляющей непременное условие нормального развития этносов. Видимо, и некоторые разработки советских этнографов — представителей одного из самых «неофициозных» научных дисциплин в «застойное время» — помимо их воли способствовали укреплению такого убеждения. Это, в частности, касается понимания национальных этносов как этносоциального (т. е. детерминированного определенными внеэтническими структурами) нации — как этносоциального, а то и этнополитического организма. Если еще добавить сюда старую парадигму национализма (в широком смысле), сказал докладчик, то получится довольно странная смесь из малосовместимых идей, которые, как оказалось, какими-то гранями могут и прикасаться.

Из принципа национальной государственности, искажающего соотношение этноса и политики, вытекают важные последствия, и в частности — некорректное в теоретическом и государственном правовом аспектах смешение субъектов Федерации и субъектов национальных отношений; в качестве последних понимаются главным образом 115 союзных республик и 15 соответствующих этносов-носителей национальной государственности. Все народы СССР оказались расставленными по разным ступеням со статусами национально-территориальных образований. Это выражается в неравенстве прав и возможностей для экономического и культурного развития народов, а то и в дискриминации этнических меньшинств. Требование приоритетного внимания к основным «статусным» этносам союзных республик по сравнению с этническими меньшинствами уже кое-где начинает реализовываться в законодательной форме (законы и законопроекты о языках, республиканском гражданстве, об иммиграции).

Все это, отмечалось в докладе, приводит к выводу, что само национально-государственное устройство СССР содержит предпосылки национального неравноправия и реального неравенства. В те времена, когда исполнительная власть мало считалась с законодательной, принципы этого устройства

ства не имели значения. Поэтому, кстати, при Сталине и не было межэтнических конфликтов, — допускаться серьезные нарушения прав народов. Теперь же существующая национально-государственная система способствует развитию центробежных тенденций (союзные республики — верные государства) и позволяет реакционным силам в национальных движениях обосновать неравноправие народов. Докладчик подчеркнул, что изначально, когда образовывался СССР, такая система вовсе не планировалась. СССР мыслился как союз республик, а не нескольких «татарских» народов. Трансформация произошла позже, когда все, в том числе народы, подверглось государственлению».

С. В. Чешко заметил, что сегодня многие предлагают ликвидировать указанные недостатки путем нивелирования статусов национально-территориальных образований и предоставления всем нациям одинакового самоуправления. Это, однако, по его мнению, неизбежно обострит национальные отношения уже не в отдельных регионах, а по всей стране, приведет к дальнейшему росту сепаратизма и, возможно, к развалу страны на множество национальных «уделов».

Вместо того чтобы без гарантии на успех исправлять конструкционные недостатки системы, лучше, считает докладчик, изменить саму конструкцию, тем более, если есть возможность использовать зарубежный опыт. Необходимо отказаться от принципа национальной (этнической) государственности, преобразовав федерацию на сугубо территориальных началах, что вовсе не потребует от нас обязательного потребует) перекройки республиканских границ. Край и области (или группы областей) РСФСР, Украины, Казахстана, а также автономии могут стать равноправными с союзными республиками субъектами федерации. При этом надо понимать, указал С. В. Чешко, что замена федерации на конфедерацию не означала бы большей демократии, не освободила бы общество от диктатуры государства. Конфедерация была бы скорее на руку шовинистическим силам и в ущерб этническим меньшинствам.

Докладчик призвал еще раз обратиться к осмыслению права наций на самоопределение, понимая суверенитета республик и их права на выход из СССР. Нынешняя трактовка этих конституционных положений тоже не вполне соответствует принципу равноправия народов.

Предлагаемый С. В. Чешко путь реформ приведет, по его мнению, к трансформации СССР в формальное федеративное государство, свободное от недостатков так называемого социалистического федерализма. Положение народов в таком государстве, их взаимоотношения будут определяться только при помощи правовых категорий «права народов» и «гражданские права».

Сегодня общество еще не воспримет эту программу, однако старая концепция национальных отношений, по убеждению С. В. Чешко, не имеет перспектив. На ее основе возможны лишь паллиативные решения. Видимо, уже теперь нужно наряду с разрушением привычных стереотипов думать о промежуточных этапах генеральной реорганизации СССР. Один из них может заключаться в реализации Платформы КПСС, которая, однако, по мнению С. В. Чешко, нуждается в доработке. Построение эффективной и справедливой системы регулирования национальных отношений, процесс национального развития, по мнению докладчика, возможно лишь через построение демократического общества, освобожденного от диктата государственного (или партийно-государственного) бюрократизма.

Докладчику были заданы вопросы о роли государственности в формировании этнических общностей, о путях решения национального вопроса, о роли языка и культуры в регулировании национальных отношений, а также о значении государственных языков и языков межнационального общения.

Доклад вызвал оживленные и заинтересованные отклики. При этом выявились по крайней мере две позиции. Одни ораторы выразили согласие со взглядами С. В. Чешко, другие возражали ему. Однако и те и другие выдвинули ряд теоретических и практических предложений, которые, по их мнению, должны способствовать нормализации и развитию национальных отношений в нашей стране.

С. А. Арутюнов согласился с тем, что Платформа КПСС несовершенна. Тем не менее заложенные в ней идеи для него предпочтительнее пакета концепций С. В. Чешко, следование которым может привести к развалу нашей федерации. С. В. Чешко поставил важнейший вопрос об «этнических правах». Когда говорят о равных правах народов, подчеркнул С. А. Арутюнов, имеют в виду равноправие индивидов, их составляющих. Одним из основополагающих достижений теории этнографии является выделение этносоциальных организмов (ЭСО) и этникозов. Именно ЭСО, по мнению выступавшего, и представляет собой субъект «этнических прав». Стремление этих образований к государственности на разных уровнях — это неизбежное движение к самоконституированию.

С. А. Арутюнов высказал также соображения о национально-государственном строительстве в современных условиях. Создание в СССР конфедерации по типу Британского содружества наций, считает он, нежелательно, так как разрыв экономических связей в государстве привел бы к очень тяжелым последствиям. Более целесообразно, по его мнению, широкая федерация с элементами конфедерации, причем важно добиваться сочетания этнических границ с политическим статусом народа. Каждый народ имеет право претендовать на государственность. По мнению С. А. Арутюнова, четырехступенчатая система национально-государственного устройства СССР изжила себя. Автономные области следует преобразовать в автономные республики, автономным республикам предоставить статус, приближенный к статусу союзных республик. Большое значение будет иметь не только провозглашение, но и определение конкретных функций государственных языков в союзных и автономных республиках.

Л. М. Дробожев остановился на проблеме плюрализма в подходе к решению вопроса национально-государственного устройства СССР. Выработанная ЦК КПСС Платформа — результат обсуждения всех предложенных путей решения национальных проблем, в том числе и в

национально-государственной сфере. Ей предшествовали два года открытых дискуссий, материалы которых печатались в научных журналах, в республиканской и центральной прессе, обсуждались на конференциях, заседаниях круглых столов, что нашло отражение в сборнике статей «Что делать? В поисках путей совершенствования межнациональных отношений в СССР» (М., 1989), розданном участникам сентябрьского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС. В итоге сформировались разные точки зрения. Обращаясь к дореволюционному периоду, некоторые исследователи, отметила Л. М. Дробужева, акцентируют внимание на высказываниях В. И. Ленина о преимуществах унитарного, централизованного государства (например, В. И. Козлов). Ю. В. Бромлей в ряде публикаций выступал за укрепление единого федеративного государства, интеграцию и централизацию в сфере политики и экономики при расширении самостоятельности, инициативы республик и народов в сфере культуры. В. А. Тишков и С. В. Чешко, отметила выступавшая, на основе анализа зарубежного опыта полиэтничных государств выделяют как тенденцию в мировом развитии несовпадение национального и административно-территориального деления. В этом случае права народов сводятся к личным правам граждан и защите культурной самобытности народов. А. А. Праздаскян считает важным полностью вернуться к ленинской концепции федерализма послеоктябрьского периода. Л. М. Дробужева напомнила, что, выступая за последовательное проведение принципов федерализма, В. И. Ленин исходил из анализа конкретно-исторической обстановки в стране, когда революция стимулировала национальные движения на окраинах. При тенденции к распаду государства жизнь проверяла верность партии выдвинутому принципу самоопределения наций. Именно его реализация, подчеркивалось в выступлении, способствовала объединительному движению народов. А революционная перестройка теперь привела к массовым национальным движениям, с этим нельзя не считаться. Вместе с тем суверенитет союзных республик, отметила Л. М. Дробужева, как главный принцип федерализма решает не все проблемы. Ведь сами республики — многонациональны. Часть входящих в них народов имеет свою автономию, иные — нет. Как обеспечить их права? Не случайно сформировалась точка зрения, указала Л. М. Дробужева, согласно которой не должно быть неравенства в положении разных народов нашей страны. Членение на нации, народности подвергается критике из-за отсутствия четких критериев их выделения. М. В. Крюков сформулировал подход «все — нации или «все — народы». Научной общественности стала известна точка зрения Г. В. Старовойтовой и И. И. Крупника о ликвидации так называемой четырехчленки. Они выступили против деления народов на нации союзных и нации автономных республик, народы, имеющие свои автономные области и автономные округа. Л. М. Дробужева напомнила, что наше государство сложилось не только за счет добровольного присоединения народов к России, но и в результате военных захватов. Одни народы нашей страны имели государственность, другие — нет. Между тем, подчеркнула Л. М. Дробужева, события последних лет показывают, что историческая память сейчас стала одним из ведущих элементов национального самосознания народов. Государственность представляется многим из них непреходящей национальной ценностью. Как осознанная потребность народа выдвигается в настоящее время требование последовательного осуществления принципа суверенитета. Это не значит, что снимается вопрос о расширении прав автономных округов, областей. Все происходящее в стране, с точки зрения Л. М. Дробужевой, говорит о многообразии развития народов, их потребностей и осознанных интересов. Следовательно, и в политике не может быть единых решений. Политика должна быть многовариантна.

Права и возможности людей всех национальностей, считает Л. М. Дробужева, должны быть равными и гарантированными в любом уголке СССР. Но эта гарантия касается удовлетворения национальных потребностей на личностном уровне. Концепция же развития народов не может быть единой, ибо сами они — разные и условия, в которых они живут, тоже неодинаковы. В связи с этим она напомнила, что В. И. Ленин в заметках о брошюре голландского социалиста А. Паннекука «Классовая борьба наций» подчеркнул «значение политического момента», т. е. ситуации, из которой приходится исходить, а также отличие Западной Европы, где нация приравнена к государству, от Восточной. Обращал внимание В. И. Ленин, сказала Л. М. Дробужева, и на «решающее значение политико-экономического развития», которое и в современных условиях у народов нашей страны еще заметно различается. Так, в начале 1980-х годов среди русских и армян было 71—77% горожан, у эстонцев, латышей, литовцев — 62—64%, доля представителей умственного труда у этих народов составляла 31—34% занятого населения. У узбеков же, таджиков, молдаван, киргизов 70% населения и более проживало в селе, а доля лиц, занятых умственным трудом, составляла 16—20%.

Ценность демократии и самостоятельности в экономической сфере у народов Прибалтики, в частности у эстонцев (судя по этносоциологическим исследованиям даже 1970-х годов), чаще осознавалась, чем у народов других районов страны. В конце 1989 г. с экономической самостоятельностью республик связывали свои надежды более 40% населения в Прибалтике, 25%—30% — Армения и на Украине, а в РСФСР всего около 15%; с полным политическим суверенитетом — свыше 40% в Прибалтике, по 20% населения Армении и Украины и лишь 10% в РСФСР (Огонек 1989. № 3). Таким образом, по мнению Л. М. Дробужевой, успешная политика в сфере межнациональных взаимодействий невозможна без учета исторического прошлого и нынешней ситуации, степени осознания и потенциала реализации интересов народа, а новое мышление в национальных отношениях допускает многовариантные пути развития народов. Демократическое общество, подчеркнула она, предполагает понимание одним народом непохожести другого и вместе с тем умение жить в мире и сотрудничать.

Как можно судить по Платформе, считает Л. М. Дробужева, элементы многовариантного пути развития принимаются. Например, в отношении выбора экономических методов и форм хозяйствования, связей между общественными организациями республик и Союзом, в реализации националь-

культурных интересов народов, не имеющих своих государственных образований, предусматривается возможность создания общественных органов, как общесоюзных, так и, видимо, региональных (культурные ассоциации). Конечно, разнообразие допускается в определенных пределах, важно, однако, по мнению Л. М. Дробижевой, чтобы пределы эти определялись по взаимному согласию равноправных народов.

С. И. Брук, поддержав многие положения доклада С. В. Чешко, подверг сомнению взгляды сторонников унитаризации страны. Не согласен он и с мнением, что сейчас у нас фактически существует унитарное государство. Рассмотрев некоторые причины усиления межэтнических трений, С. И. Брук внес ряд практических предложений.

Он напомнил, что одной из главных задач национально-государственного строительства с первых лет советской власти был подъем экономики отсталых национальных окраин. Этнический фактор играл тогда менее важную роль. Поэтому границы республик и автономных областей устанавливались, отметил выступавший, исходя прежде всего из экономической целесообразности. С момента создания все союзные и автономные республики, а также автономные области имели сложный национальный состав. В некоторых из них уже тогда основная национальность не составляла и половины населения. Индустриализация национальных окраин проводилась в основном силами русских, украинцев и белорусов, что еще больше усложнило этот состав.

Сама попытка сочетать экономическое районирование с национально-государственным размежеванием, полагает С. И. Брук, создала предпосылки для возникновения многих национальных проблем, отчетливо проявившихся в условиях общей экономической и культурной отсталости и при господстве административно-командной системы. С ростом национальной интеллигенции этнический фактор стал доминировать над экономическим и положение резко обострилось. Национальное и культурное строительство, по его мнению, целесообразно соотносить не с территориями, а с этническими общностями. Представители любой национальности должны комфортно чувствовать себя в любом уголке страны.

С. И. Брук считает, что нельзя признать реалистичной мысль о ликвидации иерархичности национально-территориальных образований (уравнение в статусе союзных и автономных республик, автономных областей), поскольку основные этносы этих образований сильно различаются в численности (да и по другим параметрам).

В то же время, отметил он, иерархия национально-государственных образований нуждается в серьезных переменах: следует придать статус союзным автономным республикам с многочисленным населением, мощным в экономическом отношении (Татарской, Башкирской и некоторым другим). Ссылка на отсутствие у автономной республики границ с зарубежными странами несостоятельна, подчеркнул С. И. Брук, так как в мире имеются даже полностью суверенные государства, расположенные внутри другой страны.

Автономные области, по мнению выступавшего, могут быть преобразованы в автономные республики. Права автономных республик следует расширить и приблизить к правам союзных республик (а в будущем выравнять).

Особое внимание в новой Конституции, считает С. И. Брук, должно быть обращено на положение малых народов Севера. За годы советской власти, подчеркнул он, произошла деградация их традиционного хозяйства. Автономные округа давно изжили себя, так как коренное население в большинстве из них составляет очень небольшой процент (в Ханты-Мансийском автономном округе, например, 1,4% всего населения). Кроме того, более половины из 26 малочисленных народов Севера вообще не имеют никаких автономий. По мнению С. И. Брука, в местах компактного расселения всех малочисленных народов Севера целесообразно создать национальные районы и национальные сельсоветы (в их состав должны войти все территории, осваиваемые этими народами). Учитывая катастрофическое экономическое и демографическое положение народов Севера, а также неблагоприятную экологическую обстановку в районах их проживания, все эти районы и сельсоветы, полагает выступавший, следует подчинить центральной власти, для чего необходимо создать специальный орган (подобный прежнему Комитету по делам народов Севера при ЦИК СССР).

Такие же национальные районы, поселковые и сельские советы нужно организовать (как культурно-национальные автономии) и во всех других районах компактного проживания национальных меньшинств.

Особого внимания, по мнению выступавшего, заслуживает политико-административное деление РСФСР. Назрело образование крупных экономических регионов (из нескольких областей и краев), которые наряду с Москвой (вместе с областью) и Ленинградом (вместе с областью) следует по статусу приблизить к союзным республикам. То же необходимо сделать и в Украинской ССР, которая естественно развивается на три экономических района. Этим не умаляется суверенность двух крупнейших республик страны. В целом СССР будет состоять примерно из 45—50 образований такого порядка. Возможно создание на их основе совнархозов (с ликвидацией всех союзных хозяйственных министерств).

В заключение С. И. Брук сказал о назревшей потребности в законах, обеспечивающих права всех народов, живущих за пределами своих автономий или не имеющих их (всего около 10 млн. человек).

В выступлении В. И. Козлова подчеркивалось, что Платформа отразила как сложность национальной ситуации в стране (хотя некоторые темы, например, очень важный в настоящее время «русский вопрос», оказались обойденными вниманием), так и противоречивость бытующих суждений о способах разрешения или предотвращения национальных конфликтов в будущем. Некоторые положения Платформы, с его точки зрения, имеют лозунговую форму и вряд ли могут быть адекватно реализованы в законодательстве, например «формула» федерации «Без сильного Союза нет сильных республик, без сильных республик нет сильного Союза». Под «Союзом», подчерк-

нул В. И. Козлова, здесь понимается центральные органы власти, но усиления их, очевидно, не достигнуто без ослабления и провозглашенного в той же Платформе укрепления суверенитета со- ных республик. Возникает вопрос: зачем сильным суверенным республикам стоящая над н сильная центральная власть? Противоречива попытка сочетать республиканские законы о « сударственным» статусе языка «титულной» национальности с предполагаемым постановление русским языке как основным языке общегосударственного общения. Выступавший подчеркнул, если даже такое постановление и будет принято, оно вряд ли будет реализовано там, где есть « сударственный» язык.

Внимательное отношение С. В. Чешко к проблеме национальной государственности, по мнен В. И. Козлова, вполне оправдано, так как существующее ныне фактическое неравнопра национальностей в значительной степени обусловлено закрепленной в Конституции иерархи ностью национально-территориальных образований — от союзных республик до автономных о гов. Предлагаемое увеличение числа союзных республик и приближение к ним по статусу друг автономных образований мало что решит, сказал В. И. Козлов, да и нельзя серьезно думать о , чтобы провозгласить, например, Чукотский автономный округ — Чукотской Советской Соци листической Республикой с соответствующими такой республике атрибутами. Едва ли очень плод ворен, по его мнению, и путь создания национальных районов, подчиненных руководству иона циональных областей, а также национальных сельсоветов, которые будут подчинены руковод ствионациональных районов. Передать же руководство этими образованиями, каким-то высшим станциям — значит нарушить уже сложившиеся у них экономические и другие связи с иона циональным окружением. На подобном пути совершенствования федерации, подчеркнул В. И. Коз лов, наряду с некоторыми положительными результатами возникает множество новых проблем, к реш нию которых мы не готовы. Не стоит совершенствовать национальную государственность, полага В. И. Козлов, если она не является оптимальной формой решения национального вопроса. Обычн ссылки на то, что создание национальной государственности — основной стержень ленинской наци нальной политики, с его точки зрения, не вполне корректны, так как В. И. Ленин никогда , заявлял, что он отступил от разработанной им теории национального вопроса, согласно которой образование национальных государств закономерно лишь для раннего капитализма. Уже зрелы капитализм, по В. И. Ленину, «ломает национальные рамки», а социализм должен сближать и сли вать нации в интернациональное сообщество, впрочем, с дифференцированной культурой. В. И. Коз лов считает, что для решения национального вопроса национальная государственность дает в при ципе не так много, ибо она приводит к новым вариациям «национальных меньшинств» внутр республик, где «титулные» национальности имеют «государственные» prerogatives, как это случи лось в Закавказье. Вполне возможно, сказал В. И. Козлов, что для В. И. Ленина национально- государственное строительство было столь же временным маневром, как допущение капиталистиче ских форм хозяйствования в период нэпа; по существу здесь также вставал вопрос «кто — кого?», но отосылался он уже не к капитализму, а к интернационализму и национализму. К сожалению подчеркнул докладчик, мы не учли это обстоятельство и допустили рост национализма в «убыток» для него республиканских колыбелях, а теперь, когда интернационалистические лозунги оказывают ся бессильными, пытаемся «укрепить» их воинской силой.

Для борьбы против национализма, выступающего в «демократических» одеждах «перестройки» подчеркнул выступавший, необходима какая-то надежная опора, и таковую можно найти в тезис о равенстве всех граждан вне зависимости от их национальной принадлежности. Именно достижение такого равенства, по мнению В. И. Козлова, должно стать критерием для устранения национализма в республиканском законодательстве, будь то законы о «государственном» языке «титулной» национальности или законы о «республиканском гражданстве» с преимуществами для лиц, принад лежащих к «титулной» национальности.

Л. Ф. Болтенкова (Всесоюзный юридический заочный институт, Москва) солидаризи ровалась с позицией В. И. Козлова и положительно оценила концепцию С. В. Чешко. Подчеркну большое значение Платформы КПСС по национальному вопросу, она указала на необходимость раз работки учеными рекомендаций по намеченному кругу проблем, которые легли бы в дальнейшем основу решений XXVIII съезда КПСС.

Отметив важную роль политической автономии для народов, Л. Ф. Болтенкова вместе с те высказалась о нецелесообразности воссоздания Республики немцев Поволжья и привела ряд соображений в поддержку своего мнения.

В. И. Васильев сказал, что для него как этнографа-прикладника, в течение многих лет ре ально (а не по данным официальных источников или прессы) соприкасавшегося с национальным бедями северного региона Сибири, сразу же встают два вопроса: как следует усовершенствовать Платформу КПСС и что надо сделать для реального претворения ее в жизнь? К сожалению, ответ на эти вопросы в докладе С. В. Чешко нет.

Далее В. И. Васильев вступил в полемику с С. И. Бруком, выступавшим в пользу сохранения в будущем только двух форм национальной автономии: союзной и автономной республик. Нельзя не учитывать, отметил В. И. Васильев, что, сейчас, вероятно, впервые в истории северных народов началось оживление национальных движений в автономных округах. Образованы Ханты-Манси ская, Ямало-Ненецкая и другие национальные ассоциации народов Севера, ставится вопрос о реор ганизации местных Советов в двухпалатные выборные парламенты («Сов. Россия» от 11 ок 1989). Вряд ли следует сомневаться, на каких позициях в этом вопросе стоят представители коренно го населения северных автономных округов.

Как считает В. И. Васильев, вопрос о практическом вкладе этнографов в разработку и реализа цию конкретных положений программы национального строительства на местах прошел мимо внима ния С. В. Чешко. На Учредительной конференции Национального общества томских селькупов (сен

мбры 1989 г., Колпаешов, Томская обл.), продолжал В. И. Васильев, среди других обсуждалась следующая проблема: создание национальных сельских советов, выделение им земельных и водных угодий со статусом государственных заказников, образование в базовых поселках промысловых производственно-заготовительных кооперативов и других хозяйственных организаций.

Пути конкретной реализации вносимых предложений (места базовых поселков, размеры отводимой им территории, наиболее рациональные формы труда коренного населения, круг спонсоров и т. д.), отметил выступающий, оставались неясными не только местным чиновникам, но и самим селькупам. В данном случае, сказал он, рекомендации и консультации сотрудников Комплексной селькупской экспедиции оказались наиболее реалистичными.

В. И. Васильеву представляется, что сегодня сотрудники всех экспедиционных подразделений Института этнографии АН СССР, выезжающие для работы в национально-административных территориях или в районах проживания национальных меньшинств, должны оказывать местным советским органам и национальным движениям консультативную помощь в решении вопросов национального строительства.

Н. Е. Руденский отметил, что обсуждаемая Платформа носит явный отпечаток компромисса. С одной стороны, указал он, декларируются успехи национального строительства в СССР, с другой — отмечается кризисная ситуация в межнациональных отношениях. Одновременно говорится об укреплении суверенитета республик и о повышении роли сильного центра; о расширении функций национальных языков и об укреплении позиций русского как языка межнационального общения. Эта двойственность, по его мнению, дает возможность акцентировать те или иные положения в зависимости от конъюнктуры.

Выступающий отметил, что СССР — уникальное в современном мире национально-политическое образование, так как Российская империя была создана преимущественно насильственным путем. Впрочем, подчеркнул он, национальное насилие характерно и для советского периода нашей истории. Пока народы страны не реализовали право на суверенитет, трудно призывать их к сближению в целях совместного решения общих проблем. Н. Е. Руденский не отрицал преимуществ интеграции, однако, с его точки зрения, этот процесс может развиваться исключительно на добровольной основе.

Конфедерация, созданная с сохранением и расширением суверенитета народов и национально-политических структур, отметил Н. Е. Руденский, не имела бы аналогий в современном мире, но уникальна и нынешняя ситуация. В условиях демократизации вырвался на свободу не столько дух национализма, сколько дух национальной свободы. Конечно, решение всех общественных проблем, в том числе и национальных, должно основываться на правах человека. Но эти права, сказал Н. Е. Руденский, надо признавать не только за отдельными личностями, но и за народами. Пакты ООН о правах человека, полагает он, подчеркивают право народов на самоопределение, считая его не менее фундаментальным, чем другие права.

Не полностью согласен Н. Е. Руденский с проектом реформы национально-государственного устройства СССР, исходящим от Межрегиональной группы народных депутатов СССР. Но не следует, по его мнению, поспешно отвергать как нереалистическую идею предоставления равноправного статуса всем национально-государственным образованиям. В числе 50 штатов США, отметил он, есть и «гиганты» (Калифорния, Техас), и «карлики» (Вермонт, Род-Айленд), которые, однако, пользуются равными правами; на принципе равноправия всех стран независимо от величины основана и деятельность ООН, в которой равным статусом обладают и Китай и Люксембург.

Л. В. Маркова уделила особое внимание роли этнографов в урегулировании межнациональных отношений. Она говорила о насущной необходимости понимания того обстоятельства, что культура и социальная жизнь тесно сопряжены. Необходимо, подчеркнула она, чтобы народы стремились лучше понять образ жизни, обычаи, обряды, желания и стремления друг друга. Содействие этому — великая миссия этнографов.

В заключительном слове С. В. Чешко выделил две стороны научной деятельности этнографов. Компетентные практические рекомендации для органов управления, считает он, — это, конечно, важный вклад науки в решение актуальных и сложных проблем общества. Однако главной задачей такой фундаментальной науки, как этнография, отметил выступающий, все же остается познание этнического, его места в реальном мире. Мы же нередко сдерживаем движение научной мысли на том основании, сказал он, что время для реализации тех или иных научных разработок еще не пришло. Очевидно, что признание значения фундаментальных теоретических исследований отрицательно скажется и на качестве научно-прикладной деятельности. С. В. Чешко повторил, что он не предлагал немедленно осуществлять план реформ, но пытался доказать, что иной путь бесперспективен.

Отвечая С. А. Арутюнову, считающему, что субъектами «этнических прав» являются этносоциальные организмы, но не этники, докладчик высказал свою точку зрения, согласно которой именно этники, а не ЭСО, более существенны с точки зрения этнической специфики и поэтому должны рассматриваться в качестве носителей специфических «этнических прав». К тому же, по мнению С. В. Чешко, этники — это общности не менее социальные, чем ЭСО*. На практике ни человечество в целом, ни советское общество в частности, отметил он, не представляют собой совокупностей ЭСО или, во всяком случае, не сводятся к таким совокупностям. Не менее, сказал докладчик, а то и более распространены политнические социально-территориальные организмы. Едва ли правильно, с его точки зрения, считать целостными ЭСО, скажем, союзные республики: социальные организмы (моно- или политнические) — это первичные территориальные общности, а союзные рес-

* Подробнее этого вопроса С. В. Чешко касался в статье «Национальный вопрос в СССР: состояние и перспективы исследования» // Сов. этнография. 1988. № 4.

публики скорее этнополитические организации, если не принимать в расчет (но принимать надо) многонациональный состав их населения. В случае закрепления этнических прав за этими «абстрактными» ЭСО, полагает С. В. Чешко, придется лишить соответствующих прав 60 млн. советских людей, живущих за пределами своих национально-административных образований плюс еще миллионы представителей коренных этнических меньшинств союзных республик. Ни о каком равноправии народов, подчеркнул докладчик, в таком случае не придется говорить.

С точки зрения С. В. Чешко, придание всем существующим и возможным национально-территориальным образованиям одинакового статуса союзной республики тоже не исправит положения. К тому, что было сказано в докладе, С. В. Чешко добавил, что на практике ни одна союзная республика не допустит образования на своей территории еще каких-то равноправных союзных республик: события в Закавказье вполне убеждают в этом. Впрочем, как ему представляется, сам С. А. Арутюнов не рассматривает принцип равных статусов как абсолютный и допускает сохранение автономий, полагая, что безусловное равенство прав народов (больших и малых) невозможно. Но тогда, полагает докладчик, и вся концепция С. А. Арутюнова теряет устойчивость. Надо только пояснить, сказал С. В. Чешко, что речь в данном случае идет о равноправии, а не о равенстве, которого действительно не может быть. Общий принцип равноправия народов, считает он, допускает только одно исключение — предоставление особого статуса аборигенным народам Сибири и Крайнего Севера, на которых распространяются специальные международные конвенции.

Далее С. В. Чешко высказал мнение, что стремиться сегодня сохранить целостность СССР в его нынешних границах любыми способами было бы неверно. Такая задача, подчеркнул он, стояла в 1922 г., когда требовалось обеспечить единство в условиях неблагоприятной международной обстановки, требовавшей совместных усилий для построения нового общества. Государственное устройство СССР было подчинено этой цели, указал С. В. Чешко, а не задаче создания некой модели идеального государства. Сегодня же, отметил он, иные условия и иные задачи. Имея в виду радикальное преобразование общества на демократических началах, с эффективной экономикой, более опасно, по его мнению, иллюзорное единство полноты суверенитета республик, чем выход некоторых из них из состава СССР. Однако, с точки зрения докладчика, к вопросу о «деколонизации» СССР, созданного в границах бывшей Российской империи, это не имеет прямого отношения: надо исходить из современных реалий, а не из прошлого страны. С. В. Чешко заметил, что оценка этого прошлого учеными неоднозначна. На его взгляд, нет оснований отрицать тот факт, что политика царизма, по крайней мере в отдельных регионах страны, носила колониалистский характер и проводилась в том числе насильственными средствами. Но нельзя отрицать и того, что включение в состав России одним народам принесло ослабление гнета местных феодальных властителей, а других спасло от истребления или насильственной ассимиляции. Однако, по мнению С. В. Чешко, более важен другой вопрос: а была ли Россия только колониальной империей? Или можно еще говорить о российской (а не сугубо русской) культуре, о российской духовной общности, о российской истории и государственности, наконец, о российском народе, сложившемся или хотя бы складывавшемся еще до возникновения формулы «советский народ»? В заключение докладчик поставил вопрос: много ли в мире многонациональных государств, возникших в свое время вообще без насилия? И можно ли безапелляционно уподоблять положение Кавказа или Прибалтики в дореволюционной России положению заморских колоний Британии или Франции? Прежде чем говорить об СССР как о наследнике колониальной империи, подчеркнул С. В. Чешко, хорошо бы как следует изучить и осмыслить историю.

Оживленная дискуссия, развернувшаяся по докладу, вызвала большой интерес присутствующих. Было высказано предложение, чтобы материалы семинара нашли отражение на страницах журнала «Советская этнография».

Е. Э. Носенко, М. Б. Фейгина

© 1990 г.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР
«ЭТНОС В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ФОРМ»**

21 декабря 1989 г. в Москве в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР состоялась очередная методологический семинар по теме «Этнос в системе общественных форм». В центре внимания участников семинара была статья сотрудника Института А. И. Кузнецова «О соотношении понятий „общество“ и „этническая общность“», опубликованная в журнале «Советская этнография» (1989. № 4).

Во вступительном слове А. И. Кузнецов изложил основные положения обсуждаемой статьи. Если мы окинем мысленным взором нашу планету, сказал он, то увидим, что населяющие ее люди различаются внешним обликом, и объединим их вслед за антропологами по меньшей мере в три расы. Кроме того, мы увидим, что люди носят неодинаковую одежду, живут в различных жилищах, говорят на разных языках, совершают неодинаковые обряды и называют себя определенным именем, тем самым объединяя себя с одними и отделяя от других людей. Мы можем назвать

кие объединения *этническими общностями*. Мы увидим далее, что человечество разделено границами и одна и та же этническая общность может находиться по обе стороны границы, разделяющей общности людей, которые историки называют государствами, социальными организмами, обществами. Мы увидим также, что человек, живущий в *конкретном историческом обществе* (КИО), представляет собой единство биологических и социальных свойств, которые, как и любые другие свойства, могут проявляться лишь в отношениях между объектами, т. е. в различных ситуациях. *Этническая принадлежность* человека — это лишь одно из его *свойств*. Общность людей одной этнической принадлежности — это и есть этническая общность. В то же время другие свойства людей, имеющих одинаковую этническую принадлежность, объединяют их в конфессиональные, классовые, партийные другие общности. Проявляя те или иные свойства, человек выступает как член то одной, то другой общности, которые в совокупности и составляют данное конкретное общество. Это общество обладает признаками, характеризующими его как целое, в отличие от признаков, присущих общностям, то составляющим. Признаки конфессиональной, классовой и других, в том числе и этнической общности, отличны друг от друга и от признаков общества в целом.

Неосознанное отнесение признаков конкретно-исторического общества (общность территории, экономики и др.) к признакам этнической общности и лежит в основе выделения таких понятий, как «народность» и «нация», которые по существу отражают лишь стадии в социально-экономическом развитии того или иного общества (феодализм, капитализм, социализм). По мнению докладчика, из родового понятия «этническая общность» могут быть выделены только два вида: «племя» в классовом и «народ» («этнос») в классовом обществе.

Далее А. И. Кузнецов ответил на заданные ему вопросы. Затем выступали сотрудники Института этнографии (их отклики на статью приведены ниже). Разгорелась бурная дискуссия, в ходе которой участники семинара, выражая порой противоположные точки зрения по конкретным вопросам, отмечали новаторский подход А. И. Кузнецова и актуальность поднятой им темы.

Полностью соглашаясь с главной идеей автора о недопустимости отождествления общества и этноса, С. В. Чешко вместе с тем высказал некоторые замечания. В последнее время в связи с смыслением сложных национально-политических проблем проявилась тенденция рассматривать этнос в системе жестких причинно-следственных связей с другими общественными структурами и факторами развития, прежде всего с экономикой, государственностью, территорией. При этом этнос понимается как универсально-интегрирующая форма организации человеческого сообщества, практический всех видов его деятельности. Подобные представления, фактически воспроизводящие ставший лозунг национализма «один народ — одно государство», характерны не только для обыденного сознания и не только для идеологии национально-государственного суверенитета, доминирующей во многих общественно-политических движениях страны. Нередко они высказываются и учеными, казал С. В. Чешко, в чем уже могли убедиться читатели «Советской этнографии» (см. статью И. С. Перепелкина и О. И. Шкаратана в № 4 за 1989 г.). Научные дискуссии о сущности этнического рибрели сегодня особую актуальность, остроту и даже политическую окраску. Совершенно неожиданно, но вполне закономерно возникает необходимость отставить весьма тривиальную мысль о том, что человечество представляет собой систему взаимодействующих общностей разных типов, развивающихся по собственным внутренним законам. Выстраивать эти общности в соответствии с какой-либо иерархией и ставить на ее вершине ту или иную общность (например, классовую или этническую) — значит извращать картину реального мира, идти в ловушку изжитого, казалось бы, ауткой одностороннего детерминизма (экономического, географического, а теперь и этнического). Поэтому статья А. И. Кузнецова, ставшая хорошо знакомые и многократно обсуждавшиеся вопросы теории, представляется и современной, и полезной.

В теории этноса действительно есть нечто, позволяющее подменять, по терминологии А. И. Кузнецова, признаки этноса условиями его формирования и существования. Нельзя, однако, соглашаться, по мнению С. В. Чешко, с тем, что отождествление этноса и общества — это якобы характерное для отечественной науки явление. По большому счету в этнографической среде излишне указывать, что этнос и общество — разные вещи. Важней вопрос о том, что такое этнос. Отвечая на него, А. И. Кузнецов утверждает, что в «реальной действительности мы видим не этнос, а КИО как совокупность связей, образующих множество систем, частных» (с. 21). Трудно, однако, понять, почему профессиональный этнограф, сказал С. В. Чешко, не видит «в реальной действительности» типов. Чересчур категорично автор статьи высказывается по вопросу о признаках этноса, причем фиксирует их (язык, культура, самосознание) весьма жестко. Автор имеет право считать три названных признака обязательными, но не следует утверждать, что это признается всеми. С культурой как признаком вообще ничего не получится, поскольку еще никто на практике (а не в теории) не смог четко отграничить этническую культуру от культуры этноса; о современной индустриальной культуре не приходится и говорить. Нельзя согласиться, продолжил С. В. Чешко, и с тем, что большинство ученых, как утверждает автор, включает в число признаков этноса территорию и т. п.

Для А. И. Кузнецова этничность — это личная характеристика индивида (особенно в классическом обществе). Индивиды, обладающие всеми тремя признаками, составляют этническую общность, и в силу этого она и является общностью. Если индивид утратил один из трех этнических признаков, то он, стало быть, перестает быть членом данной этнической общности. Откуда же берутся признаки? Этот вопрос может иметь только одно решение. Именно этническая общность делает индивида носителем этнических черт, а не наоборот. Человек является человеком потому, что он социален, т. е. принадлежит к коллективу ему подобных.

В заключение С. В. Чешко заметил, что этнос — часть всемирного общества, но не КИО, о которых пишет А. И. Кузнецов (автор, кстати, и сам отмечает, что этнические общности могут выходить за пределы КИО — с. 22).

В развитии, видимо, каждой обществоведческой науки, сказал В. И. Козлов, время от времени наступает состояние некоторого теоретического «застоя», когда, кажется, почти все фун-

ментальные или, как их называют, методологические позиции, относящиеся к объекту и предмету этих наук, уже достаточно установились, основные явления обозначены соответствующими терминами, когда определены основные условия возникновения и существования таких явлений, а также основные факторы их изменений и т. п. Дальнейшее развитие теории в таких случаях обусловлено обычно либо появлением новых (или обнаружением «старых») фактов, не укладывающихся в установленные схемы научных рассуждений, либо возникновением новых взглядов на известные факты. Еще недавно казалось, что такое застойное состояние может наступить и в этнографии, но этого не произошло, главным образом благодаря усилиям Ю. В. Бромлея, который усердно препарировал понятие этноса, вводя новые термины для обозначения частных видов и состояний этноса, («этникос», ЭСО и др.), а также для видов этнических процессов, которые то соединялись им с процессами национальными, то отделялись от них. Однако проведенная недавно дискуссия по историческим типам этнических общностей (СЭ, 1986) показала, что состояние основного понятийно-терминологического аппарата в этнографии еще далеко от того, чтобы вводить, так сказать, глянец на частные определения. И мне представляется, подчеркнул В. И. Козлов, что мы должны быть благодарны А. И. Кузнецову, который побуждает нас посмотреть на сущность этноса (этнической общности) с новой точки зрения.

Уместно заметить, что общественные явления чрезвычайно сложны, и мы еще далеко не исчерпали возможные взгляды на них. По мнению В. И. Козлова, весьма плодотворно взглянуть на сущность этнических явлений с точки зрения прибывших на нашу Землю марсиан, плохо знающих наш научный язык: интересно, в чем бы они усмотрели именно «этнические» признаки какой-то «общности» и насколько им помогли бы такие ставшие для нас привычными термины, как «нация» и «народность», «этнос» и «этникос» и т. д. Конечно, ученым без научной терминологии обойтись невозможно, но не следует забывать, что термины — всего лишь отдельные знаки какой-то сущности и не более того; в связи с этим сразу же вспоминается, заметил далее В. И. Козлов, как много внимания уделяли еще в недавнем прошлом специалисты по «научному коммунизму» термину «пролетариат», хотя, как оказалось, за ним уже довольно давно нет существенной реалии.

В своей статье и докладе А. И. Кузнецов исходит из факта существования конкретного исторического общества и конкретных, входящих в это общество людей, которые находятся в самых различных отношениях друг с другом, а затем предлагает вычленить у них *этнические* отношения, *этническую* общность. Такой подход в принципе не вызывает возражения, но он требует хотя бы предварительной договоренности о том, что мы понимаем под этническими отношениями, ибо, употребляя этот термин, автор имеет в виду всего лишь существование *знака* для неизвестной пока сущности. Если он употребляет здесь же термин «производственные отношения» в смысле другого знака, то логически получает право утверждать, что «этнические отношения не возникают в процессе производства, не обуславливаются производственными отношениями», и далее — что типы этнических общностей не обязаны соответствовать общественно-экономическим формациям. Но опять-таки, даже если мы знаем, в чем сущность «производственных» отношений и в чем сущность общественно-экономических формаций, мы еще не очень приблизились к познанию того, в чем же сущность этнических общностей. Правда, А. И. Кузнецов говорит в дальнейшем о том, что «важнейшими этническими признаками личности являются этническое самосознание, язык и культура», а затем связывает эти признаки в определении *этническое самосознание* — «осознание человеком своей принадлежности к определенной общности людей, говорящих на одном с ним языке и имеющих общие с ним черты культуры» — однако этого явно недостаточно.

Размышляя о специфике этнического самосознания, о причинах его силы и устойчивости, В. И. Козлов приходит к выводу, что оно во многом аналогично чувству родства, будь то представление о родстве по происхождению («по крови») или по единству исторических судеб и общности характера (т. е. «по духу»). Идеи об этом были впервые изложены еще в 1968 г. Г. В. Шелеповым (СЭ. № 4), несколько расширены в совместной с В. И. Козловым статье о национальном характере (СЭ. 1973. № 2) и с тех пор учитывались в различных работах по теории этноса, но разрабатывались, как считает В. И. Козлов, недостаточно; существенным препятствием для этого являлся жупел «биологизации» этнических явлений. В настоящее время, кажется, имеются возможности для более основательной разработки этой концепции, могущей дать ответ на многие непонятные и даже парадоксальные события социальной истории, в том числе и на причины столь жестоких этнических конфликтов в Советском Союзе.

Н. Б. Тер-Акопян отметил, что доклад А. И. Кузнецова касается фундаментальных положений этнографической науки, содержит основанную на соответствующей аргументации авторскую интерпретацию этих положений, а также характеристики «этноса» и «этнических отношений». Подчеркивая специфику и независимость закономерностей этноса, А. И. Кузнецов подвергает сомнению распространенные в наших общественных науках взгляды, согласно которым смене социально-экономических формаций соответствуют структурные изменения этнической общности. Он признает наличие в истории лишь двух форм этнической общности: «племени» — присущее доклассовому обществу, и «народ» (этнос) — характерный для классовых обществ. Автор видит их различие в характере самосознания, «индивидуально-группового» — в первом случае и непосредственно «личностного» — во втором. Между тем самосознание соответствует глубокому структурному различию между этими обществами и совпадает с границами «больших формаций» — «первичной» и «вторичной». Это соответствие, очевидно, свидетельствует о связи и даже о зависимости этнических отношений от социально-экономических, об обусловленности этнических изменений формационными. Классовым формациям и соответствующим этническим общностям свойственны сходные черты, для этнографической науки имеет значение выявление различий между этносами разных классовых формаций, оно позволяет вскрыть механизмы этнических изменений. В докладе А. И. Кузнецова личности уделяется большое внимание, она предстает здесь как мерило этнической общности.

рассмотрение личности выступает как метод определения свойств этноса. Отметим в связи с этим, что личность является не только мерилом этноса, и элементом, наиболее чувствительным к происходящим этническим процессам, и неплохо было бы рассмотреть ее роль и значение также в этом аспекте.

С. И. Брук, согласившись с определением этнической общности, данным автором, высказал мысль о возможности включения «языка» в понятие «культура». Он подчеркнул, что такое понятие, как самосознание, непрерывно меняется даже за сравнительно короткое время, оно многоступенчато, иерархично — это нельзя не учитывать при выделении различных общностей. Самосознание возникает на основе общности языка и близости культуры различных групп населения. Понятие «народ» настолько широкое, что может относиться к любым типам общностей, в том числе и к племени.

И. Кузнецов не коснулся основного вопроса — иерархии этнических общностей. Ведь главное для нас — как отличить основную этническую общность от ее подразделений или ее совокупностей. Какие для этого должны быть использованы критерии? Я не поддерживаю трехчленного деления этнических общностей (племя, народность, нация), заявил далее С. И. Брук, так как никто пока еще не привел убедительных доводов для их различия. В то же время деление их на племена и народы вряд ли продвигает нашу науку вперед. С. И. Брук также отметил, что многие положения статьи вызывают интерес. Так, целесообразно употреблять слово «народ», а не «нация» и «народность».

Подробный анализ статьи А. И. Кузнецова содержался в выступлении Ю. В. Бромлей. По его мнению, вопрос о выделении этнической общности решается А. И. Кузнецовым недостаточно корректно. Прежде всего определение этнической общности подменено определением этнических признаков личности. Однако эти признаки не первичны — они определяются свойствами общности, которые не тождественны простой сумме свойств составляющих ее личностей. Во-вторых, сказал Ю. В. Бромлей, автор утверждает, что он исходит из общепризнанного понимания этнических признаков личности, но апелляция к «общепризнанному пониманию» — это не очень убедительный аргумент. В-третьих, то определение, которое в данном случае приводится (самосознание, язык и культура), далеко не является общепризнанным, хотя бы потому, что есть понимание этнической общности как биологической популяции (Л. Н. Гумилев) или же в число этнических признаков включаются психический склад и т. п. В-четвертых, используя при характеристике этнических общностей такое многозначное понятие, как «культура», следовало бы пояснить, что при этом имеется в виду. В тексте, считает Ю. В. Бромлей, культуре противопоставлен язык. В итоге в статье, посвященной понятию «этническая общность», отсутствует ее определение. Автор, в частности, подчеркивает, что «общество и этническая общность... соотносятся как целое и часть» (с. 22). При этом под «обществом» он понимает социальный организм (точнее, с точки зрения Ю. В. Бромлей, говорить о социально-потестарном организме — СПО), имея в виду конкретные исторические общества. В связи с этим Ю. В. Бромлей отметил, что в тех случаях, когда все население СПО (КИО) целиком или почти целиком относится к одному этноосу, практически оказывается, что этот этнос или его часть имеет свою территорию, именуемую этнической, обслуживающую почти исключительно его экономику и политическую надстройку. Совершенно ясно, как полагает Ю. В. Бромлей, что в этом случае перед нами симбиоз этнических, с одной стороны, социально-экономических и территориально-политических функций — с другой. В таких ЭСПО (этносоциально-потестарных общностях) статус основного этноса почти всегда выше положения его «осколков» (этнических групп) за его пределами. Не случайно компактные этносы, как правило, стремятся мучить «свой» СПО. Весьма существенно и то, что на разных стадиях своего развития ЭСПО меняют не только социально-экономические, но и собственно этнические параметры.

А. И. Кузнецов утверждает, что в первобытных КИО этническое и социальное было едино. Это действительно так, продолжил Ю. В. Бромлей, но данному обстоятельству отнюдь не противоречит тот факт, что нередко «осколки» того или иного племени находились за его пределами (например, в качестве пленных). Иначе говоря, этническая общность уже в первобытном обществе далеко не совпадает с КИО. Между тем при возникновении этносов в раннеклассовых обществах, как правило, СПО и формирующаяся в его рамках этническая общность совпадают.

Главное различие между выделяемыми А. И. Кузнецовым двумя историческими типами этнических общностей (племенами и этносами, по его терминологии) он ищет в сфере самосознания: в племени этническое самосознание имеет индивидуально-групповой характер, в классовом же обществе каждый отдельный член этноса соотносит себя с этносом... прямо». Однако, по мнению Ю. В. Бромлей, и в классовых обществах свою этническую идентификацию человек осуществляет, как правило, путем соотношения себя с этнической принадлежностью своей семьи (прежде всего родителей). Иначе говоря, принципиальной разницы нет. Основное различие между двумя выделяемыми автором типами этнических общностей в том, продолжил Ю. В. Бромлей, что один из них существует в доклассовом, другой в классовом обществе, но классовое общество не остается неизменным, прежде всего в результате динамики социально-экономических параметров общества, смены их типов. А это не могло не сказаться на свойствах этнических общностей. Но главное в другом: и в классовом обществе этническое и социальное отнюдь не разобщены в рамках одного СПО (КИО). Особенно наглядно это проявляется при «разделенных» этнических общностях. Например, несмотря на этническую однородность, ЭСПО имеет в КНР совсем иную экономическую общность, социальную структуру и политическую надстройку, чем на Тайване.

Выступивший далее И. А. Крывелев сказал, что в статье А. И. Кузнецова импонирует то, что автор, если он правильно его понял, исходит в своем анализе из «личности» и основывает выделяемые им этнографические понятия именно из такого конкретного «явления», как личность, не из различного рода обществоведческих и этнографических абстракций. Что же касается скрытия тех признаков, которыми характеризуется само понятие личности, то здесь есть некоторые вопросы, которые следует обсудить.

Автор приводит общепринятое, по его мнению, положение о том, что «этнические признаки являются этническое самосознание, язык и культура» (с. 22) и по существу присоединяется к нему. Нет никаких сомнений в том, что этническое самосознание и язык являются этническими признаками личности. Что же касается «культуры», то это понятие само по себе представляется до крайней степени «гуманным» и неконкретным. А уж как определитель в этнической характеристике вообще лишено смысла.

Как полагает И. А. Крывелев, для этой характеристики вполне достаточно таких признаков, как язык и этническое самосознание. С его точки зрения, в общественных науках с понятием аппаратом нужно обращаться следующим образом. Нет никакой надобности закреплять за теми или иными понятиями «железное» содержание, в каком-то и оперировать ими. При таком обращении с понятиями на каждое из них накладывается определенный ярлык, можно сказать, вывеска, требующая того, чтобы это понятие употреблялось только в одном значении. А это нередко порождает недоразумения, ибо участники обсуждения могут «нечаянно» отступать от принятой закреплённой трактовки обсуждаемого понятия, и тогда, считая, что они по существу говорят одно и то же, окажется что имеют в виду разное. И. А. Крывелеву представляется более целесообразным и плодотворным другой путь — «свободное» обращение с понятиями. Это значит, что инициатор обсуждения, выдвигая соответствующую проблему, формулирует понятие, которое он предлагает положить в основу обсуждения, и раскрывает содержание этого понятия так, как сам его трактует. Участники обсуждения тоже должны исходить из этой трактовки, не подменяя ее своими или «общепринятыми». Другое дело, если предлагаемое понятие сконструировано логически неправильно, в этом случае задача участников обсуждения — раскрыть эту неправильность и предложить автору понятия либо снять его с обсуждения, либо внести в него требуемые логикой исправления.

А. И. Кузнецов в своей статье, четко раскрыв содержание понятия «этническое самосознание», не уделил достаточного внимания понятию «язык». И не ясно, идет ли в данном случае речь о том, что обычно именуется «родным языком», или надо как-нибудь по-другому толковать этот термин и как именно?

Комментируя статью А. И. Кузнецова, С. Я. Козлов подчеркнул, что она представляет собой заметный вклад в разработку теории этноса, мимо которого трудно будет пройти тем, кто занимается данной проблематикой. Нельзя не оценить осуществленное автором исследование понятия «этническая общность» на основе строго безупречного логического анализа (причем логика формальная неразрывая у него с логикой диалектической); последовательное отграничение существенных признаков данного явления от характеристик, выражающих условия его возникновения и функционирования; его решительные (вполне обоснованные) возражения против отождествления или какого-либо смешения понятий «общество» и «этническая общность».

Далее С. Я. Козлов отметил некоторые упущения автора. В частности, в связи с мыслью автора, что человечество существует не как совокупность этносов (с. 21), он возражает: «А разве это не так? И как совокупность этносов. Но это, конечно, лишь один „срез“ (этнический) многообразного существования человечества». Как полагает С. Я. Козлов, лучше было бы сказать, что «общество и этническая общность, так же как личность и ее этническая принадлежность, соотносятся» не «как целое и часть» (с. 22), что может быть понято как механистический подход, а как целое и одно из его проявлений. Вместо «совокупности» всех общностей, которые составляют племя как социальный организм, точнее было бы сказать «единство». Вряд ли можно выстроить в какую-то иерархическую систему общности, составляющее конкретно-историческое общество. С. Я. Козлов не согласен с автором в том, что этническое самосознание появляется первым при возникновении новой этнической общности: формирование этнического самосознания — процесс одновременный со сложением самой этнической общности (культуры, языка и т. д.). Не ясно, по мнению С. Я. Козлова, как совместить утверждение автора, что «человек, утративший... родной язык, не включается в ЭО» и «этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека» (с. 24). Этнос как тип ЭО, считает С. Я. Козлов, имеет свою историю. Почему бы не выделять какие-то *этапы развития этноса*, называя их народностью, нацией и т. п.? Ведь это же факт, что содержание всех основных существенных признаков этноса различно в различные *исторические эпохи*. В нашей теоретической работе такая градация вполне возможна, даже необходима, как необходимо *убрать из политического словаря* противопоставление «народность» — «нация» как менее и более развитого типов ЭО. Для современной эпохи приемлемо только одно наименование: народ или, как синоним, нация (будь то тофалары или китайцы).

Среди довольно большого потока публикации и устных выступлений по теории этноса работы А. И. Кузнецова (кроме названной статьи см. его же. Понятие «этническая общность» в советской науке последнего десятилетия // IX МКАЭН. Докл. сов. делегации. М., 1973) лично меня, отметила Ю. В. И в а н о в а, привлекают по нескольким причинам. Главный тезис А. И. Кузнецова, с которым надо согласиться, — отсутствие жесткой связи между этнической общностью и социально-экономической формацией. Такую жесткую привязку предлагали некоторые специалисты, среди них наиболее четко эту мысль высказали С. А. Токарев (Вопр. философии. 1964. № 11) и В. И. Козлов (Исследования по общей этнографии. М., 1979). Они (как и некоторые другие) видят в этносе прежде всего социальную общность, пронизанную целым набором внутренних связей, в том числе и не в последнюю очередь экономическими, а также более расширительно — политическими, классовыми. В таком подходе отождествляется этническая общность и общество, стоящее на конкретной стадии социально-экономического развития. Против подобной позиции и выступает А. И. Кузнецов.

Необходимость развести понятия собственно этноса и социально-экономической общности ошущалась теми, кто занимался теорией этноса. Наиболее пристальное внимание этой проблеме уделил Ю. В. Бромлей (СЭ. 1972. № 5), введя понятия этникоса и этносоциального организма (ЭСО):

именно ЭСО сопряжен с определенной социально-экономической формацией в каждый данный момент истории.

А. И. Кузнецов пошел дальше. Он предлагает ввести понятие «конкретная историческая общность» (КИО), исходя из реальной жизненной ситуации: ни одно социальное образование на протяжении человеческой истории позднее родоплеменного строя не было «этнически чистым». Этот тезис важен не только в научной полемике по теории этноса, о чем достаточно убедительно говорит сам А. И. Кузнецов (с. 26—27). Его разъяснение и широкая пропаганда необходимы сейчас, в сложный момент межэтнических отношений в мире, в том числе и в нашей стране. Из смещения понятий «этнос» и КИО проистекают многие трагические ситуации, стремления создать насильственным путем «этнически чистые» политические образования: таковы движения в республиках СССР и СФРЮ, политика бывшего руководства Болгарии «очищения» этнического состава населения страны. Это же смещение понятий порождает, по глубокому убеждению Ю. В. Ивановой, неудачи, которые постигают те или иные попытки выйти из кризиса: нельзя основывать распределение материальных и социальных благ на принципе этнической принадлежности граждан страны.

Второй тезис, который поддерживает Ю. В. Иванова, — различие двух исторических стадий — этногенеза и этнической истории (с. 24—27). Этническая история, по мнению А. И. Кузнецова, — это существование сформировавшегося этноса (а также возможное его исчезновение); среди условий существования этноса, конечно же, не последнее место занимают внутренние экономические связи. А. И. Кузнецов справедливо утверждает, что эти (и другие) условия нельзя считать признаками этноса. Указанные процессы прекрасно охарактеризованы Н. Г. Волковой (СЭ. 1985. № 5. С. 20, 22): стадийная граница формирования этнической общности (этногенеза) — возникновение этнического самосознания; далее следует жизнь уже сложившегося этноса, т. е. этническая история.

Ю. В. Иванова уточнила, что язык, культура и самосознание не остаются постоянными на протяжении всего времени существования этноса: они сами по себе категории исторические. Это последнее замечание вполне соответствует третьему тезису А. И. Кузнецова, всецело поддерживаемому Ю. В. Ивановой: историчности каждого рассматриваемого явления (с. 23).

В заключение Ю. В. Иванова высказала несколько возражений.

1. Автор называет иллюзией представление о том, что человечество — это совокупность этносов (с. 21). Вероятно, все зависит от той или иной характеристики человечества в целом, от выбора классифицируемых явлений: в каком-то смысле можно сказать, что человечество — совокупность этносов, как в другом варианте — совокупность больших и малых рас, в ином — совокупность языковых семей и т. п.

2. Этническое самосознание не наследуется ребенком в силу просто рождения в данной среде, как утверждает автор, а усваивается им так же, как язык и культура.

3. Ю. В. Иванова предлагает более основательно подчеркнуть историческую динамику, в которой неизменно находятся признаки этноса, выделяемые автором как главные: утрата языка не всегда ведет к исключению из этноса, т. е. потере этнического самосознания (с. 24).

4. Хотя термины «народ» и «этнос» по сути синонимы, в специальной литературе следует отказаться от употребления термина «народ», так как в бытовом обиходе он несет множество различных значений, и его употребление в этнографической литературе может только запутать читателя. Поэтому представляется целесообразным оставить в профессиональном языке термин «этнос». От таксономической единицы «народность» надо отказаться, как и предлагает автор обсуждаемой статьи.

В ответном слове А. И. Кузнецов отметил, что, к сожалению, высказывания оппонентов касались главным образом признаков этнической общности и критики положений, не всегда достаточно раскрытых в статье из-за недостатка места. Мало внимания было уделено обоснованию основных посылок статьи о соотношении понятий: «общество» и «этническая общность», условия и признаки, явления и процесс, историческое и логическое. Одной из основных задач статьи и было, исходя из этих посылок, доказать неправомерность выделения таких понятий, как «народность» и «нация». Не менее важная цель — определить понятие «этническая общность» только существенными признаками, каковыми, с точки зрения автора статьи, являются общность этнического самосознания, языка и культуры. В статье говорится, что этническое самосознание, язык и культура суть общепризнанные признаки личности и этнической общности (с этим не согласны Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко). Вряд ли мои оппоненты, сказал А. И. Кузнецов, будут настаивать на том, что территориальные или экономические связи объединяют людей в этническую общность. Скорее экономические связи способствуют объединению людей различных национальностей, а в наше время и людей различных стран. То же относится и к территориальным связям. Разделенные государственной границей и никоим образом не связанные экономической общностью таджики, туркмены и азербайджанцы продолжают оставаться одним народом, отделяемым от других языком, культурой и этническим самосознанием. А живущие рядом на общей территории люди разных национальностей не становятся в результате экономических связей одной этнической общностью. Не все выступавшие были согласны с тем, что культуру можно считать признаком этноса (С. В. Чешко, И. А. Крывелев). В связи с этим А. И. Кузнецов задал вопрос: чем вообще занимается традиционная этнография? Разве, например, яранга не является одним из элементов материальной культуры чукчей, разве это жилище не отличает их, скажем, от ненцев? Разве «Манас» не составная часть духовной культуры киргизов, отличающая их, например, от казахов? Из того, что, как писал С. А. Токарев, «культурная общность важна для этнического единства... в большей мере на ранних стадиях развития, чем поздних», не следует, что она не является признаком этнической общности, если, конечно, не понимать под этнической общностью только ее современное состояние.

По поводу критики относительно того, что в статье «культура» противопоставлены языку» (Ю. В. Бромлей), и предложения включить язык в понятие «культура» (С. И. Брук) А. И. Кузнецов заметил следующее. Входит ли язык в культуру или нет — вопрос не новый. Но, по его мнению, нужно различать язык как средство общения и язык как инструмент, с помощью которого создается, а также устно и письменно выражается духовная культура. В этом смысле язык можно сравнить с руками, которые создают предметы материальной культуры. Можно ли относить руки к культуре? Язык как признак этнической общности — это средство общения, объединения.

С. И. Брук отметил, что в статье не затронут вопрос об иерархии этнических общностей. Для меня, сказал А. И. Кузнецов, в обсуждаемой статье главное было в вычлениении этнической общности из всех других общностей людей, составляющих человеческое общество, и выделении ее типов, а также и в ограничении этнической общности как целого от отдельных ее частей — этнографических групп; иерархичность для меня на этом и кончается. С. И. Брук имел в виду, очевидно такие совокупности, как этнолингвистические общности. Но этнолингвистические общности должны, по мнению докладчика, относиться к таким общностям, как лингвистические, конфессиональные, этноконфессиональные.

По поводу замечания С. В. Чешко о том, «почему профессиональный этнограф не видит в реальной действительности этносов», А. И. Кузнецов сказал: стой! говорить, что в реальной действительности существуют лишь отдельные люди, и «человек» — всего лишь абстрактное понятие. В реальной действительности мы видим человека прежде всего как личность (в единстве всех его свойств) и лишь потом, проанализировав его этнические характеристики, мы узнаем, что перед нами русский, шотландец или человек другой национальности. В реальной действительности мы видим совокупности личностей, которые проявляют свою этническую принадлежность (национальность) только тогда, когда в этом появляется необходимость. В других случаях они проявляют себя как представители класса, партии, религиозной общины и т. п.

По мнению С. В. Чешко, для отечественной науки не характерно отождествлять этнос и общество. Действительно, отметил А. И. Кузнецов, вряд ли кто-либо из этнографов будет утверждать, что этнос и общество тождественны. Больше того, все будет настаивать на том, что это, безусловно, «разные вещи». Однако если этнограф согласен с выделением таких типов этнической общности, как «народность», «нация» (и ЭСО), к признакам которых относят общность территории и экономики, разве это не есть отождествление этнической общности и общества? С той только разницей, что делается это неосознанно, неявно. Никто, конечно, сознательно не отождествляет общество и этническую общность. Это проявляется в смещении «условий» и «признаков», «процесса» и «результата процесса», что в конечном итоге и приводит к отождествлению указанных понятий: не избежали, по мнению А. И. Кузнецова, этого и его оппоненты. Например, Н. Б. Тер-Акопян утверждает, что «классовым формациям и соответствующим этническим общностям (надо полагать, народностям и нациям. — А. К.) свойственны сходные черты» (сходными для этнических общностей и формаций могут быть только территория, экономика и т. п., т. е. не этнические черты. — А. К.). С. Я. Козлов предлагает выделять этапы развития этноса, обосновывая это тем, что «содержание всех основных сущностных признаков этноса различно в различные исторические эпохи». Главное для этноса — это единство, общность этнического самосознания, языка и культуры, а не меняющееся содержание этих понятий. Культура и язык любого народа изменяются, но этническую общность составляют люди, говорящие на одном языке и имеющие общие элементы культуры. Язык и культура, скажем, русских изменяли свое содержание, но при этом они всегда оставались русским языком и русской культурой. Современные греки не говорят на древнегреческом, он (его «содержание») изменился в новогреческий. Греков объединяет не содержание языка, а общий для всех них в данный момент язык. Поэтому можно выявить различия между состоянием, например, русского языка и русской культуры в различные периоды русской истории, можно выявить различия между обществами, созданными русскими в периоды феодализма и капитализма, но не между «этносомами различных классовых формаций» (как предлагает Н. Б. Тер-Акопян), под которыми понимается в данном случае русская «народность» и русская «нация».

Особое внимание выступавших было уделено личности и ее соотношению с обществом, причем высказывались полярные суждения (И. А. Крычевел, Н. Б. Тер-Акопян, Ю. В. Бромлей, С. В. Чешко). Отвечая на них, А. И. Кузнецов сказал, что он не хотел подчеркивать значение личности, ни этнической общности. В статье речь идет о методике, о логических законах, которыми нужно руководствоваться в своих рассуждениях: класс и его составляющие должны иметь одни и те же признаки: объединяя какие-либо объекты по определенным признакам, мы получаем и определенную общность. Объединяя эти же объекты по другим признакам, получим другую общность и т. д. В приведенных выше высказываниях оппонентов «этническая общность» употребляется в двух смыслах: абстрактно-логическом и конкретно-предметном. Да, именно конкретная этническая общность в лице прежде всего родителей индивида делает его носителем и создателем материальной и духовной культуры, языка и этнического самосознания, делает его элементом той общности, которую в логике обозначают множеством или классом и которая обладает теми же признаками, что и отдельный ее элемент — индивид: «Все, что утверждает относительно всех предметов класса, утверждается и относительно каждого предмета» (Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 168). Нет этнической общности без людей, но эти люди должны обладать такими же признаками, как и сама этническая общность. Такова логика, которая позволяет нам сделать вывод о том, что если у элемента множества (человека) нет каких-либо признаков, то их нет и у самого множества (этнической общности), т. е. этнической общности не присущи такие признаки, как общность территории, экономики, которыми наделяются «народности», «нации», ЭСО.

Далее А. И. Кузнецов отметил, что он понимает соотношение «общества» и «этнической общности» как целого и части ее «механистично» (С. Я. Козлов), о чем свидетельствует хотя бы следующее положение его статьи: «Этническая общность — одно из проявлений общества, одна из его характеристик, одна из его сторон. А этническая принадлежность члена общества — одно из свойств, признаков личности» (с. 24). Следует подчеркнуть, продолжил А. И. Кузнецов, что в классовую эпоху любое государство как социальный организм включает в свой состав в качестве членов общества людей других национальностей, которые, являясь членами данного конкретно-исторического общества, будучи связанными со всеми другими членами этого общества, в то же время принадлежат к иной этнической общности, представители которой могут составлять большинство населения другого государства. Если рассматривать не конкретно-историческое общество, а человечество в целом, то можно говорить, что «этнос — часть всемирного общества» (С. В. Чешко) и что человечество существует «и как совокупность этносов» (Ю. В. Иванова, С. Я. Козлов). Но и в этом случае правомерно говорить, что человеческое общество в целом и этнические общности соотносятся как целое и части. Но только здесь часть — это весь народ, а в конкретное общество весь народ во многих случаях не входит.

На вопрос, как можно совместить следующие суждения (С. Я. Козлов): «Этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека...» и «Человек, утративший... родной язык, не включается в ЭО...» — А. И. Кузнецов ответил, что эти высказывания совмещаются, если воспринимать их полностью. Они звучат так: «Этническое самосознание — признак, необходимый и достаточный для отличия этнической принадлежности человека от его принадлежности к расовой, профессиональной, конфессиональной, партийной и другим общностям людей и в то же время для отграничения одной этнической общности от другой» и «Человек, утративший, допустим, родной язык, не включается в ЭО, а относится к лицам, находящимся в процессе ассимиляции, в переходном состоянии» (с. 24). А. И. Кузнецов счел необходимым уточнить: последний тезис нельзя понимать так, что утрата языка ведет к исключению из этноса, т. е. потере этнического самосознания» (Ю. В. Иванова). Человек, утративший родной язык, безусловно, входит в этнос, но в ту его часть, которая находится в процессе ассимиляции. Об этом совершенно определенно говорится в статье: «...в каждый конкретный исторический период можно выделить собственно этнические общности..., а также части народов, входящие в процесс ассимиляции» (с. 30).

Ю. В. Бромлей высказал суждение, что при выделении автором статьи двух типов этнической общности суть не в самосознании. Основное различие между двумя типами этнической общности (по мнению Ю. В. Бромлея) в том, что один из них существует в доклассовом, другой в классовом обществе, но классовое общество не остается неизменным; а это не могло не сказаться на свойствах этнической общности. Из этого следует, как отметил А. И. Кузнецов, что свойства этнической общности зависят от классовых формаций, следовательно, правомерно выделять для них такие типы, как «народность» и «нация»; однако выделяемые в статье «племя» и «этнос» суть видовые понятия «этнической общности», и критерием их выделения, основанием деления родового понятия должны быть этнические признаки. В связи с аргументацией Ю. В. Бромлея А. И. Кузнецов привел слова И. А. Кривелева о том, как следует обращаться в общественных науках с понятиями и понятийным аппаратом: «...инициатор обсуждения, выдвигая соответствующую проблему, сам формулирует понятие, которое он предлагает положить в основу обсуждения, и раскрывает содержание этого понятия так, как он сам его трактует. Участники обсуждения тоже должны исходить из этой трактовки, не подменяя ее своими или „общепринятыми“». В задачи статьи, сказал далее ее автор, не входил (да и объем не позволял бы) анализ теоретических выкладок об этносе Ю. В. Бромлея, Л. Н. Гумилева и других авторов, отмечу лишь, что в ряду таких человеческих общностей, как расовая, этническая и социальная (конкретное общество), нет места такому понятию, как ЭСО, так как нет безнациональных, безэтнических обществ, так же как нет в СССР отдельных ЭСО русских, татар и других народов, а есть полиэтнический социальный организм в рамках Советского Союза.

По словам Ю. В. Бромлея, «в статье, посвященной понятию „этническая общность“, отсутствует ее определение». Так ли это, сказал А. И. Кузнецов, легко убедиться, если внимательно прочитать, что: «Этническая общность — это определенные отношения, в которые вступают между собой личности. Этническая общность — одно из проявлений общества, одна из его характеристик, одна из его сторон. А этническая принадлежность члена общества — одно из свойств, признаков личности» (с. 21), «признаками этнической общности будут общность этнического самосознания, языка и культуры входящих в данную этническую общность людей» (с. 22), «для выделения этнической общности необходимыми и достаточными существенными признаками являются этническое самосознание, язык и культура. Следовательно, этническую общность можно определить как общность людей, говорящих на одном языке, имеющих общие черты культуры и единое этническое самосознание» (с. 23). Таким образом, признаками, по которым мы можем отличить этническую общность от любой другой общности — системы КИО будут по степени важности соответственно этническое самосознание, язык и культура. Сложившаяся этническая общность характеризуется однозначностью этнических признаков (самосознания, языка и общих черт культуры). «Процесс же возникновения этнической общности — многоступенчатый этническим самосознанием, наличием наряду с формирующимся единым языком и общими чертами культуры нескольких диалектов или языков и культур, присущих различным этническим компонентам, участвующим в образовании новой этнической общности» (с. 28).

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. 271 с., 28 табл. в тексте.

Книга И. И. Крупника — одно из первых в отечественной науке этноэкологических исследований. Монография посвящена проблемам исторического развития, структуры и типологии этноэкосистем Арктики и привлекает необычностью подхода, многообразием проблем и методов исследования. Об этом можно судить уже по главе I, где автор разрабатывает новый понятийный аппарат и предлагает собственную методологическую концепцию этноэкологического исследования.

Для изучения различных типов этноэкосистем Арктики автор систематизирует результаты палеоклиматологических исследований и реконструирует особенности динамики среды обитания, анализирует систему расположения поселений, промысловых и хозяйственных угодий, их общую площадь и биологическую продуктивность важнейших природных ресурсов. Исследуются различные аспекты социальной и демографической структуры хозяйственного коллектива, производственный цикл, производственно-бытовой инвентарь, объем добытых ресурсов, их распределение и потребление, проводится столь необходимый для понимания традиционных форм природопользования балансовый анализ жизнеобеспечения различных типов этноэкосистем.

Введение в научный оборот уникальных демографических данных по азиатским эскимосам позволило И. И. Крупнику создать достоверную демографическую модель хозяйственных общин охотников на морского зверя. Как известно, надежных статистических данных по традиционной демографии арктических народов, в особенности тех, для которых не велись метрические или ясные записи, у нас нет. Для получения таких данных остается единственный способ — сбор многопоколенных генеалогий. Результаты анализа эскимосских генеалогий развешивают сложившиеся в начале XX в. представления об аборигенах Арктики как о народах с низкой плодородностью, постоянно низким естественным приростом и тенденцией к вымиранию. Азиатские эскимосы, по генеалогическим данным, в конце XIX — начале XX в. имели средний и высокий уровень плодородности и прироста населения, что позволило И. И. Крупнику сделать вывод о высокой потенциальной способности обществ охотников на морского зверя к быстрому росту в благоприятных условиях. Такой рост давал им возможность быстро восстанавливать численность, преодолевать последствия голодовок, эпидемий и случаев массовой гибели от несчастных случаев.

Направленная на расширенное воспроизводство модель демографического поведения народов Арктики связывается автором с обнаруженной им у этих народов практикой интенсивного использования природных ресурсов. Оба эти фактора являются необходимыми элементами арктических этноэкосистем, обеспечивающих выживание человеческих коллективов в условиях большой зависимости от колебаний природной среды. Осознание и культурная адаптация к этой ситуации находит отражение в «охранительном» по отношению к природе ритуализированном мировоззрении и связанных с ним обычаях «умилостивления» и «благодарения», которые снимают напряженность разрыва между практикой аборигенного природопользования и его идеологией.

Анализ приморских систем жизнеобеспечения с использованием вышеперечисленных методов и интерпретаций в их свете известных археологических данных позволил автору уверенно очертить зону распространения этой формы природопользования (охоты на морского зверя), охватив не только традиционно рассматриваемый в этой связи ареал побережья Северо-Восточной Азии, но и Западную Арктику, где автор проследил историю развития и угасания оседлой приморской традиции, а также ее реминисценции у ненцев и саамов в конце «малого ледникового периода» в XIX — начале XX в.

Совокупный анализ элементов природной среды и системы жизнеобеспечения позволил И. И. Крупнику по-новому взглянуть на известные исторические факты — например, стремительное развитие крупнотаданого оленеводства и численный рост оленеводческого населения в Арктике в XVIII — начале XIX в. Во-первых, стало очевидно, что не только благоприятные социально-экономические условия стали причиной быстрой смены одной формы традиционного природопользования (присваивающее хозяйство мобильных охотников-рыболовов с транспортным оленеводством) другой (производящее высокоспециализированное крупнотаданое оленеводство). Значительное влияние на темпы и формы столь кардинальной смены способов природопользования оказали

в то время климатические условия и сопутствующие изменения природной обстановки. Во-вторых, анализ динамики демографической структуры оленеводческого населения (высокая плодородность, четырехкратное увеличение численности тундровых оленеводов — ненцев и чукчей со второй половины XVIII к первой половине XIX в.) и многообразие известных к началу XX в. этнических и региональных форм тундрового оленеводства показали пластичность, способность к быстрым изменениям этой хозяйственно-экологической модели адаптации, что заставляет пересмотреть представление о «застывании» традиционных форм хозяйства народов Севера, замедленности темпов их исторического развития.

Параллельное изучение климатических и биоресурсных изменений в Арктике, с одной стороны, и развития и смены арктических культур — с другой, привели И. И. Крупника к выводу, что климатические колебания с высокой амплитудой в Арктике способствовали «выработке особой стратегии природопользования, которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования. Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали продуктивность другой... Историю природопользования аборигенов Арктики мы можем представить как постоянный „перелив“ населения от кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т. е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экологической или социальной обстановки» (с. 186, 187).

Этот фундаментальный вывод автора заслуживает особого внимания не только этнографов, но и географов. Любопытно отметить сходство тезиса И. И. Крупника о «переключениях» типов хозяйства с концепцией акад. А. М. Обухова о «переключениях» погодных процессов как следствия нелинейности климатической системы, имеющей, следовательно, не единственное устойчивое решение. По-видимому, существует глубокая аналогия климатических и социальных систем как сложных «многоярусно-нелинейных» систем с узловыми точками ветвления, где малое возмущение способно направить процесс по новому пути, а затухание способно вернуть его на «брошенные» рельсы.

Автор удачно обобщил имеющуюся палеоклиматологическую и палеоэкологическую литературу по Северу. Основные выделенные им климатические эпохи описаны верно и данные о них с основанием используются для палеоэтнологических выводов. В некоторых случаях «климатические» аргументы автора могут быть усилены. Так, отмечая неблагоприятность теплых эпох для оленеводства (с. 151), он мог бы добавить и такой факт, что в Арктике теплые периоды характеризовались повышенной влажностью, вследствие чего к вредному для оленей теплоту лету добавлялись зимы с большим снежным покровом, гололедами, затруднявшими доступ к ягелю. В то же время недостаточно критическое использование климатологической литературы приводит автора к выводу о существовании правильных (регулярных) климатических циклов. В действительности такой вывод у климатологов был априорным, основанным на представлениях об астрономических факторах изменений климата. Согласно последним исследованиям, объективно существующие климатические эпохи характеризуются не столько средними климатическими условиями, сколько частотой экстремумов, соединенных в группы с вероятностью большей, чем в случайном процессе¹. Но ведь именно частота экстремумов решающим образом влияет на условия жизни людей и их хозяйство. Следует заметить, что в своем фактическом анализе автор не декларирует вслед за первоисточниками идею о правильной цикличности. Он просто анализирует фактические смены климатических эпох и их последствия.

Арктика — оптимальный полигон для историко-экологических исследований, поскольку, во-первых, среда здесь наиболее чувствительна к колебаниям климата и, во-вторых, сам климат здесь наиболее изменчив. По этим показателям в сравнении с Арктикой может быть поставлена лишь граница пустыни со степью с ее огромными колебаниями за историческое время. Не случайно поэтому, что именно проблемам этой границы были посвящены первые этноэкологические работы в нашей стране, прежде всего исследования Л. С. Берга и Л. Н. Гумилева. Рецензируемая книга весомо пополняет отечественную этноэкологию, поднимая проблему освоения человечеством Арктики как проблему, равнозначную освоению Великой степи.

В главе «Арктическая этноэкология и история первобытного общества» автор реконструирует систему жизнеобеспечения охотников на крупных животных на приледниковых равнинах Евразии в эпоху верхнего палеолита. Он подвергает критике распространенную модель экосистемного гомеостаза, предполагающую для этих обществ сознательное соблюдение демографической стабильности и самоограничение в соответствии с «предельной емкостью» своей среды обитания. Автор отстаивает динамичную модель с периодическим увеличением и падением численности населения и сменой способов хозяйственно-экологической адаптации, «тип экологического поведения, направленный на постоянное расширение воспроизводства человеческих коллективов и объективно толкавший к нарушению равновесия с окружающей средой» (с. 226).

Модель И. И. Крупника находит подтверждение не только в материалах «арктической этноэкологии»: она, очевидно, имеет и более широкое применение. При реконструкциях колебаний численности большинства древних обществ, обеспеченных более полной демографической и исторической информацией, мы также видим не монотонный прирост или спад, а постоянную пульсацию численности населения, которая обуславливается теснейшим переплетением исторических и экологических событий, таких, как засухи, голод, эпидемии, войны, переселения народов и т. п.²

При чтении «Арктической этноэкологии» не покидает впечатление, что так же как и небольшой народ — эскимосы соединяет два крупнейших континента, так и исследование И. И. Крупника соединяет две взаимодополняющие научные традиции в изучении аборигенов Арктики: советскую и американскую. В книге аккумулирован и критически проанализирован громадный объем факти-

ческих данных, накопленных русской и советской наукой, в том числе и принципиально важных результаты полевых исследований самого автора. Однако многие теоретические установки, структура справочного аппарата показывают, что книгу И. И. Крупника нельзя рассматривать вне традиций, определивших развитие этнологического-археологических исследований по ту сторону Берингового пролива.

Последние четверть века характеризовались бесспорным господством в американской научной литературе, посвященной современному арктическому охотникам-собирателям, как и их доисторическим предшественникам, эколого-адапционистского подхода. В рамках этого научного направления важнейшее значение в развитии обществ и формировании их типологического разнообразия отводилось процессу взаимодействия (адаптации) общества и внешней среды — природной и социальной. Такой подход подвергался критике, особенно в 80-е годы. Из-за того, что он не учитывал «внутренние», имманентные факторы развития общества. Спектр последних весьма широк: от марксистского учения о борьбе социальных классов и групп до представления о пассионарной энергии этноса, сформулированного Л. Н. Гумилевым.

Признавая справедливость этой критики, нужно отметить, что выявление и качественно-количественное описание «внутренних» факторов общественного развития крайне сложно, в то время как такое описание «внешних» факторов вполне возможно и особенно ценно тем, что в результате резко расширяется круг источников исследования, и в ряде случаев появляются независимые системы доказательств, базирующихся на разнородных типах источников (географических, биологических, этнографических, демографических и т. д.). Это позволяет верифицировать гипотезы, как кажется, с большей достоверностью.

«Арктическая этноэкология» И. И. Крупника демонстрирует успешный пример реализации подобного подхода. Автором создан ряд систем независимых доказательств и в том числе количественные модели, позволившие увидеть арктические этносы не в гомеостазе, а в пульсирующем развитии и приблизиться, видимо, к максимально возможному историзму при описании бесписьменных народов.

Результаты, полученные И. И. Крупником, важны и для разработки актуальных народнохозяйственных проблем региона, о чем пишет сам автор в заключении: «Монопольное индустриальное освоение Севера не имеет прочного будущего... чтобы обеспечить стабильное заселение Севера, здесь обязательно должны быть сохранены альтернативные хозяйственные модели — аборигенные и коммерческие формы природопользования» (с. 232).

Книга И. И. Крупника может стать основой для понимания истории и современных перспектив включения традиционных арктических этноэкосистем в глобальную хозяйственную систему. Крайне необходимая широкому кругу ученых и практиков она должна быть учтена при создании нового законодательства, регулирующего экономические и межнациональные отношения в Арктике.

А. Н. Кренке, О. А. Мурашев

Примечания

¹ Кренке А. Н., Золотокрылин А. Н., Фогель Г. А. Характер изменений климата Европы в историческом прошлом // Докл. АН СССР. 1988. Т. 302. № 4. С. 819—822.

² Hollingsworth T. H. Historical Demography. London, 1969.

³ Archaeological Thought in America / C. C. Lamberg-Karlovsky. Cambridge, 1989.

© 1990 г.

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии.

Несколько запоздавшее развитие новой для советской науки дисциплины — этнической экологии — идет довольно успешно, число публикаций по этой тематике множится, но и на этом фоне появление книги И. И. Крупника представляет собой, несомненно, заметное событие. Вниманию к ней усиливается тем, что целью автора является не просто изложение и анализ собранного им материала, но основание отдельной субдисциплины — «арктической этноэкологии» (в заключении книги она названа даже «наукой» — с. 229, но с этим трудно согласиться). Читателю предлагается произведение, которое должно раскрыть сущность «арктической этноэкологии», а также вооружить научных работников, желающих заниматься такой субдисциплиной, необходимыми для этого теоретическим багажом и практическими приемами исследования.

Отмечу сразу же, что рецензируемую работу легко хвалить и трудно должным образом оценить. Ее можно хвалить за оригинальность замысла, за большой собранный автором фактический материал и его своеобразную «моделирующую» обработку для показа некоторых важных сторон жизнеобеспечения отдельных народов Севера, а также за хороший стиль изложения. Ее трудно оценить, как и каждую оригинальную работу, не имеющую в советской литературе прямых аналогов, которые могут быть использованы для сравнения; в значительной степени это правда, обусловлено и использованием автором особой этноэкологической терминологии, почти не применявшейся ранее советскими авторами работ по традиционному хозяйству, природо-

возвращению народов Севера и другим затронутым И. И. Крупником сюжетам. И для того, чтобы избежать при оценке этой книги каких-то субъективных претензий, мне придется оценивать ее главным образом по тому, насколько автору удалось достичь им же самим поставленных целей в деле основания «арктической этноэкологии».

Свои основные замыслы И. И. Крупник формулирует в 1 главе книги, названной «О понятиях и концепциях арктической этноэкологии». Рассматривая место «арктической этноэкологии» в общей системе «этнической экологии» («этноэкология» является здесь кратким синонимом этнической экологии), автор определяет последнюю «как особое направление этнографии, изучающее формы взаимоотношений этнических общностей с окружающей средой, связанные с освоением этой среды — как материальным, так и духовным — и использованием ее ресурсов» (с. 14). Это определение значительно уже того, которое дано, например, в «Своде этнографических понятий и терминов» (М., 1988. С. 92—94), посвященном этнографии и смежным дисциплинам, субдисциплинам, школам и направлениям; в него не включено, в частности, изучение влияния сложившихся этноэкологических связей и степени адаптации к природным условиям на здоровье людей, оно не учитывает пограничное положение этнической экологии между этнографией и экологией человека и т. д. Однако это определение достаточно широко для исследовательских целей.

В основу своих конкретных теоретических построений И. И. Крупник кладет термин «система жизнеобеспечения», понимаемый им как «взаимосвязанный комплекс особенностей производственной деятельности, демографической структуры и расселения, трудовой кооперации, традиций потребления и распределения, т. е. экологически обусловленных форм социального поведения, которые обеспечивают человеческому коллективу существование за счет ресурсов конкретной среды обитания» (с. 15). От этого термина он переходит к понятию «модели», как «сознательно упрощенному варианту системы жизнеобеспечения или природопользования этноса / субэтнической группы, взятому в строгих временных и пространственных границах для количественного описания или реконструкции» (с. 15). Нетрудно заметить, что в систему жизнеобеспечения (отнюдь не сводимую к «природопользованию») здесь не включены его духовные компоненты, упомянутые автором в определении этноэкологии, что значительно обедняет эту систему, ибо «не хлебом единым жив человек»; кроме того, если такая система представляет собой «взаимосвязанный комплекс», то «сознательное упрощение» этого комплекса неизбежно нарушает имеющиеся взаимосвязи. В следующих главах автор анализирует фактический материал главным образом методом баланса «пищевых цепей», но это представляет собой модель лишь части жизнеобеспечения.

При рассмотрении термина и понятия «адаптация» (т. е. приспособление к среде) И. И. Крупник ограничивается лишь его хозяйственно-культурной стороной, оставляя без внимания такие экологически важные виды адаптации как биологическую (антропологическую и физиологическую) и психологическую. От автора нельзя, разумеется, требовать, чтобы он сам занимался исследованием всех видов адаптации, но коль скоро он вписывается в этническую экологию и пытается заложить основы «арктической этноэкологии», от него можно было ожидать краткого рассмотрения и этих видов адаптации с отсылкой к соответствующим работам. Психологическая адаптация, правда, изучалась главным образом зарубежными исследователями, но биологическая адаптация (в том числе и народов Севера) обстоятельно освещена и у нас, прежде всего в работах Т. И. Алексеевой, в одна из книг которой, к сожалению, не была даже включена в составленную автором обширную библиографию.

Не вполне удовлетворительно рассмотрены И. И. Крупником и концепции этнической экологии. Основное внимание он уделяет «концепции „равновесных“ этносов и природно-социальных (этно-экологических) систем» (с. 17—18), основу которой составляет идея демографо-экологического «гомеостаза». Однако основные идеи моделирования «пищевых цепей» идут от сформировавшейся в США в конце 1960-х гг. школы или концепции «экосистемной этнографии», отнюдь не сводимой к представлению о «гомеостазе», а также от разработанной В. П. Алексеевым концепции «антропогеоценоза»; поэтому следовало бы кратко рассмотреть эти концепции, а также включить в библиографию книгу В. П. Алексеева «Становление человечества» (М., 1984), где наиболее полно раскрыты его концепция. Полезно было бы упомянуть и о других концепциях (в том числе концепции ХКТ), имеющих гораздо большее отношение к делу, чем предложенная Л. Н. Гумилевым концепция этногенеза, являющаяся, по словам автора, «ярким и совершенно особым направлением этноэкологии» (с. 19).

2 глава — «Зверобой арктических побережий», посвященная пищевому жизнеобеспечению эскимосов Чукотки, а также 3 глава — «Оленеводы-кочевники внутренней тундры», где аналогичная методика применена к отдельным группам ненцев и оленных чукчей (во всех случаях по материалам 1920-х и 1930-х гг.), являются, несомненно, центральными во всей рецензируемой книге, и к рассмотрению их содержания мне еще придется вернуться. В 4 главе «Динамика арктической среды обитания» дана реконструкция климата Арктики, главным образом во втором тысячелетии н. э., а также сведения о колебаниях численности животных в тундре в XVII—XX вв.; вывод автора о том, что «в условиях Арктики невозможно говорить о каком-либо устойчивом, среднем уровне среды обитания» (с. 140), можно понять в том смысле, что для содержания 2 и 3 глав такая дальняя реконструкция климата была отчасти излишней. Глава 5 — «Появление оленеводства в тундрах Евразии» — относится к теме, которая уже неоднократно привлекала внимание крупных исследователей, в том числе В. Г. Богораз-Тана; такое оленеводство, как известно, зародилось где-то на рубеже 1 и 2 тысячелетия н. э. Связанные с этим проблемы еще не полностью решены, литература по этому вопросу — обширна, и какое место в ней займет данная глава мне, по правде говоря, не вполне ясно.

Глава 6 — «Адаптация приморских систем жизнеобеспечения» — возвращает читателя к некоторым аспектам жизнеобеспечения групп эскимосов, а также береговых чукчей, рассматриваемым

теперь ретроспективно и потому очень фрагментарно с конца 1 тысячелетия до н. э. Исто-
природопользования аборигенов Арктики автор представляет в виде «постоянного „перелива“
от кочевого образа жизни к оседлому и обратно», т. е. как «форму *дуального природопользова-*
позволявшую аборигенным коллективам выдерживать самые резкие колебания своей среды обит-
ния» (с. 187). Этот вывод, несомненно, важен в экологическом отношении, но полагаю, что
плохо приложим к эскимосам, среди которых нет деления на приморских оседлых и тундровых ко-
вых групп, как у чукчей и, скажем, коряков.

В главе 7 — «Аборигенный охотник в экосистемах Арктики» — И. И. Крупник возвращает-
к начатому во 2 и 3 главах рассмотрению концепции «равновесных» этносов и этноэко-
ческих систем, показывая, что к эскимосам и другим аборигенам Арктики неприменимы иде-
«гомеостаз», что их установки были нацелены на «расширенное воспроизводство человечес-
коллективов», что давало им повышенный «запас» прочности; существенный интерес в этой связи
представляет и показ автором некоторых экофобных установок на: массовую добычу, убийств
детенышей и т. п.; по существу только в этой главе автор затрагивает и вопросы «экологического
мировоззрения» (с. 206—207), входящего в сферу тех важных аспектов системы жизнеобеспечения
которым в 1 главе не уделено внимания.

Глава 8 — «Арктическая этноэкология и история первобытного общества» — последняя в
цензурируемой книге — сводится в основном к попыткам И. И. Крупника использовать выводы
предыдущих глав, прежде всего — по морским зверобоям эскимосам, для реконструкции жизни
верхнепалеолитических охотников Евразии. Многие из сказанного в этой главе как бы приглашает
к размышлениям и спорам, выходящим за рамки «арктической этноэкологии»; таков, например,
вопрос о том, что представляли собой гипотетические пространства приледниковых «тундростепей»
с «мамонтной фауной», где обитали древние охотники (с. 210). Ограничусь здесь лишь выражением
сомнения в корректности прямых аналогий между охотой на мамонта и охотой на детенышей
кита или неповоротливых на суше моржей. Полагаю, что для палеолитических реконструкций
больше подходят материалы по охотникам на слонов в африканских саваннах.

И. И. Крупник не обосновывает последовательности глав своей книги, и нетрудно заметить,
что какого-либо логического порядка изложения материала здесь нет: одни тематически связанные
главы стоят рядом, другие (например, 2-я и 6-я) — на большом отдалении и т. п. Такая
особенность структуры книги, отступления автора от последовательно хронологического анализа
материала, была замечена ответственным редактором книги С. А. Арутюновым, который отметил,
что именно «отсутствие знакомых переходов делает непредсказуемой каждую следующую главу
книги и позволяет сохранить интерес читателя до самой последней страницы» (с. 4). Однако
такая структура приводит к превращению задуманной монографии в тематический сборник отдель-
ных очерков».

Переходя теперь к более подробному рассмотрению основных в рецензируемой книге глав,
считаю целесообразным уделить наибольшее внимание 2 главе, в которой идет речь о пищевом
жизнеобеспечении эскимосов; уместно отметить, что и сам И. И. Крупник посвятил эту книгу
«прежде всего азиатским эскимосам» (с. 7). «Основу их жизнеобеспечения, — пишет автор, —
составляла добыча нескольких видов морских животных: ластроногих — моржа, лахтака (морского
зайца), мелких тюленей, сивуча; и китообразных — гренландского и серого кита, белухи, горбача.
Она активно дополнялась рыболовством, охотой на наземных животных, морских колониальных
птиц, сбором яиц, продуктов моря, съедобных растений. Практически человеком эксплуатирова-
лись все доступные пищевые цепи...» К этому добавляется, что «эскимосы регулярно выезжали
в ближайшие стойбища оленеводов (чукчей — В. К.) для обмена продукцией...», а также говорится
о покупке эскимосами муки, сахара и других продуктов (с. 39). Заключение автора о существова-
нии нескольких пищевых цепей заслуживает всяческого внимания, однако он пытается свести все эти
пищевые цепи воедино и дать баланс добычи-потребления в килокалориях, но это приводит
к тому, что на первый план резко выступает мясо и жир морских животных (главным образом —
китов), а на съедобные растения приходится ничтожная часть пищевого обеспечения; отсюда
следует, кстати сказать, и некоторое пренебрежение к хозяйственной роли женщин (собираемость
растений), учитываемых автором в разряде «число едоков на взрослого мужчину» (табл. 4, 7, 10, 11).
Вместе с тем такое моделирование не дает реальной картины пищевого жизнеобеспечения
эскимосов. Конечно, эскимосы за долгие столетия жизни в Арктике хорошо адаптировались к пище
состоящей главным образом из жирного мяса, и этому обстоятельству, непосредственно относя-
щемуся к «арктической экологии», автору следовало бы уделить должное внимание. Но при
изучении питания принято учитывать не только калорийность продуктов, но и качественные состав
рациона и сбалансированность пищевых веществ, с выделением белков, жиров, углеводов, витам-
нов и минеральных солей, о чем следовало бы сказать, если даже в распоряжении автора не было
достаточных материалов для полной характеристики этих важных аспектов питания. Следовало бы
сказать подробнее и о распределении добычи по сезонам года, так как пиришества в теплые
сезоны не компенсировали зимних голодовок.

И еще два замечания. Из названия книги И. И. Крупника и из поставленных в 1 главу
задач работы следует, что он стремится дать модели традиционного природопользования, однако
встает вопрос о том, насколько это можно сделать по имеющимся у него материалам 1920-
и 1930-х гг. Бесспорно, что объекты пищевого обеспечения, прежде всего морские животные
оставались в то время «традиционными», т. е. такими же, что и сотни лет назад, хотя количественно
их соотношение менялось. Но способы добычи их, система жизнеобеспечения стала уже не такой
как прежде: вместо небольших лодочек-каюков у эскимосов появились большие лодки «русского
типа, вместо гарпунов и копий — огнестрельное оружие (винчестеры и др.). Автор бегло отмечает
эти факты, но сам вопрос о «традиционности» остается открытым. Второе замечание связано с тем,

по метод балансовых расчетов предполагается некую более или менее замкнутую антропогенную или экологическую систему, которой в реальности не было. Система жизнеобеспечения эскимосов в отношении пищи (как и в некоторых других отношениях) была открыта со стороны акватории, откуда временами приплывали морские животные: отсюда таблица 24, где дана плотность населения а кв. км. эксплуатируемой территории, в отношении эскимосов теряет смысл; она была открыта со стороны обменно-покупных операций, давших на 1965—1976 гг. уже почти половину всех отребляемых калорий (с. 59—60); этот немаловажный факт также не следовало бы игнорировать.

Большинство замечаний, сделанных по 2 главе, относится и к 3 главе, в которой, как уже отмечалось выше, рассматривается главным образом пищевое обеспечение групп оленеводов тундры, в том числе трех групп чукчей (куветских, кчаунских и ичуньских) и одной ненцев (устькарских). Следует заметить, что в отличие от морских зверобоев, обитающих небольшими компактными группами в отдельных местах побережья Чукотки, тундровые оленеводы рассредоточены на огромном пространстве от Чукотского и Камчатского до Колыского полуострова. Природные условия в этой зоне не одинаковы, существенно дифференцированы там и системы жизнеобеспечения: от крупностадного оленеводства у чукчей до преобладающего мелкостадного у западных ненцев, дополняющих его рыболовством и охотой. Это обстоятельство нашло некоторое отражение в приведенных И. И. Крупником сводных балансах пищевого обеспечения на середину 1920-х и 1930-х гг. (табл. 21—23), но здесь был бы полезен и дополнительный этнографический материал о жизни этих групп.

Приводимый в 3 главе, как и в предыдущей, большой статистический материал в тексте особенно в таблицах производит очень внушительное впечатление. У меня нет особых оснований сомневаться в доброкачественности этого материала, но некоторые выводы, сделанные на его основании автором, оказались неадекватными. Так, из табл. 22—23 видно, что устькарские ненцы в 1926 г. обеспечивали свои пищевые потребности в среднем на 121,2%, в том числе мелкие оленеводы — на 100,2%, а крупные — даже на 159,5% (точность таких цифр, конечно, мнимая, их следовало бы округлить); в дальнейшем же автор пишет о тяжелой жизни устькарских ненцев в то время, о «нехватке или экономии мяса и покупных продуктов питания» (с. 109); такое заключение требует дополнительных пояснений.

Сделанные мною замечания (а их число можно было бы увеличить) в целом отнюдь не умаляют выполненную автором действительно большую и оригинальную работу; основной смысл их состоит в том, что автор не оплатил всех выданных читателям «векселей», и не заложил достаточных основ «арктической этноэкологии». Вместо того, чтобы рассмотреть сущность и особенности «арктической этноэкологии» в общей системе субдисциплин этнической экологии и показать место этой работы в рамках «арктической экологии», авторвольно или невольно (что в данном случае одно и то же) отождествил то и другое. Примерно половина сделанных мною замечаний потеряла бы резон, если бы автор назвал свою работу, например, «Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера» или «Типы и модели пищевого обеспечения некоторых народов Арктики». Однако и в этом случае хотелось бы, конечно, чтобы он не пытался компенсировать недостаточность глубины исследования его избыточной широтой. Приведенные им сведения о потеплении или похолодании климата Арктики 500—1000 лет тому назад представляют интерес для специалистов, но читателям, полагаю, было бы полезнее сообщить отсутствующие в книге данные о современной продолжительности теплого и холодного периодов в местах обитания исследуемых автором эскимосов, о максимальных температурах теплого и холодного сезонов и т. п. Интересно, конечно, поразмышлять о том, как охотились на мамонтов 10—12 тысяч лет тому назад, но полезнее была бы хотя бы краткая характеристика своеобразного хозяйственно-культурного типа тундровых охотников (главным образом на дикого оленя), представленного у нас нганасанами. Во включенной в книгу библиографии, насчитывающей многие сотни названий, есть немало «мелочей», но как уже отмечалось выше, нет некоторых важных работ; замечу, что вместо довольно легковесной книги М. С. Авербуха о «законах народонаселения» (см. СЭ, 1968, № 4) следовало бы дать основополагающий труд Ф. Лоримера (Lorimer F. Culture and Human Fertility, P., UNESCO, 1954).

В ЗаклЮчении своей книги И. И. Крупник пишет о некоторых современных проблемах жизнеобеспечения народов Арктики и связывает их с проблемами будущего всего человечества: «Отвергая разрушительный дух промышленной экспансии, нарождающееся экологическое мышление создает новую модель развития человечества. Процесс этот будет длительным и нелегким. И в нем по праву должна найти свое место наука об экологическом опыте северных народов — **АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ**» (с. 232). Что именно могут дать нашим потомкам традиции морских зверобоев и оленеводов тундры мне, признаюсь, не вполне ясно, но полагаю, что повторение несколько раз в ЗаклЮчении заглавными буквами термина «АРКТИЧЕСКАЯ ЭТНОЭКОЛОГИЯ» само по себе не может служить повышению значимости этой субдисциплины. Над созданием «арктической этноэкологии» нужно еще потрудиться.

В. И. Козлов

Если научная публикация вызывает резко противоположные отклики, это уже само по себе говорит о том, что она — явление неординарное. Давать оценки оценкам — задача неблагодарная, и я ее брать на себя не собираюсь. Однако любая оценка должна базироваться, во-первых, на тщательном прочтении рецензируемого труда, во-вторых, на хорошем знакомстве с предметом исследования. В том и в другом В. И. Козлову можно предъявить некоторые претензии. Нельзя упрекать И. И. Крупника в незнании трудов Л. Крживицкого, ибо его книга есть в библиографии (с. 260); пожелание «сказать подробнее о распределении добычи по сезонам года» излишне, ибо этому и посвящены с. 72—75 (с помесечным графиком); но это, в конце концов, мелочи. Важнее другое: если бы рецензент в должной мере был знаком с арктической проблематикой, у него не возникло бы замечаний о смене лодочек-каяков большими лодками «русского типа» (байдары с командой из тех же 8 человек, что и ныне, есть уже на пегтымельских писанинах), об отсутствии деления эскимосов на приморские и тундровые группы (кочевые племена нунатариумов на Аляске и эскимосов-карибу в Канаде — это примеры из этнографической классики), о потребности в «краткой характеристике» ХКТ охотников на дикого оленя (когда этот ХКТ не кратко, а детально разобран в монографиях Биркет-Смита, Попова, Симченко и десятках специальных статей) и т. д.

С общим выводом В. И. Козлова, что над созданием «арктической этноэкологии» нужно еще потрудиться, можно полностью согласиться. Только трудиться следует со знанием предмета, как это и делает И. И. Крупник, а не путем назидательных сентенций, исходящих из посылок, типа «я полагаю...» или «мне не вполне ясно».

Ответственный редактор монографии И. И. Крупника
С. А. Арутюнов

Summaries

Assembly of Nations or Federal Parliament? (The U.S.S.R. Congress of People's Deputies and Supreme Soviet: An Ethnopolitical Analysis)

The author provides a scrutiny of the ethnic composition of the U.S.S.R. Congress of People's Deputies and Supreme Soviet. The ethnic structure of deputies elected in both types of districts (territorial and national-territorial) and by public organizations is analysed as related to the ethnic structure of the population.

The first Soviet parliament, despite being a step forward in a process of democratization, couldn't but reflect the intricate character of interethnic relations in the country as well as inadequacy of political reform dealing with the formation of this legislative body. The controversial nature of the federal parliament is also determined by the very multinational character of the country's population and by existing political regime. The deputies will always face the dilemma of finding a balance between the interests of the federal state and those of their electorate, their own ethnic group and republic. Further democratization is expected to transform the all-union parliament making in more oriented towards universal democratic norms and values with less ethnically motivated its members' behaviour. The highest legislative body of the U.S.S.R. should primarily represent all citizens irrespective of nationality, consolidating federal principles. This should also be supplemented by procedure ensuring representation for all ethnic groups (peoples). The current intermediary formula of acting federal Parliament is not viable.

V. A. Tishkov

Multiethnic Villages of Uzbekistan and Kazakhstan in Autumn 1989 (Migrations of Non-Aboriginal Population)

The field research of 1987 and 1989 indicates an outflow of non-aboriginal population — Russians, Ukrainians, Tatars, Turks, Germans — from multiethnic villages conditioned by sociopolitical change and growing ethnic tensions. The outflow, previously moderated by some factors (though still noticeable in recent decades), has mounted sharply since the Fergana Valley events (pogroms) of summer 1989. Non-aboriginal inhabitants of the region, feeling themselves vulnerable to violence, are willing to move to safer places. Another reason for migration is lack of access to ethnic culture.

O. I. Brusina

Seeking Ways of Solving Ethnic (National) Problems at the Early Soviet Period (1917—1923)

The paper is aimed at uncovering the essence of Lenin's approach to solving ethnic problems after the Bolsheviks came to power in October 1917. At the inception of the revolution in was agreed that fighting imperialism could only be successful through consolidating workers of all nationalities. As the world socialist revolution was perceived to be around the corner, the problem

national self-determination involving separation seemed not so important. But later (circa 1921), Lenin came to think that the longed-for global restructuring would not arrive soon, starting initially in the East rather than in Western Europe as it had been assumed. So he deemed it necessary to create a new union stressing the unity of ethnic groups and greater independence of constituent republics rather than class cohesion. In his «testament» Lenin actually supported confederation. Unfortunately, those thoughts have long been neglected. Now we should not confine ourselves to reviving Lenin's pattern of the Soviet state. It is more important to understand his methodology of solving ethnic problems based upon sacrificing ideological dogmas and stereotypes for the sake of political realism and social priorities.

A. I. Rodionov, V. V. Muntian

Ethnographic Fact

Any fact may be regarded as a bit of objective reality (a real fact) as well as its reflection through some fixation patterns (scientific fact). Scientific cognition consists in transforming real facts into scientific facts. An ethnographic fact is a social fact containing information on some ethnic group(s). Facts and theories are not always in the same position against each other; there is a permanent «change of places». These are not single facts but series, groups or systems of facts which are actually valid. Ethnographic facts may be classified in various patterns: a) ethno-historical-present-foreseeable; b) object-event-process; c) separate fact-trend-statistical regularity etc. Classifications provide for better understanding of theory as related to facts helping to avoid overrating the latter.

V. V. Pimenov

The Gelon Temple

The author examines the spatial organization, semantics and functions of a ritual worshipping structure in the town of Gelon (the Dnieper left bank), dated by VII—III c.c. B.C. and described by Herodotus. The observations are compared with a wide range of religious and mythological views characteristic of Indo-Iranian tribes of early iron age. The plane geometry of the Gelon sanctuary and that of an ancient theatre are basically similar involving a certain combination of squares and circles. An analysis of the geometrical and numerical code determining the pattern of the ritual space makes it possible to reveal the semantics of separate elements. The similarity of geometric patterns inherent to the Gelon temple and the ancient theatre is explained by the original similarity of functions: the theatre had once also served as sanctuary-observatory, but subsequently lost that function, preserved by the temple in Gelon. The pattern discussed is also associated with the structure of theatrical performance going back to mysteries worshipping Dionysus, the dying and resurgent god.

Yu. N. Boiko

On the Idea of Kinship

The contemporary idea of kinship going back to Aristotle is completely foreign to pre-class societies. People in those societies do not fail to consider the male and female roles in conception and child-bearing, but they are also aware of another type of kinship associated with feeding and eating («ngama» among the Bongu Papuans, «kagisa» among the Fore Papuans etc.). This kinship is formed after the child is born. It stems from feeding as well as from common work, mutual assistance — anything binding people together. This sort of kinship tends to eclipse the role of biological parents. These are the mother and father who feed, care of and educate even in they are not the biological parents) who are actually vital. Kinship based upon feeding and eating is sometimes important among Europeans too.

N. A. Butinov

CONTENTS

National Processes Today

V. A. Tishkov (Moscow). Assembly of Nations or Federal Parliament? (The Composition of the U.S.S.R. Congress of People's Deputies and Supreme Soviet: An Ethnopolitical Analysis). *O. I. Brusina* (Moscow). Multiethnic Villages of Uzbekistan and Kazakhstan in Autumn 1989 (Migrations of Non-Aboriginal Population).

Articles

A. I. Rodionov, V. V. Muntian (Moscow). Seeking Ways of Solving Ethnic (National) Problems in Early Soviet Period (1917—1923). *V. V. Pimenov* (Moscow). Ethnographic Fact. *Yu. N. Boiko* (Vinnitsa). The Gelon Temple. *N. A. Butinov* (Leningrad). On the Idea of Kinship.

Discussions

M. I. Vasilyev (Novgorod). On the Determinants of Uneven Spatial Distribution of Russian Bylinas — Epics (by the Sources of XIX — Early XX Centuries). *S. I. Dmitrieva* (Moscow). Again on Geographic Distribution of Russian Bylinas (A Reply to M. J. Vasilyev).

Our Publications

I. D. Khlopina (Leningrad). Nina Ivanovna Gagen-Torn. *N. I. Gagen-Torn*. In Exile on the Yenisei.

Communications

V. I. Prokopenko (Sverdlovsk). Traditional Physical Training among the Olcha. *M. V. Seslavinskaya* (Moscow). Teratali Danse in the Early Rituals of Radjasthan Cultivators. *D. Ye. Yermeyev* (Moscow). «Turk» — an Ethnonym of Iranian Origin? (On the Problem of Turkic Ethnogenesis). *A. D. Priakhin* (Voronezh), *B. Diabi* (Bamako, Mali). Studying the Historical-Cultural Heritage in the Mali Republic.

Chronicle

V. A. Tishkov (Moscow). An Address Delivered at a Session of the Learned Council of the Institute of Ethnography, the U.S.S.R. Academy of Sciences, Devoted to the Results and Prospects of the Institute Activities. *M. Yu. Martunova* (Moscow). The Work of the Institute of Ethnography, the U.S.S.R. Academy of Sciences, in 1989.

Academic Life

Ye. E. Nosenko, *M. B. Feigina* (Moscow). A Methodological Seminar of the Institute of Ethnography, the U.S.S.R. Academy of Sciences, «Prospects of Ethnic Policies in the U.S.S.R.». *L. I. Missonova* (Moscow). A Methodological Seminar of the Institute of Ethnography, the U.S.S.R. Academy of Sciences, «Ethnos in the System of Social Patterns».

Criticism and Bibliography

General Ethnography. *A. N. Krenke*, *O. A. Murashko* (Moscow). I. I. Krupnik. Arctic Ethno-Ecology. *V. I. Kozlov* (Moscow). I. I. Krupnik. Arctic Ethno-Ecology. *S. A. Arutiunov* (Moscow). Comment on V. I. Kozlov's Review.

Опечатка к № 1—1990 г.

На стр. 162 в третьем абзаце снизу в 8 строке после слов «это разновидность брака» пропущена строка: «поговору. Вряд ли правомерно выделение той формы брака», (далее по тексту).

Опечатка к № 2—1990 г.

На стр. 165 допущена ошибка. Вместо девятой строчки второго абзаца снизу следует читать: сербских цыган Воеводины. Среди исполнителей песен наиболее распространенная фамилия Нико-

Технический редактор *Е. И. Гришина*

Сдано в набор 11.03.90 Подписано к печати 27.04.90 Формат бумаги 70×100^{1/16}
Офсетная печать Усл. печ. л. 14,3 Усл. кр.-отт. 50,3 тыс. Уч.-изд. л. 18,4 Бум. л. 5,5
Тираж 3462 экз. Зак. 4200 Цена 1 р. 90 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19; Тел. 126-94-91, 123-90-97
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР производит в 1990 г. прием в аспирантуру с отрывом и без отрыва от производства по специальностям «этнография» 07.00.07 «социальная структура, социальные институты и образ жизни» 07.00.04 по проблемам:

**этнография народов СССР;
этнография народов зарубежных стран;
современные межнациональные отношения**

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет и молодые специалисты непосредственно после окончания вуза при наличии рекомендации Ученого совета высшего учебного заведения (факультета).

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Поступающие в аспирантуру должны сдать приемные экзамены по марксизму-ленинизму, общей этнографии, одному из западноевропейских языков и представить письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Прием заявлений до 25 августа 1990 г. Вступительные экзамены в сентябре.

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая объявляет прием в докторантуру по специальности «этнография» и «антропология». В докторантуру с отрывом от производства принимаются граждане СССР, кандидаты наук в возрасте до 40 лет, имеющие научные достижения в избранной области. Документы принимаются до 1 сентября 1990 г. Справки по телефону: 123-90-49.

ВОЛОГДА

ПОЧТЕ

70845

5 ЭКЗ

1 р. 90 к.

Индекс 70845

В издательстве «Н а у к а»

готовятся к печати:

**Вайнштейн С. И. МИР КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРА АЗИИ. 1991. 24 л.
3 р. 80 к.**

Степи, горы, тайгу центра Азии издавна населяли тувинцы — скотоводы и охотники-оленоводы, сохранявшие почти до середины XX в. кочевой образ жизни. О традиционной материальной и духовной культуре этого народа, о проблемах ее генезиса рассказывает эта книга. Большое внимание уделено специфике кочевого жилища, одежде, конской упряжи, пище, добуддийским верованиям. Книга продолжает цикл работ автора по исторической этнографии тувинского народа.

Книга предназначена для этнографов, историков, а также для читателей, интересующихся историей культуры кочевников.

Потапов Л. П. АЛТАЙСКИЙ ШАМАНИЗМ. 1991. 27 л. 5 р.

Алтайский шаманизм исследуется в монографии как ранняя форма религии, которая сложилась естественным путем на основе архаического дуалистического мировоззрения, олицетворения и почитания природы. Она была распространена у кочевников Центральной Азии уже в начале I тысячелетия н. э. Впервые рассматриваются теология и гносеологические исторические корни алтайского шаманизма и его пантеон: дается большой материал о шаманах — служителях этой религии, об их ритуальных функциях, символике ритуального облачения и бубнов; подчеркивается историческая ценность такого материала для изучения этногенетических исторических и историко-культурных связей тюркских и монгольских народов Центральной Азии и Сибири.

Книга рассчитана на этнографов, религиоведов, историков.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22